

Борис ЕЛЬЦИН

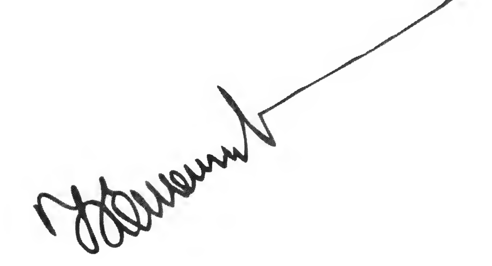
ЗАПИСКИ ПРЕЗИДЕНТА

ЗАПИ

ЗАПИСКИ ПРЕЗИДЕНТА

Борис
ЕЛЬЦИН

ЗАПИСКИ ПРЕЗИДЕНТА

Москва • 2008

УДК 94(470)(092)
ББК 63.3(2Рос)-8
Е58

Настоящее издание осуществлено при поддержке
Фонда Первого Президента России Б. Н. Ельцина

Ельцин Б. Н.

Е58 Записки президента: Размышления, воспоминания, впечатления... / Борис Ельцин. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008. — 375 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-0931-7

«После того как я был избран на пост Президента России, несколько крупных издательств обратились ко мне с просьбой продолжить воспоминания. Я всегда считал, что действующий политик не должен заниматься мемуарами, для этого существуют другие времена: пенсия, отставка — прекрасная пора для откровений и запоздалых признаний. Но в августе 1991 года случился путч. Это событие потрясло страну, да, видимо, и весь мир. 19 августа мы были в одной стране, а 21 августа оказались совсем в другой. Три дня стали водоразделом между прошлым и будущим...»

Б. Н. Ельцин

УДК 94(470)(092)
ББК 63.3(2Рос)-8

ISBN 978-5-8243-0931-7

Моей маме,
Клавдии Васильевне ЕЛЬЦИНОЙ,
посвящаю эту книгу

ОТ АВТОРА

После того как я был избран на пост Президента России, несколько крупных издательств обратились ко мне с просьбой продолжить воспоминания. Я всегда считал, что действующий политик не должен заниматься мемуарами, для этого существуют другие времена: пенсия, отставка — прекрасная пора для откровений и запоздалых признаний.

Но в августе 1991 года случился путч. Это событие потрясло страну, да, видимо, и весь мир. 19 августа мы были в одной стране, а 21 августа оказались совсем в другой. Три дня стали водоразделом между прошлым и будущим. События заставили меня взять диктофон, сесть за чистый лист бумаги и начать работу, как казалось мне, над книгой о путче. Мой английский друг Эндрю Нюрнберг, известный литературный агент, который помогал мне в работе над первой книгой, приехал в Москву. Был заключен договор на издание новой книги. Я надиктовал тогда несколько кассет, появились первые десятки исписанных страниц. Попросил детей, жену, чтобы и они, пока события в памяти, записали на диктофон свои впечатления. Мне удалось немного поработать во время отпуска. Но на этом все почти и кончилось. Я увидел, как убежало время вперед. Да я его и сам торопил. Нелепо было писать о ГКЧП, о Крючкове, Лукьянове и Язове, когда уже начало работать правительство Гайдара, больше не стало СССР, Михаил Горбачев ушел в отставку. Я не успевал за событиями, да и не до книги уже было.

Тогда я написал письмо издателям, в котором сообщил, что, к своему глубокому сожалению, не смогу выполнить ранее данных обязательств и, если они по-прежнему заинтересованы в будущей книге, прошу перенести ее издание на более поздний срок.

Я продолжал что-то диктовать, что-то записывать и править. Работал чаще всего по ночам, иногда в выходные дни, во время отпуска. Мне казалось, что все это будет прочитано читателями когда-то в будущем, не скоро.

Это «будущее» оказалось совсем рядом. В сентябре–октябре 93-го года в России произошли события, которые заставили меня вновь сесть за чистые листы бумаги, и через несколько недель я закончил рукопись. Я уверен в том, что именно сейчас, а не через год-два, должен рассказать, что же случилось со страной. Август–91 и октябрь–93 соединились в одну неразрывную цепь, разрушилась империя, мы стали свидетелями мучительного и жестокого прощания с целой эпохой.

Я заканчиваю свои преждевременные мемуары, прекрасно сознавая, что действующие лица этой книги — реальные люди. Мне предстоит вместе с ними работать, они, как и я, не уходят в отставку — мы будем и дальше встречаться, обсуждать текущие дела, принимать решения. Наверное, кому-то из них мои размышления покажутся неточными, у кого-то, может быть, книга вызовет негативную реакцию. Что ж, это нормально. Удобнее было бы обсуждать своих соратников, давать оценки событиям и людям, находясь в отставке. Это большое преимущество пенсионера-мемуариста.

Мне повезло чуть меньше. Я еще президент, и впереди у меня немало дел.

Моя книга — это попытка объясниться. Попытка сейчас, а не потом разобраться, что же произошло с Россией, попытка понять, куда мы идем, что нас всех ждет впереди.

Я хотел бы выразить благодарность нескольким людям, которые оказали мне большую помощь в работе над книгой. Без их поддержки она не появилась бы на свет.

Я признателен Валентину Юмашеву, журналисту, заместителю главного редактора журнала «Огонек». Нас связывает более чем пятилетняя творческая дружба. Он помогал мне в ра-

боте над первой книгой. И сейчас, все три года, пока работал над рукописью, я знал, что он рядом со мной. Наши разговоры, иногда ночью в кремлевском кабинете, иногда в самолете, иногда у камина, а чаще всего за компьютером «Макинтош», когда шла самая горячая работа над рукописью, позволяли мне постоянно чувствовать образ будущей книги. Его вкус, его советы были для меня крайне важны.

Благодарю Александра Коржакова, начальника службы безопасности президента. Его профессия вряд ли напрямую связана с написанием книг, но должность заставляет его круглые сутки быть рядом со мной. Я не раз и не два обращался к нему за помощью. Его ум и острая наблюдательность помогали мне увидеть хорошо известные ситуации с новой, неожиданной стороны.

Говорю добрые слова и моему первому помощнику Виктору Илюшину. В памяти компьютера, стоящего на его столе, хранится каждый день президента, расписанный по часам и по минутам, — и тот, который уже закончен, и тот, который еще предстоит. А в голове у моего первого помощника — анализ каждого прожитого дня. Его оценки, независимые суждения, точные выводы оказались очень полезны.

Я благодарен Льву Суханову, моему помощнику, который также оказал большую помощь в работе над книгой.

Самые добрые и самые теплые слова — моей семье. За терпение, понимание, поддержку. В те редкие минуты, когда мы могли бы быть вместе, я запирался в своем кабинете, чтобы закончить очередную страницу. Они же были и первыми читателями этих страниц, строгими и справедливыми. Они и обняли меня самыми первыми, когда была поставлена последняя точка в этой рукописи.

Всем вам — большое спасибо…

Как и в прошлый раз, часть гонорара за мою вторую книгу я перечислю на благотворительные нужды. Я храню письма незнакомых мне людей: ветерана спорта и юноши-инвалида, директора музея и главврача больницы, фермера и мамы вылечившейся девочки — всех тех, кому удалось немного помочь, переводя деньги на лечение, на медицинское оборудование, на одноразовые шприцы, инвалидные коляски и т. д. Мои помощ-

ники считают, что о каждом таком переводе должна знать пресса, эти факты надо широко рекламировать, они положительно работают на образ президента...

Нет, я не хочу из естественного человеческого участия устраивать политическое мероприятие. Буду счастлив, если, переводя часть гонорара и за эту книгу, смогу помочь людям, оказавшимся в беде.

Борис ЕЛЬЦИН
30 октября 1993 года

ГЛАВА 1
НОРМАЛЬНАЯ СТРАНА (РАЗНЫЕ ЗАПИСИ)

Дневник президента

4 октября 1993 года

Около пяти утра ко мне пришли начальник главного управления охраны Михаил Барсуков и его первый заместитель, начальник охраны президента Александр Коржаков и попросили, чтобы я встретился с офицерами спецгрупп «Альфа» и «Вымпел». По их тону я понял: что-то не в порядке. Но не стал ничего уточнять, сразу же сказал: у меня нет времени с ними встречаться, перед ними поставлена конкретная задача, пусть выполняют. Барсуков кивнул. Они вышли. Прошло примерно полчаса, и Михаил Иванович вновь попросил разрешения зайти ко мне. Войдя в кабинет, он сказал: «Борис Николаевич, очень вас прошу, надо с ними встретиться, давайте не со всей группой, а хотя бы с командирами подразделений, старшими офицерами. Волнуются ребята, все-таки такое задание. Их ведь второй раз посылают на Белый дом...»

Я подумал немного. Ответил: «Хорошо, встречусь». Вскоре мне доложили, что командиры подразделений, всего около тридцати человек, собрались на третьем этаже, ждут меня. Я шел к ним, а чувство тревоги, беспокойства, какой-то безнадежной тоски не покидало меня. Вошел в зал, собравшиеся встали, приветствуя меня. Я посмотрел на них, почти все опустили глаза в пол.

Решил не тянуть резину, сразу спросил: «Вы готовы выполнить приказ президента?» В ответ — молчание, жуткое, необъяснимое молчание элитного президентского воинского формирования. Подождал минуту, никто не проронил ни слова. Я громко произнес: «Тогда я спрошу вас по-другому: вы отказываетесь выполнять приказ президента?» В ответ опять тишина. Я обвел

взглядом всех их — огромных, сильных, красивых. Не попрощавшись, пошел к дверям, сказав Барсукову и Зайцеву, командиру «Альфы», что приказ должен быть выполнен.

Дальнейшая история с «Альфой» и «Вымпелом» развивалась следующим образом. Обе группы отказались принимать участие в операции. Барсукову с трудом удалось их убедить хотя бы просто подойти к Белому дому. То, что спецгруппы находятся где-то рядом, психологически будет давить на засевших в здании, они раньше сдадутся, меньше будет жертв. Барсуков посадил их в автобусы, и в районе зоопарка (это метрах в пятистах от Белого дома) машины остановились. Здесь они сказали, что дальше не пойдут. Каких-то конкретных причин не называли. Кто-то сказал: а пусть Совет Федерации даст санкцию на участие «Альфы» в боевых действиях, кто-то неуверенно произнес: мы не для того готовились, чтобы в безоружных машинисток стрелять.

Тактика была у Барсукова простая: попытаться подтянуться как можно ближе к зданию, к боевым действиям. Почувствовав порох, гарь, окунувшись в водоворот выстрелов, автоматных очередей, они пойдут и дальше вперед.

Можно ли было обойтись без «Альфы» и «Вымпела»? В общем-то к этому моменту приняли решение для операции в здании использовать подразделения десантников и армейские войска спецназа. Но был важен сам факт: «Альфа» не пошла! Как в августе девяносто первого! Это вызвало бы однозначные ассоциации. Уже завтра в газетах раструбят: кровожадные руководители посылают спецподразделения на политических противников, а бойцы такие справедливые, в политике участия не принимают, плюют и на тех политиков и на этих. Это был, так сказать, первый слой неприятностей, внешний, на него особого внимания можно было бы и не обращать. А второй — уже более серьезный. Информация о том, что «Альфа» отказалась выполнять приказ своих командиров, могла дойти до руководства парламента. Это значит, что там воспрянут духом, начнут с новой силой сопротивляться. Опять будет стрельба, будут новые и новые жертвы.

Барсуков уговорил нескольких добровольцев из «Альфы» сесть на БМП и подойти на них к самому зданию, не пытаясь проникнуть внутрь, а просто осмотреться, чтобы, если всетаки придется действовать, точно знать как. Четыре машины подъехали к Белому дому, и здесь произошла трагедия. Одна

из БМП остановилась около раненого, человек находился в сознании, ему срочно нужна была помощь. Из машины вылез младший лейтенант, подбежал к лежащему, и в это время раздался выстрел снайпера. Пуля попала лейтенанту в спину, прямо под бронежилет. Так погиб Геннадий Сергеев, тридцатилетний офицер, еще одна жертва кровавого понедельника. Раненый, которому он пытался помочь, через несколько минут тоже скончался.

После того как бойцы «Альфы» узнали, что погиб их товарищ, никого уже не надо было уговаривать. Почти вся команда пошла на освобождение Белого дома. Барсуков связался с Ериным, министром внутренних дел, подогнали несколько машин бронетехники. Под огневым прикрытием вошли внутрь здания. Во главе «Альфы» шли Михаил Барсуков и начальник президентской охраны Александр Коржаков. Он посчитал, и, видимо, правильно, что самой лучшей гарантией моей безопасности станет арест руководителей путча — Хасбулатова, Руцкого, Макашова, Ачалова.

Появление «Альфы» произвело в здании Белого дома сокрушительное действие. Все стали немедленно сдаваться. Стрелять пришлось немного.

Путч бесславно заканчивался.

Дневник президента

1 октября 1993 года

По дороге в Кремль я попросил водителя машины остановиться напротив здания мэрии. Была пасмурная погода, сильный ветер. Ко мне подбежали тележурналисты, и я сказал несколько слов. Постарался, как и следовало в этой ситуации, говорить максимально твердо, сурово: «Пока в Белом доме не сдадут оружия, никаких переговоров не будет».

Знакомой тяжелой громадой возвышался Белый дом, ставший за последний год таким чужим. Хотелось сбросить это наваждение, прямо сейчас, разрушив все планы, всю стратегию, войти в этот подъезд, сесть за стол переговоров, вынудить их пойти на уступки, заставить сдать оружие, отказаться от конфронтации, что-то сделать.

Но сделать уже ничего нельзя. Мосты сожжены.

И от этого — тяжесть на душе, недоброе предчувствие.

Солдаты из оцепления оглядываются. Переговариваются между собой. Холодно им тут. А сколько еще придется стоять?

Неужели Россия обречена на кровь?

Был ли я прав тогда, вопреки уговорам многих принимая этот указ? Указ номер 1400 от 21 сентября, который должен покончить с разрушительным двоевластием. С одной стороны — президент, избранный народом, с другой — советы, составленные по партийным спискам. Не по спискам нынешних партий. А по спискам единой, непобедимой, могущественной КПСС.

Будущее покажет. А пока — я поступаю так, как считаю необходимым. Опираясь на логику событий, опираясь в конечном счете на свой собственный опыт и понимание.

Узаконенная анархия

Фраза из какой-то западной газеты о царящей сегодня в России узаконенной анархии довольно точно отражает суть происходящего. Вроде бы все в России есть. Есть все государственные структуры. Есть Министерство юстиции. Есть мощная служба безопасности. Есть милиция.

А порядка нет.

Весной 1993 года я подписал указ о казачьих формированиях в армии. Казаки возвращаются к своему основному укладу жизни: они и в армии служат в своих особых подразделениях, и в своих станицах живут по старинному казачьему уставу. У людей все просто и понятно. Им возвращен полувоенный образ жизни, вокруг которого все остальное строилось, и они счастливы.

Однако Россия состоит не из одних казаков. Да и им тоже, я думаю, будет тяжело приспосабливаться к новым условиям. Легко наводить порядок только нагайкой. Наводить порядок головой — всегда сложно.

Анархия при таком количестве силовых структур, при таком количестве государственных служащих и институтов власти, при таком цивилизованном, культурном народе может объясняться только одним. Не работает приводная система. И поэтому механизм не крутится. В конце концов все должно подчиняться какому-то одному, четко обозначенному принципу, закону, установлению. Грубо говоря, кто-то в стране должен быть главным. Вот и все.

Конечно, введение президентства в России не решит все проблемы сразу. Однако государство на то и государство, что

оно должно быть управляемо. По-моему, это так просто, что непонятно — почему этот вопрос представляется многим политикам таким запутанным и неясным. Главное, чтобы государство отвечало своему назначению, помогало гражданам жить.

Никакая реформа — ни экономическая, ни политическая, ни финансовая — мгновенно наших проблем не решит. Проблемы решаются долго, год за годом, кропотливо, мучительно медленно. Но ведь надо начать... Чтобы у нас через десять лет появились хорошие государственные служащие, их надо воспитать при нескольких президентах и парламентах. Сейчас они почти ничего не умеют. А других просто нет. Им неоткуда взяться.

Мы все должны набраться терпения. И мы должны учиться.

* * *

Однако такая ситуация по большому счету не представляется драмой. Даже трагедией общества. Вот когда мы были под коммунистами — это была драма. Когда царя расстреляли — это была трагедия. Когда началась война с Гитлером — речь шла о жизни и смерти целой нации.

Вспомните свою жизнь, жизнь своих родителей. Последние лет тридцать — тридцать пять общество российское жило все-таки довольно мирной, спокойной, устойчивой жизнью, где начали утверждаться основные приоритеты мировой цивилизации: благосостояние семьи, культура, образование, воспитание детей, обязанности по отношению к обществу и к самому себе. Это было и при Хрущеве, и при Брежневе, и при Горбачеве — фашистская сталинская система постепенно превратилась в «бархатный» тоталитаризм (типа режима Франко в Испании или диктаторских режимов в Латинской Америке), при котором традиционные, мирные ценности все-таки главенствовали. И общество приспособилось, научилось существовать в этих ограниченных рамках, внутри которых все-таки начали воспроизводиться приемлемый духовный климат, материальные ценности, обстановка моральной терпимости.

Это, конечно, очень сложный разговор, но я хочу сказать одно: сегодняшнее общество строится не на пустом месте. И то, что происходит сегодня, никак не сравнишь с революцией семнадцатого года, когда небо перемешали с землей. Общество просто ищет более удобный, более рациональный, более современный способ своего существования. Поэтому трагедийно-визгливые

ноты, которые звучат порой в сегодняшней публицистике, я не очень приемлю. Мне они непонятны.

Мы уже живем, а не только готовимся жить. Из этого, наверное, и надо исходить: мы живем в нормальной стране. Просто с запутанной судьбой. С непростой наследственностью.

Дневник президента

5 июня 1993 года

В 9.45 я позвонил Коржакову и попросил принять усиленные меры для поддержания порядка в зале, где будет проходить открытие Конституционного совещания. Если начнутся выкрики, свистки, кто-то будет вести себя по-хулигански, пытаться сорвать совещание — немедленно выводить. Пусть дежурят человек десять в фойе. В президиуме — я и премьер-министр России Виктор Черномырдин.

За 10 минут до начала заседания появился председатель Конституционного суда Зорькин. Я знал, что ему отвели место в первом ряду, крайнее слева. Хасбулатову, Председателю Верховного Совета, — крайнее справа. Зорькин думал, что будет сидеть где-то в центре; постоял, покачал головой, потом смиренно уселся. Хасбулатов тоже постоял около своего места, подумал и все-таки сел. Рядом с ним никто не садился. Он поерзал в кресле и как бы углубился в бумаги.

Мое выступление о Конституции, о новом конституционном процессе — 40 минут. Этот доклад я тщательно готовил, причем серьезно правил уже второй вариант (первый отверг категорически, сделав 15 серьезных замечаний). Сидел всю ночь. Весь был в напряжении. И мои тяжелые предчувствия подтвердились.

Как только я начал свое выступление, Хасбулатов написал записку и подозвал сотрудника, дежурившего рядом с трибуной. Тот взял записку и положил ее, но не на стол, а в ящик. Хасбулатову это не понравилось, он стал усиленно делать знаки Черномырдину — предоставьте мне слово после Ельцина. Несмотря на утвержденный регламент. Сразу после того как я сел на свое место, он вскочил и рванулся к трибуне. И тут началось...

Зал, взвинченный, возбужденный, повел себя, мягко говоря, не слишком корректно. Начались захлопывания, свист. Запахло скандалом. Начало заседания было испорчено.

Но когда в перерыве журналисты задали мне вопрос: «Что вы думаете о первом дне?» — я сказал: «Совещание продолжает работать, несмотря на провокационную акцию спикера».

И все-таки Хасбулатов не тот: худой, тон какой-то просящий, глаза не сверкают, как обычно...

Депутат Слободкин начал кричать, бросаться к трибуне. Его вынуждены были буквально вынести из зала.

Я вдруг отчетливо понял: сегодня у меня появилось непреодолимое желание разогнать всю эту компанию.

Настроение было испорчено еще и тем, что утром у меня в кабинете минут пять назойливо горела лампочка прямой связи — телефон Руцкого. Я не брал трубку, а лампочка не гасла. Пять минут. Ведь у Руцкого отключили прямую связь со мной, в чем дело? Оказывается, техник в выходной день протирал контакты спиртом, замкнул провода. Я задал вопрос: если он смог замкнуть провода, что он еще может? Мне ответили: нет, больше ничего, только замкнуть провода.

Ладно, это все сейчас не важно. Главное — начало есть.

Дневник президента

5 мая 1993 года

Встреча с государственным секретарем США У. Кристофером.

Этому визиту предшествовали два телефонных звонка президента Клинтона.

Первый раз он поздравил с победой на референдуме. Во второй раз просил срочно обсудить с ним план военных санкций против Боснии.

Тогда я отреагировал: это так не решается. Вот приедет Кристофер в Москву (визит был запланирован), мы детально обсудим этот план, примем согласованное, обдуманное решение. А сейчас не дави на меня, пожалуйста, Билл. И он согласился.

Я еще раз взвесил всю ситуацию. Стратегия Клинтона ясна: не хотите договариваться — будем стрелять. Но ведь план международного сообщества разрабатывался и утрясался целый год. Один ракетный удар — и с этим мирным планом будет покончено, может быть, навсегда. Мир в Югославии увидят уже только наши внуки.

Понятно, что военный план уже существует в детальном, продуманном виде. Там определена и наша роль. Что ж, воз-

можно, на это придется пойти — вводить силы ООН в разъединительные коридоры. Но пока говорить об этом рано. Пока еще есть резерв — может быть, можно заставить их мирно договориться.

Дневник президента

7 мая 1993 года

Во Дворце культуры ГУВД, рядом с известной москвичам Бутырской тюрьмой, — прощание с погибшим первого мая сотрудником милиции Владимиром Толокнеевым. Перекрыта Новослободская улица. Солнечно, пусто, тихо — и грязновато, пыльно, как бывает в начале мая, когда только сходит снег.

Жутко это — прощаться с человеком.

Конечно, мы определим его семье солидный пенсион. Мы не оставим его ребенка. Но...

Все это как-то не укладывается в голове. Первое мая, демонстрация. У нас, советских людей, это ассоциируется, ну, я не знаю, — с мороженым, с бутылкой пива, с шашлыком на природе, с кумачовыми знаменами, разумеется... Но с кровью?

Страшные кадры по телевидению. Можно было бы предположить: ну, была давка, драка. Ну, в пылу борьбы парень подставился, ударили чем-то. Но ведь камера не умеет лгать. Человек, который кинулся за руль грузовика и дал резко газ, знал, что хочет убить милиционера. Это осознанное убийство.

И сразу возникают вопросы: почему эта цепочка милиционеров оказалась беззащитной, окруженной с двух сторон? Где были водометы? Почему не применяли газ? Когда у нас появится хоть один ствол с пластиковыми пулями, чтобы при необходимости разгонять агрессивные толпы, как это должно быть?

Я стою у гроба Толокнеева и смотрю на его молодую вдову.

Я, президент, ничего не могу сделать...

* * *

И все эти вопросы с тысячекратной силой ударят меня пять месяцев спустя. И я снова почувствую это почти физическое удушье — удушье бессилия.

В ночные часы

У меня бессонница.

Встаю в два-три часа ночи, хожу по комнате, пью чай, не могу заснуть. Таблеток не люблю, да и не помогают.

В это время хочется поговорить с кем-нибудь. Но все спят.

В такие часы я «работаю над книгой», то есть просто бессистемно что-то обдумываю, вспоминаю, формулирую, иногда что-то записываю. Вспоминаешь разное, не всегда приятные вещи, словом, становишься самим собой, более открытым, искренним, чем днем, в кабинете, когда застегнут на все пуговицы.

* * *

О чем я вспоминаю?

Помню, однажды Наина заболела воспалением легких, заболела сильно, ее даже отвезли в больницу — а дома грудная Танюшка. И я повез ее, крошечную, в Березники, к бабушке. Сидеть с ней дома было некому, а устроить в ясли в те времена было невозможно. Ехать на поезде сутки, даже больше, около тридцати часов.

Ну, закутал ребенка в одеяло, сел в поезд.

Плацкартный вагон. Все смотрят круглыми глазами: куда мужик грудную везет? Я смущенно объясняю.

Конечно, сначала дочка спала. Женщины мне помогают пеленки менять, то да се... Но вот ночью, когда она захотела есть, для меня начался кошмар. Плачет, кричит, надрывается. Весь вагон проснулся. Я дрожу как в лихорадке. Все, конечно, за меня переживают. Начали искать какую-нибудь молодушку, у которой молоко есть. Обегали весь поезд. Но нет такой в поезде! Посоветовали в тряпочку завернуть хлеб и дать пососать. Я дрожащими руками беру хлеб, во что-то там заворачиваю. Стала сосать. А через пять минут опять кричит. Все поняла — обман это. И палец я ей давал, и водичку из ложки...

Ну что делать-то?

В глазах уже темно: а если что случится с ребенком?

Короче, стал ей давать трогать губами свою грудь — и вдруг она затихла. Народ смеется. У женщин слезы на глазах. Обманул, значит. Ей как-то тепло стало, что ли. В общем, успокоилась. Заснула. Довез я ее, грудную.

Тоже аварийная ситуация, но забавная. Дочь не может помнить, конечно, этого случая. Рассказываю — не верит.

Сейчас у меня уже трое внуков.

Борька. Ему тринадцать лет. Мне кажется, чем-то он напоминает деда. По характеру заводила. Любит быть лидером среди ребят. Настоящий пацан, может подраться. Мне с ним интересно. Он занимается теннисом. Правда, ему не хватает упорства, усидчивости. Из-за этого я ссорюсь с ним. А он знает, как я его люблю, и, по-моему, всерьез мое воспитание не принимает.

Катя. Это старшая дочь Лены. Ей четырнадцать. Очень талантливая девочка, занималась разными видами спорта, гибкая, сильная и, главное, очень целеустремленная. От нее исходит какое-то внутреннее спокойствие.

Маша. Она у нас самая младшая. Любит вязать, рисовать, очень женственная, мягкая. Ей иногда достается от старших — и от Борьки, и от Кати, но она никогда не ябедничает, наоборот, всегда их защитит. Уже сейчас она — центр семьи.

Зятья.

Старший зять — Валера. Летчик. Он из семьи с традициями, с какими-то очень честными устоями, и Валере эти лучшие качества передались: он прямой, независимый, сильный. Настоящий мужчина в доме. Лена и Валера с детьми живут отдельно от нас. Когда мы встречаемся, мне всегда интересно выслушать его мнение.

Леша, муж Тани. Работал инженером в космическом КБ, а потом занялся бизнесом. Ну что, смелый парень. Меня это волнует по понятным причинам: дело совершенно новое, и хочется, чтобы он работал самостоятельно, независимо. Мне кажется, у него получается.

Наконец, мои дочери, Таня и Лена. Самые любимые на свете.

Вместе с мамой, с Наиной Иосифовной, они составляют «большой женский совет», который в принципе все в семье и решает.

Наина Иосифовна. Наина. Ная. Моя жена. Нежная, терпеливая, все понимающая. Женой вообще трудно быть. Моей женой особенно. Ну а женой президента — это вообще тихий ужас...

А проблемы начинаются с мелочей, с кухни. Дома готовят мои женщины. На даче — повар, поскольку там бывает много народу, это ведь правительственный объект. Привыкнуть к тому, что в доме есть повар, — моим женщинам непросто. Хозяйки скептически переглядываются. Вроде бы проблем с готовкой меньше. А вроде бы и больше. Повар не всегда может

учесть все вкусы детей, их привычки, их капризы. И что делать бабушке?

Когда вопрос касается Борьки, тут дед становится необъективным. Я же очень долго ждал мальчишку. К воспитанию подключаются сразу трое: я, бабушка и мама. Он смотрит: чья возьмет? Чтобы в итоге сделать по-своему. Ситуации, которые я имею в виду, самые обычные: драка, двойка, прогул, бабушке нагрубил, с сестрами поссорился или еще что-то.

Я думаю, вы уже поняли, что вокруг президента на цыпочках в семье не ходят. Хотя и стараются, даже очень стараются. Но шумно бывает — это нормально.

Меня, конечно, трогает их стремление — и маленьких и больших — создать вокруг меня ауру покоя, атмосферу тепла. Вот видно, как они о чем-то договорились, как смотрят друг на друга понимающе. Даже маленькая Машка.

И все это, конечно, исходит от Наины, от дочерей. Я им за это благодарен. Но все-таки натуры они у меня горячие. Бывает, заведутся на почве политики — не остановишь их дискуссии, хотя и пытаются замолкать, когда я рядом.

Понимает ли жена, кто мой друг, кто враг, какова логика моих решений, старается ли давать советы? Сложно ответить. Ее советы — безмолвны. Она прекрасно все чувствует. И реагирует молча или очень сдержанно. Но я все вижу.

В общем, просто нормальная семья.

РОССИЯ. ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

Каждое утро среди прочих важных и не очень важных документов мне на стол ложится сводка новостей за прошедший день. Она составляется из обзора газет, информации телеграфных агентств. Я подчеркиваю для себя те сообщения, на которые обратил внимание. Это может быть мелкий, незначительный факт или, напротив, событие огромного масштаба.

Когда я стал работать над книгой, достал из архива эти сводки за три года. И так увлекся чтением вроде бы старых, скучных, уже неактуальных новостей, что оторваться не мог. Я как бы снова окунулся в эпоху, которая осталась где-то далеко в прошлом. А оказывается, все это было совсем недавно.

Я решил, если это было так интересно для меня, возможно, кто-то из читателей также заинтересуется этой мозаикой трех прошедших лет. Ну, а если нет — эти страницы можно пропустить...

1990 год

Май

29 мая на заседании первого съезда народных депутатов РСФСР после двух повторных голосований завершились выборы Председателя ВС РСФСР. На этот пост избран Б. Н. Ельцин.

Июнь

Введение торговли по паспортам в Москве, встреченное одобрением и пониманием большинства москвичей, вызвало отрицательную реакцию у многих жителей центрального региона.

Совет балтийских государств важнейшей своей задачей считает полное восстановление независимости всех трех балтийских республик.

Пополнился состав руководства нового парламента России: первым заместителем Председателя ВС избран Р. Хасбулатов.

Президент СССР М. С. Горбачев заявил в обращении к первому съезду народных депутатов РСФСР: «Утверждение некоторых депутатов 9 июня с. г. на съезде народных депутатов РСФСР о причастности Президента СССР к задержке передачи

интервью Ельцина по союзному телевидению является вымыслом. Более того, о существовании интервью мне стало известно лишь во время обсуждения этого вопроса на съезде. Прошу съезд народных депутатов РСФСР расследовать, кем и с какими целями была организована эта провокационная затея».

В докладе на Российской партконференции Горбачев, в частности, сказал: «Следует исключить любые противопоставления России — Союзу ССР, а Компартии РФ — КПСС. Произнося слово "Россия", мы всегда должны держать в памяти слово не менее сокровенное — "Союз"».

12 июня на утреннем заседании съезда народных депутатов РСФСР на поименное голосование была поставлена Декларация о государственном суверенитете РСФСР в целом. Подавляющим большинством голосов («за» — 907, «против» — 13, воздержавшихся — 9) Декларация принята.

На сессии ВС Эстонской ССР принято решение о прекращении финансирования из республиканского бюджета деятельности КГБ, Главлита и военкомата Эстонской ССР.

Принято постановление съезда народных депутатов РСФСР «О механизме народовластия в РСФСР», которым на территории республики запрещается совмещение должностей руководителей государственных органов власти и управления с любой другой должностью, в том числе в политических и общественно-политических организациях.

На сессии ВС ССР Молдова принята Декларация о суверенитете республики.

Июль

Позиции Горбачева заметно укрепились в результате прошедшего без сюрпризов его переизбрания на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Советский президент, которому пришлось столкнуться с недовольными высказываниями делегатов XXVIII съезда КПСС, продолжит руководство Политбюро.

XXVIII съезд КПСС утвердил в целом Устав Коммунистической партии Советского Союза.

На съезде выступил председатель мандатной комиссии Манаенков. Он доложил о решении мандатной комиссии считать утратившими силу полномочия делегата XXVIII съезда партии Ельцина в связи с его заявлением о выходе из КПСС. Съезд утвердил это решение.

Киргизия. В Оше строят баррикады. Идет формирование отрядов самообороны. Не работают предприятия, транспорт, перебои с продажей хлеба. Возле Ошского областного комитета партии прошли несанкционированные митинги. Собравшиеся узбеки требовали отставки руководства области, наказания организаторов массовых беспорядков, приезда комиссии ООН. За истекшие сутки ранено более 50 человек. Погибших нет.

16 июля на сессии ВС Украинской ССР принята Декларация о государственном суверенитете Украины.

Забастовка в ЛТП: 534 человека, лечащихся в Краснодарском ЛТП-1, требуют от российского правительства проводить лечение от алкоголизма в системе Минздрава на добровольных началах и без всякого вмешательства органов МВД.

21 июля — день 50-летия провозглашения советской власти в Литве и Латвии. На многих домах Вильнюса вывешены государственные флаги с траурными лентами. Президиум ВС Литвы опубликовал заявление, в котором 21 июля оценивается как «день обиды, позора и несчастья». ВС Латвии объявил декларацию сейма от 21 июля 1940 года «О вступлении Латвии в состав СССР» не имеющей силы с момента ее принятия.

Ряд народных депутатов СССР и РСФСР заявили о своем выходе из КПСС.

Избран новый Председатель Верховного Совета Украинской ССР. Им стал Л. М. Кравчук, второй секретарь ЦК Компартии республики.

Мосгорсуд начал слушание дела, общественное внимание к которому будет пристальным. На скамье подсудимых — Смирнов-Осташвили, организатор знаменитого антисемитского скандала в ЦДЛ. Это — первый в стране процесс, когда к уголовной ответственности человек привлекается за разжигание национальной розни.

Из обращения к депутатам городского и районных Советов г. Москвы: «Уважаемые товарищи депутаты! Мы, работники плодоовощного хозяйства г. Москвы и области, просим вас, используя свой авторитет и влияние, войти в трудовые и студенческие коллективы, помочь мобилизовать трудовые ресурсы на оказание помощи селу в прополке и уборке овощей и картофеля. Накормить москвичей овощами, создать запас на зиму — вот одна из первоочередных задач. Помогите нам решить ее!»

Подведены итоги работы народного хозяйства СССР за I полугодие 1990 года. В сообщении Госкомстата констатируется, что оздоровления экономики не произошло, усилились кризисные явления. Валовой национальный продукт снизился за первое полугодие текущего года по сравнению с соответствующим периодом прошлого года на 1 процент, произведенный национальный доход — на 2 процента, производительность общественного труда — на 1,5 процента.

ВС Белорусской ССР 27 июля принял Декларацию о государственном суверенитете республики.

Август

«Цензура массовой информации не допускается», — говорится в первой статье Закона о печати. Закон вступает в силу с 1 августа.

Президент СССР Горбачев и Председатель ВС РСФСР Ельцин, а также председатели Совминов СССР и РСФСР Рыжков и Силаев 2 августа подписали документ о совместной политике в области экономического спасения страны. До 1 сентября должна быть разработана программа конкретных действий центра и России. Основой ее станут предложения Ельцина и опыт ряда союзных республик. Впервые появилось на свет политическое распоряжение, подписанное и Горбачевым, и Ельциным.

Объявив Украину зоной экологического бедствия, ВС республики своим решением приостановил все работы на строительстве новых блоков атомных электростанций. Мораторий вступил в силу 2 августа.

Первая сессия ВС Армянской ССР постановила приостановить на территории республики действие Указа Президента СССР «О запрещении создания вооруженных формирований, не предусмотренных законодательством СССР, и изъятии оружия в случаях его незаконного хранения».

Президент СССР подписал распоряжение «О подготовке концепции союзной программы перехода на рыночную экономику как основы Союзного договора».

Отток русскоязычного населения из Таджикистана приобретает все большие масштабы. По данным МВД, с начала этого года Таджикистан покинули 23 тысячи человек.

В Горьковской, Костромской и Ярославской областях сложилась напряженная ситуация в связи с дефицитом винно-водочных

и табачных изделий. Водки нет в продаже в течение 3–4 недель. В Выксе возмущенные жители разгромили винный магазин. Прошли стихийные забастовки и митинги в связи с отсутствием в продаже табачных изделий.

СМ СССР принял постановление о мерах по формированию общесоюзного валютного рынка. С этой целью с 1 января 1991 года всем предприятиям и организациям, являющимся юридическими лицами, предоставляется право продавать и покупать иностранную валюту в обмен на советские рубли по рыночному курсу. Решено организовать общесоюзную валютную биржу в Москве, а также республиканские и региональные биржи.

Несколько десятков студентов Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина оставили военные сборы и отказались от присвоения звания офицеров запаса. Основным мотивом такого решения послужило, по их словам, нежелание служить в Советской армии.

Президент СССР отменил принятые за период с 1966 по 1988 год Президиумом ВС СССР указы о лишении советского гражданства ряда лиц, проживающих в настоящее время за границей.

Проходивший в Кишиневе первый съезд народных депутатов степного юга Молдовы, где проживают 150 тысяч гагаузов, объявил о создании Гагаузской республики (в составе обновленного СССР) и о выходе ее из подчинения государственной власти и органов управления республики Молдова.

ВС Армении принял Декларацию о независимости.

Президент СССР Горбачев потребовал объяснений у должностных лиц в связи с критической ситуацией со снабжением населения табачными изделиями. Президент счел приведенные доводы и разъяснения причин кризиса на табачном рынке «неубедительными и несостоятельными».

На очередном заседании сессии ВС Татарской АССР был провозглашен государственный суверенитет Татарии.

Сентябрь

Чрезвычайный съезд депутатов всех уровней Левобережья Молдовы провозгласил Приднестровскую Молдавскую Советскую Социалистическую Республику в составе СССР. В ответ чрезвычайная сессия ВС Молдовы отменила решение о провозглашении Приднестровской Молдавской ССР.

В кинотеатрах столицы Киргизии запрещен показ публицистической картины студии «Мосфильм» «Борис Ельцин. Портрет на фоне борьбы».

В Курске учрежден первый в Центральном Черноземье России коммерческо-акционерный универсальный банк.

Степанакерт. 10 сентября резко обострилась ситуация в Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджана. За два минувших дня армянские боевики захватили здания райкомов партии в райцентрах Аскеран, Гадрут, Мартуни, превратив их в штабы по борьбе с республиканскими органами власти.

По оперативным данным, из 170 миллионов тонн зерна, собранного на полях страны, государству продано лишь 48,7 миллиона тонн, что составляет 56 процентов госзаказа.

За шесть месяцев этого года из Киргизии уехало русских в 2,6 раза больше, чем за весь 1989 год. Об этом сообщил Госкомстат Киргизской ССР.

ВС РСФСР подавляющим большинством голосов (164 — «за», 1 — «против») высказался за то, чтобы предложить правительству СССР уйти в отставку, так как оно не способно вывести страну из глубокого кризиса и утратило доверие широких масс.

В ночь с 15 на 16 сентября в Тбилиси после несанкционированного митинга возбужденная толпа совершила нападение на здание КГБ Грузии. Нападавшие выдвинули требование об освобождении одного задержанного по подозрению в нападении на отдел внутренних дел Адигенского района.

ЦК КПСС рассмотрел вопрос «Об усиливающихся тенденциях коммерциализации культуры и мерах по ее преодолению», так как в духовной жизни страны усиливается тенденция коммерциализации культуры со всеми негативными последствиями для нравственного здоровья общества.

Президиум ВС Украины специальным указом запретил продажу за пределы республики продукции агропромышленного комплекса сверх установленных объемов ее вывоза.

Цены на московских рынках почти на 28 процентов превышают прошлогодние.

Четвертая сессия ВС СССР приняла решение о предоставлении дополнительных полномочий Президенту СССР.

Октябрь

В 0 часов 00 минут в ночь на 3 октября ГДР прекратила свое существование. Перед зданием Рейхстага в Берлине на

высокой мачте был поднят общегерманский черно-красно-золотой флаг.

Члены ВС РСФСР приступили к обсуждению проекта закона о собственности в РСФСР. Этот документ станет исходным для выработки других законов — о предприятии и предпринимательской деятельности, о налогах, о местных советах и местном самоуправлении и т. д. Он станет правовой основой для реализации концепции «500 дней».

В заключительном слове на Пленуме ЦК КПСС Горбачев заявил, что он решительно отклоняет «попытки объявить движение к рынку реставрацией капитализма».

16 октября ВС РСФСР принял закон о референдуме в РСФСР. В его основу положен примат волеизъявления народа как высшей инстанции.

Произведен подземный ядерный взрыв в районе островов Новая Земля. Это испытание оружия не было согласовано с ВС РСФСР, СМ РСФСР, местными органами власти. Президиум ВС и правительство РСФСР в своем заявлении выражают решительный протест и требуют впредь безусловного соблюдения Декларации о государственном суверенитете РСФСР во всех ее аспектах.

Принят Указ Президента СССР «О введении коммерческого курса рубля к иностранным валютам и мерах по созданию общесоюзного валютного рынка». С 1 ноября 1990 года установлен коммерческий курс рубля к иностранным валютам исходя из соотношения 1,8 рубля за 1 доллар США.

О государственном суверенитете объявили ВС Казахстана, Киргизии, Башкирии, Калмыкии, Чувашии.

Принято постановление Президиума ВС СССР о праздновании 73-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Ноябрь

2 ноября на сессии горсовета в Бендерах на берегах Днестра объявлено чрезвычайное положение. В этом районе на востоке республики преобладает русскоязычное население, объявившее ранее о создании Приднестровской республики в составе СССР. Жители Дубоссар готовятся к защите города, перекрывают мосты через Днестр.

В сообщении Госкомстата СССР об итогах девяти месяцев нынешнего года отмечается: выпущено денег в обращение в 1,7 раза больше, чем за соответствующий период прошлого года.

«Винэкспорт» собирается подать в суд на фирму «Горбачев», производящую одноименную водку, за использование имени советского лидера.

Президиум ВС РСФСР принял решение об учреждении Фонда социального развития России «Возрождение». Главная цель организации фонда — содействие в реализации социальных программ республики, возрождении благотворительности и милосердия.

В Латвии объявлено о необходимости привлечь к ответственности тех, кто, считая 7 ноября праздничным днем, не вышел на работу.

В ходе беседы, длившейся около двух часов, Горбачев и Ельцин с глазу на глаз обсудили круг вопросов, связанных с проведением в стране экономической реформы, с заключением и последующим введением в рабочий режим Союзного договора.

На сессии ВС Молдовы прервано обсуждение доклада правительства о переходе к рынку в связи с массовыми беспорядками, происшедшими в столице республики вечером 15 ноября. На улицах творились бесчинства, драки, пострадало много горожан. Избито и ограблено много граждан, особенно пострадали те, кого посчитали русскими.

Российский парламент удовлетворил просьбу об отставке заместителя Председателя Совета Министров РСФСР, председателя Комиссии по экономической реформе Явлинского.

Декабрь

Указом Президента СССР Бакатин освобожден от обязанностей министра внутренних дел и на его место назначен Пуго, первым заместителем — Громов.

В Литве принят закон о полиции. Она должна отделиться от системы внутренних дел Советского Союза.

17 декабря в Кремлевском Дворце съездов начал работу четвертый съезд народных депутатов СССР. Обсуждение повестки дня началось с заявления депутата Умалатовой, которая предложила включить в повестку дня вопрос о недоверии Президенту СССР. По ее мнению, Горбачев не имеет морального права дальше руководить страной.

В московских магазинах появилось мясо. Очередей за ним нет: телятина стоит 10 рублей, говядина — 9 рублей, грудинка — 7 рублей.

Министр иностранных дел СССР Шеварднадзе подал заявление об отставке. Яковлев назвал решение Шеварднадзе результатом наступления реакционных сил.

На четвертом съезде народных депутатов СССР выступил председатель КГБ СССР Крючков. Обозреватели обращают внимание на то, что подход Крючкова к помощи Запада резко расходится с тем, который выражался самим Горбачевым. Упреки выступавшего, касающиеся качества поступающего в порядке помощи зерна, технологий, машин без запчастей, вызвали недоумение западных партнеров. Президент Буш, которого спросили на пресс-конференции о его отношении к выступлению Крючкова, уклонился от четких характеристик.

Сессия ВС РСФСР приняла Закон «О собственности в РСФСР». Этим актом подтверждается право на существование частной собственности наряду с государственной, муниципальной и собственностью общественных объединений.

24 декабря принято постановление съезда народных депутатов СССР «О сохранении Союза ССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик» и «О названии советского государства — Союз Советских Социалистических Республик».

Председатель Совмина СССР Рыжков доставлен в больницу с инфарктом миокарда.

На съезде началось формирование президентской команды. На пост вице-президента съезд избрал Янаева.

В последний день работы съезда народных депутатов СССР разгорелся горячий спор о распределении доходов между Союзом и республиками. Теперь, когда ВС РСФСР решил в пять раз сократить отчисления в союзный бюджет, существование общесоюзной казны стало вообще проблематичным.

29 декабря подписан Указ Президента СССР «О введении налога с продаж».

ГЛАВА 2
НЕЗАВИСИМОСТЬ

В ночные часы

Порой этот телефон хотелось вырвать с мясом. Он казался соглядатаем из того мира, который так грубо вышвырнул меня. Было почти физическое ощущение, что этот маленький белый аппарат таит какую-то угрозу, что вот-вот он взорвется новыми бедами.

Я сижу в министерском кабинете Госстроя, на столе у меня этот телефон — белый с красно-золотым гербом, — и у меня ощущение мертвой тишины и пустоты вокруг.

Никогда не забуду этих минут ожидания...

Шел 1988 год. Расцвет перестройки.

Мой помощник Лев Евгеньевич Суханов говорил, что на меня в такие минуты было тяжело смотреть. Я навсегда благодарен ему за то, что он научился вытаскивать меня из этой депрессии — хотя бы ненадолго. Например, специально находил какого-нибудь просителя из дальних краев, который раньше не смог попасть ко мне на прием, приглашал его и осторожно говорил: «Борис Николаевич, ничего не могу поделать, там человек к вам рвется...» И я втягивался в разговор, выходил из этой пустоты.

Часто в ночные бессонные часы я вспоминаю эти тяжелые, быть может, самые тяжелые дни в моей жизни. Горбачев не задвинул меня в медвежий угол, не услал в дальние страны, как это было принято при его предшественниках. Вроде бы благородно — пощадил, пожалел. Но немногие знают, какая это пытка — сидеть в мертвой тишине кабинета, в полном вакууме,

сидеть и подсознательно чего-то ждать... Например, того, что этот телефон с гербом зазвонит. Или не зазвонит.

Именно тогда я разобрался в наших отношениях с Горбачевым до конца. Я понял и его силу, и слабость, понял исходящие от него флюиды беды, угрозы. Никогда не ставил себе цели бороться именно с ним, больше того — во многом шел по его следам, демонтируя коммунизм. Но что таить — многие мои поступки замешены на нашем противостоянии, которое зародилось по-настоящему именно в те времена.

«Дубинушка» и дубинка

Горбачеву надоела перестройка. Он ясно видел тупик, в котором может оказаться. Развитие ситуации было очевидным — пора было начинать постепенно переходить от неудавшихся реформ, от очередной «оттепели» к замораживанию политического климата, к стабилизации обстановки силовыми методами, к жесткому контролю над политическими и экономическими процессами.

Его первый шаг — президентство. Он закончил процесс оформления своего нового статуса.

Одновременно он страховался от коммунистов — угрожать Президенту СССР было уже сложнее.

Горбачев начал избавляться от людей, которые превратились в самостоятельные политические фигуры: Яковлева, Шеварднадзе, Бакатина. Горбачеву надоело бороться с легальными оппозиционерами, надоели мучительные проблемы в республиках, надоела полная неясность с экономикой. Горбачеву, наконец, надоела пассивная политика бесконечных уступок и мирных инициатив в международных делах. Горбачев устал быть одним и тем же Горбачевым на протяжении многих лет.

Глобальный план перестройки уперся в его неспособность проводить практические реформы. То есть ломать и строить заново. Его ставка на идеологов либерального плана не оправдала себя. «Дубинушка», вопреки ожиданиям, сама, как поется в русской песне, не пошла, система не желала изменяться просто так, за здорово живешь. Она подлаживалась под любые слова.

Какие реформы хотел проводить Михаил Сергеевич? Был ли он органически способен к роли жесткого, бескомпромиссного руководителя?

Всем известно, что Горбачев был и остается приверженцем социализма с человеческим лицом. В теории это выглядит красиво. А на практике — бывший генеральный секретарь настолько боялся болезненной ломки, резкого поворота, был человеком настолько укорененным в нашей советской системе, пронизанным ею до мозга костей, что поначалу сами понятия «рынок», «частная собственность» приводили его в ужас.

И этот ужас длинным шлейфом тянулся за всеми действиями «партии и правительства».

Даже после августовского путча Горбачев крайне болезненно воспринял решение о приостановлении деятельности компартии!

Так о каких реформах могла идти речь в рамках «жесткого курса», который наметился в связи с новой горбачевской командой: министр внутренних дел — Пуго, новый министр иностранных дел — Бессмертных, премьер-министр — Павлов, вице-президент — Янаев и др.?

Был ли способен Горбачев к роли «сильного президента»? Пусть простят мне читатели мою субъективность, но я в этом сомневаюсь. Самой природой созданный для дипломатии, компромиссов, мягкой и сложной кадровой игры, для хитроумного «восточного» типа властвования, Горбачев рыл себе яму, окружая себя «типичными представителями» нашей советской государственной машины. Предоставляя им огромные властные полномочия, Горбачев подталкивал свою команду к резкой смене курса, в то время как собственная политическая судьба вела Михаила Сергеевича к диалогу с левыми силами, к политическому компромиссу с демократами.

Падение в пропасть было неизбежно.

* * *

Помню, как мы с Львом Сухановым впервые вошли в кабинет Воротникова, бывшего до меня Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР.

Кабинет огромный, и Лев Евгеньевич изумленно сказал: «Смотрите, Борис Николаевич, какой кабинет отхватили!» Я в своей жизни уже успел повидать много кабинетов. И все-таки этот мягкий, современный лоск, весь этот блеск и комфорт меня как-то приятно кольнули. «Ну и что дальше? — подумал я. — Ведь мы не просто кабинет, целую Россию отхватили». И сам испугался этой крамольной мысли.

Но что-то за этой мыслью стояло, какое-то четкое ощущение кризисного состояния. И я в конце концов понял — что.

Раньше в этом шикарном кабинете, в этом новеньком с иголочки Белом доме сидели люди, от которых практически ничего не зависело: Соломенцев, Воротников, Власов — высшие российские руководители. По большому счету, все решалось на других этажах власти. А если еще точнее, то и на тех этажах, самых важных, самые большие начальники тоже только делали вид, что управляют судьбой России.

В Политбюро, конечно, принимались какие-то сиюминутные тактические решения, там были свои «прогрессисты» и свои «ястребы». Но ведь особой необходимости в их командах, решениях страна не испытывала.

Люди приходили в эти шикарные кабинеты, к этой неограниченной власти — как детали приходят к механизму, с той же мерой самостоятельности.

Главный парадокс России заключался в том, что ее государственная система давно брела сама собой, по большому счету, ею никто не управлял. По-настоящему властного лидера в России давно уже не было. Даже реформатор Горбачев больше всего на свете боялся сломать, разрушить эту систему, боялся, что она ему отомстит. Основных механизмов советского строя перестройка, по его мысли, не должна была касаться.

Мы долго и изнурительно боролись с этой системой, начиная с 1989 года, с первого съезда народных депутатов, впервые в советской истории боролись легально — и победили. Победили... чтобы я однажды вошел в этот кабинет?.. И моя радость быстро сменилась, как говорят спортсмены, сильным мандражом.

Да, систему перевели при Горбачеве в другой режим. Она не могла раздавить нас открыто. Но съесть тихо, по кусочкам — могла вполне. Могла саботировать любые наши действия, выйти из-под контроля. Могла и ласково, нежно задушить в объятиях. Вариантов масса. А у нас только один — победить.

Мне было не по себе в воротниковском кабинете от сознания этой бессмыслицы: главный оппозиционер возглавил грандиозный советский российский аппарат.

Кстати, насчет аппарата. С приходом нового начальника аппарат, то есть работники старого Верховного Совета, в панике оцепенел, затаился, и первые дни в Белом доме вообще ничего не происходило, никто не работал: все ждали полного разгона,

скандала с немедленным увольнением, ходили упорные слухи, что Ельцин — неуправляемый самодур, может только руками на митингах махать, в Московском горкоме всех до точки довел…

Начинать пришлось с элементарной политбеседы. Я собрал всех сотрудников и сказал: «Увольнять никого не собираюсь, давайте работать вместе. Кому понравится — отлично. Кому будет сложно или неинтересно — с тем будем прощаться».

Многие так и остались. А кто-то ушел.

Когда я был депутатом Верховного Совета — отказался от депутатской машины, от дачи. Отказался и от специальной поликлиники, записался в районную.

И вдруг столкнулся с тем, что здесь не отказываться надо, а выбивать! Поскольку руководителю России были нужны не «привилегии», а нормальные условия для работы, которых на тот момент просто не было.

Это внезапное открытие меня так поразило, что я капитально задумался: поймут ли меня люди? Столько лет клеймил привилегии, и вдруг… Потом решил, что люди не глупее меня. Они еще раньше поняли, что бороться надо не с партийными привилегиями, а с бесконтрольной, всеохватной властью партии, с ее идеологией и политикой.

…Во-первых, мне нужна была какая-то загородная резиденция, чтобы рядом со мной могли работать и жить люди — секретари, охрана, помощники, аналитики, вообще целый ряд лиц. Хотя бы несколько комнат. Сначала предложили номер в доме отдыха в Липках, но там оказалось шумновато и очень много народа — в основном клерки Верховного Совета России. Работать было невозможно.

На несколько месяцев мы перебрались в санаторий «Десна», тоже недалеко от Москвы. Помощники жаловались: неудобно, тесно, плохая связь. И, наконец, нашли «Архангельское» — дом отдыха Совмина России. Я делил половину двухэтажного коттеджа с замминистра сельского хозяйства, а потом мне и сотрудникам отдали его целиком. Здесь мы и жили до августовского путча.

За все путевки платил сам, вплоть до того, как стал Президентом России. После путча впервые въехал в резиденцию в Барвихе: специальный охраняемый объект, как говорят в этой системе, со спецсвязью, охраной и прочим.

Кстати, об охране. Туда в первый год набирали только гражданских людей, и отставник-инструктор учил их всем премудростям службы.

Дело было в том, что вся правительственная охрана в стране контролировалась одним учреждением — девятым управлением КГБ. Напомню, что Плеханов, начальник девятого управления, который парализовал 18 августа охрану Горбачева и вообще обеспечивал конспирацию всех встреч путчистов, до сих пор не наказан вместе с остальными, а уж по нему-то вопрос элементарен: он впрямую нарушил служебный долг! Поэтому брать кадровых охранников мы просто боялись.

Именно этот генерал Плеханов руководил всем «спец» в СССР: и теми же спецмашинами, и спецсвязью, и спецобъектами. И конечно же выдачей оружия для службы охраны.

Тем не менее мои ребята исхитрялись как могли, используя все возможные легальные пути, чтобы достать оружие. Помогли в Министерстве обороны СССР, в МВД.

К моменту августовского путча на руках управления охраны Верховного Совета было: шестьдесят автоматов, около ста пистолетов, два бронежилета, пять австрийских раций.

И это все.

* * *

Прерываю свою запись и ставлю огромный знак вопроса.

И у Хасбулатова была своя, доморощенная, никому не подчиняющаяся служба охраны Верховного Совета. И его люди пытались накопить в Белом доме побольше оружия.

Неужели история и впрямь повторяется?

Как же выглядит перед лицом истории наша российская демократия? Коммунистический путч побоялся стрелять в нее, а сама демократия не побоялась стрелять в своих врагов. Нет ли в этом злой иронии судьбы?

Пусть каждый решает для себя эту загадку сам. Мой же ответ таков.

И в первом и во втором случае моральное преимущество, сила правоты были за российской демократией потому, что она была вынуждена защищаться. Защищаться с помощью безоружных людей в первом случае и с помощью грозных танков — во втором.

И все же судьба Белого дома России не дает мне покоя.

Этот исторический ребус предстоит решить будущим поколениям.

* * *

Не раз я выступал по телевидению с неожиданными резкими заявлениями, которые производили эффект разорвавшейся бомбы. Это не значит, что я люблю позировать, люблю мель-

кать на телеэкране. Совсем наоборот. Сниматься для меня — тяжкий труд. Как и вообще любое регламентированное, подневольное поведение. Здесь с меня сходит, как говорят, семь потов, и сам на себя я смотреть на телеэкране страшно не люблю.

Мои выступления всегда были связаны с какими-то переломными событиями: партконференция, съезд и так далее. Еще позднее — 20 марта и 21 сентября 93-го года — я выступил по телевидению накануне подписания известных указов.

Но однажды мне пришлось бороться за эфир, за передачу с моим участием. Это было в феврале девяносто первого года, когда я публично предложил Горбачеву уйти в отставку.

Вот как это случилось.

Приближался мартовский референдум 91-го, со страшной силой прогремели события в Прибалтике. Общество бурлило.

Для чего был нужен референдум, все понимали. Во-первых, чтобы придать легитимность чрезвычайному положению уже в масштабах страны. И во-вторых, чтобы получить «законное право» бороться с российской независимостью.

Каждый день телекомментаторы запугивали народ развалом Союза, гражданской войной. Нашу позицию представляли как чисто деструктивную, разрушительную. Пугать гражданской войной — это просто. По-моему, многие уже всерьез ждали ее. Поэтому я испытывал острую необходимость объясниться. Объяснить, что реформа Союза — это не его развал.

Но тут вдруг выяснилось, что никто выпускать меня в прямой эфир не собирается.

Начались игры с Кравченко, тогдашним теленачальником. То он не подходил к телефону, то выдвигал какие-то условия, то переносил дату записи. Продолжалась эта мышиная возня не день и не два. Естественно, я начал накаляться. Буквально каждый день со страниц разных изданий и в личных беседах демократы уговаривали меня пойти на компромисс с Горбачевым, не держать страну в напряжении. И тут я понял, так сказать, реально, какой компромисс мне предлагается — компромисс с кляпом во рту.

Вся эта история стала достоянием газет, пресса подняла шум. Кравченко делал вид, что ничего не происходит — обычные рабочие моменты.

Результат получился как раз обратный тому, чего хотели блюстители государственных интересов: внимание к моему телеэфиру стало огромным.

Проблема была в одном: объяснить свою позицию предельно ясно, коротко, понятно любому человеку. Не извиняться, не принимать оборонительную стойку — это было самое важное в сложившейся ситуации.

Вот тут у меня и созрела эта мысль. Вы боитесь Ельцина? Ну так получите того Ельцина, которого боитесь! И я решил в очередной раз пойти вразрез с выработанным в обществе стереотипом.

«Стало совершенно очевидным,— сказал я телезрителям, — что, сохраняя слово “перестройка”, Горбачев хочет не перестраиваться по существу, а сохранить систему, сохранить жесткую централизованную власть, не дать самостоятельности республикам, а России прежде всего... Я отмежевываюсь от позиции и политики президента, выступаю за его немедленную отставку...»

Заглядывая вперед, могу сказать, что последствия этого шага были благоприятными — как и некоторые другие мои резкие заявления. В конечном итоге мое выступление не осложнило, а разрядило обстановку в стране.

Хотя и страшно оскорбило Горбачева.

Почему я тогда резко выступил? Почему потребовал отставки Горбачева, ведь он продолжал считаться лидером перестройки, продолжал быть кумиром интеллигенции, в мире его авторитет был неизмеримо выше любого политика тех лет?

Вот что писали газеты мира после моего выступления: «Уход Горбачева в отставку вряд ли откроет путь к демократии» («Берлинер цайтунг»). «Решение Ельцина пойти в открытую атаку отражает скорее его слабость, чем силу» («Крисчен сайенс монитор»). «Иностранные дипломаты считают, что Горбачев остается самой подходящей кандидатурой, если не с точки зрения прогресса, то, во всяком случае, предотвращения там хаоса. Ельцин остается неизвестной величиной и может привести к анархии» («Таймс»).

А вот что заявил мой хороший друг, руководитель Казахстана Нурсултан Назарбаев: «В этот поворотный момент, когда мы переживаем экономический кризис, Ельцин фактически организует еще один кризис — на этот раз политический».

Для резкости у меня были причины разного плана, о них я говорил. В том числе чисто морального — мне было нестерпимо двурушничество Горбачева во время трагедии в Вильнюсе, я не мог ему простить, что он так легко похоронил программу «500 дней» — единственную нашу экономическую надежду тех лет.

Но были причины и более глубокого порядка, которые я начал в ту пору отчетливо осознавать.

К тому времени явно наметилась совершенно новая политическая сила, которая валила до кучи Ельцина и Горбачева, левую оппозицию и власти предержащие, для которой все мы были «агентами империализма» вместе с «американским шпионом» Яковлевым и «главным немцем» Горбачевым! Это было, по сути, зарождение будущего Фронта национального спасения — через разочарованных русских в Прибалтике, через новую, полозковскую компартию, через неформальных «новых коммунистов», через реакционные профсоюзы, через чернорубашечников и так далее.

В отличие от большинства демократов, я догадывался, что угроза диктатуры исходит не только от окружения «Горби», но и от него самого. А это уже было по-настоящему страшно. Настанет момент, когда ему придется спасаться, и его выход через запасную дверь может иметь необратимые последствия.

Ведь теперь консерваторы в Верховном Совете, которым руководил хитроумный Лукьянов, в правительстве, в ЦК КПСС, в силовых структурах имели четко сформулированную радикальную идеологию. Идеологию «национального спасения». Кризис в экономике, национальные конфликты на Кавказе они использовали в своих интересах, шаг за шагом разрабатывая модель чрезвычайного положения, а по сути — схему будущего государственного переворота.

В этой ситуации маневрировать между правыми и левыми было уже невозможно.

Горбачев стоял перед ужасной необходимостью выбора.

А однозначный выбор лишал его основного оружия — оружия политической игры, маневра, баланса. Без этого свободного пространства для вечных обещаний, блокировки с различными силами, неожиданных шагов — Горбачев уже не был бы Горбачевым.

Зажатый в угол различными политическими силами, он выдвинул идею нового Союзного договора.

И сумел выиграть время.

* * *

В этот период обострения наших отношений с Горбачевым, когда начались политические забастовки шахтеров с требованием отставки Президента СССР, состоялась моя поездка в

Страсбург на сессию Европарламента. Поскольку судьба российских реформ и российского Верховного Совета была еще очень проблематична, я решил заручиться поддержкой демократических парламентариев Европы.

Этой поездке не предшествовала какая-то определенная подготовительная работа. Расчет был на то, что они — демократы и мы — демократы. В Страсбурге меня встретил холодный душ. Я бы даже сказал — ледяной. Вот, например, что писали западные газеты, оценивая этот визит.

«Монд»: «Приехав в Страсбург — эти ворота Европы, — Ельцин должен отметить, что здесь признают только одного русского — Горбачева. Особенно неприятным для Ельцина стал понедельник, когда его подвергла суровому испытанию группа социалистов Европарламента. Ельцин не ожидал, что его будут называть “демагогом” и “безответственным человеком”, что председатель группы социалистов Жан-Пьер Кот упрекнет его в том, что он “представляет собой оппозицию Горбачеву”, с которым, как он сказал, “мы чувствуем себя увереннее”».

«Берлинер цайтунг»: «Депутаты Европарламента заняли четкую позицию. В очень недипломатичных выражениях они дали понять “главному сопернику” М. Горбачева, что его единоборство с Горбачевым не находит понимания. Его стремление установить прямые отношения между Страсбургом и российским парламентом было отклонено. Развалившийся на части Советский Союз полностью дестабилизировал бы ситуацию».

«Нью-Йорк дейли ньюс»: «Необходимо помнить следующее: не располагающий опытом деятельности демократических институтов, Советский Союз может стремительно погрузиться в состояние кровопролития, голода, холода, анархии, если позиции Горбачева и нынешнего правительства, сколь бы слабыми они ни были, окажутся подорваны. Стремление Горбачева предотвратить развал СССР осуществимо лишь в случае сохранения политических реформ и определенного улучшения экономического положения. По мере своих возможностей США и другие страны Запада должны помочь Горбачеву в осуществлении этих целей».

Словом, это был тяжелый удар. Однако, вернувшись и чуть поостыв, я понял, что и в этой поездке был смысл. Россия делала первые шаги. В любом случае посещение Европарламента стало хорошим уроком. Важно не только то, кем ощущаешь

себя ты, отправляясь на переговоры, не менее важно, кем считает тебя твой партнер.

Для них Россия еще только обещала чем-то стать. Это отсюда нам казалось, что с нами все в порядке. Оттуда, из Европы, многое виделось непонятным и вовсе не обещавшим закончиться так, как мы уверяли.

Я же решил, что обещания нужно выполнять.

* * *

Весна 1991 года. Приближался апрельский Пленум ЦК КПСС. Ничего хорошего этот очередной пленум Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву не сулил. Ожесточенная борьба с демократами на одном фланге могла не самортизировать, а, наоборот, ожесточить нападки партийных ортодоксов на другом. Чувствуя, что позиции Горбачева слабеют, его противники готовили мощное наступление. Целью этой атаки было снять Горбачева с должности генерального секретаря, тем самым окончательно лишить его поддержки на съезде народных депутатов СССР, огромную часть которого составляли коммунисты, и покончить с его курсом в кратчайшие сроки.

Высчитав эту опасность, Горбачев сделал неожиданный ход. Собрав у себя в Ново-Огареве руководителей союзных республик, он попросил приехать на эту встречу и меня.

Я только что вернулся из Страсбурга. Совещание в Ново-Огареве было для меня сюрпризом. То, что сказал на встрече Горбачев, превзошло все мои ожидания. Президент СССР сообщил, что согласен на подписание нового Союзного договора, который значительно ослабит влияние центра на жизнь союзных республик. Он решительно выступает за принятие новой Конституции, после чего существующие законодательные органы — Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР — будут распущены и состоятся прямые выборы нового президента. Я поставил свою подпись под заранее составленным совместным заявлением руководителей республик.

«Вашингтон пост»: «Советский президент Михаил Горбачев изменил сегодня политическое направление в сторону компромисса с несговорчивыми союзными республиками и добился поддержки со стороны своего главного соперника Бориса Ельцина. На проходившей за закрытыми дверями встрече с депутатами Ельцин рассказал, что Горбачев “пошел на важнейшие уступки” в вопросах децентрализации политической и эконо-

мической власти, благодаря чему, заметил Ельцин, теперь республики "смогут стать суверенными государствами". Ельцин напомнил собравшимся, как осенью прошлого года Горбачев обманул Россию с проектом программы "500 дней". На этот раз Горбачев поклялся, что выполнит свои обещания. "Это было самое важное", — сказал Ельцин, заметив, что Горбачев "впервые разговаривал по-человечески"».

Воспользовавшись договоренностью в Ново-Огареве, Горбачев приехал на Пленум ЦК КПСС во всеоружии. Когда на него обрушился град критики, он резко поставил вопрос о доверии ему. Зная, что Горбачев получил поддержку лидеров союзных республик, участники пленума от республик решение об отставке Горбачева не поддержали бы. Он перехватил инициативу. Пленуму ничего не оставалось, как одобрить линию Горбачева. В заключительном слове он заявил на пленуме, что ему не по пути с теми, кто с помощью чрезвычайщины собирается остановить процессы демократизации и ограничить суверенитет республик.

В Ново-Огареве я подписал соглашение о моратории на политические забастовки. После этого я вылетел в Кузбасс, предложив шахтерам прекратить забастовки.

Шахтеры спустились в забои.

* * *

И тем не менее назвать простыми наши отношения с Горбачевым в тот момент было никак нельзя. Сделав шаг навстречу России в ново-огаревском процессе, Горбачев по-прежнему изо всех сил пытался не допустить моего избрания Президентом России.

Этот вопрос его сильно волновал. Как рассказывал следователям российской прокуратуры бывший секретарь ЦК КПСС Олег Шенин, «Горбачев много внимания уделял выступлениям Ельцина, событиям на митингах, на съездах народных депутатов России. Каждый шаг Ельцина он отслеживал, неоднократно при мне давал задание найти документы о здоровье Ельцина. Этот вопрос рассматривался на Политбюро то ли в 1987-м, то ли в 1988 году». (Видимо, мое выступление на октябрьском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС хотели объяснить следствием больной психики.)

В секретной записке ЦК Компартии РСФСР рекомендовалось «распылить силы пропагандистской машины противника» путем выдвижения десяти — двенадцати кандидатов на президентские выборы России, «ни один из которых не должен и не

может рассчитывать на победу», тем самым отобрав голоса у Ельцина, организовать мощное и хорошо скоординированное наступление на позиции Ельцина...

Коммунисты ожесточенно готовились к предвыборной схватке, и делалось это с ведома и под руководством Генерального секретаря.

В ночные часы

Не только в политике бывают ситуации, из которых долго не можешь выпутаться, несмотря на весь жизненный опыт.

Я купил абонемент на теннис. Открыл для себя этот вид спорта. Администратор спорткомплекса, милая симпатичная женщина, очень старалась помочь, чтобы я действительно занимался. А место здесь было очень уютное — сауна, корты, все отлично, удобно. Ходить в установленное абонементом время я, естественно, не мог. Приезжал в неурочные часы. Как ей удавалось, не знаю, но одна свободная площадка для меня была всегда.

После тенниса она обычно приглашала нас с Александром Коржаковым к себе в тренерскую комнатку — посидеть, отдохнуть. Тут же наготове было что-нибудь вкусное.

...Прошло несколько месяцев, и я начал чувствовать какой-то дискомфорт. Место все-таки людное, тут занимаются спортом ученые, чиновники, студенты — словом, я стал ощущать чересчур пристальное внимание.

Однажды меня пригласили поиграть с космонавтами, в их спорткомплексе, — с Игорем Волком, Сашей Серебровым. Приняли они меня очень хорошо. И так я там здорово отдохнул!..

И тут я кое-что понял.

Помощь тренера — это, конечно, важно. Но мне не это было нужно. Кроме тенниса, который давал и отдых, и разрядку, и силы, мне нужны были свобода, раскованность, ощущение закрытой за собой двери. Я понял, что стал чрезвычайно остро, я бы даже сказал, болезненно, относиться к проявлениям чужой активности — когда человек пытается войти в мой внутренний мир. Даже при малейшем проявлении такой активности я «выпускаю иголки» и... закрываюсь.

Но как объяснишь это женщине? Наверняка ей казалось, что это чьи-то интриги. Она обиделась...

Мне было неудобно, но ничего поделать с собой я не мог — как у многих политиков моего возраста и положения, у меня

появился определенный синдром закрытости. Между тем, как и во многих других случаях, я еще раз понял: если чувствуешь опасность, тревогу, если тебе внутренне неуютно — нужно действовать решительно.

Впоследствии выяснилось: все задушевные разговоры с администратором спорткомплекса, милейшей женщиной и хорошим собеседником, тщательным образом прослушивались КГБ.

Опять авария

Сколько же их у меня было! И в бытность Председателем Верховного Совета я тоже попал в глупейшую аварию, в самом центре города, о которой много говорили и писали, и, возможно, у кого-то возникло ощущение неясности. А дело было так.

В тот день Наина попросила охрану отвезти на работу моего доктора Анатолия Михайловича Григорьева: он утром проводил мне процедуры. Ему отдали машину, которая сопровождает мой автомобиль. Таким образом, пришлось ехать без машины сопровождения.

Обычный наш маршрут: выезжаем на Тверскую, первая машина впереди, моя сзади (у нас была договоренность с ГАИ, что при нашем въезде на переполненную улицу они перекрывают движение), мы пересекаем Тверскую, от которой до Белого дома рукой подать.

Честно говоря, я этот момент плохо помню — как-то расслабился, вытянул ноги (это привычка волейболистов — вытягивать ноги, колени-то разбитые на всю жизнь остаются, поэтому я и сидел в «Волге» рядом с водителем), задремал.

Движение в то утро было в восемь рядов, не то что коридорчика, дырки не было... Сотрудник ГАИ перекрыл движение, но, поскольку мы были без машины сопровождения, не все водители увидели предупреждающий жезл ГАИ. Нам бы притормозить, подождать, пока все остановятся. Но водитель глядит на меня, я автоматически делаю ему знак рукой: давай вперед! Он газанул, объехал большой фургон, и вот уже впереди просвет, как вдруг — страшный удар! И дикая боль в голове...

Мой тогдашний водитель, а я его привел с собой из Госстроя, сделал сразу три ошибки. Первая: не послушался начальника службы охраны, который настойчиво предлагал ехать в объезд. Вторая: поехал быстро, не прикрытый ГАИ. И третья: не успел

затормозить. Мы въехали в деревянный забор, который самортизировал удар, а могли бы — в каменную стену. И вот тогда многое в нашей жизни сложилось бы иначе...

Женщину, которая сидела рядом с водителем столкнувшегося с нами «жигуленка», с царапинами на голове сразу отвезли в поликлинику. А Коржаков, который в шоке сумел голыми руками отодрать заклинившую дверь, что в обычной ситуации вряд ли кому под силу, повез меня домой.

Дома, увидев меня, стала тихо оседать на пол Наина: вид у меня был тот еще — кровь, лицо белее мела. Потом она взяла себя в руки, помогла лечь в постель. Быстро примчалась «скорая». Врачи констатировали: легкое сотрясение, серьезных нарушений нет. Удар пришелся в височную часть головы и в бедро. Видимо, я действительно расслабился и не смог вовремя сгруппироваться. Врачи на всякий случай заставили ехать в больницу.

Там меня поместили в одноместную небольшую палату. Чувствовал я себя нормально, но тут началось — медсестры, врачи, больные, посетители... Всем хотелось посмотреть на живого Ельцина. В общем, чувствовал себя слоном в зоопарке, очень ему с тех пор сочувствую. Поэтому выдержал в больнице лишь одни сутки.

Недавно, летом 93-го, снова пронесся слух о моей болезни, о мифическом приступе. Мне снова звонят, снова волнуются.

Эта ситуация реальной или мифической угрозы жизни преследует меня, повторяется, вновь и вновь напоминает о себе. Будто хотят меня испугать. Проверяют характер. Держат «на взводе».

Ну что ж, и это, наверное, хорошо. А тем, кто волнуется за меня, — большое спасибо.

Перед выбором

...Я не знал, кого мне выбрать.

Оставались последние часы. Срок подачи документов в Центральную избирательную комиссию по выборам Президента России истекал. Кто будет со мной в паре, кого я назову кандидатом в вице-президенты — этого решения с замиранием ждали многие люди.

А я все никак не мог определить, кого мне выбрать.

Весна 91-го года. Пик предвыборной борьбы. Горбачев вел избирательную тактику довольно искусно, предложив целый веер кандидатур (разумеется, закулисно, как он умел это делать).

В тот момент я придавал кандидатуре вице-президента чрезмерно большое значение. Последующие опросы показали, что те, кто голосовал за Ельцина, голосовали бы за него и в том случае, если б кандидатом в вице-президенты был Иван Иванович Иванов, никому не известный человек! Но тогда я и моя команда жили в большом напряжении, находились в ожидании «последнего боя», так сказать, «страшного суда» избирателей…

Ситуация с каждым днем становилась все более двусмысленной. Было уже как-то неловко приходить на работу, смотреть людям в глаза — ведь нельзя, образно выражаясь, на такой скорости, с работающим на все сто мотором, ехать без колеса! Я кожей чувствовал, как напряженно ждут моего решения два человека: Геннадий Бурбулис и Руслан Хасбулатов.

Но ни один из них меня не устраивал. Что греха таить, я опасался чисто иррациональной антипатии народа. Меня не устраивал невыигрышный имидж обоих. Ну и самое главное: я чувствовал, что резко нарушу тем самым какое-то силовое равновесие в своей команде, одним махом решу их (тогда еще) подспудное соперничество и именно сейчас, когда это так не ко времени, наживу себе нового врага!

Руцкой был выдвинут кандидатом на пост вице-президента за несколько часов до истечения официального срока подачи заявления в Центральную избирательную комиссию.

О Руцком неожиданно вспомнили Людмила Пихоя и Геннадий Харин, ныне покойный. Руководители группы спичрайтеров — то есть по-русски текстовики. Эти люди — свердловчане, преподаватели вузов — и там еще были известны своим свободомыслием в первые годы горбачевской перестройки. Со мной они давно.

И вот им вдруг пришла на ум эта идея. Они примчались утром ко мне в кабинет, радостные и взволнованные.

Что-то в этом ходе было. Идея сразу понравилась мне своей полной неожиданностью. Никаких близких деловых отношений с Руцким у меня не было. Идея расколоть монолитную полозковскую фракцию «Коммунисты России» и сразу выдвинуться в неформальные лидеры парламента реализовывалась Руцким без моего участия.

Как поведут себя эти «демократические коммунисты» дальше, было не очень ясно, но лидер их, безусловно, запомнился — своим неожиданным появлением и решительностью военного человека.

Руцкой был просто создан для избирательной кампании. Он как будто родился специально для того, чтобы быть запечатленным на глянцевых цветных плакатах, участвовать в телевизионных трансляциях, выступать перед большим скоплением народа.

Внешность заслуженного артиста, боевой летчик — Герой Советского Союза, говорит резко и красиво. Одним словом — орел!.. Женщины средних лет будут просто млеть от восторга при виде такого вице-президента! А голоса армии!..

Не раз и не два я возвращался в памяти к этому эпизоду, осознавая горький урок: нельзя тянуться за красивой формой. Простая логика может оказаться обманчивой — в жизни ничего не бывает просто. За всякое слишком простое решение потом приходится дорого платить.

Забегая вперед, скажу, что первый период наших отношений был безоблачным и приятным. Во время путча Руцкой проявил себя по-военному твердо, чем тоже заслужил мое доверие. И лишь одна малозаметная деталь чуть подпортила впечатление от этих первых «медовых месяцев».

Александр Владимирович вдруг резко заинтересовался моим внешним видом.

Он заходил ко мне в кабинет, делал страшные глаза и говорил: «Борис Николаевич, где вы взяли эти ботинки? Вам нельзя носить такие ботинки! Вы же президент! Так, завтра будем выбирать вам обувь!» И назавтра Александр Владимирович предлагал мне не одну, а сразу шесть пар новенькой итальянской обуви! То же самое было с костюмом: «Этот цвет вам не идет. Будем выбирать...»

Я терпеть не могу, когда пытаются влезть в те уголки моей личной жизни, к которым я никого не собираюсь близко подпускать. Спасибо, конечно, за доброе участие, но обойдемся как-нибудь без советов вице-президента.

Для меня была несколько неожиданной эта любовь к лоску в бывшем афганце, боевом офицере. Я, признаться, несколько растерялся от такого напора...

Главной же ошибкой Руцкого — вернее, не ошибкой, а органически присущей ему чертой — было упорное нежелание понять и принять собственный статус.

С самого первого дня он считал, что вице-президент — это, если по-простому, первый заместитель президента.

Между тем даже школьник старших классов знает, что вице-президент — фигура представительская. Он выполняет разовые

поручения, особые задания, данные ему президентом. Никакой самостоятельной политической позиции он — по определению — занимать не должен.

Руцкой внутренне не желал принимать ситуацию, при которой сразу несколько ключевых фигур в российском руководстве, включая вице-премьеров, играли в политике гораздо более весомую роль, чем он.

Он искал выход из этого тупика, уже понимая, что не сработался с президентом. И нашел для себя роль поистине парадоксальную, никем не виданную доселе в нормальных институтах власти: роль резонера, блюстителя нравственности, мольеровского святоши, который со смиренным и одухотворенным видом рвется к президентскому креслу.

Лишь много месяцев спустя я осознал, что Руцкой никогда не был мне близок и чисто психологически, что называется, по душе, но тяжесть от общения с ним сказалась потом, когда исправлять ошибки было уже поздно.

Наша психологическая несовместимость проявлялась во многом, даже в мелочах. Например, я не мог принять его привычку подпускать грубую брань в разговоре, но главное — мне была чужда его агрессивность, нацеленность на поиск «внутреннего врага». Потом я понял — этому человеку была просто присуща глубоко спрятанная и оттого всегда для окружающих неожиданная злость.

Конечно, я не хочу ничего утрировать — Александр Владимирович умел быть добрым, внимательным, веселым, обходительным. Быть может, на его характер наложили отпечаток какие-то изломы военной судьбы или какие-то человеческие проблемы — мне уже этого узнать не дано.

С Руцким мы не сошлись.

* * *

Какие кандидатуры были выставлены на первых президентских выборах помимо Ельцина? Давайте вспомним.

Бывший горбачевский премьер Рыжков.

За Рыжкова наверняка проголосует та часть населения, которая не хочет нового, которая — за СССР в прежнем виде, за плановую экономику, за спокойную жизнь на госдотациях, при стабильном прожиточном минимуме. Все эти приоритеты всегда активно защищал Рыжков. А в связи с павловской реформой, в связи с карабахским и южно-осетинским конфликтами, в

Народный депутат СССР Б.Н. Ельцин голосует

Выборы
в Верховный Совет
РСФСР. Москва. 1990 год

XXVIII съезд партии. Б.Н. Ельцин после заявления о выходе из КПСС

Народный депутат Российской Федерации

Депутат Б.Н. Ельцин по дороге на заседание
Первого съезда народных депутатов РСФСР

Перерыв между заседаниями

На Первом съезде народных депутатов РСФСР. 1990 год

Б.Н. Ельцин и «Демократическая Россия»

Б.Н. Ельцин во время работы согласительной комиссии

На Первом съезде народных депутатов РСФСР. 1990 год

В перерыве между заседаниями

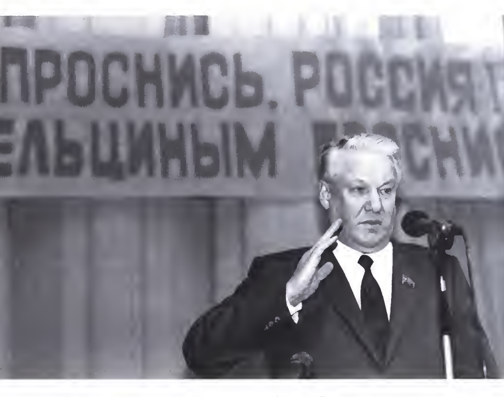

Б.Н. Ельцин избран Председателем ВС РСФСР

На Сессии Верховного Совета СССР. 1990 год

Слово предоставляется...

Встреча Председателя Верховного Совета Б.Н. Ельцина
с избирателями в Зеленограде

Председатель Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин

Инаугурация Президента РСФСР Б.Н. Ельцина. 1991 год

Москва. 10 июля в Кремлевском дворце съездов открылось торжественное заседание съезда народных депутатов РСФСР. Оно посвящено вступлению в должность Первого Президента России. Б.Н. Ельцин принимает присягу

Президент РСФСР Б.Н. Ельцин принимает поздравления.
1991 год

После инаугурации Президента РСФСР. 1991 год

связи с началом частнопредпринимательской эры эти приоритеты для большой части населения вышли на первый план.

Еще одна — на этот раз уже прямая — креатура Горбачева: Бакатин. Еще один отставник, прогрессист, симпатичный человек, окруженный вниманием прессы. За него, кстати, проголосовало немного избирателей, но свою роль он сыграл — вызвал некоторую сумятицу в мозгах, неуверенность у людей, часть из которых, запутавшись в кандидатурах, вовсе не пошла на участки для голосования.

И, наконец, еще один «подарок» — три одиозные и очень активные фигуры, которые яростно выступили против демократической идеи вообще, против горбачевской перестройки и против Горбачева и Ельцина лично, за наведение порядка железной рукой, — Макашов, Тулеев, Жириновский. Генерал, депутат, независимый политик. Три довольно современные (то есть жесткие, решительные, атакующие), злые по эмоциональному заряду и самое главное — опасные фигуры, ибо когда черное мракобесие каждый день льется с телеэкрана — это парализует общество, я это понял по тем предвыборным неделям.

Довольно жуткие и в то же время привлекательные своей простотой лозунги Макашова — Тулеева — Жириновского: запретить, посадить, разогнать, выслать, заморозить, прекратить, отобрать, раздать и так далее в том же духе — оказали завораживающее воздействие на общественное сознание.

Я делаю этот вывод потому, что по итогам голосования на третье место уверенно вышел Жириновский. За этого человека, который в лихорадочном темпе лепил с телеэкрана один абсурдный тезис за другим, проголосовали миллионы (!) людей. Конечно, на них подействовал его лозунг, что пора отстранять от власти старых партаппаратчиков, членов Политбюро ЦК КПСС, и «давать дорогу адвокатам». Но, думаю, главное в другом. В таком сложном и замученном политикой обществе, как наше, «бешеный» вождь с фашистской или полуфашистской установкой всегда имеет немало шансов. А если другие политики в провале — этому человеку «зеленый свет». Ведь при разваливающейся экономике невежество, дикость и темнота распространяются с необычайной быстротой...

Конечно, «ястребы» во всем обвиняли Горбачева (да и Рыжков порой выступал с критикой в его адрес), но ведь он-то в выборах не участвовал! Объективно все кандидаты работали на

него. То есть против меня. И он через своих людей помогал всем моим противникам — за исключением, быть может, Жириновского. Рыжкову и Бакатину помогали организовывать избирательную кампанию, на Тулеева работали депутатские фракции российского парламента, Макашова поддерживали Полозков и его компартия.

А против меня работали еще и такие обстоятельства. За два года (со времени моих выборов в народные депутаты СССР) я приобрел репутацию «вечного оппозиционера». Программа «500 дней» оказалась лишь обещанием. Я поддерживал новую и непонятную идею суверенитета России.

Эпоха повального увлечения демократическими лозунгами прошла: демократия ассоциировалась с горбачевской говорильней и падением уровня жизни. Разочарованность в Горбачеве вроде бы работала на Ельцина. Но и против него тоже — от этого старого политического сюжета народ успел устать.

И все же тактика распыления голосов в конечном итоге обернулась против Михаила Сергеевича. Вдруг все осознали: столько разных кандидатов — все против Ельцина. Опять нашего обижают!

Мне трудно объективно говорить о том, что же главным образом повлияло на мой успех в первых свободных выборах. И все-таки я думаю, что миф об «обиженном» Ельцине, образ врага режима сыграли тут не самую важную роль.

Самым важным политическим мотивом этих выборов я считаю разделение ролей: Горбачев представлял собой Союз, империю, старую державу, а я — Россию, независимую республику, новую и даже пока еще не существующую страну. Появления этой страны все ждали с нетерпением.

Большая часть российского общества подошла к июню 91-го с ощущением финала советского периода истории. Само слово «советский» уже невозможно было произносить. Оно исчерпало свой ресурс. Во всем мире образ СССР был неразрывно связан с образом военной силы. «Советский человек» и «советский танк» — оба эти понятия находились в каком-то немыслимом, сложном, неразрывном единстве. Изменив в рамках своей глобальной стратегии наш образ в мировом сообществе, зачехлив пушки у наших танков, Горбачев продолжал твердить о социализме, о дружбе советских народов, о достижениях советского образа жизни, которые нужно развивать и обогащать, не понимая, что зашел в тупик.

Эта страна уже не могла существовать вне образа империи. Образ империи не мог существовать вне образа силы.

СССР кончился в том числе и тогда, когда первый молоток стукнул по Берлинской стене.

Со всем «советским» у наших людей — пусть не всех, но наиболее активной и мыслящей части общества — уже было покончено. Именно с этой точки зрения, сквозь эту призму страна смотрела на выбор нового лидера.

Я пришел с идеей самого радикального освобождения от «советского» наследия — не просто путем различных реформ, а путем изменения державной, несущей, страдательной функции России.

Ново-Огарево. Акт первый

Обычно переговоры в Ново-Огареве, одной из подмосковных резиденций Президента СССР, происходили примерно по одинаковому сценарию.

Сначала выступал Горбачев, говорил в своей манере: долго, округло, неторопливо. Затем приглашал к обсуждению нас.

Как правило, в конце мне приходилось брать инициативу на себя, если шла речь о принципиальном вопросе. И спорить. Это всех устраивало.

Нужно было видеть обстановку в небольшом торжественном зале, где все блистало правительственным великолепием, когда за длинным столом нависала тяжелая пауза и присутствующие пытались прятать глаза...

При существовании двух полюсов всем остальным было удобно выбирать свою позицию, маневрировать. Мы с Горбачевым брали всю моральную тяжесть выяснения спорных проблем на себя.

...Как ни странно, это никогда не приводило к скандалам, к каким-то неприятным сценам.

Почему?

Ведь, по сути, мы договаривались об ограничении полномочий союзного центра.

Происходила вещь, вроде бы нестерпимая для такого человека, как Горбачев: ограничение власти.

Но тут нужно было учитывать ряд обстоятельств.

Во-первых, внешне он шел как бы во главе этого процесса, сохраняя «отцовскую» позицию, инициативу и лидерство, по

крайней мере, в глазах общественного мнения. Никто не посягал на стратегическую роль Президента Союза: все глобальные вопросы внешней политики, обороны, большая часть финансовой системы оставались за ним.

Во-вторых, с Горбачева разом снималась ответственность за национальные конфликты! Вернее, изменялась его роль в распутывании этих безумных кровавых клубков — из «человека с ружьем» он сразу превращался в миротворца, в третейского судью.

В-третьих, ему нравилась беспрецедентная в мировой практике роль: руководителя не одного, а множества демократических государств. Это был очень хороший полигон для гибкого вхождения в роль мирового лидера.

Ну и, наконец, психологический фон. Ситуация диктовала (и позволяла) нам с Горбачевым оставаться в процессе переговоров нормальными людьми. Отбросить личное. Слишком высока была цена каждого слова, а кроме того, когда все конфликтные моменты заранее обговариваются экспертами, целыми группами людей, когда ты психологически готов к трудному разговору — это уже не заседание политбюро, где каждый шаг в сторону расценивается как побег.

После переговоров мы переходили обычно в другой зал, где нас ждал дружеский ужин, любимый горбачевский коньяк — «Юбилейный». Выходили мы после ужина, подогретые и волнующей обстановкой встречи, и ужином.

Пока я отстаивал интересы России за столом переговоров, моим ребятам приходилось отстаивать их в других, забавных ситуациях. Обычно машину Президента России старались поставить у входа первой. Но однажды мой автомобиль оказался в конце вереницы правительственных лимузинов. Моя охрана всполошилась, и, сделав немыслимый разворот, зацепив новоогаревский газон, машина в конце концов опять оказалась первой: Россия главнее!.. Ребячество, конечно. Комендант Ново-Огарева был взбешен, грозился выставить штраф за испорченный кусок газона. Но они как-то отбились.

Быть может, со стороны такое количество «президентов», на самом деле реальной властью не обладающих, выглядело в ту пору несколько смешно. И тем не менее эти встречи вспоминаются теперь без всякой неловкости, а с грустью.

Какая была не использована возможность!

Трудно сейчас сказать, что могло бы получиться из этой ново-огаревской концепции. Быть может, это была бы самосто-

ятельность на словах, а не на деле, и трения России с союзным правительством все равно были бы неизбежны. И все-таки наше расставание с СССР происходило бы гораздо более мирно, безболезненно.

А после 19 августа Союза не стало в один день...

Однако это был не просто «цивилизованный развод», как назвала ново-огаревский договор пресса. Мы с Горбачевым вдруг ясно почувствовали, что наши интересы наконец-то совпали. Что эти роли нас вполне устраивают. Горбачев сохранял свое старшинство, я — свою независимость. Это было идеальное решение для обоих.

Мы наконец-то стали встречаться неофициально. В этих конфиденциальных встречах иногда принимал участие и Назарбаев.

29 июля 1991 года в Ново-Огареве состоялась встреча, которая носила принципиальный характер. Михаил Горбачев должен был уезжать в отпуск в Форос. Сразу же после его возвращения из Крыма на 20 августа было назначено подписание нового Союзного договора. Сейчас мы имели возможность еще раз обсудить самые острые вопросы, которые каждый из нас считал нерешенными.

Разговор начали в одном из залов особняка. Все шло нормально, но когда коснулись тем совсем конфиденциальных, я вдруг замолчал.

«Ты что, Борис?» — удивился Горбачев. Мне сложно сейчас вспомнить, какое чувство в тот момент я испытывал. Но было необъяснимое ощущение, будто за спиной кто-то стоит, кто-то за тобой неотступно подглядывает. Я сказал тогда: «Пойдемте на балкон, мне кажется, что нас подслушивают». Горбачев не слишком твердо ответил: «Да брось ты», но все-таки пошел за мной.

А говорили мы вот о чем. Я стал убеждать президента, что если он рассчитывает на обновленную федерацию, в нее республики войдут только в том случае, если он сменит хотя бы часть своего самого одиозного окружения. Кто поверит в новый Союзный договор, если председателем КГБ останется Крючков, на совести которого события в Литве? Ни одна республика не захочет войти в такой Союз. Или министр обороны Язов: разве может быть в новом содружестве такой «ястреб» из старых, отживших уже времен?

Видно, Горбачеву нелегко давался этот разговор, он был напряжен. Меня поддержал Нурсултан Назарбаев, сказал, что

надо обязательно сменить министра внутренних дел Пуго и председателя Гостелерадио Кравченко. Потом добавил: «А какой вице-президент из Янаева?!» Михаил Сергеевич сказал: «Крючкова и Пуго мы уберем».

Я стал убеждать Горбачева отказаться от совмещения постов Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента Союза. Удивительно, но на этот раз он впервые не отверг мое предложение. И даже посоветовался: «А может быть, мне пойти на всенародные выборы?»

Все трое единодушно решили, что после подписания договора необходимо поменять Валентина Павлова, тогдашнего премьер-министра. Горбачев спросил: «А кого вы видите на этой должности?» Я предложил Нурсултана Абишевича Назарбаева на должность премьер-министра нового Союза. Горбачев сначала удивился, потом быстро оценил этот вариант и сказал, что согласен. «Другие кандидатуры вместе обсудим после 20 августа», — закончил он разговор.

Такой была эта встреча, и, я думаю, многое сложилось бы иначе, если бы то, о чем мы договорились втроем, удалось осуществить. История могла пойти совсем по другому пути.

Пройдет немного времени, и я своими глазами увижу расшифровку разговора Президента СССР, Президента России и руководителя Казахстана. После августовского путча в кабинете у Болдина, начальника аппарата Горбачева, следователи прокуратуры нашли в двух сейфах горы папок с текстами разговоров Ельцина. Меня в течение нескольких лет записывали — утром, днем, вечером, ночью, в любое время суток.

Записали и этот разговор.

Может быть, эта запись и стала спусковым курком августа 91-го года.

РОССИЯ. ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

1991 ГОД

Январь

На 14-й день после инфаркта состояние Рыжкова можно считать удовлетворительным, он уже начал ходить по палате.

Вечером 8 января премьер-министр Литвы Прунскене с трибуны ВС Литвы сделала официальное заявление об отставке своего правительства в полном составе.

12 января подразделения ВС МВД СССР заняли здание Дома печати — литовского издательства ЦК КПСС. В Вильнюсе обстановка обострилась. Тяжело ранены два человека. По радио звучат призывы ехать в Вильнюс, защищать важные объекты. На площади Независимости собралось большое количество народа. Образован Комитет национального спасения Литвы, который парламент Литвы объявил незаконным.

Министр иностранных дел Литвы Саударгас направил Шеварднадзе ноту протеста, в которой назвал все происходящее «актом агрессии».

14 января. Вильнюс в трауре. По уточненным данным, погибли 14 человек. В больницах много тяжелораненых. С приездом делегации Совета Федерации СССР удалось договориться с военными о том, что ночью никаких действий предпринято не будет.

На утреннем заседании парламента Пуго заявил, что к человеческим жертвам привела политика руководства Литвы.

Комментируя события в Литве, Горбачев сказал, что узнал о случившемся только рано утром. Также он сказал, что необходим диалог, но желания диалога при беседе с Ландсбергисом он, Горбачев, не обнаружил.

Постановлением ВС СССР утвержден премьер-министр СССР. Им стал В. С. Павлов, с 1989 года бывший министром финансов СССР.

22 января Президент СССР издал Указ «О прекращении приема к платежу денежных знаков Госбанка СССР достоинством 50 и 100 рублей образца 1961 года и ограничении выдачи наличных денег со вкладов граждан». Выдача денег в учреждени-

ях Сбербанка — до 500 рублей в месяц. Формулировка причины — усиление борьбы со спекуляцией и коррупцией в целях нормализации денежного обращения.

Госбанк СССР выступил с сообщением, где сказано, что, несмотря на «самодеятельность» некоторых регионов, срок обмена купюр продлен не будет.

ВС СССР постановил провести на всей территории СССР 17 марта 1991 года референдум о сохранении Союза ССР как обновленной Федерации равноправных и суверенных республик.

Февраль

Московская статистическая служба сообщила, что в Москве в 1991 году ожидается 100 тысяч безработных молодых людей.

Пресс-служба Президента СССР опровергла заявление бизнесмена Тарасова о тайной сделке Горбачева с японским правительством о получении 200 миллиардов долларов за четыре острова Курильской гряды. Также сообщено, что Горбачев намерен обратиться в суд, если ему не будут принесены публичные извинения.

Министерство печати и массовой информации РСФСР распространило заявление, в котором сообщается, что с 1 февраля запрещено вещание «Радио России» на волнах «Маяка» и первой общесоюзной программы.

Пленарное заседание сессии ВС РСФСР 7 февраля началось с того, что один из депутатов сообщил об обнаружении и вскрытии минувшей ночью двух комнат в здании Дома Советов республики, принадлежащих КГБ СССР и оборудованных радиоаппаратурой. Было предложено провести депутатское расследование, но при голосовании предложение отклонили.

19 февраля Ельцин выступил по телевидению с интервью по поводу событий в Прибалтике, в котором, в частности, предложил Президенту СССР Горбачеву уйти в отставку.

На сессии ВС РСФСР заместитель Председателя ВС Горячева зачитала политическое заявление, обращенное к парламенту. Его также подписали Исаев, Исаков, Абдулатипов и другие. В заявлении говорится, что Ельцин не оправдал надежды, возлагаемые на него при избрании. Реакция Ельцина неизвестна, так как он находится в поездке по Нечерноземной зоне РСФСР.

Первый заместитель Председателя ВС РСФСР Хасбулатов предложил принять политическое заявление к сведению.

Март

Кабинет министров СССР принял решение об отмене ограничения на выдачу сбережений в размере 500 рублей в месяц со вкладов частных лиц в Сбербанке СССР.

На пленарном заседании палат в Кремле 7 марта состоялось обсуждение кандидатов в члены Совета безопасности СССР. Избраны Янаев, Павлов, Бакатин, Бессмертных и другие.

ЦК компартий трех союзных республик — РСФСР, Украины и БССР — провели встречу за круглым столом по проблеме «В сохранении и обновлении Союза ССР — судьба страны, будущее народов».

Коллективу Прокуратуры РСФСР был представлен новый генеральный прокурор республики Степанков.

Свыше ста миллионов долларов задолжал СССР различным американским компаниям за товары и услуги, которые были поставлены, оказаны, но не оплачены.

Первый в истории страны референдум состоялся 17 марта. Абсолютное большинство граждан СССР, принявших участие во всенародном голосовании, ответило «да» на поставленный в бюллетене вопрос о сохранении Союза.

Результаты российского референдума: на оба вопроса — о сохранении Союза и учреждении поста Президента РСФСР — утвердительно ответили большинство россиян, при этом на второй вопрос — 70,88 процента жителей республики.

Принят Указ Президента СССР «О реформе розничных цен и социальной защите населения».

Политическая забастовка горняков Кузбасса набирает масштабы. К 15 марта в нее включилось свыше трети угледобывающих предприятий бассейна.

Апрель

Произошла реформа цен. Вареная колбаса в магазинах стоит теперь 8 рублей (бывшая двухрублевая), говядина — 7 рублей за килограмм, батоны — 60 копеек, пряники — почти три рубля. Телевизор «Электрон» теперь стоит от 1800 до 1990 рублей. Эксперимент с ценами в Латвии начался за три месяца до союзно-

го. Мясо здесь стоит 12 рублей 30 копеек, масло — 10 рублей, яйца — 3–4 рубля, сыр — 8 рублей и дороже.

14 апреля открытым голосованием Президентом Грузии избран З. Гамсахурдиа.

В Южной Осетии проведена операция по разоружению вооруженных групп.

Третий российский съезд завершил работу. Главным итогом съезда обозреватели считают постановление, которым съезд наделяет Председателя ВС РСФСР Ельцина дополнительными полномочиями для осуществления антикризисных мер.

10 апреля в НКАО обстреляны армянское село Ехцахог Шушинского района и три воинских поста.

Оперативные данные о работе промышленности страны за первый квартал 1991 года: общее падение объема производства к соответствующему периоду прошлого года составило 5 процентов, в том числе в марте — 6 процентов.

Совмин СССР установил повышенные ставки налогов на экспорт и импорт. Эти ставки могут доходить до 600 процентов стоимости товара.

Литва. После захвата банка в вильнюсском пригороде Ново-Вильня ОМОН и военные провели почти по всей республике операцию по захвату объектов, ранее находившихся в ведении ДОСААФ. Обстановка в Литве накалилась.

Кампания по выборам Президента РСФСР, которые состоятся 12 июня, обойдется в 155 миллионов рублей. Такова смета расходов, утвержденная 27 апреля Президиумом ВС России.

Май

Кабинетом министров СССР для пострадавших от землетрясения районов Грузии выделено из резерва правительства 20 тысяч литров крови и кровезаменителей, 1560 палаток, тысяча туб мясных и молочных консервов, молоко, сахар, соль.

Рыжков будет баллотироваться на пост Президента России. Он сказал корреспонденту «Известий», что получил много писем из разных областей РСФСР с просьбой дать такое согласие. Согласие дано. Рыжков прошел медицинское обследование и убедился, что здоровье восстановлено.

На азербайджано-армянской границе вновь льется кровь. В последние дни конфликт получил столь трагическое продол-

жение, что высокопоставленные лица в МВД СССР называют происходящее настоящей войной между двумя республиками.

12 мая на полигоне Капустин Яр взорвана последняя советская ракета РСД-10, а 1 мая в США была уничтожена последняя крылатая ракета наземного базирования, неделей позже — ракета «Першинг-2».

Силаев подписал распоряжение об отмене налога с продаж на все продовольственные товары, за исключением алкогольных напитков, табачных изделий, кофе, тортов, шоколадных конфет и продуктов в шоколаде.

Кабинет министров СССР распорядился увеличить зарплату авиадиспетчерам на 50 процентов, остальные требования рекомендовано рассмотреть соответствующим министерствам и ведомствам. Забастовка авиадиспетчеров, назначенная на 21 мая, не состоялась.

Отвечая на вопросы журналистов, Ельцин, кандидат номер один на пост Президента России, сказал: «Принять решение о выходе из партии для меня было нелегко. И все-таки многие — как беспартийные, так и коммунисты, — уверен, поняли мой поступок: разве нормально, будучи Председателем ВС, быть в зависимости от ЦК одной из партий, а тем более считать ее указания выше всех законов, выше Конституции? Я свой выбор сделал и не жалею о нем».

23 мая совершено нападение рижского ОМОНа МВД СССР на пять таможенных постов Латвийской Республики на границе с Литвой и Эстонией.

24 мая будет намечена дата начала предупредительной забастовки нефтяников.

Пуго, отвечая на вопросы корреспондентов относительно ситуации на межреспубликанских границах в Прибалтике, полностью отрицает причастность ОМОНа к тамошним драматическим событиям.

Генеральный прокурор СССР Трубин отдал указание прокурору Латвийской ССР возбудить уголовное дело в отношении рижского ОМОНа «в целях установления правомерности его самовольных действий по ликвидации незаконно возведенных постов таможенной службы по признаку превышения власти».

Июнь

Пятая Всесоюзная конференция независимых профсоюзов приняла Хартию независимости профсоюзов в СССР.

Очередное заседание Подготовительного комитета по завершению работы над проектом нового Союзного договора состоялось 3 июня в Ново-Огареве. Руководители республик продемонстрировали единство во взглядах на процедуру утверждения договора — она должна быть четко определена в самом тексте, чтобы исключить вмешательство союзного съезда и ВС в процесс утверждения документа.

В Вильнюсе состоялось заседание Совета балтийских государств, участники которого приняли два документа: «О действиях СССР против балтийских стран и народов» и соглашение о сотрудничестве балтийских государств на пути к переговорам с Союзом ССР.

Народный депутат СССР В. Филиппов обратился к ВС СССР и избирателям с просьбой освободить его от депутатских обязанностей и призывом ко всем депутатам СССР сделать то же самое в интересах общества.

Состоялись выборы главы российского государства. 12 июня Президентом Российской Федерации избран Б. Н. Ельцин.

Премьер-министр СССР Павлов выступил 17 июня в союзном парламенте с сообщением о политическом и экономическом состоянии страны. Павлов сделал лейтмотивом своего выступления требование чрезвычайных полномочий для кабинета министров — в том числе права на законодательную инициативу и на принятие «временных решений».

Депутаты Ленсовета проголосовали за возвращение Ленинграду его исторического названия — Санкт-Петербург.

Июль

Группа известных политических деятелей, в которую вошли Вольский, Попов, Руцкой, Собчак, Шаталин, Шеварднадзе, Яковлев, Силаев, Петраков, выступила с обращением к народу. В обращении говорится о создании «Движения демократических реформ».

3 июля состоялась встреча Горбачева с руководителями 9 республик. Участники встречи подтвердили свою приверженность принятому 23 апреля в Ново-Огареве заявлению.

Под председательством Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС, на котором принято заявление по вопросу о новом Союзном договоре. Политбюро призывает все парторганизации, каждого коммуниста занять активную позицию в этом вопросе, формировать

широкое общественное мнение в пользу скорейшего заключения договора.

На утреннем заседании 11 июля союзный парламент приступил к рассмотрению одного из важнейших вопросов повестки дня пятой сессии ВС страны: началось обсуждение проекта Договора Союза суверенных государств. В работе заседания принял участие Горбачев.

Очередной тур голосования по кандидатуре Председателя ВС РФ закончился безрезультатно. Голоса разделились между кандидатурами Бабурина и Хасбулатова. 17 июля российский съезд народных депутатов закрыл свою работу, отложив выборы Председателя ВС на три месяца.

Президент России Ельцин подписал Указ о прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР.

23 июля во второй половине дня началась очередная встреча в Ново-Огареве полномочных делегаций Союза и республик, в ходе которой будет продолжаться работа над проектом Союзного договора.

25 июля начал работу очередной Пленум ЦК КПСС. На пленуме выступил Горбачев с докладом по программе КПСС.

Август

Президент СССР, находящийся сейчас на отдыхе в Крыму, вернется в Москву, скорее всего, к 20 августа. На этот день назначена первая церемония подписания нового Союзного договора. Первыми договор подпишут полномочные государственные делегации России и входящих в ее состав республик, а также Казахстана и Узбекистана.

На Пленуме ЦК КП России первый секретарь ЦК Полозков представил заявление с просьбой освободить его от обязанностей первого секретаря и вывести из состава Политбюро в связи с переходом на другую работу.

СССР в 1991–1994 годах придется выплачивать до 15 миллиардов долларов ежегодно в погашение процентов своей задолженности западным странам, а также по краткосрочным кредитам.

Опубликован Закон СССР «Об основных началах разгосударствления и приватизации предприятий».

На пресс-конференции в Алма-Ате Президент Казахстана Н. Назарбаев заявил, что 20 августа Союзный договор подпишут кроме объявленных ранее России, Казахстана и Узбекистана Белоруссия и Таджикистан. На следующих этапах, в сентябре–октябре, к договору примкнут Азербайджан, Туркмения, Кыргызстан и Украина.

В Ташкенте проходит встреча президентов пяти республик: Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана. В качестве наблюдателя будет присутствовать премьер-министр Азербайджана. Обсуждению подлежит механизм осуществления Союзного договора.

Председатель ВС СССР Лукьянов постановил созвать шестую сессию ВС СССР 17 сентября 1991 года в Москве.

19 августа, кроме «Правды», газеты не вышли.

20 августа опубликованы указ вице-президента СССР Янаева от 18 августа о взятии на себя полномочий президента в связи с состоянием здоровья Горбачева, Постановление № 1 ГКЧП в СССР, Обращение ГКЧП к главам государств и правительств и генеральному секретарю ООН.

В «Обращении к гражданам России» Ельцин заявляет о том, что в ночь с 18 на 19 августа отстранен от власти президент страны. «Мы считаем, что такие силовые методы неприемлемы. Они дискредитируют СССР перед всем миром, подрывают наш престиж в мировом сообществе, возвращают нас к эпохе холодной войны и изоляции Советского Союза... Все это заставляет нас объявить незаконным пришедший к власти так называемый комитет. Соответственно объявляем незаконными все решения и распоряжения этого комитета».

Обратившись к гражданам Украины, Председатель ВС Украины Кравчук разъяснил, что на Украине ЧП не введено и в республике продолжают действовать Конституция и законы, принятые ВС УССР.

21 августа открылась чрезвычайная сессия ВС РСФСР. Организаторы военного переворота, члены так называемого ГКЧП, арестованы по пути в аэропорт Внуково.

22 августа Президент СССР Горбачев заявил, что полностью владеет ситуацией и что восстановлена связь со страной. Он дал указание начальнику Генштаба Вооруженных Сил СССР Моисееву отвести все войска в места их постоянной дислокации.

24 августа над Кремлем поднят российский флаг.

Допрошены и арестованы бывший премьер-министр страны Павлов и председатель Крестьянского союза СССР Стародубцев. Идет розыск первого секретаря МГК КПСС Прокофьева.

25 августа Горбачев сложил с себя полномочия Генерального секретаря ЦК КПСС.

Покончили жизнь самоубийством маршал Ахромеев, управляющий делами ЦК КПСС Кручина и министр внутренних дел СССР Пуго.

Независимость Молдовы провозгласило Великое национальное собрание граждан республики.

Первый секретарь МГК КПСС Прокофьев сдался властям.

ВЛКСМ как единой организации больше не существует.

27 августа состоялась встреча президентов России, Казахстана и Кыргызстана с Горбачевым. Эти три республики согласны подписать Союзный договор.

На внеочередной сессии ВС СССР 28 августа Горбачев заявил: «Если бы ВС собрался 19 августа, путч был бы остановлен в самом начале».

Лукьянову предстоит очная ставка с членами ГКЧП. По обвинению в измене Родине арестованы 12 человек, сообщил Генеральный прокурор России.

Президиум ВС Украины обратился к гражданам республики с заявлением, в котором провозгласил независимость республики.

Генпрокурор СССР Трубин заявил сессии о своей отставке. ВС СССР выразил недоверие коллегии Прокуратуры СССР и расформировал ее.

Президент Горбачев упразднил военно-политические органы в армии, на флоте, в КГБ, МВД и железнодорожных войсках.

Президент Казахстана Н. Назарбаев издал указ о закрытии Семипалатинского ядерного полигона.

На сессии ВС Азербайджана решено обсудить вопрос о государственной независимости республики.

Шеварднадзе, Яковлев и Попов отказались войти в Совет безопасности СССР. 30 августа сессия ВС СССР приняла решение сформировать Совет безопасности из руководителей девяти республик — участниц ново-огаревского процесса. Кроме них, Горбачев предложил ввести в Совет еще нескольких человек, в число которых вошли и упомянутые трое.

ГЛАВА 3
КРАХ ИМПЕРИИ

Долгое прощание

Я считаю, что XX век закончился 19–21 августа 1991 года. И если выборы первого свободно избранного Президента России — событие общенациональное, то провал августовского путча — событие глобальное, планетарное.

XX век по большей части был веком страха. Таких кошмаров, как тоталитаризм и фашизм, кошмар коммунизма, концентрационных лагерей, геноцида, атомной чумы, человечество еще не знало.

И вот в эти три дня кончился один век, начался другой. Быть может, кому-то такое утверждение покажется слишком оптимистическим, но я в это верю.

Верю, потому что в эти дни рухнула последняя империя. А именно имперская политика и имперское мышление в самом начале века сыграли с человечеством злую шутку, послужили детонатором всех этих процессов.

Однако вслед за «августовской революцией», как ее называют (хотя никакая это не революция, а, напротив, — установление законного, правового порядка в стране), наступили для нашего народа не самые легкие дни. Ожидали рая земного, а получили инфляцию, безработицу, экономический шок и политический кризис.

Слишком много сказано слов об этих событиях, снято документальных кадров, написано книг и статей. В результате драматический сюжет августовского путча и его провала превратился в какой-то идеологический штамп. Люди уже с раз-

дражением вспоминают о тех событиях. Как раньше гордились и рассказывали знакомым о ночах, проведенных на баррикадах, так теперь порой хвастают тем, что никуда не пошли, решили из отпуска не возвращаться и вообще участия не принимали. Это стало более модно, что ли.

Рассказывать об этих событиях необходимо. Но — тяжело.

В ночные часы

Наина, Таня и Лена. Моя жена и мои дочери. Мои добрые помощники. После путча я попросил их записать на диктофон свои ощущения, какие-то воспоминания о тех трех августовских днях. Я знал, что некоторые детали со временем напрочь улетучатся из памяти. И вот я включаю диктофон и слышу взволнованный голос Тани...

Таня. Честно говоря, у меня чувство реальной опасности тогда еще не появилось (речь идет о событиях утра 19 августа. — *Б. Е.*). На фоне этого чудесного летнего утра... Хотя вокруг дачи уже было очень много ребят с автоматами.

Папа решил ехать. Надел бронежилет и коричневый костюм. У него выглядывали уголки от бронежилета из-под пиджака. Я подошла и поправила, чтобы не было заметно. У меня возникла ужасная, невозможная мысль, что, может быть, я вижу папу в последний раз.

Наина. Я говорю: «Что вы защищаете тут этим бронежилетом? Голова-то открыта. А главное — голова». Но что толку им говорить. Он уезжает, а дети ему: «Папа, вся надежда только на тебя. Только ты сейчас можешь всех спасти». А я говорю: «Слушай, там танки, что толку от того, что вы едете? Танки вас же не пропустят». Он говорит: «Нет, меня они не остановят». И тут мне стало страшно. У меня появилось ощущение, что может случиться все. Когда он уехал, мы были как на иголках. Мы звонили без конца. Доехал, не доехал? Наконец нам позвонили, что он в Белом доме. Это ожидание было целой вечностью.

Мы решили, что надо и нам действовать. Стали передавать в новые адреса написанное в Архангельском обращение к народам России. Потому что уже кто-то сказал, что телефоны не отвечают. Обрыв? Передать успели только в Зеленоград.

Лена. А мы с Лешей решили найти на дачах факс. На одной даче нашли, стали передавать.

Л е ш а (Т а н и н м у ж). Я позвонил к себе на работу, там ведь тоже был факс, и попросил, чтобы и оттуда во все адреса передавали обращение.

Л е н а. Первый факс прошел, а второй после одной странички отключился. Дальше не идет. Мы промучались довольно долго, пытаясь по всем номерам пробиться, но не удалось. Вернулись к себе в дом. А тут уже приехали за нами. Стоял «рафик» и ребята с автоматами. Охрана — Юрий Иванович, Алеша. Мы решили, что отправляем маму с детьми.

Н а и н а. Мы поехали на «рафике» и двинулись какими-то окольными путями.

Т а н я. Но сначала собрали вещи, я побежала в теплицу — за рассадой мы ухаживали все лето, первый раз посадили там огурцы и помидоры — собрала что можно. Дети притихли, когда увидели людей с автоматами.

Л е н а. Мы посадили ребят в машину и дали им инструкцию: как только скажет Юрий Иванович, надо ложиться на пол и не спрашивать почему. Боря спрашивает: «Мама, они в голову стрелять будут?» Вот эта фраза нас потрясла. Я подумала: не знаю, как это все кончится, но ужасно, когда дети задают такие вопросы.

Н а и н а. Когда я сегодня читаю про Грузию, Абхазию, про Осетию и Ингушетию, у меня всегда перед глазами стоят наши дети. В них не стреляли, но и то, что было, — ужасно. А на Кавказе, в Нагорном Карабахе, всюду, где льется детская кровь! И вот когда смотришь, как бабушка, дедушка или мама держит за руку ребенка и бежит, чтобы спастись, а эти политики что-то там еще выясняют — такой охватывает гнев!

И еще меня поразило, как дети вдруг осознали все, абсолютно все и молчали.

Л е н а. На «Волге» Леша, Таня и я поехали домой. Пока ехали по Калужскому шоссе, все было тихо. А когда свернули на кольцевую, ехали уже все время мимо танков. Они заняли правую, самую крайнюю полосу и шли один за другим. Было неприятно видеть, как наши же ребята сидят на танках, такие веселые, улыбающиеся. Мы думали: неужели они будут стрелять? Ведь свои же!..

Л е ш а. Колонна гигантская шла. Многие машины у них ломались, и они их дружно стаскивали на обочину. По Минскому шоссе доехали до гостиницы «Украина» — перекрыто. Стоят бэтээры. Развернулись. Поехали через Шелепихинский мост.

Но он тоже был перекрыт. Пришлось ехать через Мневники. В конце концов добрались до Белорусского вокзала, а там уже рядом — дом.

Л е н а. Когда ехали в районе Филей, возникло ощущение, что все это происходит во сне. Мы в таком напряжении мчимся, достаточно реально осознавая происшедшее. А вокруг люди спокойно идут в магазин. В этих районах на окраинах течет обычная жизнь.

Л е ш а. Что на окраинах, если даже в центре у метро женщины спокойно покупали в лавках овощи, арбузы. Казалось, что ничего не происходит.

Л е н а. Это позже мы сообразили: они же еще не видели танков, не знали, что на Москву надвигается. Мы приехали домой, зашли в квартиру. Женя Ланцов (сотрудник охраны. — *Б. Е.*) уже был там. И он нам говорит: «Ребята, к окнам не подходите». От этого напряжение усилилось. Не подходить к окнам, не выходить на балкон...

Т а н я. Леша в понедельник рвался пойти на работу. Валера у нас был в полете. Я говорю: «Леша, ты сейчас единственный у нас мужчина, неизвестно, как все сложится, ситуация такая напряженная. Я тебя очень прошу, останься, никуда не ходи. Ну, представь, кому-то из женщин плохо станет, мало ли что». И он в понедельник не пошел на работу, хотя там все его ребята собрались.

Л е ш а. Страшно было в ночь с понедельника на вторник, когда мы вообще ничего не понимали, а внизу (в комнате для охраны. — *Б. Е.*), помню, ребята из охраны ночевали на полу, их было человек пять. Я по лестнице спускался покурить, они мне говорят: интересные дела, если они нас решат брать — у нас два автомата на пятерых.

Т а н я. В эту ночь мы не спали. У нас были включены телевизор, радио, мы слушали «Эхо Москвы», Би-би-си.

Ночью я звонила в Белый дом, мне говорили: все нормально, папа практически не спит, он непрерывно работает, настрой боевой. Но больше всего мы боялись за людей у Белого дома.

Л е н а. У нас во дворе все время стояла военная машина, похожая на хлебный фургон. Все эти дни. Самым тяжелым для всех нас был вечер 20 августа, когда Станкевич объявил по радио: «Всем женщинам покинуть Белый дом». Вдруг Женя Ланцов заходит и говорит: «Ребята, лучше уехать. Собираем детей».

Т а н я. Я начала было звонить, выяснять, куда можно уехать. Но Александр Васильевич Коржаков нам сказал: оставайтесь дома. И мы остались.

Вот тут, кстати, у нас впервые вдруг заволновались дети, Боря с Машей. Они все время вели себя идеально, мы их не видели, не слышали, они не просили ни есть, ни пить. А тут Маша подходит и спрашивает: «Таня, а нас не арестуют?» Совершенно серьезно.

Мы и не могли уехать, везде стояли пикеты по Садовому кольцу. Объявили комендантский час. Мы уложили детей спать в одежде. На всякий случай...

Лезвие бритвы

Как известно, 18 августа я находился в Алма-Ате. Это был важный официальный визит — подписывалось соглашение между Россией и Казахстаном. Визит закончился. Пора улетать. Назарбаев нас не отпускает, уговаривает остаться еще на час.

После большого торжественного обеда — концерт казахской народной музыки, потом выступает хор, потом еще хор, еще... Потом танцевальные коллективы, звучат национальные инструменты, пляшут ярко одетые девушки. И, честно говоря, уже в глазах рябит от всего этого.

Вылет отложили на час. Потом еще на час. У Нурсултана Абишевича восточное гостеприимство — не навязчивое, а мягкое, деликатное. Но хватка та же.

И вот тут я почувствовал неладное. Какой-то перебор, пережим.

Я в тот день еще успел искупаться в горной речке. Меня клонило в сон. Перед глазами — сплошные хороводы. А внутри — неясная, безотчетная тревога.

Не думаю, что наша трехчасовая задержка с вылетом из Алма-Аты была случайной. Быть может, что-то прояснится в процессе над ГКЧП. Вот только одна деталь. Один из путчистов, находясь в «Матросской тишине», составил инструкцию своим подельникам. В ней, в частности, говорится: «Необходимо воспроизвести в ходе следственного и судебного разбирательства... что в беседе с Горбачевым предусматривался даже вариант, накануне принятия окончательного решения о введении ЧП, уничтожить 18 августа ночью самолет в воздухе, на котором следовала в Москву делегация Российского правительства во главе с Ельциным из Казахстана...»

Когда я прочел этот документ, отчетливо вспомнил то ощущение тревоги, непонятного холода в груди. Был ли в действительности такой план или это только фальшивка с целью обмануть следствие — узнать нам вряд ли удастся. Но сейчас, восстанавливая в памяти те дни, я еще раз убеждаюсь — мы шли по краю пропасти.

Хроника событий

18 августа 1991 года

Уже в восемь утра маршал Язов провел совещание с высшим военным руководством. Были указаны конкретные части, которые должны войти в Москву утром 19-го. Довольно значительная группа генералов за сутки знала о готовящемся перевороте, хотя и не была посвящена в его детали, в частности об аресте Горбачева.

В одиннадцать утра Крючков сообщил своим заместителям и начальникам управлений КГБ, что в стране вводится чрезвычайное положение. Силами Третьего главного управления и Управления защиты конституционного строя началось формирование специальных групп для отправки в Прибалтику.

Седьмому управлению поручалось обследовать обстановку вокруг Архангельского, организовать постоянное наблюдение, держать рядом с моей дачей группу захвата.

Своему заместителю Лебедеву Крючков передал список лиц, за которыми надлежало установить слежку, чтобы арестовать их в случае необходимости.

В то же самое время Болдин, Шенин, Варенников вылетели в Форос, чтобы «уговорить» Горбачева подписать указ о чрезвычайном положении и передаче власти ГКЧП «по состоянию здоровья».

В половине четвертого в Министерстве обороны у Язова собрались три силовых министра: Язов, Крючков, Пуго (Пуго в этот день вернулся из Крыма, где был на отдыхе).

В семнадцать часов в воздух поднялись два военных вертолета, чтобы лететь на Валдай — за Лукьяновым.

В восемнадцать все были в сборе, за исключением Янаева, который опоздал на тридцать–сорок минут и явился в Кремль навеселе, и Лукьянова, который уже звонил, что едет с аэродрома.

Машина путча заработала полным ходом.

* * *

На Внуковский аэродром мы приземлялись затемно. Машина повезла нас в Архангельское на дачу.

Все мои мысли были заняты предстоящим подписанием Союзного договора. Будут ли республики, и прежде всего Россия, иметь право голоса при решении стратегических задач? Или Горбачев надеется уравнять радикальную позицию России голосами других, более покладистых республик? Так или иначе, нас ожидало грандиозное событие. Первый этап подписания намечен — я посмотрел на часы — да, уже на завтра, двадцатое августа.

Расслабился, посмотрел в окно. Мимо проносились в темноте поселки, деревья, столбы. У меня на душе было мирно и спокойно.

Хроника событий

19 августа 1991 года

В четыре утра небольшое подразделение группы «Альфа» во главе с ее командиром Карпухиным прибыло в Архангельское. Еще не зная цели операции, люди в пятнистой форме проложили от шоссе просеку через лес, а затем выслушали по рации бредовую формулировку: по особому сигналу доставить Ельцина «с целью обеспечения безопасности переговоров с советским руководством». Никто ничего не понял. Но пояснений не последовало: приказ о нападении на дачу был к тому времени (в пять утра) отменен лично Крючковым. Он решил не торопить события. Сначала поставить Ельцина вне закона. А потом уже решать, что с ним делать.

* * *

В эти ночные часы Горбачев лихорадочно пытался обдумать произошедшие перемены.

Находиться под домашним арестом, фактически в четырех стенах, не зная, что произойдет буквально в следующую минуту, было, конечно, очень тяжело. Просто невыносимо.

Чуть позже он решит записать на любительскую видеокамеру короткое заявление с выражением своей позиции по отношению к путчу. Видеокамеру Горбачеву оставили, как и коротковолновый радиоприемник.

Вероятно, в тот момент, когда я подъезжал к Архангельскому, Горбачев отчаянно крутил ручки приемника, перескакивая с волны на волну, пытаясь что-то поймать, хоть какие-то новости. Но новостей о путче не было. Пока. А Горбачеву необходимо было срочно сопоставить то, что ему сказали путчисты, с официальной информацией. Но будет ли она? Может быть, это вообще какая-то провокация?

Самое страшное — это то, что произошла полная консолидация армии, КГБ, милиции. Издавна эти силы являлись самыми грозными, самыми влиятельными в СССР. Над ними всегда был только один контролер — коммунистическая партия. Сейчас она уже не контролировала ситуацию, она просто участвовала в путче.

Думаю, что для Горбачева эти часы были самыми страшными. Потому что это были часы полной неизвестности. Полной непредсказуемости.

* * *

Итак, путчисты собрались в Кремле.

Основные действующие лица — Крючков, Язов, Шенин, Бакланов, Павлов — встретились на день раньше, 17 августа, на секретном объекте КГБ в районе юго-запада столицы. До этого, 6 августа, Крючков привлек экспертов КГБ к работе над прогнозом о последствиях ввода в стране чрезвычайного положения.

Это уже была не просто абстрактная разработка той или иной стратегической ситуации, которую аналитики КГБ, учитывая, конечно, вкусы и запросы начальства, периодически составляли по заказу свыше. Это был конкретный приказ — обосновать проблемную базу, подготовить главные документы, основные направления будущего переворота.

Риск разглашения конфиденциальной информации был велик, тем более что шеф безопасности привлек эксперта и из другой структуры, Министерства обороны СССР. Этим экспертом был Павел Грачев, будущий министр обороны России, который во время путча сыграл одну из ключевых ролей, отказавшись поддержать членов ГКЧП.

Однако Крючков шел на этот риск. Он активно вел переговоры с представителями КПСС Баклановым и Шениным (первый отвечал за космическую и оборонную промышленность, второй — за партийные кадры, за организационную деятельность). Больше того, Крючков в преддверии путча пошел на прямые

контакты с руководителем горбачевского секретариата Болдиным, одним из самых близких и доверенных лиц Горбачева!

Тезис о том, что Президент СССР оказался заложником в руках экстремистов, и в частности главного экстремиста Ельцина, Крючков излагал перед достаточно широким кругом лиц, обосновывая необходимость ввода чрезвычайного положения. И не только излагал, но и убеждал, доказывал, втягивал в организацию переворота. Об этом свидетельствуют его необычайно активные — для шефа такого ведомства — встречи с представителями разных структур власти незадолго до путча.

Так рождался этот путч. Путч, который готовился довольно нагло и спокойно. Путч, участники которого почти не боялись ответной реакции, чувствуя под ногами вполне твердую почву.

К тому времени у Крючкова под влиянием разных факторов созрела мысль о полной изоляции Горбачева.

В борьбе с КГБ Горбачеву, как считал Крючков, совершенно не на кого опереться. Генеральный секретарь, а теперь и Президент Советского Союза (правда, избранный каким-то странным путем) завис в невесомости.

Представить эту теорию в общих чертах можно так. Горбачев уже давно не являлся лидером процесса реформ. Его уступки демократам в ходе ново-огаревских переговоров были вынужденными и в некотором смысле тактическими. Как я уже говорил, загнанный в угол борьбой противоположных политических сил, он сделал этот ход, чтобы выиграть время.

Все многочисленные митинги, которые зимой и весной 91-го будоражили Москву (и в каком-то смысле стимулировали Президента СССР на новые идеи и действия), были в общем-то антигорбачевскими.

С другой стороны, Горбачев не мог опереться и на парламент, который когда-то был ему послушен. Верховный Совет целиком контролировался Лукьяновым. Противодействие со стороны депутатов и экономической реформе, и новому Союзному договору, и вообще горбачевской перестройке не вызывало сомнений. Этот парламент в большинстве своем представлял бывшую советскую номенклатурную элиту, недовольную перестройкой.

Огромное раздражение назрело и в армии. Причин было масса: конверсия, свертывание оборонной промышленности, изменение стратегической концепции, уступки Западу в области вооружений, абсолютно неподготовленная передислокация войск из Восточной Германии, вынужденное участие в межна-

циональных конфликтах, которые подвергали угрозе жизнь и здоровье военнослужащих и их семей.

Наконец, дала трещину и основная опора горбачевской власти — исполнительная вертикаль. Новый премьер Павлов за период с апреля по июнь очень резко обозначил независимость своей позиции, «особое мнение» по многим экономическим и политическим вопросам, противодействие общему курсу горбачевской администрации. Это дало мощный и совершенно неожиданный резонанс. Для того чтобы «окоротить» зарвавшегося Павлова, у Горбачева, как вдруг выяснилось, не было никаких средств и возможностей. Не было «верхней структуры», которая бы согласованно принимала жесткие решения под влиянием президента. Политбюро было, по сути, легально отстранено от власти. Президентский совет, после ухода оттуда Шеварднадзе, Бакатина, Яковлева, перестал быть тем органом, на который можно было опереться. Компартия раскололась на левых, правых и центристов и была очень недовольна своим официальным лидером.

Горбачев оказался в одиночестве.

Крючков внимательно изучал ситуацию, сложившуюся вокруг главного «прораба перестройки». Метания Горбачева между разными политическими силами дорого стоили первому и последнему Президенту СССР.

По агентурным данным, Горбачев потерял доверие широких слоев населения и начал терять авторитет у главных западных политиков. В справке КГБ, представленной Крючкову, говорилось, что «...в ближайшем окружении Дж. Буша полагают, что М. С. Горбачев практически исчерпал свои возможности как лидер такой страны, как СССР... В администрации Буша и правительствах других западных стран пытаются определить возможную кандидатуру на замену Горбачева...».

Дело не в том, насколько это сообщение КГБ соответствовало действительности, важно, что Крючков явно опирался на эти данные, строя тактику заговора. Тактику не чисто военного, а фактически легального, административного изменения в верхних эшелонах власти — замены «всем надоевшего» Горбачева.

* * *

Вечером 18 августа в Кремле, в кабинете премьер-министра СССР Павлова, им впервые предстояло собраться всем вместе без Горбачева. Всей «команде президента», которая быстренько договорилась о замене самого тренера.

Так бывает не только в футболе.

И все-таки пойти на заговор было психологически очень трудно. Крючков поделил всех участников событий как бы на три группы: первые вместе с ним принимали основные решения — это были прежде всего представители КПСС Бакланов и Шенин, а также Павлов и Язов, хотя последний все время играл пассивную роль. Вторые осторожными переговорами и намеками втягивались в орбиту ГКЧП. Третьи должны были примкнуть, увидев, какие силы ратуют за чрезвычайное положение. Примкнуть или уйти в сторону.

Но уйти не смог никто. Не хватило ни мужества, ни дальновидности.

Не ушел Лукьянов. Хотя сразу сказал, что как представитель законодательной власти не может войти в состав ГКЧП, и попросил вычеркнуть его из списка. Затем Лукьянов затих и вместе с остальными стал дожидаться «группы товарищей», которая возвращалась из Крыма после встречи с Горбачевым. Ждали несколько часов. Главное Крючков уже сообщил. Но все хотели знать детали, хотели увидеть лица говоривших с Горбачевым, прочитать на этих лицах нечто важное, что не передать словами.

Не ушел и Янаев. А когда наконец вместе со всеми дождался прилетевших из Фороса сотоварищей и узнал о том, что Горбачев был резок и категоричен, разом отрубил все концы, связывавшие его с «командой», — видимо, заволновался, и долго не мог заставить себя подписать документы ГКЧП. Но в конце концов подписал.

Так они ломали друг друга...

Последним сломался министр иностранных дел Бессмертных, срочно прилетевший из дома отдыха в Белоруссии, как был, в джинсах и куртке. Он тоже испугался, заговорил о том, что ему не стоит подписывать такие серьезные документы, ему предстоит общаться с министрами иностранных государств, у него должно быть поле для маневра. Но и его заставили по линии МИДа поддержать решения ГКЧП.

Здесь было даже не сопротивление, а попытка лавировать, удержаться на двух стульях. Все трое: вице-президент, спикер парламента и министр иностранных дел — сначала слегка отстранившись, затем послушно заплясали под дудку главных организаторов путча.

Почему я так подробно останавливаюсь на этом?

Именно эта «третья группа» лиц, присоединившихся к путчистам уже на последнем этапе, имела какие-то шансы их остановить. И в тот момент, когда Лукьянов просил вычеркнуть его из состава ГКЧП, и когда Янаев тянул с подписанием документов ГКЧП и даже когда вошел Бессмертных — все еще можно было изменить. Но все происходило по законам уголовной банды. Каждого новенького «повязывали», чтобы он уже не мог «выйти из дела». Основным мотивом прилетевших из Крыма заговорщиков было нежелание стать козлами отпущения. То есть простой страх. Они настаивали на коллективной ответственности, на круговой поруке. И они ее добились.

Сказалась и послушность руководителей, не привыкших принимать самостоятельные решения. Сказалось и советское воспитание, привычка голосовать единогласно. Сказалась простая человеческая слабость, затертость личности в жерновах власти. Но сказалось и желание этой властью обладать, теперь уже без надоевшего и доставшего всех Горбачева.

Эти люди и решили нашу судьбу на долгие годы вперед. Их надо «благодарить» за распад Союза, за связанную с этим страшную драму общества. Но об этом — позже...

В Архангельском

Рано утром, часов в семь, в Архангельское приехали рабочие, начали укладывать асфальт. По дорожкам сада ездил внушительный каток. Рабочие в оранжевых жилетах степенно и бережно рассыпали горячий асфальт. Это была старая история, тянувшаяся несколько месяцев. Директор дома отдыха долго бился за этот асфальт со своим начальством. И надо же было такому случиться, чтобы асфальт и рабочих ему дали именно в то утро.

Дорожные рабочие испуганно озирались. Вокруг носились какие-то люди с настоящими автоматами, с возбужденными лицами. Приезжали одна за другой черные «Волги». Да и за воротами людей и машин было явно больше, чем обычно.

...И я вдруг представил себя на месте этих работяг. Да гори оно огнем, это историческое событие! У нас асфальт стынет!

Как часто бывает в такие страшные дни, погода была просто замечательная. Горячий асфальт пахнет каким-то странным уютом. Уютом дороги.

Разбудила меня в то утро Таня. Влетела в комнату: «Папа, вставай! Переворот!» Еще не совсем проснувшись, я прогово-

рил: «Это же незаконно». Она начала рассказывать о ГКЧП, о Янаеве, Крючкове. Все это было слишком нелепо. Я сказал: «Вы что, меня разыгрываете?»

Тот же самый вопрос задавали друг другу люди по всей стране. Именно теми же самыми словами. Мы все не верили, что такое возможно. Оказалось — возможно.

* * *

А в это время по улицам Москвы сплошной колонной шли бронетранспортеры и танки. Совершалась невероятная по своей бессмысленности акция — в абсолютно мирный город вводились части сразу нескольких мотострелковых и танковых дивизий, другие части стояли на пороге Москвы, стягивались к столице.

Руководители заговора решили ошеломить город огромным количеством военной техники и солдат. Придать ему фронтовой вид. Заставить забиться всех по углам.

Над Москвой в течение нескольких часов стоял непрерывный тяжелый гул.

«Война?» — хватались за сердце московские старушки.

«Военный переворот», — отвечали более молодые, тоже с трудом осознавая, что случилось.

* * *

Члены ГКЧП. Парадокс заключался в том, что это были действительно профессионалы, классные специалисты, исполнители, но при этом почти у каждого был не очень заметный со стороны личностный дефект. Какое-то отклонение в поведении, мышлении, психологии.

Янаев всех поразил на съезде депутатов, когда публично заявил — на вопрос о состоянии здоровья, — что хорошо справляется с супружескими обязанностями. Это так называемый вытесненный комплекс неполноценности, когда с детства в чем-то ущербный ребенок, став взрослым, вдруг начинает себя ощущать сверхполноценным. Именно этот комплекс сверхполноценности помог невыразительному Янаеву занять столь высокое, не по способностям, место в руководстве — он бесконечно долго мог говорить, спорить, навязывать свое мнение с чрезвычайно уверенным видом. Он был как бы рожден для партийной и советской работы. И все же перед первым большим сбором гэкачепистов ему пришлось как следует накачать-

ся с помощью подручных средств — уверенности не хватило. Ведь роль в путче ему была уготована заметная...

Крючков — ученик Андропова, прошедший большую школу в наших спецслужбах. И по складу характера, и по роду работы он должен был бы мыслить реалистично, здраво, четко. Однако Владимир Александрович был заражен профессиональной болезнью — банальнейшей шпиономанией. Он постоянно выступал с «закрытыми» сообщениями, клал на стол Горбачеву секретные записки, суть которых была одна: демократы готовят переворот. Демократы — агенты ЦРУ. Америка готовит стратегический план захвата СССР с целью поделить национальные богатства между странами НАТО, уменьшить народонаселение, выкачать недра, оккупировать страну. И так далее. Я не психоаналитик, но похоже, что у Крючкова это был чуть ли не синдром бдительности из его пионерского детства. Понять, по каким законам живет современный мир, он был уже не в состоянии.

Валентин Павлов. Достаточно сильный финансист и, безусловно, неглупый человек. На первый взгляд он производил впечатление добродушного увальня: рыхловатый, располневший, с детской стрижкой «ежиком». Занятно — перед зрачком телекамеры на него нападала какая-то необъяснимая наглость. Он начинал отпускать блатные шутки. Свирепеть и наливаться пунцовой краской. На второй день существования ГКЧП эта его неуравновешенность дала себя знать: Павлов выбыл из строя.

Дмитрий Язов. Фронтовик. Типичный честный служака. Жизнь была жестока к этому маршалу — очень трудное голодное детство, война, ранняя гибель дочери, затем жены, незадолго до путча попала в тяжелую катастрофу и его вторая жена. Дмитрий Тимофеевич уже не мог, не умел посмотреть на жизнь другими глазами, все воспринимал однозначно покорно, сквозь угрюмо-казенную призму воинской повинности, приказа.

Нельзя без волнения читать показания детей и членов семьи Бориса Пуго о его последних минутах перед самоубийством. Это настоящая трагедия. «Умный у вас папочка. А купили за пять копеек», — сказал он в приступе отчаяния. Он сломался под грузом свалившейся ответственности.

Вообще трагедию гэкачепистов я воспринимаю как трагедию целой формации государственных служащих, которых система сделала винтиками, лишила каких-то человеческих свойств. Перед лицом новой реальности, когда политику, для того чтобы остаться им, надо было иметь свои взгляды, свои

внутренние правила, индивидуальную речь и поведение, они сломались.

Это трагедия. Но было бы гораздо хуже, если бы жертвами ситуации оказались не они, а мы. Если бы эта формация холодных и роботообразных советских чиновников вернулась к руководству страной.

Пожалуй, единственным среди них человеком, который сохранил холодную и ясную голову, просчитал все, был Лукьянов. Он попытался сохранить себе вариант отхода при любом развитии событий: побеждает ГКЧП — он становится одним из главных идеологических лидеров путчистов, побеждаем мы — он к ГКЧП никакого отношения не имеет, и вообще, он всегда был за законность, он лучший друг Горбачева.

Конечно, в тот момент, когда ко мне вбежала Таня, никаких особых размышлений у меня не было. Я сидел, вперившись в телеэкран, еще без рубашки, и изредка посматривал на лица жены и дочерей, сверяя их реакцию со своей.

Все, конечно, были потрясены. Все прекрасно понимали, что произошло.

Наина первой взяла себя в руки. «Боря, кому позвонить?» — спросила она, почти не разжимая губ.

Так начиналось то утро.

...Через десять минут после первого телевизионного сообщения ко мне примчался начальник охраны Коржаков. Он тут же начал расставлять посты, из гаражей стали выводить машины.

Я обзвонил всех, кто был поблизости и мог понадобиться сейчас для работы. Помогала звонить жена. Именно она и дочери в то утро были моими первыми помощниками. Мои женщины не плакали, не сидели потерянно, а сразу начали действовать вместе со мной и другими людьми, которые появились вскоре в доме. Спасибо им за это.

Решили писать обращение к гражданам России. Текст от руки записывал Хасбулатов, а диктовали, формулировали все, кто был рядом: Шахрай, Бурбулис, Силаев, Полторанин, Ярошенко. Затем обращение было перепечатано, помогли печатать дочери. Стали звонить по телефону знакомым, родственникам, друзьям, чтобы выяснить, куда в первую очередь можно передать текст. Передали в Зеленоград.

На даче появился и Собчак, мэр Петербурга, тогда еще Ленинграда. Правда, он пробыл недолго, потому что торопился уехать в Питер, боялся, что его задержат в пути. Дал свою оцен-

ку событиям как юрист и уехал через пятнадцать минут. На прощание он вдруг сказал Наине: «Да поможет вам Бог!»

Видимо, эти слова помогли ей до конца осознать весь ужас происходящего. Она посмотрела на него глазами, полными слез.

Вообще эти первые полтора часа в Архангельском остались у меня в памяти как бы в тумане, четко помню лишь отдельные моменты. Перечислить всех, кто был там, мне сейчас трудно — в круговерти лиц могу ошибиться, обидеть кого-то невзначай.

Кстати, о факсе в Архангельском. Он, как ни странно, временами работал. Работал вместе со всей остальной телефонной сетью.

Этого тоже не предусмотрел Крючков. За два-три года бурного развития бизнеса в стране появилось невероятное количество новых средств связи. Буквально через час после того, как мои дочери напечатали наше обращение к народу, в Москве и других городах люди читали этот документ. Его передавали зарубежные агентства, профессиональная и любительская компьютерная сеть, независимые радиостанции типа «Эха Москвы», биржи, корреспондентская сеть многих центральных изданий. А сколько появилось прежде запрещенных ксероксов!

Мне кажется, пожилые гэкачеписты просто не могли себе представить весь объем и глубину этой новой для них информационной реальности. Перед ними была совершенно другая страна. Вместо по-партийному тихого и незаметного путча вдруг получился абсолютно публичный поединок.

К обстановке полной публичности гэкачеписты не были готовы. Прежде всего морально.

Наше обращение ставило путч вне закона. Давалась четкая оценка происшедшего, было сказано и о Президенте СССР, чья судьба скрывалась гэкачепистами, и о суверенитете России, и о гражданском мужестве, которое нам всем необходимо, чтобы выстоять в эти часы и дни...

Но этого было мало.

Интуиция подсказывала мне, что судьба страны будет решаться не только на площади, не только путем открытых публичных выступлений. Главное происходило за кулисами событий.

* * *

Незадолго до путча я посетил образцовую Тульскую дивизию. Показывал мне боевые части командующий воздушно-десантными войсками Павел Грачев. Мне этот человек понравил-

ся — молодой генерал с боевым опытом, довольно дерзкий и самостоятельный, открытый человек.

И я, поколебавшись, решился задать ему трудный вопрос: «Павел Сергеевич, вот случись такая ситуация, что нашей законно избранной власти в России будет угрожать опасность — какой-то террор, заговор, попытаются арестовать... Можно положиться на военных, можно положиться на вас?» Он ответил: «Да, можно».

И тогда, 19-го, я позвонил ему. Это был один из моих самых первых звонков из Архангельского. Я напомнил ему наш старый разговор.

Грачев смутился, взял долгую паузу, было слышно на том конце провода, как он напряженно дышит. Наконец он проговорил, что для него, офицера, невозможно нарушить приказ. И я сказал ему что-то вроде: я не хочу вас подставлять под удар…

Он ответил: «Подождите, Борис Николаевич, я пришлю вам в Архангельское свою разведроту» (или роту охраны, не помню). Я поблагодарил, и на том мы расстались. Жена вспоминает, что уже в то раннее утро я положил трубку и сказал ей: «Грачев наш». Почему?

Первая реакция Грачева меня не обескуражила. Больше того, не каждый в такой ситуации смог бы ответить прямо. Приказ есть приказ... И все-таки какая-то зацепка была, Грачев не отрекся от своих слов. И это было главное.

В общем-то мало у человека бывает таких секунд, когда решается, быть может, главный вопрос жизни. Пока Грачев дышал в трубку, он решал судьбу не только свою, но и мою. Судьбу миллионов людей. Вот как бывает.

Конечно, военачальнику такого ранга было очень непросто. Он был слишком тесно подключен к действиям ГКЧП, сам отдавал приказы о вводе войск в Москву, сам руководил военной стороной путча. И в то же время поддерживал нас.

То, что на этом посту оказался человек такого склада, как Грачев, — волевой, самостоятельный и независимый, было для России настоящей удачей.

И дело тут не только в его личных качествах. Дело в том, что к тому моменту в наших вооруженных силах было как бы две армии. Одна — высокопрофессиональные боевые части, прошедшие школу Афганистана, армия на уровне высочайшего мирового стандарта. Вторая — необъятная многомиллионная «огородная» армия, которая в основном обслуживала сама себя

и больше ничем не занималась, никакой обороной. И был внутренний конфликт, подспудно назревший, внутреннее противостояние между «худыми» и «толстыми» генералами.

Когда я звонил Грачеву, ему в эти несколько секунд пришлось обдумать сразу несколько аспектов. Политический. Нравственный. И, наконец, чисто профессиональный. Он понял, что ему, «худому» генералу, предоставляется шанс — исторический шанс — из «огородной» армии сделать настоящую. Путем лишений, страданий, тяжелейшей реформы. Но сделать из политической, идеологической машины запугивания ту российскую армию, которой всегда гордилась Россия.

...Обстановка в Архангельском в то утро была необычная. Очень много машин, постов наблюдения, часть людей они маскировали, часть, наоборот, нарочито демонстрировали, много было сотрудников КГБ и других спецподразделений в гражданском. Коржаков заметил, что у него такое чувство, будто все эти посланные сюда люди плохо отличают «своих» от «чужих».

Нелепости в их поведении стали бросаться в глаза довольно быстро. Группа захвата из подразделения «Альфа», присланная сюда еще ночью, так и осталась сидеть в лесу без конкретной задачи. Были арестованы депутаты Гдлян и Уражцев, а главные российские лидеры проснулись у себя на дачах, успели сообразить, что случилось, и начали организовывать сопротивление.

Пока я обратил внимание только на телефоны. Они работают, значит, жить можно.

Марионеточный, тупой характер заговора начал только еще проявляться, но я успел почувствовать: что-то тут не так. Настоящая военная хунта так себя не станет вести. Тут расчет на что-то другое. На всеобщий испуг, что ли? На то, что все само собой образуется?

Так или иначе, надо было этим воспользоваться. Мой звонок Грачеву, как выяснилось впоследствии, был сделан точно по адресу. Как раз ему и было поручено развертывание всей военной техники в Москве. А именно на военную технику, на ее впечатляющее количество, на то, что Москва будет полностью парализована не спецподразделениями, а обычными солдатами, сделали ставку организаторы заговора. Им не хотелось крови, им нужно было сохранить лицо перед западными правительствами. И эта двойственность в поведении сыграла с ними злую шутку.

Они грубо ошиблись в выборе тактики. И давайте скажем им большое спасибо за эту ошибку.

* * *

Позже я не раз вспоминал то утро, хотел понять: что же нас спасло? Перебирал в уме и то, и это. Я спортсмен и прекрасно знаю, как это бывает: вдруг какой-то толчок — и ты чувствуешь, что игра идет, что можно смело брать инициативу в свои руки.

Примерно такой же толчок я ощутил в то утро в Архангельском: на часах почти девять утра, телефон работает, вокруг дачи никаких заметных перемещений. Пора. И я поехал в Белый дом.

Нас могли при выезде расстрелять из засады, могли взять на шоссе, могли забросать гранатами или раздавить бронетранспортером на пути нашего следования. Но просто сидеть на даче было безумием. И если исходить из абстрактной логики безопасности, наше решение тоже было нелепым. Конечно, нас вела машина прикрытия, но к настоящей безопасности это никакого отношения не имело.

Охрана предлагала другой, более красивый вариант: провезти меня на лодке по реке до пересечения с шоссе — сработать под рыбака. А там уже подхватить машиной.

Наконец, можно было придумать более изощренный путь к Москве, а может, и от Москвы — чтобы затеряться, уйти от преследования.

Позднее я узнал, что группа захвата наблюдала за нашими перемещениями из леса. Начальник группы принял двести грамм для храбрости — он ждал приказа на уничтожение или арест в любую минуту. В течение четырех часов эти парни следили за каждым нашим шагом. Когда они поняли, что мы направляемся в Москву, к центру, — успокоились. Ведь мы же не скрывались, а, наоборот, бросились в самое пекло.

Первой проехала машина Силаева. Он позвонил мне уже из Белого дома — доехали нормально.

Никогда не забуду эти томительные минуты. Эти бесконечные колонны военной техники. Автомат на коленях Коржакова. Яркий солнечный свет в глаза.

* * *

Перед самым отъездом из Архангельского жена остановила меня вопросом: «Куда вы едете? Там же танки, они вас не пропустят...» Надо было что-то сказать, и я сказал: «У нас российский флажок на машине. С ним нас не остановят».

Она махнула рукой. Мы уехали.

Я хорошо помню это чувство, когда я, в тяжелом бронежилете, огромный, неуклюжий, пытался сообразить, что сказать жене, чем успокоить, и вдруг ухватился мыслью за этот флажок. Такой маленький.

Признаться, мало что радовало в тот момент. Все казалось зыбким и ненадежным. Сейчас помчимся в Белый дом, а вдруг где-то засада. А если прорвемся — там тоже может быть ловушка. Привычная почва уходила из-под ног. А вот флажок был чем-то реальным, настоящим. Значительным.

Наверное, это чувство охватило и окружающих людей. Нам было за что бороться. У нас был этот символ надежды. Это были никакие не политические игры, в чем позже нас злобно обвиняли на съезде и в оппозиционной прессе, а совсем наоборот: желание раз и навсегда уйти от этой грязи, от этой цепи предательств и скользкой игры, уйти — и защитить этот российский флажок, нашу веру в будущее великой страны, в честное и доброе будущее.

Хроника событий

19 августа 1991 года

Варенников в кабинете руководителя Украины Кравчука обосновывал перед местным руководством необходимость введения чрезвычайного положения на Украине...

Группа «Б» московского управления КГБ, вооруженная и в полной боевой готовности, передислоцировалась в центр города, в Дом культуры имени Дзержинского...

Кремлевские врачи получили едва завуалированный приказ составить заключение о состоянии здоровья Горбачева, удобное для ГКЧП...

Военные «глушилки» начали забивать местные радиостанции...

Началась передислокация военных частей в Прибалтике и Грузии...

* * *

Моя машина уехала в Белый дом. Семья еще оставалась в Архангельском.

К воротам дома отдыха подъехала группа, человек восемь, в десантных костюмах. Старший предъявил удостоверение десантных войск на имя подполковника Зайцева. Охраннику они

объяснили, что приехали по заданию генерала Грачева охранять президента Ельцина. И надо же было такому случиться, что старшим по охране семьи в этот день оказался Саша Кулеш, человек, который отлично знал, что подполковник Зайцев никакой не десантник, а офицер КГБ.

Саша незадолго до этих событий учился на курсах КГБ, и этот Зайцев приезжал туда читать лекции. Парень, естественно, его запомнил, а вот лектор студента запомнить не смог.

Кроме того, удостоверение у Зайцева было абсолютно новеньким, сразу же видно, что выписано буквально вчера.

Группу впустили и накормили до отвала. Сытый солдат — это уже не тот солдат. Накормили раз, потом другой. Они расслабились.

Их план был таков: воспользовавшись моим звонком Грачеву, проникнуть в Архангельское, взять меня как бы под охрану, а потом внезапно арестовать. Но и этот план был благополучно провален — еще в тот момент, когда выписывалось удостоверение на имя Зайцева. И к тому же они опоздали. Машина президента беспрепятственно выехала из Архангельского.

Нелепое и запоздалое появление «десантников» в Архангельском еще раз показало, что события повернули в выгодное для нас русло. Русло самотека.

Еще один скромный сотрудник охраны, о котором я хочу сказать несколько добрых слов, Виктор Григорьевич Кузнецов. Именно на его квартире первую ночь скрывалась Наина с детьми. Эта двухкомнатная квартира в Кунцеве, по нашим сведениям, не была «засвечена» КГБ.

Семью посадили в «рафик» со шторками. Сзади поехала машина прикрытия.

В «раф» при выезде заглянули — увидели женщину и детей, ничего не сказали.

На следующий день уже вся семья переехала в нашу квартиру у Белорусского. Наина в первую ночь звонила мне из телефона-автомата. Слава богу, тогда ее еще никто не знал в лицо.

Хроника событий

19 августа 1991 года

В десять утра члены ГКЧП вновь собрались в Кремле, но уже без Павлова.

Это была первая попытка анализа происходящего в стране. Данные пока обнадеживали. Предприятия работали нормально. Люди вроде бы не собирались пока бастовать и протестовать. Отпадала необходимость в немедленных карательных действиях. Обсуждалась ближайшая тактика ГКЧП: немедленно передать по телевидению как можно больше «компромата» на демократических лидеров. Попытаться снизить цены на отдельные товары, расширить ассортимент — «успокоить народ». И самое главное — с помощью Верховного Совета придать путчу политически целесообразный, законный характер.

* * *

У здания Дома Советов России, который теперь принято называть российским Белым домом, заняли позиции танковые подразделения Таманской и бронемашины Тульской десантной дивизий.

37-я десантная бригада из Калининградской области передислоцировалась на аэродром в столицу Латвии Ригу. 234-й полк высадился в Таллине. 21-я десантная бригада усилила Закавказский военный округ.

Ночью к ГКЧП присоединились двое — Александр Тизяков, вице-президент Научно-промышленного союза СССР, директор оборонного завода из Свердловска, и Василий Стародубцев, председатель образцового колхоза из Тульской области, председатель Крестьянского союза. Оба поставили свои подписи под всеми документами ГКЧП. Вновь прибывшие не были посвящены заранее в детали заговора, но восприняли события с огромным энтузиазмом. Им немедленно выделили охрану и по большому кабинету в Кремле, ведь теперь они входили в состав «высшего руководства» страны.

«Крестьяне и рабочие» — в лице своих номенклатурных руководителей — поддержали государственный переворот.

...Заместителям министра обороны СССР, командующим группами войск, округов и флотов, начальникам управлений, другим высшим военачальникам Советской армии направлен приказ за подписью Язова.

Войска приведены в боевую готовность. Солдаты подняты по тревоге.

На крупных предприятиях союзного подчинения, которые контролируются центральными министерствами и ведомствами, начались собрания, на которых партийные секретари пыта-

ются объяснить смысл и необходимость происходящих событий своим коммунистам и беспартийным.

Работает только один канал общесоюзного телевидения. Каждый час транслируются документы ГКЧП...

* * *

Начальник управления по защите конституционного строя КГБ СССР генерал-майор Воротников позже показал на допросе, что ему был выдан список лиц, подлежащих задержанию, и в нем кроме российского руководства значились бывшие главные «горбачевцы», отстраненные самим Горбачевым: Александр Яковлев и Эдуард Шеварднадзе. В списке было 70 фамилий. Зампредседателя КГБ Лебедев объяснил, что их надо будет задержать по поступлении дополнительной команды. Группа захвата московского управления КГБ в полной боевой готовности ждала приказа. Но он так и не поступил...

* * *

Утром 19-го, одновременно с документами ГКЧП, передавалось также и заявление Анатолия Лукьянова, Председателя Верховного Совета СССР, по поводу нового Союзного договора.

Лукьянов писал, что договор по многим своим положениям противоречит советской Конституции. Нуждается в серьезной доработке. Вызывает вопросы у трудящихся граждан (замечательная коммунистическая формулировка, таящая в себе, несмотря на простоту, большой психологический заряд). И что поспешное подписание договора вызывает у него, Лукьянова, серьезную озабоченность.

Этот документ официальная пропаганда подавала в одном пакете с «Обращением к советскому народу», указом № 1 ГКЧП и другими чрезвычайными документами ГКЧП.

Масштаб заговора был таков, что в нем участвовали почти все, кто работал с Горбачевым. Непосредственно, бок о бок... По сценарию и обстоятельствам действия это необычайно напоминало смещение — мирное, почти легальное — Хрущева в 1964 году. Тоже отпуск (только не Кавказ, а Крым), «бархатный сезон», безоблачная погода. Бац! — и перед абсолютно единодушным мнением своего окружения Хрущев вынужден сдаться. Он не подготовлен к такому варианту событий, ему не на кого опереться. Одномоментно его вынуждают к признанию своего политического конца.

Такой же замысел был и здесь.

Читая заявление Лукьянова, я пытался понять, что происходит. Первый вариант — Лукьянов предал своего друга и шефа. Второй, более сложный, но который тоже надо просчитывать: Горбачев знает обо всей ситуации, это подготовленный им сценарий — грязные руки расчистят ему путь, он сможет вернуться в новую страну, находящуюся в режиме чрезвычайного положения. И потом можно будет разобраться и с демократами, и с российским руководством, и с «обнаглевшими» прибалтийскими странами, и с остальными союзными республиками, последнее время поднимающими голову. Можно будет решить все вопросы. Мы — российское руководство — призываем к гражданскому неповиновению, акциям протеста. Вот-вот вокруг Белого дома построят баррикады, неизбежны столкновения. А тут появляется Горбачев, руками Янаева и Лукьянова торпедировавший Союзный договор...

В этих сомнениях я позвонил руководителям крупных республик, которые участвовали в создании нового Союзного договора.

(Правительственная связь в Белом доме была отключена. Однако один телефон, моего помощника Илюшина, который был поставлен и включен буквально накануне, — работал! Его не внесли в «красную книжечку» — список правительственных телефонов, и он оказался как бы законспирированным...)

Реакция лидеров республик меня поначалу просто поразила. Они разговаривали крайне сдержанно.

Их тоже смутило заявление Лукьянова. Они тоже хотели бы знать истинную роль Горбачева, прежде чем что-то говорить. Но главное — это желание дистанцироваться от московских событий, сохранить хотя бы внешний, формальный суверенитет, сохранить, грубо говоря, власть, выступить в диалоге с ГКЧП как равноправный партнер. Руководители республик должны действовать нейтрально. Тогда, возможно, им будут оставлены какие-то властные полномочия. По крайней мере они сохранят кабинеты и привилегии. Это была чисто аппаратная, а не политическая логика. С привкусом хитрой, но легко читаемой дипломатии.

Как они не понимали — Анатолий Лукьянов публично высказался против Союзного договора, и если сессия Верховного Совета придаст законную силу действиям ГКЧП (а в этом, похоже, они не сомневались), тогда путч за какую-то неделю пере-

растет в необратимое, глобальное событие, которое заставит покачнуться весь мир, не говоря уж о союзных республиках. В Киев, Алма-Ату, Ташкент и другие столицы республик будут введены войска, уже там, на местах, состоятся маленькие, местного масштаба путчики, с танками и бронетранспортерами, и местные ГКЧП, послушные центру, возьмут власть в свои руки. Неужели они не видели подобного развития ситуации?

А Крючков подталкивал именно к такому постепенному перевороту. Он отменил намеченные аресты. Хотя все для них было готово. Как я уже говорил, был список, куда входили российские руководители, «горбачевские» либералы, московские власти. Включилась система наружного наблюдения, чтобы всех «отмеченных» можно было взять в течение часа, — но сама машина репрессий резко затормозила.

Крючков, я думаю, считал, что арестовать всех, конечно, можно. Но, во-первых, это мгновенно вызовет реакцию сопротивления, тогда эксцессы неизбежны, прольется кровь. А во-вторых, будет слишком резкий переход от горбачевской оттепели. Новое руководство подвергнется не только многочисленным международным санкциям, можно ожидать и полного разрыва отношений. А для такой страны, как наша, с ее многочисленными интересами в разных уголках земного шара — это чересчур болезненно. Хитрый аппаратчик от разведки рассуждал здраво.

Функцию устрашения, по замыслу Крючкова, сыграет не КГБ, а армия. Огромное количество военной техники, выведенной на улицы мирного города, должно парализовать волю демократов. Сопротивление перед лицом силы бессмысленно.

Расчет Крючкова на аппаратный переворот, на то, что появление фигуры Лукьянова резко изменит расстановку сил, был не единственной причиной, по которой этот путч с самого начала выглядел «странно».

Утром 19-го для ГКЧП на первый план вышла задача доказать общественности легитимный характер путча.

* * *

Примерно к 10 утра я окончательно понял, что Белый дом России станет основным плацдармом ближайших событий.

Что представляло собой само здание Дома Советов?

Это, пожалуй, первое правительственное здание такого масштаба в Москве, построенное по особому заказу, здание нового

поколения. Архитектор Чечулин потрудился над проектом дома на славу. Для того чтобы обойти все его коридоры, нужен не один день. Многочисленные отсеки, кабинеты, наконец, подземный бункер и подземные выходы из здания создают хорошую систему безопасности.

А значит, надо сидеть в Белом доме. Сидеть и сидеть. Чем дольше я здесь сижу, тем хуже для них. Чем дольше продолжается осада, тем громче политический скандал, который им страшно невыгоден. Чем длиннее возникшая пауза, неясность ситуации, тем больше шансов, что у них все сорвется.

Я огляделся вокруг каким-то новым, более пристальным взглядом. Почувствовал, что к этим холодным, внушительным кабинетам так и не успел привыкнуть. Неужели многие часы предстоит провести на одном месте? И неизвестно, когда кончится это наваждение...

Мы были вместе — Руцкой, Бурбулис, Силаев, Хасбулатов, Шахрай, другие руководители России. Обсуждали ситуацию в связи с заявлением Лукьянова. Перед нами лежали наши документы — уже разосланное по всей стране обращение российского руководства к народам России, проект указа об ответственности всех организаций и лиц, нарушающих Конституцию Российской Федерации. Тогда еще советской, социалистической. И Конституция у нее была советская... Но и по этой Конституции высшим должностным лицом в государстве был президент. Суверенную Россию нельзя ввергнуть в чрезвычайное положение без согласия ее высших органов!

А за окном стоял танк. Абсурдный и в то же время такой реальный. Я еще раз посмотрел в окно. Бронемашину окружила толпа людей. Водитель высунулся из люка. Ведь не боятся люди подходить, да что там подходить, бросаться под эти танки. Не боятся — хоть и советские люди, воспитанные советской системой — очереди в упор, не боятся гусениц. Не боятся уголовной ответственности, которой каждый час им угрожают по радио и телевидению.

Как удар, как внутренний рывок ощутил: я должен быть сейчас там, рядом с ними.

Подготовка к несложной операции заняла немного времени. Охрана выскочила на улицу. Я решительно спускаюсь вниз, к людям. Взобрался на броню, выпрямился. Может быть, в этот момент ясно почувствовал, что мы выиграем, мы не можем проиграть. Ощущение полной ясности, абсолютного единения с

людьми, стоящими вокруг меня. Их много, стоит свист, крики. Много журналистов, телеоператоров, фоторепортеров. Я беру в руки лист с обращением. Крики смолкают, и я читаю, громко, голос почти срывается... Потом переговорил с командиром танка, с солдатами. По лицам, по глазам увидел: не будут в нас стрелять. Спрыгнул с танка и через несколько минут опять оказался в своем кабинете. Но я уже был совсем другим человеком.

Этот импровизированный митинг не был пропагандистским трюком. После выхода к людям я испытал прилив энергии, громадное внутреннее облегчение.

* * *

Горбачев через своего помощника Черняева в середине дня передал охране записку с требованиями: предоставить ему самолет до Москвы и правительственную связь. Он понимал, что эти требования сейчас вряд ли выполнят. И все же ему было нужно что-то делать. Найти выход своей энергии.

Как и мне, сидеть взаперти без какого-то просвета Президенту СССР было нестерпимо.

Записку передали старшему по объекту «Заря» — так закодировал КГБ правительственную дачу Горбачева. Старший позвонил своему непосредственному начальнику в Москву. И все. Повисла пауза. Горбачева и его семью ожидали вкусный обед и ужин, просмотр телевизионных программ, прогулки по охраняемому пляжу. Как кто-то писал, он оказался в «золотой клетке».

В блокирование «Зари» были включены три рода войск: военно-морские силы, наземная служба авиации, пограничники.

Любопытная деталь: командующий сухопутными Вооруженными силами СССР В. Варенников после разговора с Горбачевым именно в Крыму проводил инструктаж специально вызванных туда командующих военными округами. Он сообщил прилетевшим в Крым высокопоставленным генералам, что в стране вводится чрезвычайное положение.

Грандиозный парад техники в Москве, плюс усиленный радарами, ракетами, кораблями «домашний арест» Горбачева, плюс весьма затянувшаяся передача «ядерной кнопки» Язову... По своим масштабам и возможным последствиям эта операция соответствовала глобальным событиям, которые пережил мир в 60-е годы: карибскому и чехословацкому кризисам.

На мой взгляд, радикальное крыло заговора — Бакланов, Тизяков, Варенников — предусматривало жесткий вариант.

Ельцин и российское руководство проявят, разумеется, неповиновение. Во избежание волнений придется их сопротивление подавить силой. И тогда...

Боевая готовность советских вооруженных сил, вызванная внутренним кризисом в стране и резкой реакцией мирового сообщества, еще не означает войны. Такое мир переживал уже не раз. Зато снимаются все проблемы, связанные с «неправильной» горбачевской внешней политикой. СССР возвращает себе — практически за один день — тот внешнеполитический статус, который был, ну по крайней мере, до договора о стратегическом наступательном вооружении. Конечно, некоторые сложности неизбежны. Но зато решается главная, по мнению руководителей путча, стратегическая проблема страны. Проблема внешнеполитической концепции — вновь побеждает империя, дипломатия с позиции силы...

Итоги расследования покажут, прав ли я. Однако то, что путч был с самого начала и до самого конца необычайно противоречив, стало очевидно очень скоро.

Военно-промышленный комплекс рвался продемонстрировать мощные бицепсы. Персонально это выражал Варенников, который уже 19-го числа начал звонить, телеграфировать, диктовать из Киева депеши, в которых требовал немедленно прекратить «игры в демократию», покончить с «авантюристом Ельциным». И Бакланов, который со своей стороны давил на Крючкова и Пуго.

Однако двое последних ясно понимали: залезть в кровавую кашу легко, труднее из нее выбраться. И самое главное — выиграет тот, у кого будет моральный, политический перевес. На чьей стороне окажется общественное мнение.

Столкнулись интересы двух ведомств, двух подходов, двух типов мышления, отточенных годами советской системы. Интересы военно-промышленного комплекса и КГБ. ВПК был нужен настоящий, по полной программе громовой путч, который заставит мир вновь поверить в силу советского танка. КГБ — максимально чистый, изящный переход власти в другие руки. На самом же деле обе задачи были невыполнимы. Путч провалился тогда, когда в Крым к Горбачеву послали изначально слабую делегацию. Руководителей такого уровня, как Бакланов, Шенин и Варенников, Горбачев по определению испугаться не мог. Да они и сами не верили в его испуг. Решили на время просто вывести его из игры. Это была глупая идея. Наглое вранье по по-

воду болезни президента страны никого не успокаивало, а еще больше накаляло обстановку.

КГБ, как главный мотор путча, не хотел марать руки в крови, надеясь выжать победу лязганьем гусениц, ну и, возможно, парой предупредительных выстрелов из пушек.

Существование двух несовместимых подходов к тактике заговора объяснялось просто: в ГКЧП не было лидера. Не было авторитетного человека, чье мнение становилось бы лозунгом и сигналом к действию.

Янаев на эту роль не годился. Слишком безвольная фигура.

Кто же оставался на роль «официального руководителя»?

Расклад сил в «восьмерке» гэкачепистов на утро 19-го был таков.

Бакланов, ВПК, и стоящий за ним Генштаб Вооруженных сил, высшее руководство армии, — уравновешивались выжидательной позицией КГБ в целом и разведки в частности.

Пуго и Язов, морально подавленные случившимся, ждали указаний от кого-то еще, поэтому реально влиять на ситуацию не могли.

Тизяков и Стародубцев выполняли чисто представительские функции.

Как я уже говорил, Янаев не был способен принимать самостоятельные решения.

Оставались Павлов и... «теневой» член ГКЧП, спикер парламента Лукьянов. Это были волевые, умные аппаратчики, которые вполне могли взять ответственность на себя.

Павлова свалила известная болезнь политических руководителей — гипертонический криз. И это была не только уловка. Он не выдержал бессонных ночей, алкоголя, но главное, дикого нервного напряжения. Павлов слег. Это был, пожалуй, единственный из гэкачепистов, который, будучи премьер-министром, не боялся открыто идти вразрез с линией Горбачева, конфликтовать с ним, это был тот лидер, который активно поддерживал идею военных о введении режима чрезвычайного положения, видя в ней большой экономический смысл.

Отношение к Лукьянову у Крючкова было двойственное. С одной стороны, правовая и политическая поддержка Лукьяновым путча, выраженная в его заявлении, дорогого стоила и была необычайно своевременной. С другой — Крючков держался с ним осторожно: он не знал, до какой степени ему можно доверять.

И это тоже была ошибка Крючкова. Именно Лукьянов с его опытом и пониманием характера Горбачева мог принести ГКЧП немалую пользу. Но Лукьянов держал дистанцию от путчистов, наблюдая за событиями большей частью со стороны.

Соратники и соперники постепенно отходили в сторону. Красная кнопка заговора осталась в руках у Крючкова. О чем же думал он сам?

* * *

...Мне было очень важно понять настроение, ход мыслей председателя КГБ. Это был самый опасный из гэкачепистов. Тихий старичок со стальным взглядом. Каждая минута нашей жизни в Белом доме укорачивала жизнь их режима чрезвычайного положения. Понимает ли это Крючков? Не мелькнут ли в его голосе излишне мягкие, ласковые нотки? Не почувствую ли в нем удовлетворенную снисходительность палача, который уже нажал на кнопку?

Я дозвонился по спецсвязи до председателя КГБ.

Разговор наш дословно не помню, но сценарий его был интересный. Крючков оправдывался.

«Неужели вы не понимаете, что делаете? — говорил я. — Ведь люди ложатся под танки, могут быть жертвы, и неисчислимые».

«Нет, — говорил Крючков, — жертв не будет: во-первых, это чисто мирная операция, техника идет без боеприпасов, для наведения порядка, никаких военных задач не поставлено. Все беспокойство исходит от вас, российского руководства; по нашим данным, люди спокойны, идет нормальная жизнь...»

И так далее.

Анализируя впоследствии логику Крючкова, центральной фигуры заговора, я понял, что он говорил почти правду. Логика была такая: Венгрия, Чехословакия, Польша. В 1956 году в Будапеште крови было много, но это была первая после войны вооруженная агрессия в Европе, люди воспринимали вид чужих танков очень остро, да и коммунисты в Венгрии были уж совсем не в чести. В Праге в 1968 году — в той же ситуации — жертв было относительно немного. Да, были волнения, были разные случаи, но в целом все обошлось быстро и «очень хорошо». А ведь это опять-таки была чужая армия! В Польше в 1981 году военное положение ввели за один день. Проехалась по центральным улицам колонна броневиков. И все. Как отрезало. Поляки испугались продолжения и выбрали худой мир.

Крючков как бы шел на польский вариант. Он исходил из прецедентов, созданных в социалистических странах. Условно говоря, однажды он посмотрел на себя в зеркало и сказал: да, я гожусь на роль Ярузельского, который стал на многие годы главой государства. Пожилой военный, в очках, с тихим голосом, который спокойно и твердо вывел страну из тупика.

Поскольку у нас внешней агрессии не предполагалось — танки были свои, родные, то не предполагалось и сопротивления.

И в этом Крючков ошибся. Реакция народа на карикатурный, глупый сценарий заговора срезонировала с тем, что наших танков люди не испугались. Именно потому, что они были свои!

И тогда стало ясно, что надо стрелять. Но было поздно. Стрелять уже никто не хотел и не мог. Стрелять бы пришлось по живой, бурлящей толпе.

Хроника событий

19 августа 1991 года

Первая реакция москвичей — срочно в магазин за продуктами. Быстро разбирают хлеб, масло, крупы. Стоят очереди за водкой. Простые люди, домохозяйки, мамы и бабушки боятся крутых перемен, расхватывают то, что может кончиться в первую очередь.

Огромные колонны бронетехники на всех главных улицах, прилегающих к центру: на Тверской, Кутузовском, на Манежной площади. Много любопытных, парализованных в первые несколько часов страхом. Они постепенно все ближе и ближе подходят к боевым машинам, втягивают солдат в разговор, предлагают им сигареты, еду и питье, просят и требуют ответить на главный вопрос: «Для чего?» Солдаты, поднятые по тревоге ночью, невыспавшиеся, голодные, взвинчены, но не агрессивны. Они тоже ничего не понимают. Никакой разъяснительной работы в частях не проводилось, боевой задачи они не знают даже приблизительно. Инструктаж командиров: «Для сохранения спокойствия в Москве» — противоречит тому, что они видят своими глазами. Москва взбудоражена появлением техники.

На улицах — люди с радиоприемниками. Первая независимая радиостанция «Эхо Москвы» дает в эфир всю имеющуюся у журналистов информацию о том, что происходит, какие-то

обрывки противоречивых слухов о событиях в высших сферах власти, сводки из Белого дома... Вокруг приемников уже другая обстановка. Здесь собираются не просто любопытные — а встревоженные, взволнованные москвичи. Толпы циркулируют: с окраин в центр, посмотреть на танки, оттуда уже прямиком к Белому дому. Во многих местах Москвы прекращено автомобильное движение.

На Центральном телеграфе не работает международная и междугородная связь, сам телеграф занят взводом Таманской дивизии.

Московские деловые круги сделали заявление, осуждающее переворот. На всех биржах прекращены операции.

Постановление № 2 ГКЧП «О выпуске центральных, московских, городских и областных газет». Приостановлен выпуск всей прессы, кроме нескольких центральных изданий, которые должны сообщать своим читателям официальную, успокаивающую информацию. В редакции этих газет — «Правды», «Известий», «Труда», «Советской России» — явились представители ГКЧП и высказали желание ознакомиться с содержанием завтрашних газетных полос.

На мосту напротив Белого дома люди остановили движение бронетехники. Калининский проспект также перегорожен троллейбусами, как и Садовое кольцо. Люди ложатся под танки. Вставляют железные ломы в гусеницы остановившейся техники. Напуганные боевые экипажи не получают по рации никаких приказов, кроме одного: «Сохранять спокойствие».

Еще один очаг напряжения — на Манежной, непосредственно перед Красной площадью и Кремлем. Вдоль Манежа выстроились танки, бэтээры, солдаты с автоматами. Они оттесняют толпу с Манежной площади. Столкнулись два бэтээра, выскочившие на площадь с улицы Герцена. Бэтээры и у Большого театра.

Вышел указ Янаева о чрезвычайном положении в Москве. Это означает введение комендантского часа.

Все ждут пресс-конференцию ГКЧП.

* * *

Эти сообщения непрерывным потоком поступали в Белый дом. Не знаю, как скоро гэкачеписты поняли характер событий, происходящих в столице. Думаю, что не сразу. Но если бы они осознали все это раньше, развитие путча, возможно, пошло бы по более крутому сценарию.

Боевая техника, хлынувшая в город, не успокоила, не заморозила, не парализовала обстановку, а, напротив, заставила вспыхнуть народное возмущение.

К вечеру этого дня оно выльется в организацию стихийной обороны Белого дома. А пока возводят баррикады, толкают руками пустые троллейбусы, пригоняют грузовики, произносят речи, обрушивают шквал сообщений на редакции газет, на радио.

Видимо, у русских связан с Москвой какой-то особый комплекс. Ее постоянно ругают, поносят, но при этом очень любят. Угроза безопасности Москвы всеми была воспринята как угроза именно национальной, российской безопасности. Как попытка замахнуться на какую-то национальную святыню. В умах людей, нормально думающих и чувствующих, в тот день произошла как бы личная национально-освободительная революция. Советская империя окончательно отделилась от образа Родины. Россия — от СССР. Особенно это касается офицеров и солдат, для которых этот день стал тяжелейшим моральным испытанием.

Люди прекрасно понимали, что «скинули Горбачева». И в общем-то эта информация вызывала противоречивые мнения. Неудавшиеся реформы генсека, его длинные и не очень внятные речи многим уже надоели. Значительное количество людей выступало за твердую власть, часть общества была недовольна нестабильностью и неуверенностью, которую принесла демократизация.

На этом и строился расчет аналитиков КГБ, разрабатывавших сценарий путча.

В таких острых неоднозначных ситуациях большую роль играют вроде бы второстепенные детали, психологический фактор.

У ГКЧП не было не только «внутреннего» лидера, о чем я уже говорил выше, но и, на худой конец, «внешнего», «представительского». Фигура самого Крючкова вызывала мрачные ассоциации со сталинскими репрессиями. Маршал Язов на гражданскую роль не годился. Павлов за короткое время осточертел народу непопулярными мерами — жестоким обменом купюр и ценовой реформой. Хитрый и лицемерный Лукьянов тоже не вызывал положительных эмоций — слишком холодная, расчетливая личность.

...Возможно, на роль «первого лица» надо было выдвинуть какую-то новую для людей фигуру, например Бакланова. Но путчисты, побоявшись нарушить Конституцию, выпихнули

Председатель Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин
во время встречи с советскими и иностранными журналистами
в пресс-центре съезда

Председатель Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин
и Президент СССР М.С. Горбачев в президиуме съезда

С Патриархом в день Казанской иконы Божьей Матери

Председатель Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин и патриарх Московский и Всея Руси Алексий II перед началом богослужения

Митинг на Манежной.
По призыву лидеров движения «Демократическая Россия» на Манежной площади собрались десятки тысяч москвичей, разделяющих позицию главы республиканского парламента Б.Н. Ельцина

Президент РСФСР Б.Н. Ельцин и Президент СССР М.С. Горбачев на съезде народных депутатов РСФСР

Во время службы
в Исаакиевском
соборе. 1990 год

С супругой на пасхальном богослужении. 1991 год

19 августа 1991 года

Президент РСФСР Б.Н. Ельцин во время выступления у здания Совета министров РСФСР

Выступает Б.Н. Ельцин.
Чрезвычайная сессия Верховного Совета РСФСР созвана в дни, когда самозванный государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР отстранил от власти законного президента страны и поставил страну на грань гражданской войны

Президент России Б.Н. Ельцин в ночь с 20 на 21 августа 1991 года в «Белом доме»

Победа

Б.Н. Ельцин на трибуне во время митинга.
Победе российской демократии над реакцией был посвящен многотысячный митинг у Дома Советов РСФСР

Президент РСФСР Б.Н. Ельцин после торжественной панихиды по убиенным во время путча

24 августа траурная процессия приближается к Дому Советов, защищая который отдали свои жизни в ту трагическую ночь трое молодых ребят. Отныне площадь около «Белого дома» будет называться площадью Свободной России. Президент России Б.Н. Ельцин почтил память погибших, выразив глубокое сочувствие их родным и близким

Президент РСФСР Б.Н. Ельцин и М.С. Горбачев
во время встречи в «Белом доме» с депутатами Российского парламента.
23 августа 1991 года

Б.Н. Ельцин во время заседания подготовительного комитета в Ново-Огарево. 1991 год

На заседании Совета Федерации СССР

На заседании Конституционной комиссии Верховного Совета РСФСР. 1990 год

вперед вице-президента Янаева, надеясь на его напор и самоуверенность. Понадеялись зря.

При всем сложном отношении к Горбачеву неопределенность его судьбы за один час сумела поднять рейтинг президента больше, чем за все годы реформ. Президент СССР превратился в глазах народа в невинную (возможно, уже и «невинно убиенную») жертву.

И, наконец, всех разозлили танки и бронетехника, бестолково и неуклюже перемещавшиеся по Москве. Боевая техника, стоявшая на улицах, как говорится, «для мебели», вызвала гневный протест людей. Социальная база чрезвычайного положения убывала с каждой минутой.

Еще одной причиной фиаско гэкачепистов, несомненно, была коллективная ответственность, а вернее, безответственность за происходящие события.

Ночное сборище в Кремле накануне имело бы смысл, если бы Горбачева смогли заставить «отречься от престола», официально сложить с себя полномочия президента. Но, поскольку делегация вернулась из Крыма ни с чем (что можно было предположить заранее), сбор всех высших руководителей страны, многие из которых экстренно были вызваны из домов отдыха и санаториев, имел совершенно другой подтекст. Его смыслом стала круговая порука, оглядка на соседа. Осторожная согласованность всех действий. И как следствие — отсутствие мотора, «центра нападения» в команде заговорщиков.

ГКЧП действовал по старой проверенной схеме брежневского (а не горбачевского) Политбюро ЦК КПСС — номинальный представительский лидер, реально сильные теневые фигуры, сложная закулисная борьба.

Отсутствие «автора», безличность решений ГКЧП по идее должны были, как в застойные годы, внушить населению священный трепет, восприниматься как железная воля судьбы. Но за годы горбачевской перестройки многое в народной психологии изменилось. Люди привыкли к тому, что у нас появились личности. В том числе личность руководителя. Плохая ли, хорошая, но — личность. И не одна. Вокруг Горбачева возникло достаточно много ярких фигур.

Коллективность принимаемых решений, брежневский стиль работы — группка высших начальников принимает решения, а ретивые исполнители их исполняют — сослужили Крючкову и его товарищам худую службу.

И самое главное — ощущение неуверенности, пронизывающее всю цепь вроде бы суперрешительных действий.

* * *

В самом Белом доме в эти часы кипела работа, на первый взгляд носившая довольно хаотичный характер.

Первым событием этого дня для нас, как я уже сказал, стало принятие обращения к народу России и первый указ Президента России. Эти документы мы могли направить в другие города, разумеется, только по телефону и телефаксу. Телефонная связь, как правительственная, так и городская, то включалась, то выключалась.

Очень мужественно проявили себя журналисты. Их в Белом доме было множество — с диктофонами, видеокамерами, фотоаппаратурой. Они прорывались сквозь самые неприступные двери, терпеливо дожидались интервью, да и просто вступали в ряды нашего «народного ополчения».

Журналисты, одержимо занятые своим делом, причем, насколько я понимаю, не столько из-за денег, а просто из присущего всем представителям этой профессии неукротимого азарта, всегда действуют на меня успокаивающе. Понятно, что под видом журналиста в Белый дом мог попасть и агент КГБ, и провокатор. Тем не менее на всех этажах здания ходили и бегали самые разные люди, и удержать этот поток было практически невозможно. К нам шли и шли, прорываясь сквозь все кордоны — шли депутаты, представители партий и движений, шли военные, шли люди, предлагавшие разную помощь — организацию охраны, деньги, продукты, медикаменты, технику и прочее.

Весь этот поток надо было как-то направлять и регулировать. Роли у нас распределились следующим образом. В кабинете у Бурбулиса был «общественно-политический» штаб, куда заходили всякие известные люди, куда журналисты приносили новости и слухи, и по этим данным выстраивались все новые и новые концепции развития событий.

Координировать работу военных я назначил генерала, председателя парламентского комитета по военной реформе Константина Ивановича Кобеца. Он собирал у себя военных, они мудрили над планом здания, по своим каналам пытались узнать, какие части задействованы в этом грандиозном военно-политическом параде, вырабатывали план действий в случае возможного штурма.

Руцкой руководил обороной Белого дома, занимался «общественностью», то есть той массой людей, которые начали скапливаться у здания уже с утра, и нашими «боевыми силами» — президентской охраной, небольшим подразделением милиции, а также добровольцами из числа бывших офицеров, профессиональных охранников и прочих бойцов. В основном эта деятельность заключалась в организации митингов, «живых цепей», проверке постов и составлении инструкций безопасности типа: «...при атаке Белого дома слезоточивым и нервно-паралитическим газом намочите платок и прижмите его к лицу...»

Я понимал, что вся эта деятельность носит несколько иллюзорный или по крайней мере малопрофессиональный характер.

Но час проходил за часом, и становилось ясно, что ГКЧП находится в растерянности. Мощная народная поддержка Белого дома делала все более и более невозможным тот молниеносный путч, который задумали в Кремле.

Второй нашей политической акцией стал меморандум на имя Лукьянова, в котором мы сформулировали наши требования к главе союзного парламента: дать правдивую информацию о состоянии здоровья и местонахождении Горбачева, немедленно созвать сессию Верховного Совета СССР и дать правовую оценку чрезвычайному положению, отменить приказы незаконного ГКЧП.

Текст меморандума повезли Лукьянову Силаев, Хасбулатов и Руцкой. Это была достаточно рискованная акция в той нервной и непредсказуемой обстановке, однако все закончилось нормально.

В середине дня было решено создать правительство в изгнании, если падет Белый дом. Для этого на следующее утро Андрей Козырев вылетел в Париж, так как по международным правилам министр иностранных дел может провозгласить правительство в изгнании без получения на то особых полномочий. Группу во главе с Олегом Лобовым мы отправили в Свердловск для руководства демократическим сопротивлением в России в случае ареста российских руководителей и победы путча в Москве.

На пресс-конференции, которую мы провели в Белом доме, были еще раз изложены наши основные принципы: нам нужна правда о Горбачеве; ГКЧП является незаконным, а значит, все участники переворота — преступники.

Я чувствовал, как постепенно меняется ситуация.

Путчисты недооценили произошедших в стране перемен. За время правления Горбачева кроме официальной власти появились лидеры общественного мнения, партии, независимые авторитеты в культуре, демократическая пресса и так далее... Заткнуть рот всем можно было лишь путем жесточайших кровавых репрессий, волной арестов и казней. Либо какими-то хитрыми ходами, какой-то оригинальной информационной концепцией в условиях чрезвычайного положения, игрой с общественным мнением — всего этого у путчистов тоже не оказалось. Здесь они проиграли по всем статьям.

Совсем другая картина наблюдалась в провинции. В одном из своих документов мы призывали к политической забастовке и акциям гражданского неповиновения. К середине дня стало ясно, что забастовку готовы объявить три шахты Кузбасса, где были сильные профсоюзные лидеры, и, возможно, несколько предприятий Москвы. Основная масса населения пока выжидала.

Сильной стороной путча было сохранившееся от старой системы жесткое вертикальное подчинение, которое пронизывало железными нитями всю страну. Союзные структуры мощно работали на ГКЧП — звонили правительственные телефоны, шли шифротелеграммы, передавались инструкции, прокатилась волна собраний советской «общественности» в поддержку ГКЧП в институтах, конторах, на заводах и так далее. Не все было так гладко, как бы им хотелось, где-то раздавались протесты. И тем не менее, если брать в целом, старые структуры их не подвели и на этот раз. По звонку из Москвы во всех городах страны создавались чрезвычайные органы из партийных руководителей, военных, хозяйственников. На местах появлялись микромодели ГКЧП районного и городского масштаба. Все делалось привычно и провинциально неторопливо.

* * *

В 18.00 в Совмине состоялось заседание кабинета министров. На грани нервного срыва его вел Павлов. Практически все министры поддержали введение чрезвычайного положения: кто молчаливо, потупив голову, кто горячо и рьяно. Это значило, что завтра в чрезвычайном режиме будет работать вся огромная советская промышленность. Вот это было по-настоящему страшно. Еще три дня — и мы проснемся в другой стране. К подобному режиму власти — к комендантскому часу, к административ-

ным ограничениям, к режиму цензуры, «особым мерам» в области прав и свобод — нам не привыкать!

Особенно меня беспокоила позиция Министерства иностранных дел СССР, противоположная позиции МИД России. К нам поступили сообщения из посольств — всюду объявлялось о поддержке ГКЧП. И хотя к этому часу почти все лидеры западных государств выразили нам полную и безоговорочную поддержку лично, по телефону, эта тенденция не могла не настораживать.

И больше всего вопросов было по поводу позиции армии в этом гражданском конфликте.

С одной стороны, военные явно выступали главной движущей силой путча. И у них были свои причины, чтобы не любить или даже ненавидеть Горбачева. С другой стороны — многого мы не могли понять. Если армия настроена на решительные действия, практически приведена в боевую готовность, если в операции «Путч» задействованы такие грандиозные силы — и против кого? против горстки демократических деятелей? против людей у Белого дома? — тогда... Тогда почему все командиры машин, из которых удается выжать хоть слово, утверждают в один голос, что у них нет никаких боевых приказов, почему солдаты вообще не знают, зачем их сюда привели, почему в передислокации частей царит какой-то непонятный хаос?..

Несколько раз я пытался связаться с маршалом Язовым, понять, что там происходит, — и наконец это удалось.

Язов разговаривал угрюмо, в голосе чувствовалась какая-то подавленность. На мой напор он отвечал почти заученно: связи с Горбачевым нет, российское руководство должно прекратить преступное сопротивление законным властям, войска выполняют свой конституционный долг и так далее... Позднее я узнал, в каком шоке он был в этот день. К нему на работу в министерство пришла жена, которая, естественно, ничего не знала о планах мужа; она не на шутку испугалась. Недавно она пережила автокатастрофу, передвигаться ей было трудно. Она вошла и сказала дрожащим голосом: «Дима, с кем ты связался? Ты же смеялся над ними! Позвони Горбачеву!..» Она заплакала в кабинете министра обороны могучей страны... Язов ответил, что с Горбачевым связи нет.

Вечером должна была начаться пресс-конференция членов ГКЧП. На ней им предстояло доказать законность своих действий. Никто не знал, какие тексты лежат у них в портфелях,

каких ожидать сенсаций. И хотя уже было ясно, что первый день путча они проиграли — многое могло на той пресс-конференции измениться не в нашу пользу.

Хроника событий

19 августа 1991 года

Президент России обратился к москвичам с призывом не подчиняться решениям самозваного комитета, взять под общественную охрану Дом Советов РСФСР.

Президентский самолет вылетел во Внуково из Фороса. На борту личные охранники Горбачева, а также его личные секретари-стенографистки. На борту самолета вывезены и президентские средства связи.

В программе «Время» по первому каналу телевидения совершенно неожиданно прошел правдивый и честный репортаж с баррикад у Белого дома.

К защитникам Белого дома присоединился танковый взвод Таманской дивизии под командованием майора Евдокимова.

Танки у Министерства обороны на Арбате, на Зубовской площади, у здания пресс-центра МИД СССР, где проходит пресс-конференция членов ГКЧП, на улице Горького, у «Известий», на улице «Правды», где находятся редакции крупнейших центральных газет.

* * *

«Я хотел бы сегодня заявить о том, что Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР полностью отдает себе отчет в глубине поразившего страну кризиса. Он принимает на себя ответственность за судьбу Родины и преисполнен решимости принять самые серьезные меры по скорейшему выводу государства и общества из кризиса... В таком режиме, дамы и господа, в каком работал президент Горбачев все эти последние шесть лет... естественно, и организм изнашивается немножко. Я надеюсь, что мой друг президент Горбачев будет в строю, и мы будем еще вместе работать».

Долгожданная пресс-конференция, где наши и иностранные журналисты в открытую задавали прямые вопросы, не является ли все это военным переворотом, где у Янаева и других отчетливо дрожали руки и лица покрывались красными пятнами, где

на вопрос о здоровье Горбачева они несли какой-то бред, уходя от ответа, была полностью провалена.

Снова выявилось то обстоятельство, что в ГКЧП нет лидера. Павлов слег, видимо, усиливая свой физический кризис новыми дозами алкоголя; Крючков на пресс-конференцию не пришел; что же касается Янаева, то расчет на его самоуверенность оказался напрасным. Вице-президент выглядел глупо. Да и как было не выглядеть глупо в ситуации, когда нечего сказать. Ни одного факта о состоянии здоровья Горбачева! Никаких внятных объяснений о ближайшем будущем страны. Публичный, внешне законный, «мягкий» и «плавный» характер путча выявил главную беду — они были неспособны к открытому выходу на люди. Это были аппаратчики, которые откровенно не подходили к роли политических лидеров, не были готовы к выступлениям, какому-то отчетливому, внятному поведению.

Лампы юпитеров высветили их отвратительно жалкое, как бы слившееся лицо. Ощущение позора на глазах у всего мира охватило всех, кто видел эту пресс-конференцию. «Решительность», изо всех сил проявленная Янаевым, дела не меняла. С такой решительностью легко было довести страну и мир до катастрофы — это была решительность человека, прущего напролом с завязанными глазами.

Они разошлись, злые и подавленные, чтобы у себя в кабинетах обдумать ситуацию, к чему-то прийти.

И по старой русской привычке отложили главные решения до утра.

Люди из темноты. Ночные встречи

Вечером 19 августа ко мне в кабинет в Белом доме зашел Председатель Совета Министров Иван Степанович Силаев и сказал: «Борис Николаевич, простите, но я уйду домой. Хочу быть с семьей в эту ночь». И в его глазах я прочитал: «Поражение неизбежно, я старый человек, хочу в последний раз увидеть жену и детей».

Первой моей реакцией была какая-то растерянность. Я мог ожидать трусости, когда уходят тихо, просто исчезают и все. И мог ожидать готовности стоять до конца, которую проявили большинство защитников Белого дома. А тут был третий вариант.

В конце концов политики — не самураи, клятву кровью они не подписывали. Я Ивана Степановича прекрасно понимал.

И все же это был уход одного из лидеров. А значит — тяжелый моральный удар по оставшимся. Поэтому этот эпизод постарались обставить как необходимую меру предосторожности — один из руководителей России должен был оставаться вне стен Белого дома. Потом Иван Степанович возвращался, снова уходил и вновь возвращался...

Я подошел к окну. Обратил внимание на отряд студентов, кажется, Бауманского института. Ребята грелись у костра. Было их человек сто. В темноте мирно светились окна на Калининском. Шум в коридорах у нас тоже как бы нехотя затихал. Позади был самый тяжелый день в моей жизни. И впереди была самая тяжелая ночь.

После ухода Силаева мне нестерпимо захотелось увидеть своих.

Мы были друг от друга совсем близко. Я знал, что в любой момент жена может позвонить мне из телефона-автомата. Откуда-то из этой ночи, которая становилась для меня все тяжелее.

Через щелочку в занавеске — окна были закрыты металлическими жалюзи — можно было увидеть бурлящее кольцо людей и танки, танки, танки… И — более узким кольцом, прямо колесо в колесо — БМП. Воздушно-десантные войска, Тульская дивизия, которая была, как и несколько других дивизий, заранее переброшена к Москве. Дивизия, в которой я не так давно был.

На крыше выставили антивертолетные штыри, чтобы машина с боевой группой не могла приземлиться.

Всем раздали противогазы на случай химической атаки («черемухой»), я тоже его примерил, но в противогазе можно нормально пробыть лишь первые полчаса, потом начинаешь париться, а уж тем более в нем невозможно активно двигаться.

Приемная представляла собой баррикаду из стульев, столов, сейфов — могли продержаться несколько минут в случае атаки.

Нервная система работала здорово. Помимо моей воли. Тогда организм знал: если не отключиться хотя бы на полчаса, завтра будет ошибка, неверное решение. А это смертельный риск. Усилием воли я засыпал на полчаса и снова вскакивал.

Отдыхал я так. Около моего кабинета стоял часовой с автоматом. А я на самом деле в это время был совсем в другом крыле Белого дома, в какой-нибудь маленькой незаметной комнатке, о которой знали только два-три человека.

Несмотря на все планы, на все наши приготовления к возможной атаке, общая ситуация была тупиковая. Белый дом можно было взять довольно легко. Два гранатомета, оглушающий и ослепляющий эффект, первый этаж вышибается начисто, потом в дыму спецгруппе нет проблем подняться до нашего этажа, тем более если поддержать сверху вертолетом.

Такие операции отработаны до мелочей.

Есть по ним и специальные учебники. Была единственная вещь, о которой в учебниках нет ни слова, — люди перед Белым домом. Психологически это была громадная проблема, поскольку этих людей, эту живую массу в ходе операции надо было просто давить и расстреливать.

* * *

Как я уже говорил, меня не покидало чувство, что нам все время помогает какое-то чудо.

Хотя, конечно, все объяснялось просто: с одной стороны, была безличная машина, которая в силу своей невероятной мощи и вложенных в нее ресурсов считалась непобедимой. Но ведь все в конечном итоге зависит от людей, люди либо ничего не понимали, как эти офицеры на танках, либо действовали вразброд, либо просто отказывались выполнять приказы. А вот с другой стороны, с нашей, как раз наоборот — находились те, кто оказывался в нужной точке практически в самую нужную секунду. То ли по наитию, то ли по вдохновению какому-то...

Всем известно, что против нас должна была действовать команда снайперов — несколько человек, под прикрытием. А обнаружил эту команду не кто иной, как наш снайпер. Да, среди разнокалиберных стволов милицейской охраны службы безопасности Верховного Совета оказалась одна снайперская винтовка с оптическим прицелом.

Именно он четко проделал свою работу — вылез на крышу, осмотрел близлежащие верхние точки и обнаружил противника. Во время войны у снайперов был такой неписаный закон: если они друг друга засекали одновременно, в прицел, то расходились, что называется, с миром.

Думаю, что этот же закон сработал и в тот момент.

И все-таки главное — это сигнал об опасности, который прозвучал нам с крыши жилого дома, сразу за детским парком имени Павлика Морозова. За нами следят. И следят с крыши гостиницы «Мир», что рядом с американским посольством.

Поэтому мы не подходили к окнам, а мое выступление перед защитниками Белого дома с балкона было перенесено на другую сторону здания. Обсуждались и варианты захвата этой снайперской команды. Но наши военные сказали, что каждого снайпера охраняет небольшое подразделение КГБ. То есть будет бой в подъезде, с перестрелкой и взрывами. Эскалация прямого боя, причем уже в городе. На этот риск мы не пошли.

Снайперы поняли, что их засекли. И ночью, как мы и ожидали, работать не стали. Вскоре они ушли со своих точек. Была сделана ставка на прямой штурм.

* * *

Наверное, самая ясная и четкая задача была у Александра Коржакова. У немногочисленной президентской охраны.

Почти все находившиеся в Белом доме понимали, что по логике вещей штурм должен быть. Штурм был просто необходим этим проклятым путчистам...

Поэтому охрана собиралась спасать президента.

Я знал, что Коржаков придумывает один вариант за другим и отрабатывает каждый, пытаясь найти самый надежный. И знал также, что, дай моей охране волю, меня начнут выводить, увозить, прятать в подземных переходах, я буду переправляться на плотах, взмывать в небо на воздушных шарах и т. д. Естественно, я не вдавался во все эти многочисленные планы, узнал о них только много позже, но по боевому и заведенному виду Коржакова видел, что опять он придумал что-то новенькое. Например, я узнал, что он заказал для меня в гримерной Театра на Таганке бороду, парик, усы... Хорош я был бы в этом гриме!

* * *

Так получилось, что выдающийся русский музыкант, виолончелист Ростропович дважды оказывался в России — хотя живет он в США, много ездит по свету — в самый острый и ответственный момент.

В первый раз это было во время августовского путча 1991 года.

Во второй раз — в конце сентября — начале октября 1993 года.

Для меня обе встречи с ним представляются символическими. Это не просто эпизоды, а какая-то душевная веха.

В августовские дни я знал, что внизу, у Белого дома, собралась почти «вся Москва» — то есть самая активная, видная, деятельная ее часть, в том числе и актеры, художники, писатели, музыканты.

Но Ростропович — это особая магия, особое лицо.

Я вдруг понял, что меня благословляет старая Россия, великая Россия. Что меня благословляет самое высокое искусство, выше уже не бывает.

...И внутри, и вокруг Белого дома у многих нервы не выдерживали. А кто-то просто не умел себя вести в подобной ситуации или не знал — как нужно. Были истерики. Было довольно много пьяных. Позднее один видный демократ, когда мы спустились в бункер, тоже порядочно напился, и это произвело на меня тяжелое впечатление. Вообще любая толпа — вещь обоюдоострая. Мы пытались ею управлять, но не все ведь было нам подвластно. Я это понимал, и каждая минута ожидания давила на меня как стопудовая гиря.

И вот зашел Ростропович, и все встало на свои места. Ушли эти мелочи, пустяки. Ушла эта давящая атмосфера, когда наступает полное отчуждение. Конечно, это великий человек, совершивший экстравагантный, смелый поступок. Он попросил автомат, и ему его дали на некоторое время, хотя каждый ствол был на счету.

А вот другой эпизод, связанный с Ростроповичем.

Концерт на Красной площади. Холодный ветер рвет фалды фраков, руки у музыкантов замерзли, пальцы синие — но они играют. Играют для всех нас.

Как в августе Мстислав Леопольдович благословил своим душевным порывом демократию в России, так в конце сентября 1993 года своей прекрасной музыкой он как бы сказал — будьте готовы к великим испытаниям, да поможет вам Бог.

* * *

И еще одна встреча в ночном Белом доме надолго запомнилась мне.

Юрий Лужков, тогда еще не мэр, а премьер правительства Москвы, так называлась его должность, пришел в Белый дом не один, а с женой. Она была беременна. В неприятном свете дневных ламп, в тусклых коридорах подземелья было очень странно видеть ее бледное лицо и напряженное лицо Лужкова, который от нее не отходил. Они подолгу сидели вместе, и их никто не беспокоил.

Этот эпизод еще раз мне напомнил, что здесь мы играем, как писал один поэт, «до полной гибели всерьез». Мужской характер привел Лужкова в Белый дом. Но с женой он расстаться не

мог. Они ждали вместе, чем кончится эта ночь для них и для их будущего ребенка.

* * *

Мне доложили, что в Белом доме появился генерал Александр Лебедь. С ним провели предварительные переговоры Руцкой, Скоков, Коржаков.

Познакомился с ним и я.

Лебедь — интересная личность. Генерал, прошедший Афганистан, выполнявший солдатские нормативы десантника лучше любого солдата. Необычайно жесткий в общении, прямой человек, превыше всего ставящий именно воинскую, офицерскую честь.

Грачев прислал его прощупать обстановку. В то время как в Москву по приказу Язова прибывали все новые и новые части, надо было определиться и понять: что в конце концов происходит вокруг Белого дома?

Лебедь пытался объяснить нашим людям, что достаточно выпустить по Белому дому несколько ракетных снарядов ПТУРС — и ни о какой защите Белого дома серьезно говорить не придется.

Генерал объявил, что восемь бэтээров, которые стоят сейчас вокруг Белого дома, будут участвовать в его обороне. Руцкой и Кобец начали спорить, как лучше расположить боевые машины. Спор ни к чему не привел. Лебедь еще раз убедился, что имеет дело с дилетантами и вряд ли они смогут противостоять даже небольшому профессиональному воинскому подразделению. Между тем в Москве и под Москвой таких подразделений были уже десятки.

Во время нашей встречи сухо и корректно Лебедь объяснил мне, что мой призыв к армии не подчиняться ГКЧП провоцирует солдат и офицеров на невыполнение приказа, а это является нарушением присяги.

Для того чтобы ваш призыв имел какую-то силу и основание, говорил Лебедь, вы должны принять на себя статус Верховного главнокомандующего на территории России. Ведь Верховным главнокомандующим является не министр обороны Язов, а президент Горбачев. Он сейчас находится неизвестно где. И вы как президент республики имеете право возглавить Вооруженные силы России.

Я поблагодарил Лебедя, и мы расстались.

Я не мог сразу решиться на такой шаг, и указ по этому поводу был подписан только на следующий день.

Юрию Скокову я поручил осуществить контакты с высшим руководством армии и МВД. Нам нужно было поддерживать с ними неформальные связи. Он встретился с заместителем Язова Грачевым и замом Пуго Громовым. Борис Громов и Павел Грачев также прошли Афганистан. Прошли жуткую школу колониальной, как сказали бы раньше, войны. Но в Москве оба этих генерала воевать очень не хотели.

Хроника событий

20 августа 1991 года

Эксперты КГБ подготовили для Крючкова справку. В ней говорилось о грубейших ошибках ГКЧП.

Московские журналисты запрещенных изданий готовят выпуск «Общей газеты» в виде листовок, отпечатанных на компьютере и размноженных в тысячах экземпляров.

Экспресс-опрос 1500 москвичей показал, что только 10 процентов поддерживают действия ГКЧП.

Члены Совета безопасности СССР Примаков и Бакатин высказались против путча.

Бывший член Президентского совета и ближайший советник Горбачева А. Н. Яковлев призвал народ к борьбе и неповиновению.

Многотысячный митинг у Белого дома не прекращается много часов. Он прерывается сообщениями по местному радио. В одном из них говорится: Янаев подписал приказ об аресте Ельцина...

* * *

Накануне вечером Бакланов сел писать заявление на имя Янаева. Оно начиналось так: «Уважаемый Геннадий Иванович! В связи с неспособностью ГКЧП стабилизировать ситуацию в стране считаю дальнейшее участие в его работе невозможным. Надо признать, что...»

Не дописал. Бросил. Пошел убеждать, уговаривать лично.

Варенников прислал из Киева шифрограмму: «Мы все убедительно просим немедленно принять меры по ликвидации группы авантюриста Ельцина Б. Н. Здание правительства РСФСР

необходимо немедленно надежно блокировать, лишить его водоисточников, электроэнергии, телефонной и радиосвязи и т. д.».

В голове Варенникова, судя по всему, был готов четкий план «ликвидации». Видимо, он страдал оттого, что находится в Киеве.

Но вот прошла целая ночь, целое утро, а штурма нет, нет и блокады здания. Войска по-прежнему стоят, идет большое движение техники... Неужели Крючков до того туп, что не понимает, чем грозит такая нерешительность?

Вот что писал в своих воспоминаниях генерал Лебедь:

«...На аэродромах в Чкаловске и Кубинке творилась дикая чехарда. Белградская дивизия три года летала по "горячим точкам" и уж с таким опытом могла высадиться куда угодно. А тут самолеты сбивались с графика, шли вразнобой, заявлялись и садились не на те аэродромы. Подразделения полков смешались, управление было частично нарушено... За всем этим беспорядком чувствовалась чья-то крепкая организационная воля. В начале первого ночи позвонил Грачев: "Срочно возвращайся!" Я вернулся. Командующий был возбужден. Звонил Карпухин и сказал, что "Альфа" ни в блокировании, ни в штурме участия принимать не будет. Непонятно, что дзержинцы. Вроде бы их машины выходят, но точных сведений нет. Он предложил позвонить на КПП дивизии. Младший сержант на вопрос, сколько машин вышло и во сколько они начали движение, сонным голосом переспросил: "Машины? Какие машины? Никто никуда не выезжал..." Тульская из Тушина тоже не тронулась. Бригада "Теплый Стан" куда-то пропала...»

Царящий в тот день среди военных хаос генерал Лебедь пытается объяснить каким-то сверххитроумным заговором «темных сил»... Но хаос — настоящий — нельзя так хитро организовать. Направить. Он образуется по самым элементарным причинам. Какой по счету была десантная дивизия, которую Лебедь ездил принимать в Кубинку? Какой по счету из тех, что вводились в те дни в Москву? Четвертой? Пятой? Шестой?

Штурм Белого дома можно было осуществить одной ротой. Отсутствие заранее подготовленного плана военные заменили обычным русским «навались!».

Но главное, конечно, было не в этом. Двойственность отношения к происходящему царила в высшем эшелоне командования — еще до того, как военные пошли на контакт с нами.

Армия понимала, что КГБ опоздал с действиями на целые сутки. И теперь, как говорит Лебедь Грачеву в тех же мемуарах,

«любые силовые действия на подступах к зданию Верховного Совета приведут к массовому кровопролитию». Это будет тяжелейший моральный удар по военным, от которого они не оправятся. Поэтому-то они лишь имитируют подготовку к штурму, имитируют военные действия, тянут время.

И тем не менее — время окончательных решений придет.

* * *

А вот что писали эксперты КГБ в то утро в своем экспресс-анализе для Крючкова, какие варианты развития событий могли ожидать ГКЧП в ближайшее время.

«1. Массовое гражданское неповиновение, переворот слева. Возвращение к ситуации до 20 августа, но уже в режиме террора по отношению к коммунистам и высшим эшелонам государственного управления.

2. Резкий крен вправо. Обвинение существующего постгорбачевского руководства в содействии Горбачеву. Обострение борьбы за власть с постепенным переходом ее к силам ортодоксально-правой ориентации. Принцип — все, кто был с Горбачевым, виновны. Возможный срок — от двух недель до двух месяцев».

Хроника событий

20 августа 1991 года

Руководство ЦК ВЛКСМ подписало заявление, в котором высказывает мнение, что путч ставит под сомнение... курс на глубокие реформы, связанный с именем Горбачева. ЦК ВЛКСМ обратился к молодежи, и прежде всего к солдатам, с призывом не поддаваться на провокации.

Академик ВАСХНИЛ Тихонов обратился к кооператорам и предпринимателям с призывом бойкотировать действия должностных лиц, выполняющих решения ГКЧП...

Институт США и Канады с 20 августа объявил забастовку...

Союз журналистов СССР выразил в своем заявлении 20 августа решительный протест...

* * *

Страна проснулась. Еще вчера большинство обсуждало новости негромко. Сегодня свой протест ГКЧП начинают объявлять гласно, открыто и письменно многие и многие: и комсо-

мол, и профсоюзы, и академики, и институты, и творческие союзы, и трудовые коллективы, и биржи...

Вся эта информация сразу поступала на стол к председателю КГБ.

Упущенный для решительных действий день, во время которого они определялись, выясняли отношения, пытались найти достойный имидж, перевести события в русло конституционности, как и предупреждали Бакланов, Варенников и другие, породил новые, гораздо более тяжкие проблемы.

Теперь надо подавлять не только сопротивление отчаянной, с каждым часом прибывающей массы людей у Белого дома, не только иметь дело с четкой позицией мирового сообщества, не только проливать реки крови, но и...

...Но и вводить гораздо более жесткий, чем планировалось раньше, режим управления. Практически — режим военной диктатуры. Все, кто заявляет сегодня протест, завтра должны понести жестокое наказание — по крайней мере должны быть арестованы. Это ж сколько народу надо пересажать! А остальные? Как они-то будут реагировать? Массовые аресты пришлось бы начинать с редакторов газет, членов Совета безопасности, знаменитых артистов, ученых и писателей — такое страна знала только при Сталине.

* * *

Одним из немногих руководителей политических партий, поддержавших путч, был Владимир Жириновский. Он сделал это на одном из митингов еще 19 августа. Он был последователен: либерал-демократы всегда выступали за российскую империю, за железные границы СССР, за наведение порядка военными методами. Значит — ура!

Пользуясь поводом, хочу — забегая далеко-далеко вперед, вообще за рамки этой книги — сказать следующее: на выборах 1993 года Жириновский откроет нам такие социально-психологические, нравственные болячки нашего общества, о которых мы и не подозревали. И одна из них — отсутствие у многих россиян иммунитета к фашизму.

* * *

Военные, подталкиваемые членами ГКЧП, все-таки были вынуждены определить время штурма, собрать совещание, на котором ими был выработан план ближайших действий.

Операция, назначенная вначале на вечер двадцатого августа, а затем перенесенная на два часа ночи, из-за «недостатка сил» и необходимости ввода новых свежих соединений, еще не подвергшихся агитации со стороны москвичей, включала в себя согласованные действия армии, КГБ, МВД.

Вот как выглядел этот план на бумаге.

Десантники под руководством генерала Александра Лебедя, взаимодействуя с мотострелковой дивизией особого назначения Министерства внутренних дел (ОМСДОН), блокируют здание Верховного Совета со стороны посольства США и Краснопресненской набережной, взяв Белый дом в кольцо и перекрыв тем самым к нему доступ.

ОМОН (отряд милиции особого назначения) и десантники вклиниваются в массу защитников, оставляя за собой проход, по которому к Белому дому продвигается «Альфа», за ней — группа «Б», а потом — «Волна», подразделение КГБ Москвы и Московской области, в которое входят наиболее физически подготовленные сотрудники.

«Альфа» гранатометами вышибает двери, пробивается на пятый этаж и захватывает Президента России Ельцина.

Группа «Б» подавляет очаги сопротивления.

«Волна», разбитая на «десятки», совместно с другими силами управления УКГБ по Москве и Московской области осуществляет «фильтрацию»: выяснение личности и задержание подлежащих аресту, в числе которых — все руководство России.

Включенные в «десятки» фотографы запечатлевают ответный огонь защищающихся, чтобы можно потом сказать, будто те начали стрельбу первыми.

Спецназ КГБ блокирует все выходы из здания.

Проход в баррикадах проделывают специальные машины. Три танковые роты оглушают защитников пальбой из пушек.

С воздуха атаку поддерживает эскадрилья боевых вертолетов...

Операция «Посольство»

Примерно в два тридцать ночи я посмотрел на часы, закрыл глаза и мгновенно отключился. Когда снова началась стрельба, меня растолкали помощники. Повели вниз, прямо в гараже надели бронежилет, усадили на заднее сиденье машины, сказали: «Поехали!»

Когда двигатель ЗИЛа заработал, я окончательно проснулся и спросил: «Куда?» Первая, еще полусонная моя реакция — все, начался штурм.

Белый дом — огромное здание, одно его крыло выходит на одну улицу, второе — на другую. И в том числе на тот переулок, где американцы выстроили незадолго перед этим новое жилое здание для своего посольства. Добраться туда — пятнадцать секунд. Среди вариантов моей эвакуации этот был основным. Связались с посольством, американцы сразу согласились нас принять в экстренном случае. И затем сами звонили, даже приходили, предлагая свою помощь.

Были предусмотрены и другие способы эвакуации. Ни об одном из вариантов мне не докладывали.

Вот еще один заготовленный секретный план. По подземным коммуникациям можно было выйти примерно в район гостиницы «Украина». Меня предполагалось переодеть, загримировать и затем попытаться машиной подхватить где-то в городе. Были и другие планы.

Но вариант с американцами, повторяю, был самым простым и надежным. Поэтому его и начали осуществлять, когда раздались первые выстрелы.

Узнав, куда мы собираемся ехать, я категорически отказался покидать Белый дом. С точки зрения безопасности этот вариант, конечно, был стопроцентно правильным. А с точки зрения политики — стопроцентно провальным. И, слава богу, я это сразу сообразил. Реакция людей, если бы они узнали, что я прячусь в американском посольстве, была бы однозначна. Это фактически эмиграция в миниатюре. Значит, сам перебрался в безопасное место, а нас всех поставил под пули. Кроме того, я знал, что при всем уважении к американцам у нас не любят, когда иностранцы принимают слишком активное участие в наших делах.

* * *

Все источники информации говорили о том, что ГКЧП к исходу второго дня принял решение идти на штурм Белого дома. В Москву начали перебрасывать новые военные силы.

Поэтому было решено спускаться в бункер.

Это современное бомбоубежище, не просто подвал, а очень грамотное с военной точки зрения сооружение — порядочная глубина, прочность. Охрана долго разбиралась со специальны-

ми герметически закрывающимися огромными дверями. Выходов из бункера несколько. Один прямо в метро, в тоннель. Правда, по высокой железной лестнице там метров пятьдесят. Ее на всякий случай заминировали. Второй — маленькая незаметная дверь около бюро пропусков, через которую сразу попадаешь на улицу. Есть и другие выходы через подземные коллекторы.

Внутри несколько комнат, двухэтажные нары для сна. Нам принесли стулья. Здесь мы и провели несколько томительных ночных часов. Интересно, что нас не покинули женщины — секретарши, машинистки, буфетчицы: почему-то никто не ушел, хотя уже был к тому времени приказ покинуть Белый дом.

Самый тяжелый момент наступил примерно в три утра. Снова началась стрельба. Было ясно, что попытка выйти сейчас незаметно из бункера едва ли возможна, а там, наверху, быть может, уже гибнут люди...

Больше не было сил сидеть. И я решил подняться наверх.

Постепенно в Белом доме на нашем этаже все пришло в движение, в комнатах зажегся свет, начались звонки.

Мне доложили, что есть убитые, три человека.

Позвонил домой. Еле смог выговорить: есть жертвы.

В ночные часы. Отец

Пожелтевшая, почти истлевшая папиросная бумага. Канцелярский картон. Фиолетовые стойкие чернила. Передо мной «Дело № 5644», по которому в 1934 году проходила группа бывших крестьян, работавших на стройке в Казани. Среди них — мой отец. Ельцин Николай Игнатьевич.

Было ему в ту пору двадцать восемь лет. По делу он проходил вместе со своим младшим братом Андрианом. Брату было и того меньше — двадцать два.

Перед этим семью нашу раскулачили. Сейчас все мы начинаем забывать, что это такое. А все было, как говорится, проще пареной репы. Семья Ельциных, как написано в характеристике, которую прислал чекистам в Казань наш сельсовет, арендовала землю в количестве пяти гектаров. «До революции хозяйство отца его было кулацкое, имел водяную мельницу и ветряную, имел молотильную машину, имел постоянных батраков, посева имел до 12 га, имел жатку-самовязку, имел лошадей до пяти штук, коров до четырех штук...»

Имел, имел, имел... Тем и был виноват — много работал, много брал на себя. А советская власть любила скромных, незаметных, невысовывающихся. Сильных, умных, ярких людей она не любила и не щадила.

В тридцатом году семью выселили. Деда лишили гражданских прав. Обложили индивидуальным сельхозналогом. Словом, приставили штык к горлу, как умели это делать. И дед «ушел в бега». А подросшие братья поняли, что жизни в деревне им не будет. Ушли в город на стройку. Было крепкое хозяйство, был большой деревенский дом, был укорененный на земле крестьянский род. И вот — ничего не стало.

Ну а дальше сценарий тоже типичный. Два года работали братья на строительстве Казмашстроя, плотничали в одной бригаде, вкалывали на благо сталинской индустриализации. Старший брат, мой отец, уже обзавелся семьей, к тому времени у него родился сын — то есть я... А в апреле тридцать четвертого и эта новая жизнь пошла прахом.

На одной из страниц «Дела» вдруг появляется слово — «односельчане». Так сами гэпэушники, сами следователи назвали обвиняемых в этом процессе, шесть бывших крестьян — братьев Ельциных, отца и сына Гавриловых, Вахрушева, Соколова. Да какой там процесс! Просто села «особая тройка» и во «внесудебном порядке» присудила по статье 58-10 кому пять лет, а моему отцу и дяде — по три года лагерей.

Но «подельники» не были односельчанами. Гавриловы и Ельцины приехали из разных районов Уралобласти, так она тогда называлась, Вахрушев вовсе был из Удмуртии, встретились они на стройке. И все-таки это слово — «односельчане» — было со смыслом. Чекистская подоплека этого названия и всего дела была такова: в одном бараке встретились обломки крепких крестьянских семей, раскулаченные, обиженные советской властью.

...Я все листал это «Дело», старался понять — кто же главный доносчик, с кого началось? И пришел к такому выводу — дело было плановое. Примерно в то же время и в Казани конструировались грандиозные «заговоры», «вредительские» и «диверсионные» группы, чтобы можно было привлечь сразу десятки людей. Шестеро рабочих были для «особой тройки» легким орешком. Но и это дело было необходимо, чтобы отчитаться. В самом заурядном рабочем бараке номер восемь среди простых, честных работяг надо было углядеть «врагов народа».

Ну, а кто-то из начальников, или из «партейных», или из штатных осведомителей показал оперработникам пальцем — вот они, бывшие кулаки.

Важная деталь — ни отец, ни его брат ни в чем не признались, вины на себя не взяли. В другие времена им такая несговорчивость дорого бы обошлась — взялись бы за них как следует, вышибли бы дух... Но повсеместно пытки на допросах, причем вполне официально, разрешили несколько позже. В тот год следователи торопились, им главное — заполнить бумажки, сделать все точно по правилам социалистической законности — протоколы, свидетельские показания, очные ставки, компромат, присланный из родных мест, и т. д. Все это надо собрать, подписать, аккуратно заполнить и сшить. Работа заняла меньше месяца.

Что же вменялось в вину «вредительской группе»? Вот вылили из котла прямо на землю протухший суп, и двадцатидвухлетний Андриан Ельцин в сердцах восклицает: да что же они хотят, чтобы все рабочие со стройки разбежались? Или вот «заем» организовывали на стройке, то есть когда отбирали зарплату и вместо нее выдавали заемные бумажки. На третьей странице «Дела» читаю: «Во время подписки на заем Соколов Иван говорил: "Я не буду подписываться на заем, что вы с нас рвете, еще старый заем не получили, а тут выпустили новый" (показания свидетеля Кудринского от 7.5.34 г.)».

Выпили на Пасху. Тоже настучали на мужиков, вина немалая. Кстати, никаких особо острых высказываний отца в «Деле» нет. Говорили в основном брат и другие «подельники». Зато был отец в этой «кулацкой» бригаде бригадиром! И, видимо, бригадиром неплохим. Этого оказалось достаточно...

Вот показания Красильникова, одного из свидетелей, проходящих по делу. Его показания записывал следователь Денисов, а свидетель Красильников в конце протокола написал: «С моих слов записано верно». И подпись. Я специально сохраняю удивительную орфографию следователя. «Вся эта группа имела между собой тесную связь, которая выражалась на работе, а также и не врабочее время. Сабирались у Ельцина на квартире все эти таварищи. Являлись кулаками, но они всегда старались это скрыть. Вся эта бригада стем, штоб замазать свое социальное праисхождение, они давали хорошие показатели вработи. Но ни смотря на эту хорошую работу, они вместе систематически собирались друг к другу на квартиру у Ельцина для абсужде-

ния какихто вопросов, о которых я ничего сказать не могу, так как мне у них в часных сборищ участвовать не пришлось».

Случайные, бессвязные показания свидетелей, которые «полностью изобличают». И, наконец, появляется «Обвинительное заключение». Шесть фамилий. Ельцин Николай Игнатьевич стоит в списке под номером три.

Итак, обвиняются:

«...В том, что, поступив на работу в Казмашстрой, будучи враждебно настроенными против Советской власти, под руководством кулака Соколова, проводили систематически антисоветскую агитацию среди рабочих, ставя своей целью разложение рабочего класса и внедрение недовольства существующим правопорядком. Используя имеющиеся трудности в питании и снабжении, пытались создать нездоровые настроения, распространяя при этом провокационные слухи о войне и скорой гибели Советской власти. Вели агитацию против займа, активно выступали против помощи австрийским рабочим — т. е. совершили деяние, предусмотренное статьей 58-10 УК».

И, наконец, последний листочек, маленький, в треть обычной странички. «Выписка из протокола № 12 заседания Судебной Тройки ГПУ Татарской АССР от 23 мая 1934 года. Слушали: Дело № 5644-34 по обвинению Ельцина Николая Игнатьевича 1906 г.р., происх. Уральской области, дер. Басманово, раскулаченного кулака, работал плотником на Казмашстрое. По статье 58-10 УК. Постановили: Ельцина Николая Игнатьевича заключить в ИТЛ сроком на три года». На обратной стороне этого листочка: «Читал 25.5.34». Подпись — Н. Ельцин.

Тяжелое, давящее чувство от этой папки. От этого «Дела». Все листаю, листаю, хочу понять... Должна же быть здесь какаято логика? Неужели без всякого смысла пожирала людей чекистская машина?

Отец никогда об этом не говорил со мной. Он вычеркнул из своей памяти этот кусок жизни, как будто его не было. Разговор на эту тему у нас в семье был запрещен.

Мне было всего три года, но я до сих пор помню тот ужас и страх. Ночь, в барачную комнату входят люди, крик мамы, она плачет. Я просыпаюсь. И тоже плачу. Я плачу не оттого, что уходит отец, я маленький, еще не понимаю, в чем дело. Я вижу, как плачет мама и как ей страшно. Ее страх и ее плач передают-

ся мне. Отца уводят, мама бросается ко мне, обнимает, я успокаиваюсь и засыпаю.

Через три года отец вернулся из лагерей.

...Если мы проклянем прошлое, вычеркнем его из памяти, как когда-то мой отец, — лучше не будет. Наша история — и великая, и проклятая одновременно. Как и история любого государства, любого народа. Просто в России это так спрессовано, так сплетены эти драмы, эти исторические пласты, что до сих пор знобит при виде этой желтой папки. «Дело № 5644».

Агония

Напряжение вокруг Белого дома возрастало с каждым часом. Женщин и детей просили покинуть территорию риска. Подразделение десантников вырубило передатчик радиостанции «Эхо Москвы», люди на площади остались без информации. Но к вечеру усилиями депутатов, буквально обложивших министра связи, «Эхо» вновь вышло в эфир, и над площадью поминутно звучали сводки о перемещениях войск.

В такой обстановке красивый план, наспех разработанный генералами под давлением Варенникова, был уже невыполним. Для его осуществления надо было как минимум руководить операцией лично, лично поднимать подразделения в атаку, идти с автоматом на безоружных людей, намертво сцепивших руки в три, четыре, пять живых колец вокруг здания, проходить сквозь стариков и женщин, сквозь целый километр живых человеческих тел.

Надо было в упор расстреливать гордость и надежду России — ее самых знаменитых людей, ее политический символ — парламент и правительство.

На такое армия, конечно, не могла пойти. Все время отставая на шаг, все время догоняя события, пытаясь успеть за непоследовательными и истеричными действиями ГКЧП, боевые части теперь с мучительным стыдом отходили на свои базы, выключали радиопередатчики, «сбивались с курса», застывали в ночной темноте, на окраинных улицах.

* * *

Во всех интервью и воспоминаниях военные почему-то упорно называют перемещение колонн бронемашин по Садовому кольцу, от улицы Чайковского к Смоленской площади, «пат-

рулированием» московских улиц. Но это было не просто патрулирование, а последняя, отчаянная попытка какими-то перемещениями техники напугать, расшатать, разбросать толпу у Белого дома. Так или иначе, но в подземном тоннеле на одну из машин набросили брезент, человек прыгнул на броню, раздались предупредительные выстрелы из люка — парень упал. Броневик рванул назад, волоча за собой по асфальту беспомощное тело. Еще двое, бросившиеся на помощь упавшему, были застрелены.

Долго-долго оставалась кровь на асфальте. Ушли из жизни трое молодых ребят: Дмитрий Комарь, Илья Кричевский и Владимир Усов.

Вечная им память.

Случилось то, чего в ту ночь, кажется, не хотел никто — ни военные, ни мы. Случилось то, чего могло и не быть, раздайся в шлемофонах командиров боевых машин только один приказ: стоять, не двигаться. Случилось то, чего можно было ожидать, когда люди много часов подряд находятся в страшном напряжении, в постоянном ожидании самого страшного.

И все-таки это были жертвы, которые отрезвили всех. Уже наутро под давлением своих заместителей маршал Язов отдает приказ о выводе войск из Москвы.

Гэкачеписты, еще вчера чувствовавшие себя уверенно под защитой стольких стволов, теперь оказались лицом к лицу со своей судьбой. Они в шоке.

Их последнее сбивчивое совещание сопровождает бесконечная истерика, которую нагляднее всего демонстрируют слова Юрия Прокофьева, первого секретаря Московского горкома партии: «Лучше дайте пистолет, я застрелюсь».

Кстати, теперь Прокофьев — преуспевающий бизнесмен.

* * *

Наутро 21 августа страна проснулась в страхе и оцепенении — неужели и дальше кровь? Неужели это еще не конец? По радио и телевидению продолжали передавать указы ГКЧП, и, хотя обстановка переломилась, риск, что ГКЧП, смертельно испугавшись ответственности за содеянное, нанесет отчаянный удар, был еще очень велик.

Однако маршал Язов уже принял решение — техника начала понемногу уходить из Москвы.

Открылась сессия Верховного Совета России.

Хроника событий

21 августа 1991 года

В 14.15 принадлежащий Президенту СССР самолет, на борту которого были Крючков, Язов, Бакланов, Тизяков, взял курс на Форос. На другом самолете вылетели Лукьянов и Ивашко.

16.52. Из Внуково-2 вылетел в Форос Ту-134. На борту Силаев, Бакатин, Руцкой, Примаков и 10 народных депутатов РСФСР.

19.25. Самолет с путчистами приземлился на аэродроме Бельбек.

* * *

Горбачев отказался разговаривать с путчистами, ограничившись строгой моральной сентенцией. Им не о чем говорить. Перед бывшим генеральным секретарем стояла команда самоубийц — таких разных, таких непохожих и все-таки одинаковых в одном: все они стали уже бывшими. ГКЧП стал последней страницей их политической биографии.

Увидев вооруженного Руцкого с автоматчиками, Раиса Максимовна испуганно спросила: «Вы что, нас арестовывать прилетели?» «Почему? — удивился Руцкой. — Освобождать!» Она разрыдалась.

Эпилог

Поздно ночью во Внуково-2 с трапа самолета спустился Горбачев, как кто-то написал, с «перевернутым» лицом, сошли с борта самолета его родные. Я смотрел эти кадры по телевизору и думал: хотя Горбачев был и остается моим политическим оппонентом, замечательно, когда у такой страшной истории такой хороший конец.

Но впереди был тяжелейший день манифестаций и похорон — невероятная толпа людей, протянувшаяся от Белого дома до Ваганькова, тяжелая, давящая атмосфера и невыносимое чувство стыда за всех нас. Горбачев не выдержал, ушел, а я остался с почерневшими от горя матерями, я не мог уйти.

Кто знал, что эти похороны будут не последними...

Много раз меня упрекали в том, что на сессии Верховного Совета, открывшейся сразу после путча, я демонстративно под-

писал указ о приостановлении деятельности компартии. Да, демонстративно. Но не назло. Никто не мог спорить с тем, что главное событие, произошедшее в эти три дня, — полное и окончательное падение коммунистической власти в нашей стране. Осталась партия, осталась идея — но как государственная, воинствующая идеология коммунизм ушел в прошлое.

* * *

Просто удивительно, как события тех трех дней совпадают с деталями «обороны» Белого дома в октябре девяносто третьего года. Это как бы зеркальное их отображение.

Не хочется смотреть в это зеркало. Но надо.

И женщины в Белом доме во время октябрьского мятежа тоже были, не уходили. И вся эта самодеятельная защита: баррикады из мебели, круглосуточные посты, гражданские люди с автоматами, попытки склонить на свою сторону армию, планы использования подземных коммуникаций.

Руцкой отчаянно пытался связаться с посольствами, чтобы мировое сообщество взяло его под свою защиту. Я же в американское посольство ехать отказался, хотя мне такую защиту предоставляли, а лидеры западных стран связывались со мною сами.

Но если смотреть шире, без предвзятости, то это упование на помощь со стороны — тоже общее и для той и для другой ситуации.

Мы в октябре 93-го всеми силами пытались избежать силового столкновения. Для этого пошли на шаг, как я теперь понимаю, смертельно опасный — разоружили всю милицию, силы внутренних войск, задействованные в операции. Против толпы, вооруженной камнями, железными трубами и бутылками с зажигательной смесью, стояли люди, которых прикрывали лишь пластиковые щиты.

И результат этой перестраховки не замедлил сказаться: когда появились трупы и полилась кровь, московская милиция покинула свои посты. Бессмысленно терять безоружных офицеров и солдат она не хотела. Так без охраны оказались важнейшие правительственные объекты. Пусть ненадолго. Но без охраны...

Нет, зеркало все-таки врет: в августе 91-го Москва была переполнена войсками, улицы забиты танками, бронетехникой.

В октябре не было войск. Не было до четырех часов ночи четвертого октября. Помня горькие уроки августа, когда армию выставили пугалом огородным, военные очень боялись оказать-

ся в той же ситуации — а вдруг и впрямь люди поднялись против антинародного режима, как писали в своих революционных воззваниях Руцкой с Хасбулатовым? (А в том, что эти воззвания очень быстро попали в казармы, можно было не сомневаться.) Вдруг это и впрямь народная революция?

В октябре пытались не стрелять до самого последнего момента. В августе — стрелять принуждали, но тщетно.

Комплекс августа 91-го года владел всеми нами, участниками этих событий и с той и с другой стороны. Подсознательно в нас сидел опыт тех страшных часов и дней, опыт зависания над пропастью, когда ситуация может измениться каждую минуту, когда сила обстоятельств возносит политиков до небес и опускает на самое дно.

В октябре люди в Белом доме всеми силами пытались воспроизвести тот, двухлетней давности сценарий, были уверены в его повторном успехе. И раскручивали мятеж без всякой оглядки на здравый смысл.

Люди в Кремле, и я в том числе, боялись оказаться в роли гэкачепистов. Отсюда та страшная неловкость, нерешительность в наших действиях, которая и привела почти к самому краю пропасти... И стоила большой крови.

В России, как мне кажется, существует очень своеобразный комплекс власти.

Власть всегда воспринималась как образ какой-то невероятной, тотальной силы, настолько устрашающей и несокрушимой, что даже сама мысль о попытках переворота, путча, мятежа казалась достаточно абсурдной.

Власть может рухнуть только сама собой. Как это произошло в 1917 году, в октябре.

Как это произошло в 1991 году. И как чуть не произошло в октябре 1993-го — благодаря все тому же неумению эту власть не только укрепить, но и охранять ее, как сердце государственной безопасности, как ключ пульта управления страной.

Власть — с ее конкретными коридорами, кабинетами, этажами.

Мятежники заняли Белый дом. Взяли мэрию. Захватили два этажа телецентра «Останкино». Захватили крупнейшее информационное агентство страны — ИТАР-ТАСС. Захватили таможенный комитет (откуда поступила команда блокировать все аэропорты, железнодорожные вокзалы и не выпускать из Москвы членов правительства, демократических журналистов и об-

щественных деятелей). Захватили Дом звукозаписи и радиовещания на улице Качалова. Пытались захватить штаб Объединенных Вооруженных сил СНГ.

Захват зданий шел по подробно разработанному плану.

Да, пожалуй, это действительно зеркало. И отражение в нем — зеркальное. Все вроде бы точно такое же — и все прямо противоположное. Ведь зеркальное отражение — обратное.

Наше пассивное, практически безоружное сопротивление чрезвычайному положению в августе закончилось выводом войск.

«Оборона» Белого дома в сентябре–октябре, когда сотням людей выдавали оружие, когда счет стволам шел на тысячи, когда проламывали черепа милиционерам, когда стреляли из гранатомета при штурме «Останкина», когда народ целенаправленно вели на штурм, когда шел захват государственных объектов, — закончилась поражением мятежа.

Абсолютно мирные люди, многотысячной толпой охранявшие Белый дом, спасли страну от кровопролития огромного, спасли от возвращения тоталитаризма. Это август.

Оголтелые, распаленные ненавистью демонстранты, бросившиеся на безоружную милицию, спровоцировали страшное побоище. Это октябрь.

Армия, которую сразу — и в громадном количестве — ввели в Москву, отказалась идти на штурм Белого дома, потому что видела, как встают перед танками тысячи людей. Не выполнила приказ. Август.

Армия, которую долго, очень долго, до самого последнего момента не вводили в Москву, все-таки дождалась приказа, открыла огонь по мятежникам, потому что ощущала полную поддержку тех же москвичей, которые призвали солдат к решительности. И солдаты понимали, каково значение, каков смысл отданного им приказа. Октябрь.

Спецподразделение КГБ «Альфа» отказалось идти на штурм Белого дома. Август.

Оно же, преодолев все тот же «комплекс Белого дома», висевший над всеми нами, потеряв одного бойца, который был убит выстрелом в спину, выполнило свою боевую задачу, заняло Белый дом. Октябрь.

Как в абсурдном фильме — ту же пленку прокрутили еще раз, только в обратном направлении. Зачем?

Что ж, это было еще одно испытание воли, испытание нашей новой государственной власти.

Его можно было бы избежать — если бы политики вели себя умнее. Если бы не пытались сыграть уже однажды сыгранную роль.

Ну а простые люди, москвичи, вышедшие и в августовскую, и в октябрьскую ночь защищать демократию, и журналисты, и врачи, и молоденькие солдаты — все они проявили себя твердо.

Они точно знали — ради чего и чем они рискуют.

* * *

Я вспоминаю еще один довольно мрачный эпизод августовского путча. Как я звонил Янаеву.

Я сказал ему, что их заявление о здоровье Горбачева — ложь. Потребовал медицинского заключения или заявления президента. «Будет заключение», — хрипло ответил он.

Мне стало страшно.

Только потом я понял: на такой жестокий цинизм они не способны. Не хватит решимости. Это ведь все же обычные, заурядные советские люди, хоть и большие начальники. Нет, не нашлось среди них «гения злодейства»: ведь главный «взрыватель» путча находился все-таки в Форосе. Очень многое зависело от поведения Горбачева и от реакции путчистов на поведение Горбачева. Сломай они его, прибегни к насилию — и цепная реакция докатилась бы до Москвы. А оттуда — по всему Союзу.

Понимать ценность человеческой жизни, испытывать страх перед преступлением — это уже немало. Циничные заговорщики августа 1991 года не смогли переступить этот барьер.

Я думаю, что-то произошло и с народом за эти семьдесят лет после Великой Октябрьской революции, как ее всегда величали.

Не может взорваться эта мина. Потому что мы, русские, россияне, стали нормальнее, культурнее, если хотите — добрее. А может быть, просвещеннее.

Убивать другого за то, что он богаче? Расстреливать целую семью, потому что она «чужой крови»? Воевать, умирать, стрелять друг в друга — за Ельцина, Хасбулатова, Конституцию или коммунизм? Нет, не верю я в это.

Итоги

...Вот уже который год тянется суд над членами ГКЧП. Утомительный, скандальный и неясный процесс — судебная машина никак не может прожевать это огромное дело, которое сначала затягивалось по политическим мотивам (надеялись,

что власть президента Ельцина рухнет), потом по процессуальным, потом по медицинским — стали болеть гэкачеписты.

Теперь они все на свободе, пишут стихи, участвуют в демонстрациях, некоторые из них выбраны в Государственную думу. Вот так.

Их место в тюрьме заняли другие люди, подтверждая тем самым, что власть демократии, увы, нестабильна.

Борясь за демократию, за свободу — люди в том августе боролись, между прочим, за родину. Это было для них важнее, чем собственная жизнь. Святое желание простых людей умереть за что-то высокое оказалось моральным уроком, наследством, которое нам оставила, как ни странно, советская власть, с ее воспитанием, ее укладом жизни.

Сегодня я часто над этим думаю. Ушел в прошлое тоталитаризм. Но не ушли ли в прошлое и эти моральные запреты, без которых нет нравственности, и эти идеалы, без которых нет гражданского общества?

Началась другая эпоха. Эпоха смутная и неясная, заставляющая ломать голову и искать выход в тупиковых, патовых ситуациях. Эпоха, которая не раз еще заставит вспомнить о том прозрачном времени четких задач и ясных идей, которое кончилось 21 августа 1991 года.

* * *

Еще раз включаю диктофонную запись.

Таня. ...Был один момент страшный, когда нам передали, что в Белом доме произошел взрыв. У мамы подогнулись колени, и она села. Я говорю: «Не может быть!» Побежала звонить, и Лев Евгеньевич мне сказал: «Нет, Таня, у нас все нормально, мы работаем. Это дезинформация».

Леша. Мы слушали «Эхо Москвы», услышали стрельбу на Калининском, и тут же диктор сообщил, что там горит танк, было столкновение...

Лена. Я после этого, наверное, в течение месяца, как едут грузовые машины, так кидалась смотреть — не танки ли? Понимаю, что быть этого не может, а все равно дергаюсь.

А 21 августа был мой день рождения. Вечером решили мы все-таки как-то его отметить, но пришли только женщины. Мужья у всех были там, в Белом доме. И папы не было, ведь опасность еще не исчезла совсем. И в ночь с 21-го на 22-е у Белого дома люди по-прежнему дежурили. И все это время,

пока мы были дома, ребята из охраны дежурили на лестничной клетке. И они подарили мне на день рождения патрон.

И папа опять позвонил в 5 утра. Поздравил меня с днем рождения. И говорит: «Извини, в этот раз не подарил тебе никакого подарка». А я ему говорю: «Папа, ты же сделал мне самый лучший подарок. Ты защитил демократию!»

* * *

…И эта книжная фраза, честное слово, не показалась мне слишком выспренней.

РОССИЯ. ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

1991 ГОД

Сентябрь

В интервью американской телекомпании Си-эн-эн и советскому телевидению 1 сентября Горбачев заявил, что Союз должен быть сохранен.

ВС Узбекистана и Кыргызстана провозгласили государственную независимость этих республик.

С заявлением Президента СССР и высших руководителей союзных республик на внеочередном съезде народных депутатов выступил Н. Назарбаев. В заявлении сказано, что на переходный период до принятия новой конституции и проведения на ее основе выборов новых органов власти руководители республик согласились с необходимостью подписать всеми желающими республиками Договор о Союзе суверенных государств, в котором каждая из республик сможет самостоятельно определить формы своего участия в Союзе, обратиться ко всем республикам с просьбой безотлагательно подписать договор об экономическом сотрудничестве и т. д. Авторы обращения таким образом отказались от идеи федерации. Предложен союз по типу конфедерации.

На совместной сессии Нагорно-Карабахского областного и Шаумяновского районного Советов с участием народных депутатов всех уровней провозглашена Нагорно-Карабахская республика.

Декларация о государственном суверенитете Крыма была принята на внеочередной сессии ВС этой автономной республики.

Бывшему Председателю ВС СССР Лукьянову официально предъявлено обвинение.

10 сентября Коллегия МИД СССР объявила о самороспуске.

Согласованного решения о выдаче Бонну Москвой бывшего лидера Восточной Германии Хонеккера достичь пока не удалось, заявил 11 сентября министр иностранных дел Германии Г. -Д. Геншер.

Председатель исполкома союза «Щит» Уражцев заявил: «Российская национальная гвардия будет состоять из 40 тысяч

На съезде народных депутатов СССР.
Б.Н. Ельцин еще не президент

Рукопожатия —
с М. Горбачевым,
Г. Колем,
Ф. Миттераном,
Алексием II

Осторожней,
Борис Николаевич!..

Нижний Новгород. Экономический эксперимент продолжается

На переговорах — российская делегация

Отсюда уходят новые подлодки

Вверху. С генеральным директором «АвтоВАЗа» В. Каданниковым. Новые «Жигули» приехали к стенам Кремля

С министром обороны П.С. Грачевым

Новый премьер-министр России — В.С. Черномырдин

Ракурс из недавнего прошлого.
Б.Н. Ельцин выступает перед депутатами России

человек. Они пройдут жесткий отбор, при котором будут учитываться и их политические взгляды».

Парламент Армении объявил республику независимым демократическим государством вне состава СССР.

В Таджикистане введено чрезвычайное положение.

28 сентября Силаев подал в отставку с поста Председателя Совмина РСФСР.

Октябрь

Только две республики — Литва и Эстония — не прислали свои делегации в Алма-Ату на задуманный Президентом Казахстана Н. Назарбаевым форум 15 независимых государств.

«Россия — единственная республика, которая могла бы и должна стать правопреемником Союза и всех его структур», — заявил 2 октября на встрече с российскими парламентариями государственный секретарь РСФСР Бурбулис.

На заседании Совета республики ВС РСФСР в связи с отставкой председателя палаты Исакова на этот пост избран народный депутат РСФСР Рябов.

Руцкой на встрече с делегацией НАТО 3 октября предложил принять СССР в НАТО.

Президент СССР Горбачев дал поручение двум прокуратурам — СССР и РСФСР — провести служебное расследование и выяснить, как произошла утечка информации о работе следственных органов по делу ГКЧП. Распоряжение связано с публикацией немецким еженедельником «Шпигель» текстов допросов Язова, Крючкова и Павлова.

10 октября приступил к работе Президент РСФСР Ельцин, находившийся на отдыхе в Сочи.

Комитет конституционного надзора СССР принял заключение, в котором акты правительства СССР о разрешительном порядке прописки признаны противоречащими Конституции, Декларации о правах и свободах человека и международным нормам. Установлено, что эти акты утрачивают силу с 1 января 1992 года.

Комментируя итоги состоявшегося 15 октября заседания Госсовета, Ельцин заявил, что, прежде чем приступать к реформам, он собирается «доразрушить» центр. «Через месяц мы закрываем счета всех союзных министерств, услугами которых не пользуемся», — сообщил он.

Парламент России отказал Ельцину в его просьбе перенести дату выборов глав местной администрации, намеченных ранее на 8 декабря.

КГБ СССР упразднен постановлением Госсовета СССР. На базе КГБ СССР будут созданы Центральная служба разведки СССР, Межреспубликанская служба безопасности, Комитет по охране Государственной границы СССР с объединенным командованием пограничных войск.

28 октября Хасбулатов выдвинут кандидатом на пост Председателя ВС РСФСР от фракций «Демократическая Россия», «Коммунисты за демократию», «Рабочий союз», «Беспартийные». В этот же день Хасбулатов был избран на этот пост.

Следствие по делу ГКЧП должно быть закончено к концу ноября. Об этом 29 октября заявил генпрокурор РСФСР Степанков.

Коллегия Главной военной прокуратуры полностью расформирована, деятельность ее прекращена.

Ноябрь

С 1 ноября Россия прекращает финансирование тех союзных министерств, которые не упомянуты в Договоре об экономическом сообществе.

Съезд народных депутатов РСФСР утвердил новый (старый) Государственный флаг России — трехцветный.

В числе других поправок к Конституции съезд принял и новую редакцию статьи, определяющую полномочия президента. Теперь он вправе приостанавливать действия актов главы исполнительной власти, если они противоречат Конституции РСФСР и законам РСФСР.

Завершая съезд, Председатель ВС РСФСР Хасбулатов назвал его историческим. Однако Хасбулатову так и не удалось подвести съезд к решению, которое можно было бы считать одним из главных: снять 10-летний мораторий на куплю-продажу земельных участков. Съезд слушал доводы «за» и упорно голосовал «против».

4 ноября состоялось заседание Госсовета СССР. Итоги его таковы: МИД СССР пока остается, но подвергается серьезной реформе и сокращается не менее чем на треть, МВД СССР сохраняется, Минобороны и единая армия — тоже.

Возбуждено уголовное дело о вывозе валютных средств ЦК КПСС. Как сообщили, уже арестованы средства КПСС на счетах некоторых банков, а также деньги, вложенные в различные СП, МП, АО. Пока набралось свыше 5,5 миллиарда рублей, а в разных местах изъято более 14 миллионов долларов наличными.

Указом президента Ельцина 6 ноября деятельность КПСС и Компартии РСФСР на территории России прекращена, а их организационные структуры будут распущены.

Президент СССР назначил Бакатина руководителем Межреспубликанской службы безопасности, Примакова — директором Центральной службы разведки СССР и Калиниченко — председателем Комитета по охране Государственной границы СССР — главнокомандующим погранвойсками СССР.

9 ноября Президент РСФСР Ельцин ввел чрезвычайное положение в Чечено-Ингушетии.

Указ о национализации на территории Грузии имущества внутренних войск МВД СССР подписал президент республики Гамсахурдиа. Под имуществом подразумевается оружие, боеприпасы, военная техника и т. д.

Реализуя свои новые полномочия, президент Ельцин, возглавляющий теперь правительство России, назначил двух вице-премьеров, которые будут отвечать за реформу и за экономическую политику в целом. Это тридцатипятилетний Егор Гайдар, руководивший подготовкой новой экономической концепции российской реформы, и сорокалетний Александр Шохин, также активно участвовавший в этой работе.

12 ноября пресс-секретарь Президента РСФСР Вощанов распространил заявление, из которого следует, что президент согласен с решением парламента, не утвердившего указ о введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушетии.

12 ноября в пресс-центре МИД СССР состоялась презентация книги, написанной Президентом СССР Горбачевым, — «Августовский путч. Причины и следствия».

ВС Литвы принял Закон «Об изъятии имущества КПЛ (КПСС) и бывших коммунистических организаций».

Правительство РСФСР объявило о начале приема заявок от ряда компаний западных стран на заключение контрактов с целью освоения месторождений нефти и газа на территории России.

На встрече с журналистами в Белом доме Руцкой заявил: «Сегодня нет гарантий стабилизации обстановки в Чечено-Ин-

гушетии. Отменив, по сути, указ Президента РСФСР о введении чрезвычайного положения, мы продемонстрировали безвластие, порождающее беззаконие».

14 ноября в Ново-Огареве прошло заседание Госсовета по вопросу о дальнейшей судьбе СССР. Семь суверенных республик, участвовавших в заседании, высказались за создание нового политического союза. Это будет конфедеративное государство, выполняющее делегированные с государствами — участниками Договора функции. Название — ССГ (Союз суверенных государств). Конституцию ССГ заменит сам Договор о ССГ. У ССГ будет президент. Проект Договора предстоит рассмотреть ВС республик.

Министр обороны СССР Шапошников 19 ноября сделал официальное заявление для советских журналистов в связи с претензиями некоторых республик на боевую технику и вооружение Советской армии и ВМФ, в котором сообщил о готовности Минобороны выполнять решения съезда народных депутатов СССР и Госсовета о единстве Советских Вооруженных сил.

19 ноября Горбачев подписал указ о назначении Шеварднадзе министром внешних сношений Союза.

Наметились новые признаки кризиса между ВС и правительством РСФСР. На этот раз в связи с демонстративным отказом парламента утвердить проект указа президента «О финансово-кредитном обеспечении экономической реформы и реорганизации банковской системы РСФСР».

25 ноября вместо ожидаемой процедуры парафирования членами Госсовета проекта Договора о ССГ участники заседания приняли постановление Госсовета СССР: разработанный проект Договора направляется ВС суверенных государств и ВС СССР. Представители республик-участниц и Президент СССР просят его рассмотреть, имея в виду подготовить документ для подписания в текущем году.

27 ноября внеочередная сессия ВС Азербайджана единогласно приняла решение о ликвидации статуса Нагорно-Карабахской автономной области, а также закон о внесении соответствующих изменений и дополнений в Конституцию Азербайджанской Республики. Степанакерту возвращено исконное название — Ханкенди.

Со 2 декабря в Москве начинается массовая бесплатная передача жилья в собственность гражданам.

Объявленное сокращение операций советского Внешэкономбанка усилило в деловых кругах Запада недоверие к способности Советского Союза платить текущие внешние долги.

Декабрь

Состоялись выборы Президента Казахстана. Им стал Н. Назарбаев. Результаты голосования он назвал «мандатом общенародного доверия» (98,8%).

Прошел референдум на Украине — быть ли ей независимой. 90 процентов граждан Украины проголосовали за независимость.

Л. Кравчук избран Президентом Украины.

Ельцин попросил парламент республики перенести срок введения в действие Закона РСФСР «О повышении минимального размера оплаты труда» с 1 декабря нынешнего года на 1 января 1992-го.

4 декабря правительство столицы, обсуждая положение с продуктами питания, пришло к выводу: тяжелейший продовольственный кризис грозит разразиться в ближайшие 10–15 дней.

Российское правительство заявило о признании независимости Украины.

8 декабря в Беларуси руководители Республики Беларусь, РФ и Украины подписали соглашение о создании Содружества Независимых Государств.

Группа народных депутатов СССР, «озабоченная сложившейся ситуацией», выступила с инициативой созыва шестого чрезвычайного съезда народных депутатов СССР, на котором должны быть приняты решения «по восстановлению конституционного порядка на всей территории СССР».

«Судьба многонационального государства не может быть определена волей руководителей трех республик», — заявил Горбачев.

Хонеккеру объявлено решение правительства России о том, что он обязан покинуть пределы республики.

В беседе с журналистами Горбачев сказал по поводу Беловежского соглашения, что он, конечно, готов участвовать в процессе, но сомневается, что такой путь не приведет к развалу страны.

«Скоропалительность, с которой было заключено соглашение о содружестве, недопустима», — считает Руцкой.

Норвегия признала независимость России и заявила о намерении установить с ней дипломатические отношения.

Хасбулатов отклонил утверждение некоторых СМИ о существовании противоречий между парламентом и правительством. «Все мы — и правительство, и законодатели — в одной лодке», — сказал он.

Горбачев считает, что его позиции по основным вопросам совпадают с позициями Ельцина, хотя внешне так не кажется.

Президент СССР продолжает исполнять свои обязанности: «...До тех пор, пока не принято конституционное решение об образовании Содружества бывшими членами прежнего Союза, до тех пор существует СССР, и все его органы продолжают существовать».

Представитель пресс-службы Президента СССР опроверг сообщение о том, что Горбачев уже подписал указ о своей отставке с открытой датой.

Финляндия и Румыния признали независимость России.

Горбачев направил письмо участникам алма-атинской встречи. В нем он, в частности, предложил новое название для содружества — СЕАГ (Содружество Европейских и Азиатских Государств).

Итоги заседания правительства РСФСР, которое состоялось 18 декабря под председательством Ельцина, прокомментировал Бурбулис. Он сказал, что на сегодняшний день о своем намерении войти в состав Содружества объявили республики Средней Азии, Казахстан и Армения.

В Тбилиси идет война. Вооруженная оппозиция штурмует Дом правительства. Число убитых и раненых уточняется.

Скорее всего, Горбачев после ухода в отставку возглавит организацию, известную как Фонд Горбачева (создан в августе 1991 года указом Горбачева после возвращения из Фороса).

Отвечая в Алма-Ате на вопрос о государственной границе, Ельцин сказал, что будет создан специальный комитет, в задачи которого войдет охрана государственной границы стран Содружества. Границы между государствами СНГ должны быть свободными, считает Ельцин.

24 декабря 1991 года в 17 часов Советский Союз перестал быть членом ООН. Его место заняла Российская Федерация.

С 25 декабря Россия перестала быть советской и социалистической. Отныне ее официальное название — Российская Федерация (Россия).

Председатель Госбанка СССР Геращенко попросил освободить его от занимаемой должности. Причина — подписание соглашения о создании СНГ, а также упразднение Госбанка СССР.

Правительством России разработаны бюджетные проектировки на 1992 год. Впервые за долгое время сверстан бездефицитный бюджет на первый квартал нового года. Документ передан на утверждение в ВС РСФСР.

26 декабря в здании Кремля, над которым уже не развевается флаг СССР, верхняя палата союзного парламента приняла декларацию, в которой объявила о прекращении существования СССР. Председатель палаты Алимжанов сказал, что они выполнили «свой депутатский и гражданский долг».

В последние месяцы доверие к российскому руководству возросло у 12% населения, уменьшилось — у 34 %.

На заседании правительственных делегаций СНГ в Москве возросли трения по финансово-экономическим вопросам между Украиной и Россией.

25 декабря Горбачев подписал Указ о сложении с себя полномочий Верховного главнокомандующего Советских Вооруженных сил и передал право на применение ядерного оружия Президенту России Ельцину.

30 декабря состоялась встреча глав государств Содружества. На ней необходимо было закрепить юридически достигнутые ранее договоренности.

Как стало известно поздно вечером, все документы, представленные на рассмотрение участников, подписаны.

ГЛАВА 4
ПОСЛЕ ПУТЧА

Беловежская Пуща

Был отличный зимний вечер. Стоял легкий морозец. Тихий снежок. Настоящий звонкий декабрь.

В резиденции Председателя Верховного Совета Республики Беларусь мы собрались втроем: Шушкевич, Кравчук и я.

Собрались, чтобы решить судьбу Союза.

Напомню, что произошло в стране к тому времени.

После августовского путча все республики мгновенно отреагировали заявлениями о независимости. Срочно назначались президентские выборы, готовились декларации, делались заявления в печати, особенно со стороны Грузии и Молдовы, что уж теперь-то они точно никакой договор подписывать не будут.

Все союзные органы замерли в оцепенении. Было ясно, что реальная власть — у республик. Прежде всего у России. Ни Совмин, ни Госплан, ни другие прежде всесильные структуры уже ничего не решали по-настоящему, их функции ограничивались регистрацией существующего положения.

Экономика все-таки идет вслед за политикой. А в политическом смысле принцип руководства центра так сильно скомпрометировал себя, что республикам ничего не оставалось другого, как выбирать путь самостоятельного развития.

Вместо постепенного и мягкого перехода от унитарного Союза к более мягкой, свободной конфедерации мы получили полный вакуум политического центра.

Центр в лице Горбачева был полностью деморализован. Он потерял кредит доверия у возрождающихся национальных государств.

Что-то надо было делать.

* * *

С августа до момента отставки Горбачева у нас с ним состоялось примерно восемь–десять встреч. Не знаю, понимал ли он сам, насколько изменился к тому времени характер наших отношений. Я сказал ему: «У нас уже есть горький опыт, август нас многому научил, поэтому, прошу вас, теперь любые кадровые изменения — только по согласованию со мной».

Горбачев внимательно посмотрел на меня. Это был взгляд зажатого в угол человека. Но другого выхода у меня не было. От жесткой последовательности моей позиции зависело все.

И время показало, что я не ошибся.

Первые кадровые назначения Горбачев сделал самостоятельно: Моисеева назначил министром обороны, Шебаршина — председателем КГБ, Бессмертных оставил министром иностранных дел. Мне было хорошо известно, что все эти люди явно или тайно были участниками путча.

Я позвонил Горбачеву ночью, когда информационные агентства сообщили об этих назначениях, и сказал: «Михаил Сергеевич, что вы делаете? Моисеев — один из организаторов путча. Шебаршин — ближайший человек Крючкова». Он стал говорить: «Да, возможно, я не сориентировался, но сейчас уже поздно, во всех газетах опубликован указ, его зачитали по телевидению». В конце этого телефонного разговора я сказал: «Утром буду у вас».

Аргумент Горбачева меня поразил: мол, неудобно. Неужели внешние приличия важнее реальной угрозы безопасности страны?

Утром я приехал к нему. Первое, что я потребовал — сразу же отправить в отставку Моисеева. Горбачев сопротивлялся, но в конце концов был вынужден согласиться, что совершил ошибку. Сказал: «Я подумаю, как это исправить». «Нет, — говорю, — я не уйду, пока вы при мне этого не сделаете. Приглашайте Моисеева прямо сюда и отправляйте его в отставку».

Как раз в этот день Моисеев дал команду своим сотрудникам уничтожить документы, особенно шифровки, подписанные им самим, которые касались путча.

К счастью, один из офицеров, старший лейтенант, которому было дано непосредственное задание уничтожить шифровки, вышел на нашу службу безопасности и сообщил об этом. Мне передали записку с фамилией и номером телефона

этого старшего лейтенанта. Я даю эту записку Горбачеву и говорю: «Позвоните по этому телефону и просто спросите, чем он занимается в настоящий момент». Горбачев в присутствии Моисеева звонит, там отвечают: старший лейтенант такой-то слушает. Горбачев представился и спросил: «Какое указание вы получили сегодня?» — «Я получил указание от Моисеева уничтожить все шифровки, касающиеся августовского путча». Горбачев повернулся к Моисееву: «Вам еще что-то неясно?»

Мы договорились, что назначение нового министра обороны будет согласовано с Советом глав республик. В этот день через пару часов как раз должно было начаться его заседание. Я предложил кандидатуру Шапошникова, главнокомандующего ВВС. Было известно, что он мужественно повел себя во время путча. Сколько ни давили на него Язов и его окружение, он не поддался на провокации и сделал все, чтобы военная авиация не принимала участия в перевороте. С его назначением проблем не возникло.

Не менее важно было найти достойного человека на роль руководителя КГБ, тем более перед ним стояла задача разрушить эту страшную систему подавления, которая сохранялась еще со сталинских времен. Человек, вступающий в эту должность, обязан был иметь опыт руководства властными структурами. Бакатин, который до Пуго возглавлял Министерство внутренних дел, как мне казалось, мог справиться с этой работой. Это было достаточно неожиданно, но Горбачев согласился.

Дошли до Министерства иностранных дел. Я сказал, что Бессмертных выполнял поручения ГКЧП, во все посольства ушли шифровки в поддержку ГКЧП, и всю внешнеполитическую службу он ориентировал на то, чтобы помогать путчистам. Козырева тогда сложно было назначать на пост министра иностранных дел Союза, он был к этому не готов. Остановились на фигуре Бориса Панкина, посла в Швеции. Он был одним из немногих послов, кто в первый же день переворота дал однозначную оценку путчу.

В одиннадцать часов начался Совет глав республик, там все эти предложения прошли.

Каждая такая победа давалась невероятным усилием. А сколько их могло быть — одна, две, три?

Мне становилось все более очевидно, что это временные уступки.

Неудавшиеся назначения Горбачева на три ключевых поста в правительстве — обороны, безопасности и иностранных дел — не несли в себе никакого злого умысла. В двух случаях он назначал первых заместителей, в третьем — просто оставил на посту прежнего опытного исполнителя.

Однако эта история ясно показала: в путче был задействован не только первый, но и второй эшелон руководителей союзных ведомств. Ведь это был не заговор нескольких отчаянных генералов, как позднее, в октябре 93-го, а заговор государственной системы, которая не желала распадаться.

Возникала как бы сама собой парадоксальная, двойственная ситуация. Руководить страной Горбачев назначал непосредственных помощников тех людей, которые собирались его свергать...

Сохранялся в неприкосновенности сам механизм, аппарат путча — а это и был аппарат союзных структур, на всех уровнях подчинения и функционирования, который готов был привести в действие режим чрезвычайного положения.

А этого не хотел в стране, как мне казалось, никто. И я не мог, не имел права допустить возникновения новой угрозы безопасности России.

Последняя попытка

Ночью накануне очередного съезда народных депутатов СССР руководители союзных республик собрались в Кремле, чтобы выработать тактику поведения перед съездовским форумом. Задолго до этого у большинства руководителей сложилось однозначное мнение — со съездом нужно заканчивать, этот государственный орган власти изжил себя, остался в прошлом. Но все понимали также, что съезд не согласится без боя проститься со своей безграничной властью.

После напряженной работы было подготовлено совместное заявление глав десяти республик, в котором съезду предлагалось сформировать межреспубликанские структуры власти на переходный период до принятия новой Конституции СССР. На этом съезд должен был успешно закончить свое существование. В случае принятия этого предложения приостанавливалось действие ряда важнейших статей Конституции СССР, и власть передавалась Совету глав государств, в который входили Президент СССР и лидеры союзных республик.

Во время работы над этим документом Горбачев все время шел на компромиссы, не обращал внимания на мелочи, держался согласованной позиции с главами республик. Он сильно изменился после августа. Объявляя о своем суверенитете, одна республика за другой резко меняли политический расклад в уже бывшем — это становилось определенно ясно для всех — Советском Союзе. В новой реальности Горбачеву оставалась только одна роль — объединителя разбегавшихся республик.

С заявлением перед народными депутатами СССР мы поручили выступить Нурсултану Назарбаеву. Нельзя сказать, что предложение Совета глав государств стало для участников съезда большой неожиданностью. Все примерно к такому сценарию и готовились. Но все же самые оголтелые бросились на защиту съезда. С трибуны бросались слова о «предательстве», «заговоре», «разворовывании страны» и прочее. Михаил Сергеевич всегда с трудом сдерживался, если при нем говорили такие гадости, и когда его довели окончательно, он вышел на трибуну и пригрозил: если съезд сам не распустится, то можно его и разогнать. Это охладило пыл выступавших, и заявление Совета глав государств было принято.

Дальше пошла активная, напряженная работа в Ново-Огареве. При этом Горбачев все время чуть-чуть не успевал за ситуацией. Она все время его на шаг опережала. Он шел на уступки, которые до августа всем казались бы немыслимыми. Он согласился на то, чтобы будущий союз стал конфедеративным государством. При этом, однако, сохранялся сильный центр, определявший вопросы обороны, часть финансовых вопросов. Оставался единый президент, который выступал гарантом соблюдения договора, он же представлял Союз Суверенных Государств (ССГ — это был вариант новой аббревиатуры бывшего СССР) в отношениях с зарубежными странами. В центральном правительстве сохранялся пост премьер-министра. В Москве должен был работать двухпалатный парламент.

Ударом для Горбачева стало то, что от ново-огаревского процесса уклонялись одна за другой бывшие союзные республики. Сначала три прибалтийские, но на них, правда, Президент СССР сильно и не рассчитывал. Затем Грузия, Молдова, Армения, Азербайджан... Да и атмосфера на ново-огаревских заседаниях в октябре–ноябре сильно отличалась от той, которая царила на них до путча. Если раньше подавляющее большинство глав республик не смело спорить с Президентом СССР и даже

где-то осуждало меня за «чрезмерный радикализм», то теперь они сами уже бросались на Михаила Сергеевича, не давая мне и рта раскрыть.

Параллельно шел активный процесс в республиках — с объявлениями государственной независимости, с выборами президентов. Все мечтали поднять свой собственный статус, все хотели стать равноправными членами ООН.

Было очевидно, что Горбачев не по чьей-то злой воле, сам, исторически, загоняется в угол. Он упирается в стену, и выхода уже нет.

Драма наступила 25 ноября, когда в Ново-Огареве, открывая очередное заседание глав государств, Горбачев сообщил прессе, что участники встречи собрались для парафирования договора. На самом деле договор еще не был готов к парафированию, к тому же на встречу не приехали руководитель Украины Кравчук и лидер Азербайджана Муталибов, который, как объяснил Горбачев, «не прибыл в Ново-Огарево из-за сложной обстановки в республике».

Заявление Горбачева о парафировании заставило руководителей республик внести коренные поправки в текст договора. Главным образом они касались смещения оставшихся полномочий от центра к республикам. Президент СССР пытался сначала мягко уговаривать, потом стал нервничать, раздражаться. Его слова не помогали, лидеры республик упрямо требовали все большей независимости от центра, ни мягкость, ни настойчивость, ни жесткость Горбачева уже ничего не могли сделать с почувствовавшими вкус свободы руководителями союзных республик. Когда Горбачев в очередной раз попробовал настоять на своей формулировке и снова мы все дружно как один ее отвергли, он не выдержал — вскочил из-за стола и выбежал из зала заседаний.

И именно в этот момент, когда на какое-то время в зале наступила тяжелая, гнетущая тишина, все вдруг поняли: здесь мы собираемся в последний раз. Ново-огаревская эпопея подошла к концу. И в этом направлении движения нет и не будет. Надо искать, придумывать что-то новое.

Оправившись от удивления и растерянности, все потихоньку заговорили. Скандал никому не был нужен. Внизу журналисты с нетерпением ждали известий с заседания, обещавшего стать историческим. Уже понятно, что историческим оно не будет, но хотя бы приличную мину необходимо соблюсти. Убежавшего президента надо вернуть. Никому не хотелось этого

делать. Попросили меня и Шушкевича сходить за ним. Мы поднялись, пошли в его кабинет, сказали: «Михаил Сергеевич, давайте работать, надо же вместе искать выход». Он, видимо, ждал нашего прихода, тут же встал, пошел с нами. Заседание продолжилось.

Компромиссный проект, который мы приняли, никто подписывать не стал. По сути, это и был приговор ново-огаревскому документу. Официальная версия была следующая: договор отправляется на обсуждение Верховных Советов республик, и после одобрения ими проекта он официально будет подписан главами республик и Президентом СССР.

В отличие от прошлых встреч на пресс-конференцию никто из нас не пошел. Горбачев один выступил перед журналистами, рассказал об успехе прошедшего заседания, сообщил, что 20 декабря, он надеется, новый Союзный договор будет торжественно подписан.

Но от политических аналитиков ничего скрыть было нельзя. Уже на следующий день практически все газеты вышли с пессимистичным анализом перспектив ново-огаревского договора. Всем бросился в глаза одинокий выход Горбачева к прессе, отсутствие подписей руководителей республик на проекте договора, уж если не подписали главы республик, то с какой стати такой проект поддержат Верховные Советы?..

А события следующих дней еще острее изменили ситуацию. 1 декабря на Украине состоялся референдум, на котором народ республики единодушно проголосовал за свою независимость. Затем Леонид Кравчук однозначно заявил, что его страна не будет участвовать в ново-огаревских договоренностях. Это была уже окончательная жирная точка в длинной истории горбачевской попытки спасти разваливающийся Советский Союз.

Надо было искать другой путь.

Дневник президента

8 декабря 1991 года

Глядя на внешне спокойные, но все-таки очень напряженные, даже возбужденные лица Кравчука и Шушкевича, я не мог не понимать, что мы всерьез и, пожалуй, навсегда «отпускаем» Украину с Белоруссией, предоставляя им закрепленный самим текстом договора равный статус с Россией.

Беловежская встреча проходила в обстановке секретности, резиденцию даже охраняло особое спецподразделение. Из-за этой сверхсекретности порой возникали неожиданные ситуации. Например, вдруг выяснилось, что в резиденции нет ксерокса. Для того чтобы получить копию документа, его каждый раз приходилось пропускать через два телефакса, стоявшие рядом — слава богу, хоть они были.

...Мне показалось, что Шушкевич представлял себе эту встречу несколько иначе, более раздумчивой, спокойной. Он предлагал поохотиться, походить по лесу. Но было не до прогулок. Мы работали как заведенные, в эмоциональном, приподнятом настроении.

Напряжение встречи усиливалось с каждой минутой. С нашей стороны над документами работали Бурбулис, Шахрай, Гайдар, Козырев, Илюшин. Была проделана гигантская работа над концепцией, формулами нового, Беловежского договора, и было ясно, что все эти соглашения надо подписывать здесь же, не откладывая.

Идея новой государственности родилась не сегодня, не в моей голове или у Шушкевича, Кравчука. Вспомните 1917–1918 годы: как только грянула демократическая Февральская революция, республики сразу начали процесс отделения, движение к независимости. На территории Российской империи было провозглашено несколько новых национальных правительств, в том числе на Кавказе и в Средней Азии. И Украина шла во главе этого процесса. Большевики сумели подавить все национальные восстания, поставив под ружье мужиков. Советы железной рукой задушили освободительную борьбу, расстреляли национальную интеллигенцию, разогнали партии.

Как только в воздухе прозвучало слово «суверенитет», часы истории вновь пошли, и все попытки остановить их были обречены.

Пробил последний час советской империи.

Я понимал, что меня будут обвинять в том, что я свожу счеты с Горбачевым. Что сепаратное соглашение — лишь средство устранения его от власти. Я знал, что теперь эти обвинения будут звучать на протяжении всей моей жизни. Поэтому решение было вдвойне тяжелым. Помимо политической ответственности предстояло принять еще и моральную.

Я хорошо помню: там, в Беловежской Пуще, вдруг пришло ощущение какой-то свободы, легкости. Подписывая это соглашение, Россия выбирала иной путь развития. Дело было не в

том, что от тела бывшей империи отделялись столетия назад завоеванные и присоединенные части. Культурная, бытовая, экономическая и политическая интеграция рано или поздно сделает свое дело — и эти части все равно останутся в зоне общего сотрудничества. Россия вступала на мирный, демократический, не имперский путь развития. Она выбирала новую глобальную стратегию. Она отказывалась от традиционного образа «властительницы полумира», от вооруженного противостояния с западной цивилизацией, от роли жандарма в решении национальных проблем.

Быть может, я и не мог до конца осознать и осмыслить всю глубину открывшейся мне перспективы. Но я почувствовал сердцем: большие решения надо принимать легко.

Отдавал ли я себе отчет в том, что, не сохраняя единого правительства в Москве, мы не сохраняем и единую страну?

Да, отдавал. Однако к тому времени я уже давно не связывал судьбу России с судьбой ЦК КПСС, Совмина, съезда народных депутатов, Госснаба и других «исторически» сложившихся ведомств, которым как раз всегда «исторически» было начхать на судьбу России. Россия их интересовала только как поставщик сырья, рабочей силы, пушечного мяса и как главный имперский «магнит», к которому можно «притянуть» все, вплоть до Кубы. Везде и всюду навязать свои порядки!

Конечно, единая империя — это вещь мощная, фундаментальная, внушающая и трепет, и уважение. Но сколько можно было оставаться империей? К тому времени все империи давно рухнули — и британская, и французская, и португальская, ведь не так давно и США пытались контролировать почти впрямую целый ряд государств, на своем и соседнем континенте, но не преуспели в этом...

Итак, это был не «тихий путч», а легальное изменение существующего порядка вещей. Изменение условий договора между тремя главными республиками Союза.

Мы вычленили и сохранили идею сосуществования — причем достаточно жестко регламентированного — государств в одном экономическом, политическом, военном пространстве. Но мы ушли от старой формулы: союзное правительство и контроль Москвы над всеми. Нам казалось, что это вытекает из духа ново-огаревского процесса, прерванного путчистами.

Идея заключалась в том, чтобы резко изменить политический климат. Вместо того чтобы тащить за уши республики к

подписанию нового документа, показать, что мы, славянские государства, уже включили схему объединения, не предоставляя другим возможности долго колебаться и торговаться: хотите — присоединяйтесь, не хотите — ваше право.

Беловежское соглашение, как мне тогда казалось, было нужно прежде всего для того, чтобы резко усилить центростремительную тенденцию в развалившемся Союзе, стимулировать договорный процесс.

Поэтому странно слышать сегодня, что наши действия были направлены на согласованный развал Союза, его внезапное уничтожение. Я знаю, что этот миф нелегко преодолеть, но еще раз подчеркиваю: СНГ являлся единственной на тот момент возможностью сохранения единого геополитического пространства.

Вспоминал я, стоя среди беловежских сосен, трагедию Тбилиси и Баку, захват телебашни в Вильнюсе, провокацию ОМОНа в Риге.

Все это было так недавно! И следующей фазой всех этих вооруженных акций стала уже Москва, август!.. Неужели опять смиренно ждать новой трагедии, поджав лапки? Нет, больше я этого не допущу.

Ведь начиная с 1990 года в огромном пространстве бывшего Союза возникло это смертельно опасное противостояние, горбачевские «качели». Легально, на словах — национальная свобода разрешалась. И даже приветствовалась. Создавались национальные партии, шли выборы. А на деле — Союз пытался держать ситуацию в своей лапе. Но лапа-то дрожала!.. В Тбилиси хотели «всего лишь» очистить площадь — а погибли девять человек. В Баку, чтобы «остановить погромы», которые уже прекратились к тому времени, — ввели войска.

И обо всех этих акциях Горбачев, я уверен, не мог не знать.

На мой взгляд, это была безумная политика двойной игры, обманчивого компромисса, которая держала страну на волосок от войны центра и республик. Вот тогда ужасная бойня была бы неминуема.

Для того чтобы не провоцировать новый путч, новую силовую попытку изменить это положение, «разминировать» ситуацию — необходимо было изменить саму конструкцию, саму схему наших взаимоотношений, а если брать в большом политическом масштабе — взаимоотношений новой суверенной России и СССР.

Я был убежден, что России нужно избавиться от своей имперской миссии, но при этом нужна и более сильная, жесткая, даже силовая на каком-то этапе политика, чтобы окончательно не потерять свое значение, свой авторитет, чтобы провести реформы.

Я был убежден, что морально-волевой ресурс Горбачева исчерпан, и им вновь могут воспользоваться злые силы.

Так пришло решение.

Поэтому я оказался в Беловежской Пуще.

* * *

Когда документы были в основном готовы, мы решили связаться с Назарбаевым, чтобы пригласить его, Президента Казахстана, в учредители содружества. Как раз в этот момент Назарбаев находился в воздухе, в самолете, на пути к Москве. Это была заманчивая идея — повернуть его самолет, чтобы он прямо сейчас же прилетел к нам. Мы попытались связаться с его самолетом. Выясняется, что в нем нет такой системы связи, по которой мы могли бы соединиться. Тогда пытаемся это сделать через диспетчерскую Внуково. Это был реальный вариант, Назарбаев в кабине летчика мог бы переговорить с нами и развернуть самолет в нашу сторону. Однако вскоре выясняется, что руководство Министерства гражданской авиации Союза запретило диспетчерам аэропорта давать нам служебную радиосвязь. Пришлось дожидаться прилета Назарбаева, и он позвонил нам уже из Внуково.

Каждый из нас переговорил с ним по телефону. Я прочитал ему подготовленные для подписания документы. «Я поддерживаю идею создания СНГ, — сказал он. — Ждите меня, скоро к вам вылечу».

Однако Назарбаева мы в тот день так и не дождались. Чуть позже мне позвонил кто-то из его секретариата и передал, что Президент Казахстана не сможет прилететь.

Когда Горбачев узнал от Назарбаева, что тот собрался к нам, он применил всю силу своего красноречия, использовал все влияние, чтобы отговорить его от поездки.

Нам было важно присутствие Назарбаева хотя бы в качестве наблюдателя. Но он решил по-другому. Я думаю, не только потому, что ему было неудобно отказывать Горбачеву. В эти часы Назарбаев должен был оценить тот евроазиатский контекст, в котором находится Казахстан, его республика. Россия — да, с

ней у Казахстана протяженные общие границы, общие связи и интересы. Но все-таки главное — среднеазиатский регион, соседи здесь. Братья по крови, по духу. Что ж, это было независимое решение.

Назарбаев не приехал. И мы втроем закрепили своими подписями историческое беловежское соглашение.

Но ведь была еще одна возможность, еще один выход из создавшегося положения! — скажет читатель.

Да, и этот «выход» я тоже не мог не иметь в виду.

Попытаться легально занять место Горбачева. Встать во главе Союза, начав заново его реформу сверху. Пройти путь, который не сумел пройти Горбачев из-за предательства своего ближайшего окружения. Постепенно, планомерно демонтируя имперскую машину, как это пытался делать Михаил Сергеевич.

Возможности для этого были.

Бороться за всенародные выборы Президента СССР. Сделать российский парламент правопреемником распущенного советского. Склонить Горбачева к передаче мне полномочий для временного исполнения его обязанностей.

И так далее.

Но этот путь для меня был заказан. Я психологически не мог занять место Горбачева.

Так же, как и он — мое.

В ночные часы

Я очень люблю холодную воду. Даже, можно сказать, ледяную. В морскую воду лезу глубокой осенью, когда на пляже ни единого человека. Люблю чистые лесные озерца, речки с ключевой водой. Ноги у меня не сводит судорогой даже при низкой температуре, я устойчив к холоду. Вода обжигает, аж дух захватывает.

Особенно здорово прыгнуть в прорубь после бани. Баня тоже моя слабость, но только не финская, русская. Это с детства. Отец приучил к этой закалке, к банному мокрому счастью, когда душа отходит, раскрываются поры и только ждешь этого блаженства ледяного.

Вообще я принадлежу к тому довольно известному типу русских людей, которым важно постоянно подтверждать свою физическую силу, свою способность преодолевать что-то, дышать глубоко (и обязательно чистым воздухом), давать себе нагрузку до полной усталости.

Для меня это связано с детством (оттуда все примеры, которые ребенок усваивает очень прочно, навсегда), а детство — с деревней, с физическими нагрузками, с трудом. Там, если не развивать силу, — пропадешь. К счастью, я и родился физически сильным. Но быть сильным — это и обязательное желание победить. И надо сказать, это качество мне в жизни пригодилось. Многовато у меня было в жизни разных неприятных приключений...

Ну, об авариях разговор особый, но вот такой случай, например. Как-то мне делали операцию, что-то там с кишечником. Утром, я еще только отходил от наркоза, думаю, надо сходить в туалет. И что бы мне нажать кнопку, вызвать сестру. Да неловко как-то, стыдно просить. Врачи сказали, чтобы пластом лежал минимум неделю. Я сделал несколько шагов. Упал. А там около кровати две кнопки, одна наверху, другая внизу. И я к этой нижней кнопке ползу, уже туман в глазах, сознание теряю, но про себя знаю, что кнопка тут должна быть, должна, должна… и нужно до нее дотянуться. И я все-таки сделал это последнее усилие, уже в полной отключке, но дотянулся.

Лежал потом, не шевелил ни рукой, ни ногой. Восстанавливался довольно долго: сначала даже ходить не мог, задыхался. Ну, потом ничего, стал опять спортом заниматься.

Спорт меня спасал всегда. Это помимо того, что в молодости он дал мне заряд на всю жизнь.

Я, конечно, иногда рискованно обращаюсь со здоровьем, потому что на свой организм очень надеюсь. И как-то не особенно берегусь. В Свердловске был у меня отит, воспаление среднего уха. Любой ребенок знает, что в тепле надо сидеть, пока не пройдет. А я решил ехать в Североуральск, в командировку — а там мороз, ветер, снег, пурга. Командировка есть командировка — не только в машине сидишь: надо смотреть, разговаривать, как-то втягиваешься потихоньку и забываешь про все… Я еще в карьер забрался, а там жуткий ветер — с ног валит. И так меня прохватило! Вернулся — сразу на операционный стол. Эта моя неосторожность потом повлияла на здоровье, на вестибулярный аппарат. Восстанавливался не один месяц.

А в волейбол — по-настоящему, через сетку — играл в последний раз в 1986 году. Это было в Пицунде. После этого вдруг защемило позвонок. Тяжелое состояние, и от Москвы далеко, а местные врачи ничего не могут сделать. Тогда нашли где-то массажистку, народную целительницу. Хрупкая на вид женщи-

на, а какая у нее крепкая рука. И знала каждую косточку. Во время ее массажа была дикая, конечно, боль. Прямо до крика доходило. Тогда она меня поставила на ноги.

И, наконец, операция в Испании.

До Барселоны из местечка, где проходил политологический семинар, куда меня пригласили, лететь надо было небольшим шестиместным самолетом.

Я похлопал пилота по плечу: ну что, грохнемся сегодня? Летчики посмеялись — они же каждый день летают. Им это и в голову не пришло. Я сидел с Сухановым на самом заднем сиденье, в хвосте. И вот мы еще не пролетели половины пути, как вдруг у самолета что-то отказывает... Летим обратно. Самолет бросает с крыла на крыло. Пилоты пробуют ручные рычаги управления, но тщетно. Самолет крутит. Кое-кто побледнел, кому-то совсем плохо. А я, как ни странно, шучу в такие моменты. И говорю Суханову: вот сейчас ни у кого привилегий нет, все в равных условиях — без парашютов! Падать будем одинаково, без претензий к начальству... А внизу какие-то горы, пилот никак не может найти хоть какую-то площадочку, чтобы сесть. Самолет делает большой круг — один, другой, как планер... И все ниже, ниже, его мотает. Пилот оглядывается: как мы? А мы увидели речку и кричим: давай в воду, успеем выскочить, пока самолет потонет! Нам уже совсем весело.

Подлетели наконец к аэродрому. Пилот начал сажать самолет. И тут новая, мягко говоря, неприятность, не выпускаются шасси, механизм не срабатывает. И в момент касания с землей, показалось, самолет просто рухнул.

...В общем, досталось кое-кому крепко. А у меня удар пришелся на позвоночник. Боль жуткая, просто невозможная! Оказалось потом, что между двумя позвонками, третьим и четвертым, выбит диск. Пересели в другой самолет. И — в Барселону. Опять сильнейшая тряска: попали в грозовое облако. В Барселоне стало еще хуже. Чувствую, весь низ тела парализован, не могу двигаться. Меня повезли в госпиталь. Ну надо же такому случиться: упасть с неба прямо в руки одного из лучших нейрохирургов мира! Такой в госпитале врач оказался, человек отличный и хирург талантливейший, профессор Жозеф Льёвет. И госпиталь очень оригинальный, кооперативный. Жители округа закреплены за этим госпиталем. От их зарплаты идет сюда определенный процент. Порядок, чистота, вышколенный персонал, компьютер у каждой медсестры.

Ночью все были на местах, все лаборатории работали, и рентген сделали, и анализ крови, и все, все... За 30–40 минут выполнили полный комплекс обследований. И хирург говорит: выход только один — немедленно делать операцию, иначе паралич. До Москвы вам не долететь, полностью отнимутся ноги. Потом их уже не удастся восстановить. Дали мне 5 минут на размышление, и я согласился. Я только спросил у него: сколько я здесь пролежу? Он довольно уверенно ответил: часа три уйдет на операцию. Операция трудная, сложная, под микроскопом, а через сутки, когда пройдет общий наркоз, можно будет вставать с постели. Я сказал: понятно, делайте. Хотя не совсем понял — сколько потом лежать-то, после такой операции, я же знаю, сколько у нас держат.

Сделали операцию действительно примерно за три часа.

Лежу я в одноместной палате. Все четыреста палат здесь одноместные, все одинаковые. Никаких люксов, полулюксов. Пролежал день, проспал ночь, а утром пришел врач, и уже за его спиной маячит пресса — всё, требуют вставать. Меня аж пот прошиб. Я думал, какие-то костыли мне дадут или что-нибудь... Никаких костылей. Вставайте и идите. Я в панике: там же все вырезано, все живьем. У меня до сих пор остался этот шов. Вдоль позвоночника. Трудно сказать, что там они сделали, технология у них отличается от нашей. У нас больные шесть месяцев лежат после такой операции. А здесь — вставай и иди.

Я, весь мокрый, встал, сделал шаг, они, конечно, страхуют, чтобы я от неожиданности не упал. До стены дошел. Порядок. Телевидение снимает. На сегодня все, говорят мне, идите обратно и ложитесь. Так меня три раза заставляли ходить. И пошел потом уже без боязни.

Я навсегда благодарен всем этим людям — санитаркам, врачам, моему хирургу, главе администрации Каталонии, который пришел меня навестить в больнице, да и не он один. Приходили незнакомые люди, приносили передачи. Куда мне столько передач?

Врач сказал: через месяц можете снова играть в теннис. И дайте мне телеграмму, с каким счетом выиграли.

Я на пятый день улетел в Москву. Потихонечку, осторожно ходил. Болело все-таки постоянно, но потом все меньше, меньше. И дал врачу телеграмму, когда снова сыграл в теннис. Потом еще по телефону звонил не раз. Потом снова встречались...

Вот так попеременно находят меня и беда, и удача. То кипяток, то ледяная.

Закалка...

Прощание с Горбачевым

Список претензий Горбачева — его «отступная», — изложенных на нескольких страницах, был огромен. И практически весь состоял из материальных требований.

Пенсия в размере президентского оклада с последующей индексацией, президентская квартира, дача, машина для жены и для себя, но главное — Фонд. Большое здание в центре Москвы, бывшая Академия общественных наук, транспорт, оборудование. Охрана.

Психологически его расчет был очень прост: раз вы так хотите от меня избавиться, тогда извольте раскошелиться. Но я старался вести себя твердо и сказал, что вынесу этот вопрос на Совет глав государств.

А на Совете многие выступили за то, чтобы вообще лишить экс-президента всего, оставить сумму, которую имеет у нас обычный пенсионер. Я же предложил создать прецедент достойного ухода главы государства в отставку, без атмосферы скандала. Почти все, что просил Горбачев, за исключением чего-то уж очень непомерного, ему дали.

Мы встретились с ним в Кремле 24 декабря. У него в кабинете. Последний раз я ехал на встречу с Президентом СССР.

Это был тяжелый, долгий разговор. Продолжался он несколько часов, позже к нам подключились Александр Яковлев, помощник Горбачева Шахназаров. Горбачев, конечно, понимал, к чему идет дело, все это не было для него неожиданностью, так что «отступную» он готовил долго и тщательно.

Первый раз тема его ухода возникла сразу после моего возвращения из Минска, беловежские документы были подписаны, я поехал разговаривать с Горбачевым. Я тогда сказал: Союза больше нет, неужели вы не понимаете? И обратного пути нет. Поэтому надо искать выход из тупика. Мы его нашли. Уверен, что и другие республики его поддержат.

Так и получилось. Через несколько дней Назарбаев и другие руководители среднеазиатских республик сообщили о своей поддержке беловежских документов. К СНГ готовы были присоединиться все, кроме прибалтийских республик и Грузии,

там тогда был Гамсахурдиа. Так образовалось содружество одиннадцати независимых государств. На первом этапе мы посчитали, что никаких координирующих органов иметь не надо, а необходимо раз в месяц собираться главам государств и правительств и решать возникающие проблемы...

После ухода Горбачева с поста президента я побывал в его служебной квартире на улице Косыгина — музей, а не квартира, все какое-то казенное.

Въезжать туда я отказался.

* * *

В прессе этой нашей последней итоговой встрече уделялось огромное внимание из-за процедуры передачи «ядерной кнопки».

Теперь все уже более или менее знают, что никакая это не «кнопка», а чемоданчик, что есть два специальных офицера, его охраняющих, которые должны помочь президенту в момент начала войны набрать нужный код, который означает полную боевую готовность ядерных сил к ответному удару по врагу.

Ядерные силы бывшего Советского Союза какое-то время подчинялись не российскому командованию, а руководству Вооруженных сил СНГ, маршалу Шапошникову. Теперь этой структуры нет, контроль за российскими ядерными силами у Грачева. Да и вообще многое изменилось. В частности, наши ракеты перенацелены согласно Договору СНВ-2.

Тем не менее два офицера с чемоданчиком — «ядерная кнопка» — по-прежнему на круглосуточном дежурстве. Они рядом с президентом круглые сутки, в любой командировке, в любой точке земного шара, они всегда около меня.

Запомнилось, как Горбачев передавал мне свой секретный архив.

Он достал кучу папок и сказал: это из архива генеральных секретарей, берите, теперь это все ваше.

Я ответил, что до той поры, пока все это не обработают архивисты, не притронусь к бумагам. Я знал, что там есть и вовсе не стратегические, а просто очень интересные и важные материалы для историков — например, письма репрессированных писателей на имя Сталина, неизвестные эпизоды из политической жизни Хрущева, Брежнева, история Чернобыля, афганской войны и так далее.

Кстати, через несколько месяцев именно в этом архиве были найдены оригиналы всех знаменитых секретных соглашений

пакта Молотова—Риббентропа. Двухметровые карты с подписями Сталина и Риббентропа — у Сталина красный карандаш, у Риббентропа синий. Видно, как они «правили» границы. Один тут правит, другой там... И потом крупными буквами их подписи. Нашли десять секретных соглашений. В них абсолютно ясно видна вся грязная политика Гитлера и Сталина.

На съезде народных депутатов Союза А. Н. Яковлева назначили председателем комиссии по правовой оценке пакта Молотова—Риббентропа. Этой комиссии удалось найти только копии документов. И то не всех, трех вообще не было.

Яковлев обращался к Горбачеву с просьбой помочь в поисках документов. Горбачев сказал, что все было уничтожено в пятидесятых годах. Сейчас выяснилось, что пакеты с оригиналами документов были вскрыты руководителем секретариата Горбачева Болдиным. Естественно, Болдин доложил своему шефу о том, что обнаружены документы, которые искали историки всей планеты.

Когда мне сообщили о том, что найдены эти документы, я тут же позвонил Яковлеву: «Александр Николаевич, нашлись документы». Сначала я услышал его радостный возглас: «Наконец-то, я всегда в это верил!» Ну а потом он в сердцах добавил несколько слов — повторить их я не решаюсь.

* * *

Идея переехать в Кремль стала для многих из моего окружения достаточно неожиданной. Казалось, что Белый дом, который мы защищали, навсегда станет государственным символом России.

Больше того, перенеся резиденцию Президента России в Кремль, мы не только дали повод газетам язвить насчет великодержавной наследственности новой власти, но и отдали Верховному Совету (аппарату Хасбулатова, хотя, откровенно говоря, я тогда совсем об этом не думал) как бы самостоятельную территорию, плацдарм, на котором они вовсю развернулись.

Раздавались голоса и о том, что пора бы превратить Кремль в историко-культурный заповедник.

Однако, взвесив все «за» и «против», я все-таки принял это решение. Надо сказать, что оно во многом носило принципиальный, стратегический характер. Ведь Кремль — это не только художественная жемчужина, но и, здесь я не выдаю никаких тайн, важнейший государственный объект. На нем завязана вся оборона страны, система оперативного управления, сюда пере-

даются шифровки со всего света, здесь до мельчайших нюансов отработанная система безопасности.

Теперь вижу, что никакой ошибки все-таки не было. И дело не только в техническом, хозяйственном и ином обеспечении Кремля.

В политике все имеет значение. Начиная с моего знаменитого сочинского отпуска в сентябре 91-го (все тогда ругались, что я, вместо того чтобы реализовывать победу над путчистами, отдыхаю), я пытался осмыслить то, что произошло. Я чувствовал, что в нашей истории действительно наступила новая эпоха. Какая — еще никто не знал. Но я знал, что впереди неимоверно трудное, тяжелое время, в котором будут и взлеты, и падения. В политике (в том числе и для меня лично) наступил новый резкий поворот. Я бы сказал, поворот, невиданный по своей резкости.

Кремль и стал символом этого поворота. Если говорить грубо: чтобы выбить человека из Кремля — для этого нужен как минимум новый ГКЧП. Кремль — символ устойчивости, долготы и прочности проводимой политической линии. И если эта линия — реформы, то реформы и будут моей государственной линией. Вот что я говорил этим шагом своим противникам.

За неделю до переезда Горбачев и его аппарат были предупреждены нами. Срок вполне достаточный, чтобы собрать бумажки.

Однако, как всегда бывает, трения между клерками в таких случаях неизбежны. Я изначально относился к ним спокойно. Ни «выкидывать» Горбачева с его командой (с ее остатками, вернее) из Кремля, ни позволять ему собираться лишний месяц я не хотел. Долгие проводы — лишние слезы. Дело-то житейское.

Житейское — но не до такой же степени. И потому мне не понравились ни поднятые прессой слухи о том, что мы буквально выкидывали вещи бывшего генсека из Кремля, ни некоторые мелкие детали, не очень достойные нашей исторической миссии, — ручек из дверей «выезжающие», конечно, не выкручивали, но мебель выносили, и даже державные золотые перья из чернильниц-непроливашек — тоже...

Ну — это как у нас водится...

Другое время

В сентябре 1991 года, находясь в отпуске в Сочи, я был в довольно напряженном состоянии, хотя внешне и старался расслабиться. Настолько были неожиданными все произошедшие события.

Мне была ясна основная линия дальнейших дел в стране: какой-то новый договорный процесс республик, какая-то чехарда с новыми горбачевскими назначениями. Но на этом фоне главное было определиться в своем собственном окружении, сделать какой-то рывок, резко прибавить обороты в российском правительстве, привести другие ключевые фигуры.

Меня не устраивал рабочий состав Совмина. Но главное, при всем уважении к Ивану Степановичу Силаеву я понимал, что такой человек дальше находиться на этом посту не может. Настала пора привести экономиста со своей концепцией, со своей командой, возможно. Настала пора самых решительных действий в экономике, не только в политике.

Однажды на первых заседаниях Верховного Совета еще весной 90-го года мы уже пробовали найти премьер-министра — интеллектуала со своей концепцией: Бочаров, Рыжов... Говорили про Шаталина, Ясина, Явлинского. Тогда не удалось. Но сейчас если у России не появится свой архитектор экономической реформы — это станет стратегической ошибкой.

Еще я понимал, что сразу же утвердить этого человека на пост главы правительства не удастся, ему придется дать роль вице-премьера, министра экономики, что-то в этом роде. И снова на мой стол легли концепции, программы.

Почему я выбрал Гайдара? В отличие от многих других ключевых фигур, выбор главного «экономического рулевого» мне хотелось наконец совершить осмысленно, не торопясь, не оглядываясь на чужое мнение.

Хотя, безусловно, «чужое мнение» было — Гайдару протежировал Бурбулис. Гайдар, как говорят в таких случаях, «его человек». Но я хочу, чтобы читатель ясно осознал — такие серьезные назначения и не могут совершаться без рекомендации. Президент просто обязан в таких случаях выбирать из целого ряда кандидатур, которые кто-то предлагает...

Гайдар прежде всего поразил своей уверенностью. Причем это не была уверенность нахала или уверенность просто сильного, энергичного человека, каких много в моем окружении. Нет, это была совершенно другая уверенность. Сразу было видно, что Гайдар — не то, что называется «нахрапистый мужик». Это просто очень независимый человек с огромным внутренним, непоказным чувством собственного достоинства. То есть интеллигент, который в отличие от административного дурака не будет прятать своих сомнений, своих размышлений,

своей слабости, но будет при этом идти до конца в отстаивании принципов — потому что это не партия сказала «надо» — комсомол ответил «есть», это его собственные принципы, его мысли, выношенные и выстраданные.

Было видно, что он не будет юлить. Это для меня тоже было неоценимо — ведь ответственность за «шоковую терапию» в итоге ложилась на президента, и было очень важно, чтобы от меня не только ничего не скрывали, но и не пытались скрыть.

Гайдар умел говорить просто. И это тоже сыграло огромную роль. Во-первых, рано или поздно разговаривать с оппонентами все равно придется ему, а не мне. Он не упрощал свою концепцию, а говорил просто о сложном. Все экономисты к этому стремятся, но у Гайдара получалось наиболее убедительно. Он умеет заразить своими мыслями, и собеседник ясно начинает видеть тот путь, который предстоит пройти.

И, наконец, два последних решающих фактора. Научная концепция Гайдара совпадала с моей внутренней решимостью пройти болезненный участок пути быстро. Я не мог снова заставлять людей ждать, оттягивать главные события, главные процессы на годы. Раз решились — надо идти!

Гайдар дал понять, что за ним стоит целая команда очень молодых и очень разных специалистов. Не просто группа экспертов, а именно ряд личностей, самостоятельных, рвущихся в дело, без комплексов. Я понимал, что в российский бизнес помимо тертых советских дельцов обязательно придет такая вот — простите меня — «нахальная» молодежь. И мне страшно захотелось с ними попробовать, увидеть их в реальности.

Короче говоря, было очень заманчиво взять на этот пост человека «другой породы».

Безусловно, самым популярным экономистом к тому времени в стране был Григорий Явлинский. Но, измученный борьбой за свою программу, он уже приобрел некоторую болезненность реакций. Кроме того, чисто психологически трудно было возвращаться во второй раз к той же самой — пусть и переработанной — программе «500 дней» и ее создателям.

...И все-таки внятно объяснить свой выбор все равно непросто. Самое главное — и теперь я в нем не раскаиваюсь. И еще знаете, что любопытно — на меня не могла не подействовать магия имени. Аркадий Гайдар — с этим именем выросли целые поколения советских детей. И я в том числе. И мои дочери.

Егор Гайдар — внук писателя... И я поверил еще и в природный, наследственный талант Егора Тимуровича.

* * *

Самой главной упущенной возможностью послепутчевого периода я считаю, естественно, возможность коренного изменения парламентской системы. Правда, сейчас нет-нет да и закрадывается мысль: а готово ли было общество к тому, чтобы выдвинуть других, «хороших» депутатов?

Так или иначе, идея роспуска съезда и назначения новых выборов (можно было бы поставить и вопрос о Конституции для новой страны) витала в воздухе. Но мы ею не воспользовались.

Однако демократическая пресса вменяет мне в вину главным образом не это. Главный упрек — я сохранил систему госбезопасности, не издал указа, который бы автоматически отстранял от работы в государственном аппарате бывших работников ЦК КПСС, обкомов партии (некоторые говорят — и райкомов).

Вот тут у меня есть сомнения.

Настроение в обществе было довольно определенное: крушить! Я сам видел толпу, которая собралась перед зданием ЦК КПСС. Уже начали бить окна...

И у меня перед глазами встал призрак Октября — погромы, беспорядки, грабежи, перманентные митинги, анархия, с которой и начиналась эта великая революция. Превратить август в такой вот октябрь 17-го можно было одним движением руки, одной подписью. Но я не пошел на это. И не жалею.

За 70 лет мы и так устали от деления людей на «чистых» и «нечистых».

Кроме того, я видел преемственность между обществом хрущевско-брежневского периода и новой Россией — все ломать, все разрушать по-большевистски, повторяю, совсем не входило в мои планы. Введя в состав правительства абсолютно новых, молодых и дерзких людей, я счел возможным использовать на государственной работе и опытных исполнителей, организаторов, руководителей типа Скокова — директора крупного московского оборонного завода, человека умного и сильного...

Ошибался ли я в этом подходе? Возможно. Однако время показало, что главную опасность представляла не номенклатура, перекрасившаяся под демократов (хотя и они навредили сильно, но демократы, как правило, работать не умели вообще). Главная опасность исходила от ближайших соратников, новых

лидеров, как бы вынесенных парламентской волной и очень быстро полюбивших власть и ее атрибуты.

* * *

Перечитывая сейчас эту запись, я не захотел в ней ничего переписывать.

Да, наверное, я ошибся, выбрав главным направлением наступление на экономическом фронте, оставив для вечных компромиссов, для политических игр поле государственного устройства. Я не разогнал съезд. Оставил Советы. По инерции продолжая считать Верховный Совет законотворческим органом, который разрабатывает юридическую базу для реформ, я не заметил подмены самого содержания понятия «съезд».

Депутаты неожиданно вспомнили о своем полном всевластии. Начался бесконечный торг. Идти на него, конечно, было нельзя.

Но болезненные меры, предложенные Гайдаром, как мне казалось, требуют спокойствия, а не новых общественных потрясений.

Между тем, не подкрепленные политически, реформы Гайдара повисли в воздухе... Наступила эпоха недопринятых законов, неясных решений.

Эпоха, которая в итоге завела страну в октябрь 93-го года.

* * *

Со стороны может показаться — одних президент «сдает», других «берет неизвестно откуда»...

На самом деле окружение первого лица в государстве не может не меняться. Другое дело — в стабильном обществе, где госаппарат, парламент, пресса, суд четко знают свои функции и работают в уже сложившейся системе отношений. А что происходит у нас?

Скажем, пример с Бурбулисом.

С самого начала я догадывался, что с его общественным, публичным «лицом» дела пойдут неважно (еще когда встал вопрос о вице-президентстве).

Повторяю, я это знал, но такой единодушной реакции — прессы, депутатов, политиков — просто не ожидал. Геннадию Эдуардовичу быть «на виду» по штату не полагалось, он был госсекретарем, должность стратегическая, как бы штабная, в тени. И вдруг такое дружное неприятие.

«Откуда он взялся», «преподаватель марксизма», «провинциал», «серый кардинал» — и так далее. Режиссер Никита Михалков раздобыл ксероксы каких-то его юношеских аспирантских работ, махал ими с телеэкрана: вот, мол, поглядите, какой человек нами правит.

С одной стороны, нормальная ситуация — люди не боятся ругать правительство, высказывать свое неприятие даже самым высоким чиновникам. Это хорошо. А с другой стороны — устраивать кампанию травли только потому, что им внешне человек не понравился?.. Ведь о работе Геннадия Эдуардовича никто объективно судить не мог, судили по лицу, по словам. И, может быть, не случайно в госсекретаре проснулось ущемленное самолюбие, человек перестал адекватно реагировать на ситуацию.

А вот другая грань проблемы.

Люди сейчас просто рвутся в политику. Так, конечно, во всем мире происходит, но у нас — особенно. Профессиональная же этика у наших политиков напрочь отсутствует. Нет традиций политического поведения. И потому часто приходится смотреть не столько на деловые качества, сколько на личные. А ведь в новой ситуации, ситуации высокой власти, большой должности человек может неожиданно проявиться! Совсем по-другому.

Ну и третья, как я считаю, главная причина перемен в команде. В той же западной политике (ну, возьмем для примера США — пришел новый президент, привел новых людей) человека ставят на готовое место: приоритеты известны, сложились чуть ли не веками, технология отлажена, садись и приступай. Ведь не секрет, что значительную часть исполнительского аппарата демократы оставляют в наследство республиканцам, и наоборот. Совсем другая ситуация в нашей стране.

Не скажу, что нам пришлось начинать с нуля. Все, что можно было использовать, мы использовали. Разрушать весь государственный аппарат управления такой огромной державой — это гибельный путь. Там, где можно было ставить опытных, «старых» исполнителей — мы ставили. И порой совершали ошибки.

Не раз и не два протаскивал Руцкой своим заместителем генерала Стерлигова. Не абсурд ли? Где еще человек, открыто предлагающий военную диктатуру — свою лично, разумеется, не чью-то еще, — мог бы оказаться одним из важнейших лиц в государстве!

И таких ошибок было не одна и не две.

И в то же время: что такое президент, что такое вице-президент, каким должен быть российский конституционный суд? Сплошные «белые пятна». Как должно быть то, как должно быть это? Мы постоянно требовали анализа — что подсказывает международная практика, но в то же время не могли не понимать, что за границей одно (и тоже везде по-разному), а у нас другое. Что исходить надо не из того, что где-то делают вот так, а из собственного опыта. Его-то и не было.

В результате возникали красивые структуры, красивые названия, за которыми ничего не стояло.

Были и другие причины, достаточно серьезные: стремительно развивались события, непрерывно менялся политический фон, ни одна большая страна за последние годы такого количества потрясений не знала. И это диктовало необходимость менять «коней на переправе», хотя лично для меня это процесс поистине мучительный.

Однако главное, как я уже сказал, в другом. Я не стремился менять людей. Их меняла сама природа власти. Власти в абсолютно новых условиях.

На похоранах матери

Клавдия Васильевна Ельцина

Остров Валаам.
Патриарх и президент

Санкт-Петербург.
Трудный разговор

Поговорить с людьми — сквозь кордоны и оцепления

В конструкторском бюро Ильюшина

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл и Президент РФ Б.Н. Ельцин во время закладки капсулы с освященной землей в основание будущего храма Христа Спасителя в Калининграде

Президент РФ Б.Н. Ельцин во время посещения Толгского монастыря в Ярославле

С первым помощником Виктором Илюшиным

◄ Интервью на ходу

На Красной площади

Сентябрь 93-го. Тревожная Москва.
С министром внутренних дел Виктором Ериным

3 октября 1993 года.
Президентский вертолет на Ивановской площади в Кремле

«На заседании Совета Безопасности один вопрос — утверждение программы урегулирования чеченского вопроса», — заявил Президент России Б.Н. Ельцин, открывая заседание Совета Безопасности РФ в Кремле

ГЛАВА 5
РОССИЯ И МИР

Лица и голоса

Произошло невероятное. То, во что я и сам не верил до 19 августа 1991 года. Новая, как говорят злопыхатели, «ельцинская» Россия заняла место Советов в международной политике. Унаследовав всю драматическую историю СССР начиная с 1917 года. Не говоря уж о наследстве Российской империи, которое мы тоже весьма явственно ощущаем.

Я еще не мог осознать до конца значимость произошедшей перемены, когда раздались первые телефонные звонки западных лидеров. 19 августа 1991 года. Самое начало путча. Не до оценок тогда было.

Первое, что меня поразило на фоне нашего отечественного хаоса, полного правового, политического беспредела, — это ясность реакции западных политиков.

Практически все они определились в ситуации мгновенно. А ведь им это сделать было гораздо труднее, чем, скажем, Назарбаеву или Кравчуку, которые вели осторожные переговоры с ГКЧП, а на мои восклицания смущенно-виновато отвечали, что «у нас пока все спокойно, сейчас мы определимся».

Конечно, сравнивать реакцию западных лидеров и реакцию лидеров бывших «наших» республик — некорректно. Одни просто выражали свое мнение и оказывали моральную поддержку, другие находились под прицелом советских танков.

Итак, кто же мне звонил?

Премьер-министр Великобритании Джон Мейджор. Он позвонил первым, выразил поддержку демократической России и

уверенность, что все кончится для нас хорошо. Британцы подтвердили свой моральный авторитет в мировой политике.

Геополитический баланс в мире всю послевоенную эпоху держался на оси СССР — США. Политиком номер один для американцев в нашей стране по-прежнему оставался Горбачев. А если он действительно болен? А если он все же поддержит ГКЧП, то есть свою же собственную команду? А если Ельцин «калиф на час» и ситуация изменится за считанные минуты? Мораль моралью, а дело-то придется иметь тогда все же с бывшими горбачевцами, с Янаевым, например? Президент США не мог, не имел права не задуматься и над этим аспектом. Но Джордж Буш не просто позвонил, он немедленно начал организовывать международную поддержку России, вести переговоры с лидерами стран НАТО, делать политические заявления и так далее. Господин Буш однозначно проявил себя в первую очередь как нравственный политик.

Джордж Буш старше меня. Он представитель фронтового поколения. И для меня его поддержка в человеческом плане была неоценима.

Гельмут Коль. Он в тот день оказался на охоте, далеко в горах. Многие говорят, что мы с ним похожи внешне, оба крупногабаритные, есть схожесть и в привычках, во взглядах на жизнь, в манере поведения. Я всегда испытывал к нему особую симпатию.

Несмотря на все трудности, Гельмут Коль смог со мной соединиться. И я думаю, что он бы это сделал в любом случае, даже если бы в Москве уже стреляли танки.

...Про танки сказал Буш. Он сказал: если вы вырветесь из танковых тисков, это будет окончательная победа, Россия проложит себе путь в цивилизованное сообщество государств.

Звонили премьер Италии, премьер-министры Испании, Франции, лидеры Аргентины, Японии, Канады. Всем им огромное спасибо. Солидарность была продемонстрирована — не в какой-то затяжной, долгосрочной политической кампании, а мгновенно, сразу, когда определяться надо было за минуты.

То, что западные страны не стали выжидать, оказалось неожиданностью для ГКЧП. Вечером того же дня они невнятно пробурчали на пресс-конференции о «преждевременной реакции» и «вмешательстве во внутренние дела».

Теперь, задним числом, я понимаю причины такой быстрой и однозначной реакции. Ну, во-первых, западные аналитики

давно уже вычислили путч, он для них неожиданностью не был. У нас в стране никто не верил, сама мысль об этом казалась дикостью, а со стороны-то виднее. И, наконец, несмотря на всю неясность ситуации с Горбачевым (которая, впрочем, для западных разведок, я думаю, стала ясна в считанные часы), путч выглядел хотя и страшно, но уж слишком карикатурно, грубо, я бы сказал, глупо, чтобы колебаться по вопросу о доверии к самозваному руководству СССР.

Это был пролог к новой международной политике в отношении России.

* * *

Я вспоминаю эпизод, который произошел в Кэмп-Дэвиде. На переговорах присутствовала верхушка американской власти: президент, госсекретарь, советник по безопасности — четыре-пять человек. В углу зала, где должны были состояться переговоры, стоял столик с соками и кофеваркой. Я обратил внимание на то, как по-домашнему выглядел господин Бейкер — в водолазке, в пиджаке с кожаными заплатками на локтях. Помню, как, кажется, господин Чейни попросил его: «Джимми, налей мне соку, пожалуйста». Джимми налил себе и ему, и это было абсолютно естественно и непринужденно, без кокетства и пижонства.

У нас начальники прочно сидели бы в креслах, и молодой человек в неизменных смокинге и бабочке, склонившись, подносил бы им сок на подносах.

Я подумал тогда: почему они такие? Да потому, что они абсолютно независимые люди. Абсолютно независимые — в том числе и от президента, — работающие ради идей, ради дела.

Мы пока еще слишком зависимы от власти, мы зависимы от дач, машин, «вертушек» и бронированных дверей, которые власть дает. Избавление от этой зависимости идет очень туго.

Ну а от чего по большому счету зависим лично президент Ельцин? Или — от кого?

Видимо, в первую очередь от своего «я». От того образа, который сам себе создал и который создали окружающие. Волевого, решительного, жесткого политика. Это раз.

Во-вторых, я очень зависим от мнения людей, которых уважаю. А таких немало. Далеко не каждый способен на меня повлиять, но бывает, что слово, брошенное вскользь, или строчка в огромной газетной статье заставляют совершенно изменить ход мыслей.

Ну и в-третьих, у меня есть свои представления и принципы, с которыми я, как и большинство нормальных людей, ничего не могу поделать. Впитанные с детства, они сильнее меня.

Маргарет Тэтчер и Гельмут Коль

Среди тех, кто звонил мне 19 августа, я еще не назвал Маргарет Тэтчер.

Таких людей в мировой политике единицы. К их мнению будут прислушиваться всегда, независимо от занимаемой ими должности.

Но даже в этом узком кругу г-жа Тэтчер выделяется особо.

Именно в то лето, когда меня пригласили в Испанию на злополучный семинар, который для меня закончился на операционном столе, был у нас договор с госпожой Тэтчер, что я заеду в Англию, встречусь с ней. В то время я был в оппозиции, не был ни Председателем Верховного Совета, ни президентом, но тем не менее она, женщина независимая, пригласила меня, хотя мало кто из лидеров горел желанием встретиться со мной — оппозиционером.

Я прилетел в Лондон, приехал на Даунинг-стрит, 10, в резиденцию премьер-министра Великобритании. Встреча продолжалась 45 минут, причем такая получилась беседа, что я просто не помню, был ли с кем-нибудь у меня более интересный разговор.

Удивительное осталось у меня ощущение от этой встречи. Маргарет Тэтчер спустилась вниз, поздоровалась со мной, повела в дом. В кабинете — два дивана, между ними столик. Я сел, она села напротив. И мы как-то далековато оказались друг от друга. Там нас было трое мужчин — переводчик, главный советник премьер-министра, я, но госпожа Тэтчер вдруг поднялась и сама подтащила свой диван прямо к столу, чтобы быть ближе. Так просто, серьезно. И настолько быстро и энергично, что мы ничего не успели сделать. Я слегка замешкался, потом тоже встал и подтащил свой диван — а он оказался довольно тяжелый, даже для мужчины. Интересно. Вообще она человек очень самобытный, естественный.

И вот, уже глаза в глаза, мы проговорили в таком быстром темпе, очень оживленно.

Ей интересно было узнать, о чем думает главный оппонент ее любимца Горбачева. Природная жадность к новым впечат-

лениям заставляла Маргарет Тэтчер все время задавать вопросы, в ответ формулировать свою позицию и опять задавать вопросы. А я, конечно, с огромным увлечением следил за ходом ее мысли, за логикой одного из самых мощных политиков Запада.

Может быть, один из самых интересных для меня моментов был в самом конце нашего разговора. Я напористо спросил премьер-министра: «Госпожа Тэтчер, я хотел донести до вас главное, в мире появляется новая реальность — Россия. Не только Советский Союз, с которым у вас хорошие отношения. Теперь есть и Россия. Важно, чтобы вы это знали. Готовы ли вы идти на контакты — торговые, экономические — с новой свободной Россией?»

Маргарет Тэтчер во время всего разговора на любой вопрос отвечала быстро. Но на этот раз она сделала паузу, задумалась. Потом ответила: «Господин Ельцин, давайте немного подождем. Пусть Россия станет новой и свободной. И тогда... Все возможно». Она улыбнулась.

Когда я возвращался с Даунинг-стрит, подумал про себя: она не сказала «нет». Для первого знакомства и первой встречи — уже хорошо. А то, что госпожа Тэтчер и вместе с ней многие-многие политики мира вскоре узнают, услышат о новой России — в этом я не сомневался ни на мгновение.

Кстати, провожать меня она пошла до машины. Вижу, ей шепчут: не по протоколу, не по протоколу. Она рукой на них махнула, спустилась к машине, там мы попрощались. Все было по-человечески тепло и трогательно.

Вот такой же след госпожа Тэтчер оставила в политике — самобытный и искренний. Женщина, сломавшая политический диктат мужчин. Первая леди, благодаря которой искренность поступка стала играть роль в дипломатии.

Для меня личность Маргарет Тэтчер важна еще вот почему. Она пример того, как на протяжении многих лет политик остается верен себе, проходя через все испытания. Меняются приоритеты, страна переживает целый ряд политических кризисов, а сколько же за эти годы премьер-министру Великобритании пришлось выдержать жесточайших баталий в парламенте! Да практически по каждому новому принимаемому закону, не говоря уж о налогах, — какие кипели страсти, кампании в прессе, демонстрации. Однако правительство упорно шло своим курсом. И все это Маргарет Тэтчер совершала со своей неизменной

улыбкой, которая с каждым годом становится по-женски все более обворожительной.

...Гельмут Коль. Когда я говорю о нем «мой друг Гельмут» — это не фамильярность. Недавно мы вместе отдыхали на Байкале, он был там по моему приглашению. Мне было интересно наблюдать, как он ловит рыбу, как смеется, как точно и легко формулирует интересные идеи. Я его повел в баню. На берегу Ангары замечательная русская баня, из огромных столетних бревен, дух в парилке исключительный, только такой и может быть в настоящей деревенской баньке. Она стоит прямо на берегу реки, и после парилки мы с ним бегом в воду, а она холодная, обжигает. Он дивился на изумительную природу, на наш Байкал, для немцев же такой простор — редкость. Вот тогда мы с ним долго, хорошо разговаривали.

Нам с Гельмутом Колем везет на достопримечательные места. Одна из важных для меня встреч с канцлером ФРГ произошла во время его краткой остановки в Москве в начале 93-го года. Мы встретились в правительственном особняке на юго-западе столицы, знаменитом тем, что раньше он принадлежал КГБ, и Крючков, готовясь к августовскому путчу, самые секретные встречи проводил именно здесь.

Гельмута Коля это известие позабавило, он с большим интересом стал оглядываться по сторонам.

Я хотел обсудить с ним принципиальный для меня вопрос: если я пойду на ограничение деятельности парламента, как, на его взгляд, Запад отреагирует на мои действия. Конфиденциальность разговора вполне соответствовала историческим традициям места, где мы встретились.

Мне было ясно, что для Запада существуют некие основополагающие демократические ценности. И в данном конкретном случае я на одну из таких ценностей покушаюсь. При этом я не боялся задать этот вопрос канцлеру Германии. Наши отношения были искренними и открытыми. Я знал, что мои намерения не будут превратно истолкованы.

Он поддержал меня, выразив уверенность, что и другие лидеры «семерки» с пониманием отнесутся к жестким, но необходимым мерам для стабилизации ситуации в России.

Через несколько месяцев я смог убедиться в точности прогноза Гельмута Коля. В сентябре–октябре 93-го года и сам Коль, и все лидеры стран Запада однозначно поддержали мои шаги, предпринятые для выхода России из тяжелого политического кризиса.

Впрочем, говорили мы не только о политике. Например, я делился с ним своими воспоминаниями.

В мае 86-го года, еще будучи кандидатом в члены Политбюро, я был по приглашению немецкой компартии с официальным визитом на их съезде, и после окончания форума меня повезли на экскурсию на какое-то предприятие в Руре. После осмотра цехов я оказался в зале отдыха для рабочих. Я был буквально потрясен. Сколько я бился в Свердловске, чтобы создать рабочим приличные условия. Чтобы построили сауну, чтобы в комнатах отдыха стояли нормальные кресла, чтобы можно было в перерыве попить чаю, послушать музыку. Но здесь... Меня пронзила простая мысль: мы никогда не будем так жить.

Это не просто богатство. Это — привычка все делать с умом. Привычка, которая присуща именно немцам — нашим, так сказать, антиподам в смысле скрупулезности, внимательности к мелочам, к быту, к практической стороне жизни.

И когда мне кажется, что и у нас что-то меняется в этом плане, я всегда вспоминаю господина Коля...

Билл Клинтон и Джордж Буш

По старшинству надо бы сказать в обратном порядке: Джордж Буш и Билл Клинтон. И по хронологии наших отношений. Но именно Билл Клинтон сейчас — Президент США. От него зависит в мировой политике настолько много, что порой я ему искренне сочувствую.

И вот что мне бросилось в глаза. Во время предвыборной кампании между Бушем и Клинтоном шла достаточно резкая полемика, можно сказать даже сильнее — конфронтация. Но как только прошли выборы, как только выяснилось, кто победил... Вот уже Буш помогает Клинтону, Клинтон помогает Бушу.

У нас в такой ситуации политики стали бы смертельными врагами на все последующие годы. А они охотно разговаривают друг с другом по телефону, советуются. Или вот, скажем, я разговаривал с Биллом Клинтоном, и он сказал: «Я не только поддерживаю Договор, но и поздравляю вас вместе с Бушем с этой огромной победой, которую вы одержали». (Речь шла о подписанном мною и Бушем январском Договоре о сокращении стратегических вооружений. Буш через две недели должен был покинуть Белый дом, Клинтону оставалось столько же до вступления в должность Президента США.)

У Буша в период выборов был психологический слом, настолько тяжелый, что даже в Москву информация доходила. Мне говорили, что он по нескольку часов сидит неподвижно и смотрит в одну точку. Я ему звонил, пытался как-то подбодрить.

Мне это чувство острого одиночества знакомо. Иногда организм не выдерживает напряжения. Этой постоянной внутренней собранности, взвинченности. И тут нужно только стиснуть зубы, взять себя в руки, чтобы вообще не раскиснуть, не бросить все, не уйти в отставку. Поэтому, как мне кажется, я Буша понимал.

Мне казалось, что его изберут. Сработает американский консерватизм. Республиканская партия всегда позже начинала кампанию, но энергичнее финишировала.

Но в этот раз получилось иначе. Уж очень необычен Клинтон. Молодой, красивый — выглядит для своих лет просто прекрасно. Хорошее образование, воспитание. Быть может, эта фигура означает какой-то новый американский прорыв?

Джордж Буш находился как бы три срока на вершине власти. Восемь лет в качестве вице-президента в эпоху Рейгана. Четыре года он был Президентом США. Двенадцать лет. Очень много.

А если мои года посчитать, и у меня с окончанием президентского срока будет уже восемь лет в большой политике. А если начинать с Политбюро, то уже все десять. Но по-настоящему моя политическая карьера началась позже, как раз с изгнания из Политбюро.

Надо сказать, интересная произошла с Джорджем Бушем метаморфоза. Было видно, как он переживал во время предвыборной кампании — республиканцы все время отставали. В каждом штате выступал. Колоссальный труд. А когда не выбрали — ему как-то стало легче, сработал защитный механизм какой-то. Проснулась новая энергия. И вот — Договор СНВ-2.

В Америке хорошие традиции. Когда президент уходит, конгресс принимает решение — построить бывшему президенту дом в любом месте, по его желанию. И сохранить за ним президентскую библиотеку.

С Джорджем Бушем у нас сложились очень дружеские отношения. Звонит и Барбара Буш. Я надеюсь, она приедет в гости, и Наина хорошо ее встретит, они прекрасно проведут время.

А с Бушем мы договорились играть в теннис. Это будет очень принципиальный матч.

Лех Валенса и Вацлав Гавел

Президент Польши и Президент Чехии.

Я не раз встречался с ними. И скажу, что определенная психологическая трудность в общении есть. Над нами висит проклятое наследие СССР, который был самозваным «старшим братом» в отношениях между странами. Гавел и Валенса обязаны соблюдать по отношению к России некую дистанцию, обязаны перед своими народами. Я это понимаю.

Однако ведь нас объединяет не просто общность исторической судьбы — восточноевропейский лагерь, социализм. Нас объединяет и то, что впервые на мировую политическую арену так смело шагнули бывшие диссиденты. Гонимые. Так или иначе подвергавшиеся преследованию люди.

Гавел сидел в тюрьме, он участник «пражской весны», писатель. Валенса много лет боролся во главе рабочего движения, «Солидарности». Они не просто лидеры политические, но и национальные. Вокруг них в какой-то момент объединилось все общество. Они стали символами крупнейших исторических событий. Хотя сейчас им очень трудно.

Это интересно — появление в мировой политике таких фигур. Номенклатура есть в каждой стране. Слой людей, которые формируют власть, держат в руках ключевые посты. Сохраняют стабильность. Но рано или поздно через этот слой прорываются новые фигуры. На Западе, конечно, нет таких грандиозных перемен. Но и почти во всех странах «семерки» произошла крупная перетряска верхов. Возможно, мир подспудно готовится к каким-то новым, очень серьезным изменениям.

Первый мой визит в Польшу прошел чрезвычайно напряженно. Одна из основных претензий поляков на переговорах была такова: наши военные составы, которые идут через Польшу, вывозя войска из Восточной Германии, — это ущерб экономике Польши. Поэтому Россия должна платить компенсацию.

Причины такого жесткого наступления Валенсы в общем-то понятны. Конечно, существование в мировом пространстве такой махины, как СССР, — вещь непростая. Можно отменить название — СССР, но нельзя отменить накапливавшиеся годами проблемы. Поляки жили все эти годы с ощущением, что именно СССР задавил процветание страны, потенциал ее экономики. И это национальное самоощущение выразилось в таких тяжелых для нас и не очень понятных требованиях.

Однако второй визит в Польшу прошел совсем иначе. Мне удалось, как я стараюсь делать всегда, найти какую-то затаенную болячку в истории наших отношений. Известно, что КГБ пытался управлять процессом разгрома профсоюза «Солидарность». Я привез Леху Валенсе копии документов комиссии Суслова («теневого» лидера брежневского Политбюро). Это было целое досье на «Солидарность». Польские и советские чекисты разобрали по косточкам всю подноготную лидеров рабочего движения. Порой эти документы страшно было читать — до того жестоким был кагэбэшный рентген. Я хлопнул по папке и сказал: «Здесь есть все. Берите». Валенса слегка побледнел.

Президент Польши сообщил, что польский сейм в ближайшее время будет переизбираться, Конституция это позволяет. Заметив мой живой интерес к этой теме, он в шутку сказал: «Да распустите вы свой Верховный Совет, выберите новый. А те, старые депутаты, пусть сидят, заседают, их очень скоро все забудут». Я улыбнулся заманчивой идее.

Отдавать старые долги пришлось и в Праге. Признание того, что вторжение СССР в 1968 году являлось агрессией, было чрезвычайно важно для Вацлава Гавела. Для всего чешского народа.

Гавел захотел показать мне Старую Прагу. Мы сидели в кабачке, пили пиво, и я вдруг подумал: вот мы, уже немолодые, усталые люди, просто пьем пиво, как добрые приятели. И даже можно на какую-то минуту расслабиться. Но мы выйдем отсюда, и опять на нас обрушатся все проблемы, которые несет в себе ломающая всех и вся эпоха перемен. Какой трудный путь нам предстоит пройти — первым лидерам посткоммунистического мира.

* * *

Когда я вернулся из своей первой поездки по США, это было осенью 89-го года, против меня развернулась известная кампания травли в газетах, на телевидении. В Америке, во время одного из интервью, я сказал такую фразу: пролетев над статуей Свободы, я сам стал внутренне свободным. В Москве это вызвало переполох. Моей поездкой занялась специально созданная парламентская комиссия.

Мои помощники и друзья — Илюшин, Суханов — затащили меня в баню, кажется, это была обычная районная баня, очень непритязательная. Они знали, как я баню люблю, хотели помочь мне снять стресс.

Заходим в парилку, а она набита битком, человек сорок. И такой, помню, разгорелся политический разговор, прямо митинг. Все голые, все кричат, размахивают вениками и хлещут друг друга. «Борис Николаевич, держитесь! Мы с вами!» И как хлестнут меня веником по спине! Колоритное было зрелище.

То, что это все происходило в бане, — символично. Баня ведь очищает. Там все чувства чисты. А люди обнажены.

Интересно, что бы сейчас сказали мне эти мужики?

Да, тогда я изменил свое мировоззрение, понял, что коммунист я по исторической советской традиции, по инерции, по воспитанию, но не по убеждению.

Так и стоит перед глазами эта баня.

Возвращение Шеварднадзе

Эдуард Шеварднадзе не раз заставлял уважать себя.

Его назначение на пост министра иностранных дел СССР в 1985 году многих удивило. Все-таки он был руководителем одной из республик, не самой крупной, дипломатического опыта не имел.

Тут сыграл не последнюю роль его интеллектуальный дар, вообще присущая многим грузинам артистичность. На мировой арене он стал фигурой не менее яркой, чем сам Горбачев. Своей колоссальной работой сделал принципы новой советской политики реальностью, тем, с чем можно было иметь дело.

Всем памятна и отставка Шеварднадзе — мужественный поступок политика, который еще раз доказал, что является самостоятельной фигурой, независимым и смелым человеком, предупредившим общество об угрозе военного переворота.

Но наиболее значительный поступок Шеварднадзе совершил, как я считаю, позже, когда стал главою грузинского парламента, руководителем Грузии. Политик, который привык работать в нормальных, цивилизованных условиях, когда вокруг люди, живущие по законам традиционного общества, традиционных ценностей, оказался вдруг в кровавой гуще гражданской войны.

Гражданская война деформирует психику. Ставит людей в запредельные, ненормальные условия существования. Ненависть — как лесной пожар. Пока все не сгорит — не кончится. Шеварднадзе оказался в заложниках у ненависти. Победить в гражданской войне можно только военным путем, только ценой

больших жертв, только кровью (это хорошо понимал, кстати, Ленин). Победить мирным путем невозможно. Любые миротворческие инициативы Шеварднадзе, к которым прислушивались президенты крупнейших стран Запада, военные из НАТО, Совет Безопасности ООН, перед вооруженными до зубов, распаленными ненавистью партизанскими отрядами оказываются напрасными. Страна тонет в крови.

Какое надо в этой ситуации иметь мужество, какое терпение? И что тут может помочь Эдуарду Амвросиевичу?

Я думаю, прежде всего — его опыт и глубокое знание Кавказа. Не так давно он совершил еще один решительный шаг. Я говорю о вступлении Грузии в СНГ. Шеварднадзе знал, что реакция грузин на это решение будет неоднозначной. Людей с более остро выраженным самолюбием, чем грузины, пожалуй, нет.

В Грузии к тому же царит устойчивый миф, что имперская Россия ведет политику на развал грузинского государства. Ослепленные своей бедой, грузины не замечают, что Россия не может выступить ни на одной стороне в национальных конфликтах. Займи Россия сторону Грузии в грузино-абхазском конфликте — поднимется весь Северный Кавказ, война охватит новые регионы, причем она будет изнурительной, партизанской, невероятно длительной и тяжелой.

Только на строгой, четкой основе международного права можно вмешиваться в жизнь чужого государства — даже с миротворческими целями. И Шеварднадзе понял это, когда еще было не поздно. Он принял решение о вступлении Грузии в СНГ.

Будущее покажет, был ли этот его шаг таким же продуманным и оправданным, как и все предыдущие. Я верю в лучшее.

Окно в мир

На этих страницах речь пойдет об официальных визитах. Конечно, эта часть работы президента не самая главная. Но — утомительная, обязательная, отнимающая уйму сил и времени.

Так называемая представительская деятельность.

Вначале она давалась мне с огромным трудом. Я не люблю мероприятий, где все заранее известно и запланировано, включая результат. Где невозможна импровизация. Где нет, образно говоря, крутых виражей.

Однако к международным встречам меня подготовили некоторые визиты за границу еще в качестве главы легальной оппо-

зиции в СССР. Я понял, как много зависит от восприятия твоей личности, твоего стиля, твоего образа. Это касается любого серьезного политика, в какой бы стране он ни жил.

Надо было привыкать, входить в этот тягучий, сложный ритм. Надо было пытаться завоевывать авторитет — а если точнее, отвоевывать его под сенью Горбачева, который много лет был любимцем западной публики, там его образ стал даже каким-то элементом «массовой культуры».

Обо всех визитах не расскажешь. Их было очень много — важных и более проходных, рабочих. Все они являются частью нашей общей стратегии, которая строится заново, на развалинах имперской политики бывшего Союза. Но то лучшее, что было в школе советской дипломатии, мы стараемся, конечно, не потерять. Я расскажу здесь лишь о некоторых поездках, чтобы по возможности раскрыть, так сказать, кухню нашей работы, дать представление о том, как готовится концепция визита, как идет техническая подготовка, как складывается его рабочая атмосфера.

Визит в Японию — неразразившийся скандал

К этому визиту готовились напряженно и долго, и я не помню другого случая, чтобы было столько желающих организовывать визит. В Японию ездили и Полторанин, и Бурбулис, и Румянцев, работала целая комиссия Верховного Совета по подготовке, комиссия при президенте. Соревнование состояло в следующем: кто изощреннее придумает решение территориального вопроса о Курильских островах.

Надо сказать, и японская сторона также серьезно относилась к этим переговорам. Японцы задолго до намеченного срока начали кропотливо и скрупулезно прощупывать почву, идти на неформальные встречи, приглашать в Японию бизнесменов, журналистов, политиков.

Словом, мы видели — нас там очень ждут.

Еще не будучи ни президентом, ни Председателем Верховного Совета, то есть не отягощенный властными полномочиями, я был в Японии и говорил тогда примерно следующее: сегодняшнее поколение политиков не должно брать на себя ответственности за окончательное решение спорного вопроса об островах. Пусть живущие в прилегающих районах российские и японские граждане беспрепятственно ездят друг к другу,

пусть эта зона получит безвизовый статус. А юридическое решение вопроса отнесем на потом, чтобы более здравомыслящие потомки пришли к справедливому миру...

Прошло три года — и как же далеко мы продвинулись в решении этой проблемы? Я стал подсчитывать, учитывая все нюансы и предложения, сколько же у нас есть вариантов. Оказалось, четырнадцать. Пикантность ситуации заключалась в том, что у самих японцев вариант был только один: острова всегда им принадлежали и должны быть им отданы.

Решения вопроса не было. О чем я тогда честно сказал и японским, и нашим журналистам. У меня есть больше десяти вариантов решения этой проблемы. Что в подтексте означало — и ни один не подходит...

Чем ближе подходило время визита, тем ожесточеннее становился спор — и внутри страны, и в Японии — о том, как Ельцин вывернется из этой ситуации. Мне же предстояло выбрать один из множества вариантов. И разрабатывать его.

Я держал паузу, потому что понимал — перебирать оттенки бесполезно, ошибка была где-то в самом начале. С самого начала и наш МИД, и вообще все официальные делегации исходили только из краеугольного вопроса о северных территориях.

И мы, и они пытались как-то сблизить позиции. Два МИДа работали день и ночь, вырабатывались формулировки, шел нервный поиск компромиссов. Но с приближением даты вылета в Токио я все отчетливее понимал, что визит заваливается.

Я не привык ездить просто ради поездки, ради встречи, ради соблюдения дипломатического этикета. Всегда скрупулезно подсчитывал, сколько подписано документов, сколько предстоит подписать. И в этот раз дипломаты подготовили целый пакет договоров. Но в главном вопросе по-прежнему мы находились в тупике.

...Тем не менее визит готовился. Откладывать дальше было нельзя. Япония ждала российского президента. Было составлено расписание по часам, согласовано со службами протокола, безопасности, сотрудниками МИДа. В Токио уже вовсю работала передовая группа, там находились ЗИЛы, техника, связь.

В мировой политике официальные визиты, о которых уже объявлено публично, переносятся крайне редко, в основном в силу чрезвычайных обстоятельств — катастрофы, землетрясения, трагические события внутри страны. В данном случае ничего подобного не было.

За два дня до назначенного срока я самостоятельно принял решение об отмене визита.

Трудно сказать, повлияло ли на меня то, что на заседании Совета безопасности его секретарь Юрий Скоков доложил о проблемах, возникших в связи с неготовностью японских секретных служб гарантировать безопасность Президента России. Он мрачно перечислял: встреча в национальном парке — стопроцентной безопасности не гарантируют, говорят, там могут быть люди, деревья. Но в любой стране есть люди и есть деревья! Соревнования по сумо: в зале будет много народу, безопасности не гарантируют. При этом нашим службам запрещено ввозить в Японию оружие — так у них принято...

Это, конечно, было нелепо. Тут сказался методичный японский подход, когда процент безопасности математически высчитывается до ноля целых одной десятой. Был бы в визите смысл, мы бы на эти тонкости внимания не обратили.

И тогда я нашел этот на первый взгляд невозможный выход. Вообще не ехать, потому что нет решения проблемы. Таких формулировок в мире не существует, они находятся за рамками протокола — для того и ездят, чтобы договариваться.

Но сильнейшее давление японской стороны заставляло меня искать адекватный ответ. Мне казалось, что я его нашел. Я позвонил премьер-министру Японии господину Миядзаве, попросил извинения за несостоявшийся визит. Затем позвонил президенту Южной Кореи Ро Дэ У, после Японии я должен был совершить официальный визит в Южную Корею. Президент с пониманием отнесся к моей просьбе перенести визит на другое время.

Конечно, это многих шокировало. И в обществе, и в кремлевских кабинетах. В наших газетах — реакция удивления и где-то даже насмешки. Про японские лучше и не вспоминать.

Но шум продолжался ровно две недели. Затем он утих, и стало ясно — японская сторона что-то поняла. Японцы начали изучать ситуацию без нервов, без ажиотажа, который предшествовал этому несостоявшемуся визиту.

Большие секреты

Помимо подписания больших государственных документов и соглашений важно поддерживать и неформальный контакт между странами, не на уровне политиков, а на уровне нацио-

нальных чувств. Если есть друг от друга неприятные секреты, их надо рано или поздно открывать.

Мы дали возможность американцам приступить к поиску у нас своих военнопленных.

Мы вывезли в Венгрию протоколы 1956 года — кто и что делал в те трагические дни.

Южной Корее мы решили передать «черные ящики» со сбитого «боинга», которые наши спецслужбы подняли со дна моря. Эти секреты хранились в Министерстве обороны. За два-три дня до начала визита я позвонил министру обороны Грачеву, он сообщил, что для этого круглого оранжевого шара, внутри которого находится записывающее устройство, его сотрудники уже соорудили специальную упаковку, так что все готово для передачи «черного ящика» южнокорейской стороне.

Момент передачи «ящиков» Ро Дэ У действительно стал кульминационным событием визита. Отдавая один из ключевых секретов катастрофы, мы не только демонстрировали всему миру открытость нашей позиции, но и косвенно приносили извинения за эту трагедию.

А когда мы вернулись, корейские специалисты вскрыли «черные ящики» и обнаружили, что там находятся копии, к тому же с купюрами. Оригиналы скорее всего были заменены давно, еще в старом КГБ. Все было сделано в хорошем советском стиле.

Грачев же исполнил приказ пунктуально — передал «черные ящики», то бишь оранжевые шары, которые хранились у него в министерстве уже долгие годы. А что там внутри — это не его область.

Однако оригиналы все же нашли и передали в международную комиссию по расследованию причин катастрофы. Международный скандал не состоялся. По крайней мере в полном масштабе.

* * *

Сегодня эти записи можно дополнить результатами визита в Японию, который состоялся в октябре 1993 года.

Было ощущение, что само провидение не хочет нашей встречи с японским руководством! Надо же — на этот раз мне предлагали не ехать уже сами японцы. Запланированный визит совпал по срокам с октябрьским мятежом. Причина вполне уважительная, чтобы не ехать, ситуация как раз входила в разряд чрезвычайных.

Но я опять нарушил этикет, уже в обратную сторону.

Опять было непонимание, опять были язвительные комментарии в газетах: вчера в Москве стреляли танки, а назавтра президент отбывает с официальным визитом!

А я знал, что лететь надо. Если бы это была не Япония — да, визит был бы отменен. Но дважды разочаровывать целый народ — это уже значит испортить отношения на всю последующую эпоху, оставить холод недоверия между странами. Ведь события в другой стране все-таки не ощущаешь как свои. А японцы ждали.

...Для нас, русских, преступления Сталина — гигантская черная яма, куда как бы свалена вся история. До сих пор мы так и не разобрались подробно, что и как происходило. Но практически у каждой страны к сталинской России особый счет. В том числе и у Японии.

Массовую гибель японских военнопленных в сибирских лагерях (где для них условия были действительно смертельными — ведь помимо прочего совсем другой климат, другая природная среда) японцы переживают почти так же тяжело, как трагедию Хиросимы.

Для японцев, воспитанных на уважении к ритуалу, на приличиях, на этикете, на уважении к прошлому, такой жест со стороны России очень важен.

Я счел необходимым сделать этот жест, извиниться. В данном случае не важно, что Япония поддерживала агрессора в той войне.

И вот изменилась сама атмосфера наших встреч. Сама тональность, направленность диалога. Удалось сломать схему торга: мы — вам, вы — нам, которая мне казалась неприемлемой с самого начала. Мы вступили на путь взаимовыгодного экономического сотрудничества, имея в виду долгосрочную цель: решить столь острую и болезненную для японской стороны проблему северных территорий.

Проколы протокола

Вообще у нас в России очень не любят выполнять всякие правила, законы, инструкции, указания, в общем, соблюдать какой-то заранее установленный регламент. Непунктуальный мы народ, и регламент для нас — острый нож.

Часто спрашивают: смущали ли меня вот эти протокольные тонкости — куда ступить, где остановиться и как я со всем этим справлялся?

Естественно, поначалу далеко не всегда я чувствовал себя уверенно. Не до таких уж мелочей протокол продуман: встать справа или слева, делать шаг вперед или у самого флага остановиться, повернуть ли лицо, наклонить ли голову. Тут я сам, присмотревшись к окружающим, пытался уловить, как именно надо поступить.

Сегодня у меня уже есть уверенность, что, где и как надо делать. Привык. Вот в разговорах, беседах эмоциональность иногда подводит. Я слишком активно веду переговоры. Количество вопросов, которые мы обсуждаем с собеседником, как правило, с обеих сторон примерно одинаково. И важно следить, чтобы не получилось, что ты говоришь больше, чем собеседник. А то может так случиться, что переговоры заканчиваются, а оппонент еще не успел и слова сказать. Вот за этим приходится следить и себя сдерживать.

В каждый свой официальный или рабочий визит я закладываю жесткий график, и даже если визит длится три дня, то программа его перегружена. Насколько я знаю, раньше советские делегации устраивали перерывы в официальных мероприятиях — два часа. У меня перерыв между очередными пунктами программы максимум 5–10 минут, и вперед, на следующую встречу. И вот получается, что с самого раннего утра крутишься, приезжаешь к себе в резиденцию в полночь.

И тем не менее ко всем этим вещам надо относиться серьезно. Протокол, а по-старинному церемониал, — вещь очень древняя. Много сот лет этим правилам, порой даже нигде не писанным. Это какой-то воздух дипломатии, ее атмосфера. И если хочешь добиться успеха, приходится не только проявлять индивидуальность, но и обуздывать ее во имя протокола.

Сначала профессионального протоколиста у меня не было. Это приводило к многочисленным ляпам. Мы опаздывали или приезжали раньше, я вставал не туда, не с той стороны, где-то оказывался не вовремя, в общем, случались неловкие и не очень приятные для меня ситуации.

Теперь все проще. Если беседа затягивается, входит шеф протокола Владимир Шевченко и говорит: «Господа, прошу извинить, время истекло». Нормально.

Владимир Николаевич работал с Горбачевым. Он готовил ему несколько десятков визитов, и опыт у него колоссальный. Я его запомнил еще с тех времен, когда у нас с Михаилом Сергеевичем проходили официальные и неофициальные встречи.

Шевченко я сразу выделил в горбачевской команде. Импонировали его мягкость, доброжелательность, ненавязчивость. Когда состоялся наш прощальный разговор с Горбачевым, Шевченко сообщил своим сотрудникам об увольнении. Он вместе со своими ребятами приготовился собирать вещички. Но не успел. Я встретился с ним и пригласил работать со мной. Он был несколько смущен, сказал: как же, я ведь с Горбачевым работал. Я ответил, что это хорошо, у вас есть опыт, именно это мне и надо.

Я знаю, что Шевченко «коллекционирует» подготовленные им визиты. Теперь их у него набралось больше полусотни. Со мной у него дело пошло быстрее. Обычно в одну поездку я пытаюсь объединить сразу два-три официальных визита: Лондон — Будапешт, Вашингтон — Оттава, Варшава — Прага — Братислава и т. д.

Что касается сувениров. Сувениры во время визитов — вещь символическая, как правило, они представляют лишь культурную ценность. В основном это изделия наших народных промыслов. Но мы стараемся подобрать их не просто со вкусом, не просто вручить интересную авторскую работу, но и учесть личность, характер, интересы человека, для которого предназначен подарок. Ведь это хотя и протокольный, но все-таки подарок! Джордж Буш — морской авиатор. Ему подарили костяные кораблики — небольшие, изящные резные игрушечные модели. Андреотти — шахматист, ему вручили от нас в подарок гжельские шахматы. Гельмуту Колю подарили наши горные минералы, поскольку я знал, что он увлекается камнями.

Меня провожает в поездку и встречает значительно меньше людей, чем это водилось прежде. Меня всегда коробило, когда при проводах и встречах в аэропорт съезжались все кандидаты и члены Политбюро и еще масса народу. Работать надо, а они во Внуково тащатся. Сейчас я прошу приехать в аэропорт лишь тех, с кем мне необходимо обсудить перед отлетом дела, не терпящие отлагательства.

Наверное, самый запомнившийся мне по торжественности, как бы раньше сказали, пышности — визит к английской королеве в Букингемский дворец. Сама королева Елизавета II произвела на нас неизгладимое впечатление. Поразительная естественность, женственность, простота и изящество одновременно. С ней было уютно и легко, и в то же время я и Наина ни на миг не забывали, что мы в гостях у королевы Великобритании.

Этот визит уже и назвать нельзя скучным словом «протокол».

И, конечно, мне запомнился визит в Южную Корею. Пожалуй, впервые я в полной мере ощутил, что такое восточная изысканность. Что такое восточные краски, эта мягкая, неуловимая эстетика...

Мне кажется, что больше выходить в свет надо и Наине Иосифовне. Она, на мой взгляд, держится просто, естественно, по-женски мягко и спокойно и этим подкупает. Нет у нее безумной страсти к нарядам, а выглядит всегда замечательно, причем занимается своим внешним видом сама, без помощников.

Настоящее женское движение, связанное с благотворительностью, с заботой о детстве, с феминизмом в его хорошем значении, у нас еще только в зародыше. Все эти проблемы очень интересуют Наину Иосифовну, и первая леди, видимо, много сидеть дома не должна.

Когда мы вместе с Наиной совершаем официальные зарубежные визиты, я, хотя и нет у меня времени, все-таки краем глаза наблюдаю, как там жена. И искренне рад, насколько она органично вписалась вроде бы в чуждый для нее мир официальной политики, протокола.

Наина не изображает из себя политического деятеля, никогда не вмешивается в политику и никогда не дает мне политических советов. Ее программа за рубежом связана с проблемами семьи, материнства, детства — с тем, что ей сейчас ближе всего. Она интуитивно уловила, какой ей надо быть и какой быть не надо. Она остается сама собой, и это мне очень импонирует.

И еще она крайне добросовестно относится к протоколу: никогда и нигде ни на секунду не опаздывает. Я, честно говоря, прежде даже не ожидал, насколько естественно способна она вести себя в самых сложных обстоятельствах. Попав в музей, она спокойно признается: вот этого художника я вижу в первый раз, этого знаю, он мне нравится, об этом только слышала, а вот это моя любимая картина. И те комплименты, которые мне говорили в ее адрес, прежде всего и сводились к тому, что она удивительно естественный человек, который не боится быть самим собой. Искренне она восхищается тем, что ее восхищает, искренне негодует, если речь зашла о каком-то неприглядном поступке. И эта искренность приятна людям, которые ее принимают, она помогает легко находить общий язык.

За границей у меня нет возможности для больших, неторопливых, как в России, встреч с простыми людьми, для разговора

о их быте, заботах, проблемах. Получилось так, что эту информацию собирает для меня жена. У нее очень зоркий женский глаз, она подмечает тысячи мелочей, мимо которых прошел бы мужчина. Именно она мне порой и рассказывает интереснее специалистов о своих ощущениях от той или иной страны, где мы побывали. И мое собственное представление о проблемах, которые мы там решали, становится объемным, я вдруг начинаю понимать, о чем мы не договорили, что упустили, что недоработали. То есть и в этих, вроде бы сугубо торжественных, изолированных от нормальной жизни поездках жена мне реально помогает. А дома она спокойно возвращается к своим обычным домашним обязанностям.

Ванкуверский дневник

Как вообще готовится визит в какую-нибудь страну?

Идет сбор материалов. Это могут быть книги, журналы, газеты, различные исторические справки. На основе собранного материала составляется объемная справка о каждом в отдельности лидере страны — главе государства, премьер-министре, человеке, стоящем во главе оппозиции, и т. д.

Справки довольно подробные, помимо биографии они содержат и психологический портрет человека. Все — вплоть до характеристики жены и детей. И так, постепенно, я изучаю эти материалы и мысленно начинаю входить в обстановку, царящую в этой стране. Мысленно общаюсь с будущими собеседниками, веду диалог на темы, которые могут неожиданно возникнуть. Я освежаю в памяти историю, географию этой страны. Уточняю какие-то нюансы исторических отношений между нашими странами.

Все это надо держать в памяти. Впрочем, и на месте приходится постоянно такими справками пользоваться.

Дальше — перечень официальных документов, которые будут подписываться. Двадцать мы подписали в США, девять, например, в Венгрии. Это договоры, экономические соглашения, соглашения по крупным проектам, которые совместно осуществляют правительства и министерства.

Перед поездкой представители сторон обмениваются предварительными делегациями. Обговаривают всю схему визита. Определяется состав так называемых официальных, сопровождающих лиц, охраны, экспертов, референтов. С собой беру

только тех, кто будет необходим в работе. Ну, естественно, службы протокола, МИДа, безопасности, часто МВЭС.

Летим в двух самолетах Ил-62, основном и передовом.

Готовится перечень вопросов для бесед и переговоров. Тут большое значение имеют внутреннее положение в той или иной стране, точки зрения на спорные вопросы. МИДы двух стран и помощники по международным делам руководителей государств стараются заранее максимально согласовать все спорные формулировки. Если это не удается, что бывает достаточно часто, в ходе визита уже мы сами, руководители, находим точки соприкосновения.

Перед поездкой накапливается материалов на хороший большой чемодан. Уже в самолете, еще раз, чтобы освежить в памяти, я их просматриваю. Не люблю заглядывать во время переговоров в тексты, даже если они где-то рядом. Память на цифры у меня неплохая.

Накануне визита в страну отправляется передовая группа, которая берет на себя последние приготовления. В нее входят сотрудники МИДа, протокола, безопасности, утрясается последний вариант программы визита.

В каждом государстве свой протокол. В большинстве стран прибывших гостей главы государств у трапа не встречают. Только министр иностранных дел. Хотя во Франции, где наиболее «тонкий» протокол, первым у трапа главу другого государства встречает именно президент, тут же почетный караул, то есть визит начинается с этого. Во Франции протокол встречи вообще довольно интересный.

Например, моя резиденция располагалась во дворце Трианон в Версале. Для того чтобы принять участие в официальном обеде на 500 человек, достаточно было пройти несколько десятков метров, из одного крыла дворца в другое, но по протоколу мне надлежало сесть в машину и доехать до другого входа. Или вот еще. По протоколу главы государств приветствуют всех приглашенных. Все 500 человек проходят в зал, а мы стоим и должны каждому пожать руку. В других странах чаще всего такого нет. Президент с супругой обычно входят в зал, когда все приглашенные на обед гости уже сидят за столами, они встают и приветствуют президентскую чету.

В семье меня раньше спрашивали: «Ну, рассказывай, какие там достопримечательности?» Но, к сожалению, я обычно не вижу ни города, ни достопримечательностей. С утра до вечера

идут официальные встречи, обеды, беседы. Иногда так хочется побыть простым незаметным туристом. Вот когда на пенсию уйду, возьму жену и проедемся с ней по всем странам, где мы побывали, а на самом деле их почти что и не видели. Вот тогда насмотримся...

* * *

Итак, Ванкувер.

Накрапывал теплый дождик. Прилетели в шесть вечера. Когда заиграли наш гимн, слегка моросило. Но при первых же звуках канадского гимна с неба обрушился такой ливень, что казалось, поливают из ведра. Ко мне подбежали с зонтом, но я от него отказался: нехорошо, свой гимн слушал без зонта, а гимн хозяев — под зонтом. Неудобно. Так что будем мокнуть. Потом в гостинице пришлось переодевать костюм, рубашку, даже ботинки и галстук, все вымокло до нитки.

...На следующее утро мы объехали порт на яхте мэрии. Яхта прекрасная, и, конечно, морской шик: подогнанная с иголочки форма у капитана, у официанток, все блестит, корабль действительно классный, ничего не скажешь.

Посмотрели элеваторы — там отгружают знаменитую канадскую пшеницу. И везут ее, например, к нам в страну.

Парк королевы Елизаветы. На холме находится знаменитый местный ресторан, откуда открывается вид на весь город. Здесь и произошло наше, по сути дела, настоящее знакомство с Президентом США. Первый дружеский обед. До этого мы с ним познакомились в Вашингтоне, тогда Билл Клинтон был кандидатом в президенты, состоялся короткий завтрак, и мы успели только перекинуться несколькими вежливыми фразами. Теперь нам предстояло узнать друг друга в деле. От того, как сложатся личные взаимоотношения двух президентов, очень многое будет зависеть в отношениях между странами.

Я приготовил короткое выступление, минут на 5–7, в зависимости от того, сколько будет говорить Клинтон. Знал, что он тоже всегда говорит без бумажки, импровизирует.

Во время официальных обедов я обычно почти не ем. Все время беседуешь, задаешь вопросы, отвечаешь — еда мешает.

Мне было необходимо войти в контакт с новым Президентом США, понять, что он за человек. И мне кажется, это удалось.

После обеда наш кортеж отъехал первым. Вечер был тихий, теплый. Было уже темно, мы увидели вечерний Ванкувер.

Люди вдоль трассы нашего следования продолжали стоять, как мне кажется, еще с утра. Многие с детьми, с собаками — видно, собак здесь любят. Толстые, сытые, спокойные собаки. Хозяева машут флажками, кричат, даже прыгают, а собаки сидят лениво.

...Правильно ли я вел себя? Не переборщил ли в своем желании раскрыться? Это со мной бывает. Думаю, что нет. Он все правильно понял. Вообще он мне понравился.

Дружеский трехсторонний завтрак в университете округа Британская Колумбия. Малруни, Клинтон и я. Фотография на память. Снова речи. Попрощались с Малруни. Мы с Биллом Клинтоном вышли на лужайку полюбоваться морем, пройтись вместе — для прессы, для телевидения. Пятиминутная прогулка, не больше. Переводчик держится в отдалении — телезрители всего мира должны видеть, как президенты легко и непринужденно общаются. Всю лужайку перед этим прощупали, проверили службы безопасности. Маршрут следования отмечен незаметными для посторонних глаз голубенькими ленточками, только мы с Клинтоном их видим — строго вдоль этих ленточек и идем, разговариваем, улыбаемся объективам, сохраняя веселый и естественный вид.

Дети Ванкувера подарили мне несколько своих рисунков. Скоро в Кремле откроется музей подарков Президенту России — там среди дорогих и ценных вещей будут и эти милые, непосредственные рисунки.

Сели в машину, доехали до резиденции, и вот там уже состоялась встреча в узком кругу: только президенты и переводчики. Мы обсудили большое количество вопросов. И это сделать было легко, потому что нашли личный контакт, уловили интонацию, которая и стала доминирующей в этой встрече.

По окончании переговоров нас ждала пресс-конференция. Было ясно, что журналисты заготовили острые вопросы. Американскую прессу интересовало, сумел ли Клинтон перехватить эстафету у Буша в американо-российских отношениях, как американское правительство предполагает оказывать содействие нашей экономике и т. д. Пресс-конференция немного беспокоила Клинтона. Он предложил совместно подготовиться к встрече с журналистами. Наши делегации разошлись минут на сорок, потом собрались снова. Было выделено восемь наиболее важных тематических блоков, и по ним согласована общая позиция. Во время пресс-конференции журналисты преимущест-

венно касались именно этих вопросов. Конечно, в ходе ее были и удачные импровизации, но с точки зрения дела такая согласованность и продуманность показались мне чрезвычайно ценными. Во время пресс-конференции не было неловких пауз, которые порой красноречивее любого ответа. Мы легко подхватывали друг друга, отвечая на вопросы. Пресс-конференция закончилась одобрительными аплодисментами журналистов.

* * *

Ночью в гостинице я себя чувствую тяжело. Усталость. Слишком велика психологическая нагрузка — протокольные моменты, общение, пресса. Я всегда пытаюсь задать себе высокий темп, динамику, чтобы не «расплываться». Раньше наши деятели могли позволить себе говорить вместо запланированных 20 минут — 50. Пусть слушают проклятые капиталисты. Я в таких случаях пытаюсь говорить не 20, а 18.

Визит — тяжелая работа. Со стороны кажется, что вокруг все время кто-то бегает, помогает, ведет под руку, дает документы на подпись, подсказывает. Однако психологическая нагрузка от этого только увеличивается. Кажется, что вся эта громадная масса людей, которые участвуют в этих больших действиях, давит на тебя своей тяжестью.

Беспредметных поездок я не понимаю, это труд, который должен приносить конкретный результат.

И поэтому я плохо сплю. Засну и тут же просыпаюсь среди ночи.

В ночные часы

...Была ситуация, когда от любви чуть не задавили меня, такая толпа вокруг сгрудилась, прижали. Нечто подобное случалось не раз в предвыборную президентскую кампанию. Когда десятки, сотни тысяч людей собирались вокруг. К машине не подойдешь. Никакое кольцо охраны не может удерживать людей. Сдавливают кольцо и потом сдавливают меня. Но тяжелых последствий никогда не было. Не было покушений, хотя угрозы идут постоянно. Это везде обычное дело.

Я иногда ради любопытства сравниваю, как работает наша охрана и, скажем, американская или канадская.

На мой взгляд, никто не умеет вести себя в толпе так, как наши ребята. Бывает так, что они находятся почти в горизон-

тальном положении — руками в одну, а ногами в другую человеческую стену упираются. Какая нужна сноровка для этого!

Я очень быстро выхожу из машины. Такая особенность. Но тут уж секрет в характере, я ничего не могу с собой поделать. Выскакиваю из машины, потому что увидел людей на улице, они меня заинтересовали. Нет у меня при этом чувства опасности, его вообще нет. Просто я не верю в плохое.

Моя охрана особенно плотно защищает мне спину. После авиакатастрофы любой толчок, особенно неожиданный, резкий, может вызвать болезненную реакцию. Поэтому они идут очень плотно, буквально след в след, почти наступая на пятки.

Для меня охрана — это не просто одна из президентских служб. Ведь перед августовским путчем их было всего-то полтора-два десятка человек. Плохо вооруженные, плохо обученные.

Александр Васильевич Коржаков — начальник службы безопасности. Мы с ним не расстаемся с 1985 года, с тех пор, как я переехал в Москву. Коржаков работал со мной, когда я был секретарем ЦК КПСС, затем первым секретарем МГК. Он служил в 9-м главном управлении КГБ, был одним из нескольких моих так называемых прикрепленных. Когда меня «погнали» из Политбюро, уволили и моих охранников. А Коржаков все равно остался со мной. Позвонил, спросил: можно просто так, без зарплаты буду вас охранять? — и пришел. Возил меня на своей личной машине, на «ниве». В выходные дни я иногда ездил к нему в гости, в его деревеньку, которую он называет Простоквашино. Там у него своя маленькая изба. В доме мы не помещались, ставили палатку рядом, удили рыбу, купались в речке.

И сегодня Коржаков никогда не расстается со мной, а в поездках даже и ночью, когда не спится, сидим вдвоем. Очень порядочный, умный, сильный и мужественный человек, хотя внешне кажется очень простым. Но за этой простотой — острый ум, отличная и ясная голова.

Еще один человек, с кем я вместе долгие-долгие годы, — Виктор Васильевич Илюшин. Мой помощник со свердловских времен. Потрясающая память, удивительная работоспособность. Очень начитан, прекрасно ориентируется в широчайшем круге вопросов, умеет спорить, отстаивать свое мнение. Внешне суховатый, педантичный, сосредоточенный только на деле, Илюшин у многих оставляет впечатление холодного чиновни-

ка. Но это лишь потому, что очень немногим людям удается наладить с ним контакт и, значит, увидеть его другим.

В 8.30 утра ко мне в кабинет входит Илюшин, с этого начинается каждый мой день. Он кладет передо мной папку наиболее срочных документов, мы обговариваем график дня, вносим какие-то коррективы. А вечером, иногда совсем поздно, перед самым моим отъездом из Кремля, опять появляется Виктор Васильевич, вручает мне толстую папку с документами, которые он подготовил за день. Это моя работа на ночь.

Он загружает меня, иногда даже перегружая. Бывает, я начинаю раздражаться, потому что не всякое дело, не всякую встречу можно уместить в отведенные графиком 5–10 минут. Но Виктор Васильевич времени мне не дает. Я нервничаю, злюсь, и под колесо попадает все тот же первый помощник. Он терпеливо выслушивает мою раздраженную тираду, уходит. Потом возвращается, чтобы напомнить, что пора приступать к следующему делу, поскольку моя гневная речь заняла еще несколько ценных минут.

* * *

Однажды мы возвращались в Москву на вертолете из одной поездки по регионам. Я решил сделать остановку, попросил посадить президентский вертолет около речки, которая мне понравилась.

Казалось бы, что особенного? Но — нарушается инструкция, потому что это, во-первых, означает разрыв с «ядерной кнопкой». Во-вторых: посидеть — да, можно, но не больше часа, ведь ПВО должна держать воздушный коридор для нашей машины. И так далее.

Захочешь полететь на одном вертолете с премьер-министром — нельзя. Должны находиться в разных машинах. На всякий пожарный случай.

Но главное — это ощущение стеклянного колпака, барокамеры, искусственного воздуха, в котором все время находишься. Все время кто-то пытается вести тебя под руку, подсказывать, делать удобнее, еще удобнее, еще удобнее... И начинается тихий, незаметный окружающим психологический шок — ощущение ваты вокруг.

Вроде все просто, элементарно, азбучно. К чему делать из этого какую-то особую проблему — так живут все президенты, так устроена наша жизнь.

* * *

Вот еще один человек, который со мной с древних, политбюровских, времен. Дмитрий Самарин, повар управления охраны. Его работа тоже очень важна. Не потому, что я люблю поесть, наоборот, ем я мало. Как правило, не обедаю. А поужинать могу и дома.

Дело в другом. Повар сопровождает меня во всех поездках, потому что еда — это самочувствие. И если есть непривычную пищу, да еще мало спать, то в принципе вся работа может полететь к черту.

Однажды был такой случай. Прилетели в Якутию. Прямо к трапу самолета мне поднесли кумыс — национальный напиток. Я выпиваю и через несколько минут чувствую — все, никаких у меня государственных мыслей в голове нет. Мысль только одна.

Вся командировка прошла, мягко говоря, нервно.

Дима Самарин потом долго сокрушался: как же вы чужой кумыс выпили, от нашего никогда таких неприятностей не бывает. Приготовить вместо местного «президентский» кумыс — тоже обязанность Самарина.

Президент должен принимать решения, президент должен думать, но порой кажется, что все вместе — заботливые, внимательные — превратили тебя в какой-то манекен. Как с таким ощущением жить?

Дома с семьей, кажется, забываешь про этот мучительный комплекс.

...Но дома я бываю редко.

Из архива генсеков

Публикуемые здесь материалы — тысячная часть самого секретного из всех секретных архивов. Эти документы много лет хранились в сейфах, которые переходили по наследству от генсека к генсеку. С уходом очередного хозяина в сейфе появлялись новые папки с грифами «секретно», «сов. секретно» и «особой важности».

Возможно, многие будут разочарованы — почему из всех кремлевских тайн, попавших ко мне в руки, я выбрал для публикации именно эти, относительно давние и не особенно, так сказать, остросюжетные.

Разумеется, в архиве, переданном мне Горбачевым во время нашей последней встречи, есть куда более сенсационные мате-

риалы. За 70 с лишним лет советские вожди накопили столько страшных тайн, что газетчикам хватило бы надолго. Придет время, когда все эти документы будут внимательно изучены архивистами и к ним сможет получить доступ любой желающий. И тогда, если угодно, журналисты могут делать сенсацию за сенсацией.

Но эта книга преследует совсем иную цель. Я выбрал для публикации самые рядовые документы, которые дают представление о каждодневной, рутинной, бюрократической стороне деятельности КГБ. Должен сказать, что на меня лично эти документы произвели впечатление именно своей будничностью и обыкновенностью.

* * *

Письмо председателя КГБ Семичастного от 23 ноября 1963 года, адресованное в ЦК КПСС. В письме он сообщает данные, имеющиеся у КГБ на Ли Харви Освальда — убийцу Кеннеди.

«Прибыв в октябре 1959 года в СССР в качестве туриста, он (Освальд) обратился в Президиум Верховного Совета СССР с ходатайством о принятии его в советское гражданство и предоставлении возможности постоянно проживать в СССР.

В связи с тем, что Освальду было отказано в этой просьбе, он пытался покончить жизнь самоубийством, вскрыв вену на руке».

В гражданстве Освальду было отказано, «учитывая, что принятые ранее в советское гражданство американцы, прожив некоторое время в СССР, покидали нашу страну». Однако ему было предоставлено право временного проживания в СССР (в течение одного года).

«В соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 1 декабря 1959 года Освальда направили в Минск, где ему была предоставлена отдельная квартира и с учетом его желания он был трудоустроен на Минском радиозаводе. По линии Красного Креста Освальду оказывалась материальная помощь в размере 70 рублей в месяц».

Несмотря на это, через несколько месяцев Освальд последовал примеру своих предшественников и «стал настойчиво добиваться разрешения на выезд из СССР, в связи с чем установил официальную переписку с посольством США в Москве».

В июне 1962 года Освальд, успевший к тому времени вступить в брак с «советской гражданкой Прусаковой Мариной Ни-

колаевной, 1941 года рождения», выехал с женой в США. Но меньше чем через год супруги снова попросились в СССР.

«В октябре 1963 года Освальд посетил советское посольство в Мексике и снова обратился с просьбой предоставить ему политическое убежище в СССР, ссылаясь на то, что его, как секретаря прокубинской организации, преследуют агенты ФБР».

Это ходатайство было отклонено.

В конце письма Семичастный рекомендует «опубликовать в прогрессивной газете одной из западных стран статью с разоблачением попыток реакционных кругов США снять ответственность за убийство Кеннеди с действительных преступников — расистов и ультраправых элементов, виновных в распространении и росте насилия и террора в Соединенных Штатах. В статье показать намерение "бешеных", связанных с провокаторами и убийцами из числа контрреволюционной кубинской эмиграции, добиться поворота во внешней и внутренней политике США».

Записка Семичастного в Международный отдел ЦК КПСС от 10 декабря 1963 года, в которой сообщается, что, по словам Брукса (известный американский коммунистический деятель и агент КГБ), «Освальд по его возвращении из СССР обращался с письмом к деятелям КП США, в котором предлагал свои услуги по организации подпольной работы в пользу КП США и Кубы. Это обращение было расценено как провокация со стороны ФБР и на его письмо был дан ответ, в котором указывалось, что Америка свободная страна и всякая подпольная деятельность исключается и что КП США не нуждается в его услугах».

В этой же записке отмечено, что, «по мнению Г. Холла, официальному представителю советского посольства в США целесообразно посетить вдову Освальда, так как от нее, как русской и гражданки СССР, можно получить интересные данные о событиях в Далласе».

Однако, «по мнению резидента Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР в Нью-Йорке, поездка сотрудника советского посольства к жене Освальда нецелесообразна, так как эта поездка может быть использована правыми элементами США для антисоветской пропаганды, а также потому, что жена Освальда находится сейчас под усиленным надзором полиции».

Записка в Международный отдел ЦК КПСС за подписью Захарова, заместителя Семичастного, в которой излагаются «не-

которые разведывательные данные о политических целях и ближайших последствиях убийства Президента США Д. Кеннеди»:

«По некоторым данным, непосредственным организатором убийства президента Кеннеди является группа техасских нефтяных магнатов, располагающая большой экономической и политической властью не только в штате Техас, но и в других южных штатах США. Пользующийся доверием источник польских друзей — американский предприниматель, владелец ряда предприятий, тесно связанный с нефтяными кругами Юга, — сообщил в конце ноября с.г., что подлинными руководителями этой преступной акции являются три ведущих нефтяных магната Юга США — Ричардсон, Меркинсон и Хант, владеющие крупными нефтяными запасами в южных штатах и издавна связанные с профашистскими и расистскими организациями Юга».

«Дипломатический обозреватель газеты "Балтимор сан" Уорд в частной беседе в начале декабря с.г. рассказал, что по поручению группы техасских финансистов и промышленников во главе с миллионером Хантом ныне арестованный Руби предложил Освальду за убийство Кеннеди крупную сумму денег».

«Освальд был наиболее подходящей фигурой для совершения террористического акта против Кеннеди, поскольку его прошлое позволяло организовать широкую пропагандистскую кампанию с обвинениями в причастности к этому преступлению Советского Союза, Кубы и Компартии США.

Однако Руби и стоящие за ним подлинные организаторы убийства Кеннеди, подчеркнул Уорд, не учли того обстоятельства, что Освальд страдал психическим расстройством. Когда после длительного допроса Освальда стало ясно, что на суде он может признаться во всем, Руби немедленно ликвидировал Освальда».

Записка КГБ в ЦК КПСС от 12 декабря 1963 года:

«6 декабря 1963 года сотрудник ГРУ полковник Большаков Г.Н., работающий в агентстве печати "Новости", встретился на выставке американской графики с другом убитого Президента США Д. Кеннеди художником Уильямом Уолтоном.

Тов. Большаков познакомился с У. Уолтоном в доме Роберта Кеннеди в 1951 году и несколько раз встречался с ним в Вашингтоне.

9 декабря 1963 года У. Уолтон позвонил тов. Большакову и пригласил его на обед. (...)

Имея в виду возможность использования в будущем контактов тов. Большакова с Р. Кеннеди, было бы целесообразно организовать встречу У. Уолтона с тов. Аджубеем А. И. при участии в ней тов. Большакова.

Запись беседы тов. Большакова с У. Уолтоном прилагается».

Приложение: запись беседы тов. Большакова с У. Уолтоном — на 5 листах.

Запись беседы в пересказе Большакова:

«Уолтон подробно анализирует политическую ситуацию после убийства Кеннеди, останавливаясь на возможных кандидатурах на пост президента, дает характеристику Джонсону, высказывает опасение, что "в результате прихода Джонсона в правительство могут проникнуть представители большого бизнеса", передает "большой привет" Хрущеву от Роберта и Жаклин Кеннеди и рекомендует передать с ним "Роберту Кеннеди и его семье небольшие рождественские подарки. Это, сказал он, было бы очень приятно для Роберта Кеннеди, который считает вас своим другом"».

«Убийство президента Кеннеди показало нам, сказал Уолтон, что и вице-президент должен быть нашим человеком. Выбор Джонсона был ошибкой Д. Кеннеди. Мне, продолжал Уолтон, до сих пор неясно, почему он выбрал этого техасца. Когда Д. Кеннеди выбирал кандидата в вице-президенты, то было всего две кандидатуры — сенаторы Саймингтон и Джонсон. Р. Кеннеди написал их имена на бумажках и бросил в шляпу. Д. Кеннеди вытянул бумажку, на которой было написано "Саймингтон". Почему он изменил свое мнение — неясно».

Уолтон попросил Большакова помочь ему организовать встречу с Аджубеем и сказал, что «ему не хотелось, чтобы об этой встрече знали в посольстве. Он сказал, что по возвращении в Вашингтон сообщит о встрече со мной только Р. Кеннеди».

* * *

И те документы, которые вы сейчас прочитали, и следующие, касающиеся нашей роли в конфликте в Ольстере, — на модную в прежние годы тему «советской угрозы».

Но они интересны и с другой точки зрения. Будущий убийца Кеннеди — настоящий или подставной — сам предложил свои услуги КГБ, по своей инициативе приехал в нашу страну. КГБ испугался воспользоваться этой услугой.

Вашингтон

На встрече в Ванкувере с президентом США Биллом Клинтоном

В гостях у Джоржа Буша
в Кэмп-Дэвиде

Пришлось долго привыкать
к дипломатическим тонкостям

На встрече лидеров «семерки» в Токио. Фотография на память после официального обеда у императора Акихито

Президент РФ Б.Н. Ельцин встретился с католикосом Всея Грузии Илией Вторым в кафедральном соборе «Сиони» в Тбилиси

Президент РФ Б.Н. Ельцин, мэр Москвы Юрий Лужков и главный раввин России и СНГ Адольф Шаевич направляются на церемонию открытия мемориальной синагоги на Поклонной горе в память о евреях, погибших в годы Великой Отечественной войны

Опять — полет

Президент — президенту

С Папой Римским
Иоанном-Павлом II

Ирландцы из числа крайне левых сами из года в год выпрашивали у нас оружие.

Европа 60-х годов была накалена различными событиями, мир в целом был страшно наэлектризован. События просто кипели. Серия покушений на де Голля, студенческая революция, раскол в обществе по поводу алжирского кризиса — это Франция. Начало тяжелейшего североирландского конфликта в Великобритании. Война Египта и Израиля. Начало 60-х — Карибский кризис, убийство Кеннеди. Конец десятилетия — война во Вьетнаме, культурная революция в Китае. Наше вторжение в Чехословакию.

Словом, на планете пахло большой войной. Но что-то спасло человечество от катастрофы. И мне кажется, не стоит сегодня красить ту эпоху в черно-белый цвет. Мол, здесь «хороший» западный мир, там «плохой» коммунизм. Все было гораздо сложнее. Разъединившись, мир сумел каким-то непостижимым образом и объединиться. Контакты людей, контакты стран были гораздо плотнее, чем нам это теперь представляется. Цивилизации — западная и коммунистическая — взаимопроникали друг в друга. Реальными полюсами противостояния, вопреки логике военных конфликтов, были не Запад — Восток, а стабильность и агрессия. Представьте себе, что случилось бы в 30-е годы, если бы к СССР обратились ирландские коммунисты за оружием. Это оружие было бы поставлено за неделю. Был бы проявлен, я думаю, небывалый энтузиазм в этом вопросе.

Совсем не то — в новое время. Решение принимается долго, со скрипом. ЦК КПСС нудно обсуждает просьбу террористов. Годы проходят, а они все решают, как это проклятое оружие послать ирландцам; ужасно не хочется.

СССР отнюдь не стремился блокироваться с левацким в то время Китаем, с леваками-террористами во всем мире. Советское руководство принимает целый ряд решений о поддержке коммунистических режимов в мире, но наша политика — в пику американской, две огромные державы играют на противоречиях и трагедиях третьего мира. Принимается и смертельно опасное решение о вводе войск в Чехословакию. И все же в целом ценности стабильности побеждают. Побеждают вопреки очевидным реальностям холодной войны.

Еще раз подчеркну: обстановка на планете тогда была гораздо взрывоопаснее, чем теперь. И все же нежелание людей пере-

жить новую войну заставило политиков принимать ответственные решения.

Сегодня политического противостояния на планете нет. Но ситуация резко изменилась: состарилось воевавшее поколение, ушел куда-то в прошлое подсознательный страх перед ядерной катастрофой. Угроза исходит не от сверхдержав. Главная опасность — малые, локальные войны, межнациональные конфликты. То здесь, то там вспыхивает какая-то национальная антипатия.

Этнические конфликты — ядерная бомба уже нового века. Как и торговля оружием. И так же, как в 60-е годы протягивали друг другу руки люди разных цивилизаций, чтобы объединиться против войны, пытались понять друг друга через барьеры «государственники» разных стран, так и сегодня нам предстоит объединиться против угрозы новой войны.

Если не будет выработана система коллективной безопасности, система коллективной борьбы с угрозой возникновения малых войн, борьбы с бесконтрольной, разнузданной торговлей оружием, борьбы с политическим терроризмом и нарушениями международного права — мира в новом веке нам не видать.

Люди всегда хотели воевать, в то же время всегда хотели жить в мире. Такая двойственность свойственна человеческой природе. Абсолютно мирных эпох, к сожалению, не бывает, несмотря на все наши договоры. А это значит, что мир надо защищать. В любую эпоху.

Особенно сейчас эта угроза обостряется в связи с новой политической реальностью. Национальные войны на Балканах и на Кавказе с двух сторон приближаются к Турции, которая, в свою очередь, отнюдь не безразлична к судьбе своих соотечественников в Европе. А между тем расовые беспорядки начались в Германии. Ужесточается отношение к эмигрантам в других европейских странах. Что-то подобное происходит и в России. Этого допустить нельзя. Нельзя замыкаться в своих эгоистических национальных интересах.

Если мы допустим эскалацию расовой, этнической, религиозной розни — мир снова, как и в 60-е годы, окажется под угрозой глобальной войны. Тогда, мне кажется, его спасла цивилизация, распространение цивилизованных стандартов жизни, облегчивших миллионам людей понимание безнравственности войны.

И сегодня нужно искать тот же путь. И не жалеть усилий для достижения мира.

Из архива генсеков

Письмо М. О'Риордана в ЦК КПСС:

«Москва, 6 ноября 1969 г.

Дорогие товарищи,

1. Я хотел бы изложить в письменном виде просьбу об оказании помощи в приобретении следующих видов вооружения:

2000 автоматов (7,62 мм) и 500 патронов к каждому;

150 ручных пулеметов (9 мм) и 1000 патронов к каждому».

В письме изложена история создания ИРА и отмечено, что «между ИРА и ирландскими коммунистами всегда существовали более или менее хорошие отношения». «Мы не только совместно проводим многие действия социального и антиимпериалистического характера, но уже в течение более года существует и действует негласный механизм консультаций между руководством ИРА и Объединенным советом Ирландской рабочей партии и Компартии Северной Ирландии. Они неизменно принимают наши советы в отношении тактических методов, используемых в совместной борьбе за гражданские права и национальную независимость Ирландии».

Риордан пишет, что во время «августовского погрома» в Белфасте ИРА «не сыграла свою роль вооруженной защитницы, ибо ее боевой потенциал был ослаблен тем, что она ранее сосредоточила свои усилия на социальных протестах и просветительной деятельности».

Риордан не исключает в будущем возможности гражданской войны в Северной Ирландии и столкновения католического меньшинства с английскими войсками.

«Просьба о предоставлении оружия сделана именно в свете такого весьма возможного развития событий».

«Ко мне официально обратились с этой просьбой два руководящих деятеля ИРА (Катал Гоулдинг и Шомус Костелло)».

«Оружие может быть перевезено в Ирландию на морском буксире, который будет управляться небольшой отобранной и доверенной командой, состоящей из членов ИРА».

Записка в ЦК КПСС от 18 ноября 1969 года:

«Руководство ИРА дает обещание хранить в строгой тайне факт предоставления ей оружия Советским Союзом и обеспечить полную секретность перевозки его в Ирландию».

«В беседе с т. М. О'Риорданом указано на нецелесообразность предоставления оружия советского производства, по-

скольку это дало бы повод обвинить ИРА в том, что она действует “по указке Москвы”.

Считали бы возможным поручить Комитету государственной безопасности при Совете Министров СССР и Министерству обороны СССР рассмотреть просьбу т. М. О’Риордана, изучить возможность оказания помощи ИРА оружием иностранного производства и представить в двухнедельный срок свои предложения в ЦК КПСС.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается».

В проекте:

«Поручить Международному отделу ЦК КПСС, Комитету государственной безопасности при Совете Министров СССР и Министерству обороны СССР рассмотреть просьбу Генерального секретаря Ирландской рабочей партии т. М. О’Риордана и представить свои предложения в ЦК КПСС в двухнедельный срок.

Секретарь ЦК».

Далее следуют восемь записок Андропова в ЦК КПСС по этому поводу — первая от 8 января 1970 года, последняя от 9 марта 1973 года.

8 января 1970 года:

«Учитывая большую сложность обеспечения необходимой конспирации при доставке на территорию Северной Ирландии оружия и боеприпасов, а также то, что в последнее время в ирландской и английской буржуазной печати (“Айриш пресс”, “Таймс”) появились провокационные сообщения о якобы имевшей место поставке Советским Союзом оружия крайне правым протестантским элементам в Северной Ирландии, считаем целесообразным до окончательного решения вопроса об удовлетворении просьбы т. М. О’Риордана установить с ним контакт и выяснить его реальные возможности по обеспечению необходимой конспирации при передаче оружия и сохранению в тайне источника его получения».

7 апреля 1970 года:

«Тов. Риордану было сказано, что, прежде чем решать такой вопрос, необходимо тщательное изучение всех его аспектов. В частности, следует серьезно взвесить, какова будет вероятная польза от поставки оружия и каков может быть ущерб в случае провала операции.

Кроме того, внимание тов. Риордана было обращено на серьезные технические трудности, с которыми пришлось бы стол-

кнуться при проведении операции, и большой риск, связанный с возможностью ее разглашения. Это произвело на тов. Риордана заметное впечатление».

«Тов. Риордан с пониманием отнесся к осторожности, с которой мы подходим к решению данного вопроса».

21 октября 1970 года:

«Учитывая настоятельные просьбы тов. О'Риордана и его заверения в том, что друзьями будут приняты необходимые меры конспирации и безопасности при доставке оружия к месту назначения, Комитет госбезопасности разработал принципиальный план передачи в нейтральных водах ирландским друзьям имеющихся у нас в настоящее время 100 трофейных автоматов, 9 пулеметов и 20 пистолетов с боеприпасами.

Гранатометов, гранат, винтовок и другого мелкого оружия иностранных образцов у нас нет».

21 марта 1972 года:

«Тов. О'Риордан в течение более двух лет добивается положительного решения вопроса о нелегальной доставке любого количества оружия в Северную Ирландию. (...)

Затопленное оружие будет изъято только представителями Ирландской республиканской армии. Компартия Ирландии как в изъятии оружия, так и в его использовании никакого прямого участия принимать не будет. Все детали проведения операции известны только тов. О'Риордану».

Резолюция: «Хранить в архиве — указание тов. Черненко К. У.».

25 мая 1972 года:

«22 мая с. г. тов. О'Риордан специально прибыл в Москву с тем, чтобы ускорить решение этого вопроса. (...)

«Считая, что Советский Союз является единственным источником конспиративного получения оружия, тов. О'Риордан заявил, что он и впредь будет настойчиво добиваться положительного решения вопроса.

В связи с этим считали бы целесообразным вновь вернуться к рассмотрению просьбы тов. О'Риордана о нелегальной передаче ирландским друзьям небольшой партии трофейного оружия».

Письмо Риордана в ЦК КПСС от 3 июля 1972 года:

«Дорогие товарищи,

в ноябре 1969 года я обратился за помощью в виде военных материалов. (...)

Тот факт, что за два с половиной года не было ни малейшей утечки информации, свидетельствует, по моему мнению, о вы-

соком уровне ответственности в отношении сохранения тайны, если можно так выразиться. (...)

Как только вами будет принято политическое решение, я не буду принимать абсолютно никакого участия в операции по транспортировке, и моя роль сведется только к тому, чтобы передать техническую информацию об этом Шамусу Костелло. Транспортная и все другие операции будут осуществляться членами официальной ИРА, которые ничего не будут знать о том, откуда появились военные материалы и где их достали. (...)

Приложение к записке (постскриптум):

1. В течение двух с половиной лет, прошедших с ноября 1969 г., у меня состоялось много обстоятельных бесед с вашими техническими специалистами по вопросу о доставке военных материалов в Ирландию. (...)

Я не вижу более эффективного, более безопасного и более надежного способа, чем тот, который предложен вашими специалистами.

Единственной возможной альтернативой представляется следующая:

— КПСС обратится к кубинским товарищам;

— обещанные военные материалы должны быть направлены на Кубу; оттуда их нужно переправить на кубинском корабле в точку встречи где-то в океане и передать на ирландское судно, принадлежащее рыбакам — членам официальной ИРА. (...)

Таким образом, ни КПСС, ни я не будем фигурировать, и тогда вопрос будет решаться путем прямых переговоров между Костелло и кубинцами».

Записка Андропова в ЦК КПСС от 21 августа 1972 года:

«КГБ может организовать и провести такую операцию. (...)

План проведения операции прилагаю.

Андропов».

«План проведения операции по негласной передаче оружия ирландским друзьям (условное наименование операции — “Всплеск”).

Нелегальная передача ирландским друзьям оружия осуществляется путем его затопления в ночное время на глубину 40–42 метров в нейтральных водах в районе банки Стантон в 90 километрах от побережья Северной Ирландии.

Разведывательный корабль “Редуктор” по нашей просьбе уже был в намеченной точке проведения операции, провел предварительную разведку района и промер глубин.

Подготовленное для затопления оружие доставляется сотрудниками КГБ в Мурманск к моменту выхода из базы очередного разведывательного корабля ВМФ, грузится на корабль и сопровождается сотрудником КГБ, который организует и проводит операцию “Всплеск” согласно утвержденному плану.

В установленное нами время разведкорабль выходит в район банки Стантон и после проверки визуально и техническими средствами района опускает груз в обусловленной точке и немедленно покидает этот район.

Рыболовецкое судно друзей выходит в намеченную точку только спустя 2–3 часа, находит маяк (веху, обычно используемую рыбаками всех стран для обозначения сетей — в данном случае японского или финского производства), поднимает затопленный груз и доставляет его в один из ирландских портов, где по заявлению тов. О’Риордана обеспечивается его конспиративное снятие с судна и доставка в тайники.

Указанный метод проведения операции исключает непосредственный контакт нашего корабля с ирландским судном, и экипаж последнего не будет знать, кем был затоплен груз».

«Трофейное немецкое оружие в количестве двух пулеметов, семидесяти автоматов и ста пистолетов “Вальтер”, обработанное смазкой западногерманского производства, и 41 600 патронов к нему будут упакованы в 14 пакетов, весом 81,5 кг каждый.

Упаковочный материал и другие принадлежности, используемые в операции, приобретены через возможности резидентур КГБ за рубежом.

Подготовка имеющегося в КГБ трофейного оружия для передачи друзьям будет осуществлена специальной лабораторией КГБ.

С целью определения возможной принадлежности груза и упаковок Советскому Союзу одна из упаковок будет подвергнута всесторонней экспертизе в специальном научно-исследовательском институте.

На разведывательном корабле о характере груза никто знать не будет. Перед командованием корабля груз легендируется как опытная разведывательная подводная аппаратура, подлежащая затоплению в определенном районе Атлантики с последующим самоуничтожением.

Для отработки в деталях организационных вопросов, связанных с проведением операции “Всплеск”, предусматривается встреча с тов. О’Риорданом вне территории Советского Союза».

Это последний документ в папке, на нем история с оружием обрывается. Удалось ли М. О'Риордану дожать ЦК КПСС и выбить для наших «ирландских друзей» хотя бы несколько трофейных гранат и пулеметов — неизвестно. Вполне вероятно, что его настойчивость была вознаграждена и «друзья» еще не раз напомнили о себе взрывами и убийствами, от которых содрогнулся весь мир.

Выбор курса

С самого начала Андрей Козырев был очень спорной фигурой.

Я испытывал давление со стороны разных людей. Козырев прозападник, Козырев проамериканец, говорили мне. Государственные структуры все равно отторгнут от себя такого человека.

И я присматривался к министру иностранных дел долго, осторожно и внимательно.

Думаю, что выбор был сделан все-таки правильный.

Сохраняя опыт, школу, дипломатические традиции, старый советский МИД надо было реформировать. Козырев должен был наконец создать не на словах, а на деле модель мирной российской дипломатии.

Усилия Козырева лежат не только в традиционной плоскости — ограничение стратегических вооружений, российско-западные контакты. Перед ним стоят задачи совсем другого уровня. Россия выступает как гарант мира в разных регионах. И в «горячих точках» СНГ. И в Югославии. И в арабско-израильском узле. Здесь нужна совершенно другая школа дипломатии. Нужны более мобильные, современно мыслящие люди.

Одно дело, когда договаривались СССР и Запад, две достаточно высокоразвитые цивилизации.

Другое дело, когда за стол переговоров нужно посадить участников межгосударственного, межнационального конфликта или воюющие стороны в гражданской войне... В затяжной партизанской борьбе. Здесь речь идет о малых странах. Порой о малых народностях.

Это необычайно сложная, головоломная задача. Такую задачу перед США и Россией жизнь поставила недавно. Если хочешь сам жить в мире, гаси локальные конфликты, пытайся примирить воюющие стороны.

Молодость Козырева, его выдержка, его холодноватый профессионализм помогают ему не потеряться, не сломаться в этом

непрерывном, порой сводящем с ума потоке переговоров, инициатив, встречных инициатив, миротворческих планов и так далее. Я хорошо помню, как после изнурительной трехсуточной поездки по маршруту Москва — Лондон — Нью-Йорк — Вашингтон — Оттава — Москва, после девятичасового перелета, когда мы все уже падали с ног, он, как всегда, со сдержанной улыбкой, гладко выбритый, спустился с трапа президентского самолета и пошел к другому правительственному самолету — Ту-134. Он тут же, не заезжая домой, улетал на Ближний Восток. Когда я выразил ему сочувствие, он ответил: жаль, что душ придется только через десять часов принять, в гостинице. А так — все нормально.

Визит в Индию

Для России этот визит очень важен по нескольким причинам.

Во-первых, почему-то произошел разрыв в наших контактах в течение последних лет.

А ведь в наших связях никогда не было черных пятен. Мы жили дружно. Отношения с Индией — главная часть общей стратегии в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Во-вторых, есть какое-то особое чувство к Индии — мы страны хоть и очень разные, совсем непохожие внешне, но есть в нашей судьбе что-то общее. (Не случайно у нас так любят индийское кино.) Мы, пожалуй, так же сентиментальны. Так же очарованы своей страной, своей природой, своей историей и культурой.

Ну а если говорить серьезно — был очень важен этот визит как проверка новой внешнеполитической стратегии в отношении так называемых третьих стран.

Бывший Союз расценивал Индию как форпост борьбы с мировым империализмом (то есть с США) и одновременно с так называемым гегемонизмом (то есть с Китаем). Разыгрывалась всегда довольно тонко эта индийская карта. Но мы не хотим ее больше разыгрывать! Мы не хотим, чтобы две страны договаривались против третьей — то, чем так всегда гордился советский МИД, деля весь мир на зоны влияния, устанавливая везде свои маленькие, но форпосты, которые позднее рушились.

Третьи страны — это как раз и есть эти форпосты, эти «карты», которые разыгрывают в борьбе каких-то двух сил, двух лагерей.

А на самом деле никаких третьих стран давно уже нет. Устарел этот термин.

Это совершенно особый мир со своей судьбой, своей борьбой за лидерство, своей уникальной и своеобразной культурой, который становится все сильнее, все меньше зависит и от американцев, и от нас...

Разве можно смешивать бурно развивающиеся страны Южной Америки — ту же Аргентину с Бразилией — и действительно слаборазвитые, охваченные междоусобицей африканские страны?

И как не похожа балканская Европа, югославская, кавказская даже на соседнюю Турцию. Эта страна удерживается от любых агрессивных внешнеполитических демаршей, для нее главный приоритет — благосостояние, выдержка, мир.

Поэтому, когда говорят, что ельцинское правительство изменило многовековые приоритеты русской политики, политики российской империи, это полная чушь.

Никогда Россия не пыталась противопоставить себя западному миру. Наоборот, она тянулась всегда в этот круг, в цивилизованную Европу. И всегда с кем-то договаривалась, объединялась, начиная аж с восемнадцатого века. Конечно, мощную и необъятную Россию уважали, даже побаивались. И правильно делали. Но не боялись! Понимание истории, которое пропагандируют сегодня в России «непримиримые», антиисторично. Оно рассчитано на неграмотных.

Россия блокировалась с Англией и Австрией, с Германией, с Францией — с разными странами, в зависимости от обстоятельств.

Был лишь один эпизод, когда почти все выступили против России, — Крымская кампания.

Мы возвращаемся туда, где были всегда, — в Антанту, если хотите, в союз с западными державами. Но возвращаемся более сильными и более мудрыми, усвоившими горькие уроки тоталитаризма (сталинского коммунистического фашизма) на своей шкуре.

Было время, когда СССР противостоял всему остальному миру, пытаясь очень многим странам навязать свою волю, очень многих втянуть в сферу своего влияния, то есть играл роль мирового жандарма. Но не надо изображать эту роль как глубоко традиционную, правильную в историческом контексте, мудрую и стратегически выверенную.

Это была ложная, даже фарсовая роль.

Теперь мы становимся лишь одной из сильных стран, но со сложной, специфической судьбой...

* * *

Человек в пятнистой форме...

Он стал таким же символом века, как ядерная бомба, жевательная резинка, рок-звезды и так далее. Человек с автоматом на плече, в тяжелых ботинках ступающий по земле, делающий свою грубую и порой жестокую работу.

Мы в нашей стране долгое время жили в каком-то счастливом неведении. Хотя страна у нас была милитаристская, агрессивная, и для народа не было секретом, как далеко летают наши парни, наши военспецы, где стоят наши ракеты, но этих людей в пятнистой форме мы видели только в кино. Наша армия работала не здесь, не у нас, а где-то там, в этих самых странах третьего мира.

Возникает вопрос: неужели Россия стала «банановой республикой», если тут все время идут перевороты, если люди в пятнистой форме (наши спецназовцы и десантники) уже «работают» в Москве, если только благодаря их участию удалось потушить пожар гражданской войны, вспыхнувший в недрах бывшего парламента?

...Ответ на такой вопрос простым быть не может. Там, где мир балансирует на грани, всегда появляются эти парни, другое дело, чей приказ они выполняют, кто ими командует — силы мира или войны. Похоже, что в последние годы их роль становится все более сдерживающей, стабилизирующей, идет ли речь о силах ООН, о наших ли Российских Вооруженных силах, которые на территории СНГ играют все чаще ту же функцию сдерживания. Человек в пятнистой форме — главное действующее лицо и на Кавказе, где дети растут с ощущением, что война была и будет вечной.

За гарантии всеобщего мира неожиданно пришлось заплатить большую цену. Джинн войны проснулся у нас дома.

Не случайно, что однажды он появился в Москве. В России. В совершенно мирной стране, которая не собиралась воевать. В стране, которая занята сейчас исключительно собственными экономическими проблемами. Советский Союз, который стал по-другому называться, все-таки остался единым пространством. Невозможно нам здесь отгородиться от того, что происходит в республиках.

То, что наши страны, скажем, Грузия и Россия, связаны поистине одной цепью, доказали события в Абхазии. Страшная трагедия грузин, вынужденных сотнями бежать из огненной

Абхазии. Нестабильность в России немедленно повлекла за собой срыв мирных договоренностей, эскалацию бойни.

Терроризм и экстремизм — явления интернациональные. Политические игроки в бывшем российском парламенте не смогли найти опору в армии — они нашли ее в тех регионах, где сейчас полыхает война. Вооруженную опору, обученные отряды боевиков. Пожар войны на бывших окраинах России лизнул и ее сердце — Москву.

Как установить сегодня мир на Кавказе?

Я думаю, этот будущий мирный проект лежит на путях экономического развития. Ведь воюют сейчас не диктаторские, а демократические режимы. Всем лидерам предстоят выборы. Что они предложат людям, кроме воинственных лозунгов? Нужно начинать что-то производить и торговать. Нужно начинать богатеть (на что и была надежда при возникновении самостоятельных государств). Нужно искать контакты со всеми, кто хотел бы вложить деньги в страну. А для этого — прекращать военные действия.

Помимо задач экономической интеграции, задач коллективной безопасности, политического сотрудничества — перед нами стоит задача заново создать на бывшей территории СССР единое духовное пространство. Вернее, надо не дать его разрушить, постараться регенерировать, спасти то, что еще до конца не успело отмереть.

Сейчас контакты между народами, между нашими культурами, между людьми как бы пущены на самотек. Вместо того чтобы помочь этим контактам развиваться, мы их затрудняем таможнями, границами, паспортным контролем. Вместо того чтобы сохранять единую культуру, поневоле разрушаем ее (скажем, стало невозможно подписаться на московские издания в республиках). Неужели мы не понимаем, что человеческую общность, пусть даже возникшую при тоталитарном социализме, надо охранять, как охраняем лес, чистую речку, чистый воздух? Что подход здесь должен быть не просто политическим, но и нравственно-экологическим?

Парадокс — не кризис экономики тянет за собой духовную разобщенность, как это должно быть по логике вещей, а, напротив, комплекс сиротства, охвативший простых людей после разделения Союза, тянет за собой это экономическое недоверие, которое никак не удается преодолеть.

Примерно такой подход я хотел бы видеть в отношении стран СНГ к проблемам Кавказа.

Кавказ — совершенно уникальный, невиданный регион. Здесь живут сотни национальностей, я ничуть не преувеличиваю. Здесь как бы заповедник, вместивший в себя и удивительную природу, и крошечные, малочисленные горные народности со своим языком и культурой, традициями и обычаями, и образ жизни, впитавший в себя все эпохи, практически всю историю развития человечества.

Однако в уникальности Кавказа и состоит секрет его неуправляемости. Центральное правительство не в состоянии проконтролировать, даже если оно этого и хочет, всю территорию — и люди продолжают воевать, только не кинжалами и винтовками, как в прошлом веке, а танками и ракетами, разрушая свою уникальную цивилизацию, свой удивительный природный и этнический заповедник.

Именно духовное братство, о котором я говорил чуть выше, стратегия стабильности на всем пространстве СНГ, от которой зависит и стабильность в России, заставляют нас искать пути предотвращения этнической катастрофы, по масштабам превосходящей даже югославскую. Мы не можем дать погрузиться в тартарары целому региону, а такая опасность существует. Ручная ядерная бомба на Кавказе — такая перспектива уже не сюжет для фантастического фильма.

Подводя итог своим размышлениям о едином пространстве, о ценностях стабильности в СНГ, я с горечью могу констатировать, что, несмотря на довольно частые встречи лидеров стран СНГ, сегодня эта проблема не решена, а, напротив, осложнилась. Комплекс отчужденности все больше вмешивается в наши нормальные, традиционные связи. И больше допускать этого мы не можем.

Вместо механизмов взаимопроникновения, взаимовлияния, которые работали под административным нажимом в эпоху брежневского застоя, надо вводить новые, на экономических, цивилизованных основах. Надо отказываться от лишних барьеров, мешающих человеческому общению. Надо помнить, что реально для живущих на одной шестой части света все пока по-прежнему — это еще единая страна, и, разделяя ее, мы режем по живому.

* * *

Война в бывшей Югославии — боль Европы, боль всего мира. Сейчас это, наверное, самый сложный вопрос нашей внешней политики. Не случайно министр Козырев дни и ночи — где бы он ни был — проводит у телефона, консультируясь с по-

средниками, ведя переговоры с конфликтующими сторонами. Для нас подоплека этого конфликта состоит из таких слоев.

Первый слой на виду: Югославия — модель Союза. Тоже клубок исторических проблем. Тоже «букет» наций, уникальный в Европе (наш «букет» простирается еще и на Азию). Тоже разные люди, оказавшиеся под одной крышей. Тито — один из самых «розовых» диктаторов XX века (вторым таким можно считать Франко), при нем страна просто расцвела. Но искусственно сконструированная политика не учитывала заложенных в народе конфликтов. Проблемы Югославии начались как цепная реакция на события в Советском Союзе. И тут же страну охватил пожар.

Поэтому к проблеме военного вмешательства в югославский конфликт мы относимся особенно осторожно — слишком похоже.

Второй слой. Наши отношения с другими великими державами. Почему США так настаивают на нашем вооруженном участии в санкциях против агрессора (им считается Сербия)? Чтобы создать международный прецедент. Он в принципе уже есть — это наша поддержка «Бури в пустыне», колоссальной акции Президента США Буша и ООН против Ирака. Когда наши две страны четко договариваются о совместных действиях, это производит на мир впечатление, помогает сформировать общую позицию международного сообщества. И если кто-то идет против его воли — санкции неизбежны. Такой подход в мировой политике стал возможным только сейчас, благодаря новой российской политике.

Но, понимая важность совместных действий, мы бы не хотели выглядеть слишком послушными, управляемыми. Тем более быть ими. Это вредит и нашему авторитету, и доверию к нашей политике, и балансу сил в Европе и в мире, а главное — самой Югославии. Всегда необходим кто-то, кто выступает в роли адвоката, представителя интересов той страны, которой грозят санкции. Иначе жди «войны до победного конца». Навязывать жесткие решения — это тоже позиция, тоже линия поведения, но до какого-то предела. Таким пределом я считаю обстрел Багдада американцами, исходя из разведданных.

Российский и украинский батальоны входят в состав сил ООН, наши парни рискуют собой, надев голубые каски, а какие-то «добровольцы» — хотелось бы вообще на них посмотреть, поговорить с ними — играют в солдатиков на стороне воюющих сербов.

Конечно, их немного, но какой резонанс этот факт вызвал в Югославии! Аргументы просербских политиков с нашей стороны таковы: это наши братья-славяне, мы обязаны их защищать в силу национально-религиозных причин. Мы их и защищаем! Защищаем, причем в условиях международной изоляции. Кроме как на меня и на Козырева сербам сейчас реально не на кого в мире положиться. Однако делаем мы это в рамках общих для всех международных правил, и никак иначе. А спекулировать на том, что «маленьких обижают», — грешно. В этой войне правых и виноватых нет.

РОССИЯ. ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

1992 ГОД

Январь

2 января в Москве началась давно обещанная либерализация цен. Нынешнее повышение коснется не только продовольствия, но и промышленных товаров и услуг. Большинство магазинов закрылось на переучет, на прилавках работающих — почти пусто.

Прекратил свою деятельность Сбербанк СССР.

Со 2 января в среднем в 5 раз повысятся цены за проезд в электричках — так решил трудовой коллектив Октябрьской железной дороги.

С 1 января 1992 года вступило в силу соглашение между Москвой и Вашингтоном о прекращении военных поставок в Афганистан.

Вечером 2 января по грузинскому ТВ, которое контролируется оппозицией, было передано обращение Военного совета оппозиции к народу. В нем говорится, что президент Гамсахурдиа, узурпировавший власть, свергнут. Власть переходит к Военному совету. С 3 января в Тбилиси введено чрезвычайное положение и комендантский час. Пока в Грузии двоевластие.

Безрезультатно закончились в Киеве переговоры командования Черноморского флота с руководством Украины.

В магазинах нет мяса, молока, масла. Яйца во многих магазинах стоят 18 рублей десяток.

Казахстан направил заявление о приеме в члены ООН.

Президент Грузии Гамсахурдиа 6 января покинул свой бункер и скрылся в неизвестном направлении. До этого он провел пресс-конференцию, на которой сказал, что путчисты вскоре будут разгромлены.

По данным РИА, Гамсахурдиа пересек границу Азербайджана и направился в Баку.

Указом Президента Казахстана Н. Назарбаева с 6 января республика тоже переходит на свободные цены.

7 января в Риге весь день не ходили автобусы — не хватает дизельного топлива. Латвия предложила России расплачиваться

за транспортировку нефтепродуктов через Вентспилс 4–6 процентами горючего. За продовольствие, которым обеспечиваются находящиеся на ее территории армейские части бывшего СССР, тоже предложено платить нефтью.

Указом Президента России Ельцина Силаеву присвоен ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла.

С 10 января правительство РФ вводит запрет на вывоз за пределы республики «остродефицитных товаров народного потребления и отдельных продуктов питания».

В соответствии с провозглашенным принципом безъядерной державы на Украине началось снятие с вооружения тактического ядерного оружия.

13 января в ходе протокольной встречи спикера Хасбулатова с делегацией итальянских сенаторов спикер, говоря о положении дел в России, заявил, что «сейчас складывается такая ситуация, когда уже можно предложить президенту сменить практически недееспособное правительство».

Из окружения бывшего Президента СССР стало известно, что Горбачев занимается в настоящее время подготовкой книги о событиях, произошедших в декабре прошлого года.

Западные комментаторы отметили беспрецедентную резкость высказываний Хасбулатова и называют их «первым прямым вызовом правительству в целом». Корреспондент агентства Рейтер обнаружил схожесть в позициях Хасбулатова и Руцкого.

С 13 января Белый дом становится местом размещения единственного государственного института — ВС РФ. Президентские службы располагаются в Кремле, где находится и официальная резиденция президента, правительственные — в комплексе зданий бывшего ЦК КПСС на Старой площади.

Принято решение о безвозмездной передаче четверти государственной собственности в распоряжение трудовых коллективов.

15 января Гамсахурдиа прибыл в Сухуми, где провел ночь, после чего отправился в Зугдиди. Там он выступил на митинге и призвал своих сторонников идти на Тбилиси и объявил о начале гражданской войны.

17 января после недельной забастовки возобновили работу все шахты Карагандинского угольного бассейна, кроме одной.

«В случае провала экономических реформ нынешнее правительство России уступит место новой администрации, но про-

блема состоит в том, что ему на смену может прийти такое правительство, которое не будет демократическим», — сказал Гайдар в интервью японской «Токио симбун».

18 января в кабинет председателя КГБ въехал новый хозяин — Баранников.

Выйти в первом квартале этого года на бездефицитный бюджет России не удастся. Об этом заявил 21 января вице-премьер Гайдар. В лучшем случае, сказал он, дефицит составит примерно 11,5 миллиарда рублей.

Приватизация комнат и квартир началась. Первые свидетельства, удостоверяющие собственность на жилье, подписаны Лужковым.

С 1 марта в Москве подорожает проезд на всех видах транспорта. Поездка на любом виде транспорта будет стоить 50 копеек.

ВС России обсудил бюджетное послание президента Ельцина. В качестве главного аргумента в пользу жесткости проекта бюджета предложивший его парламенту вице-премьер Гайдар выдвинул тезис о том, что любая попытка увеличить статью расходов неминуемо станет толчком для гиперинфляции. Главный принцип проекта бюджета — жесточайшая экономия.

На начало января государственной службой занятости было зарегистрировано 60 тысяч безработных в России. В октябре в России будет 7–8 миллионов безработных, считает председатель Комитета занятости населения РФ Прокопов.

Сенсационное заявление сделано 25 января Ельциным в интервью телекомпании Эй-би-си. По словам российского президента, размещенные на территории республики ядерные ракеты отныне не будут нацелены на США.

После предстоящего сокращения Вооруженных сил бывшего СССР на 700 тысяч человек, о котором заявил Ельцин, численность Вооруженных сил СНГ составит 2,5 миллиона человек.

После краткого рабочего визита в Великобританию Ельцин отбыл в Нью-Йорк, где примет участие в заседании Совета Безопасности ООН на уровне глав государств и правительств.

Февраль

«Цены правительство России повышать не будет», — опроверг Бурбулис слухи о новом взлете цен.

Хасбулатов с семьей прописался в доме № 10 по улице Щусева (площадь — около 400 квадратных метров). Ранее квартира предназначалась для Брежнева.

Из тюрьмы «Матросская тишина» член ГКЧП, председатель агропромышленного объединения «Новомосковское» Стародубцев призвал свой коллектив сохранить АПО как жизнеспособную структуру.

«В России началась гиперинфляция», — заявил 6 февраля Хасбулатов на встрече с делегатами американского фонда им. Карнеги.

Митинг «Трудовой России», «Трудовой Москвы», РКПР и других прошел на Манежной площади. По оценке участников, он собрал около 100 тысяч человек. Звучали голоса в защиту милиции, Советской армии, советской власти, против запрета КПСС и РКП, протесты против развала страны.

11 февраля резко обострилась обстановка в Нагорном Карабахе. Кровопролитные бои приводят к многочисленным жертвам.

14 февраля за доллар в Сбербанке давали 120 рублей.

Госсекретарь США Бейкер прибыл в Москву. Здесь он проведет переговоры с Ельциным, начало которым было положено в Кэмп-Дэвиде.

Кравчук заявил корреспондентам в Киеве, что Ельцин не имеет права вести переговоры о стратегическом разоружении от имени всего СНГ.

Бывший Президент СССР Горбачев в интервью «Эху Москвы» подверг критике действия нынешних руководителей стран — участников СНГ. Горбачев сказал, что поражен «дряблостью, вальяжностью и безответственностью, с которой они действуют в условиях ускорения дезинтеграционных процессов».

Доступ к архивам ЦК КПСС с марта 1992 года будет открыт для всех желающих. Нужно только зарегистрироваться в читальном зале Центра хранения современной документации, официальная презентация которого намечена на 25 февраля.

Вице-президент Руцкой в интервью газете «Вангурдиа» (Испания) высказался за прекращение судебного процесса над членами ГКЧП. «Мы не должны создавать прецеденты, которые могут привести к непредсказуемым последствиям», — сказал он.

ВС РФ принял постановление о парламентском контроле за деятельностью органов государственной безопасности.

С предупреждением о возможном значительном сокращении производства продуктов питания в России выступил Госкомстат РФ.

С призывом восстановить единое информационное пространство СНГ обратился к руководителям средств массовой информации Аскар Акаев. Уже сегодня население региона не получает многих изданий, на очереди сокращение вещания ЦТ и московского радио.

Март

Новые назначения в высшем звене правительства России: Гайдар стал первым вице-премьером, Махарадзе — вице-премьером — явились полной неожиданностью даже для ближайшего окружения властей. Отсюда вывод: инициатива коррекций в расстановке сил на сей раз принадлежала президенту. Ранее, как правило, он выносил такие вопросы на обсуждение в узком кругу доверенных лиц.

Как стало известно, оппозиция в Чечне готовится к свержению Дудаева вооруженным путем.

Шеварднадзе прибыл в Тбилиси. Во время правления Гамсахурдиа он не имел возможности жить в родной республике.

Открыт Международный фонд социально-экономических и политологических исследований — «Горбачев-Фонд».

Россия и остальные страны СНГ готовятся к освобождению цен на нефть после отопительного сезона.

Состоялось совещание лидеров движений, партий, депутатов разных уровней Советов, редакторов «патриотической» печати. В нем приняло участие 25 партий, движений и организаций. Было решено создать объединенную оппозицию.

Вице-президент России Руцкой подтвердил факт наличия ядерного оружия на территории Армении и Азербайджана. Он, однако, пояснил, что доступ к этому оружию и применение его «исключены на тысячу процентов».

Генпрокурор России Степанков на пресс-конференции 10 марта заявил, что попытки бывших депутатов бывшего СССР провести самостийный съезд не имеют правовой основы.

В Армении и Азербайджане ядерного оружия нет уже более двух лет, так заявили в Генеральном штабе ОВС СНГ.

Президент Украины Кравчук приостановил вывоз тактического ядерного оружия с Украины, так как «в силу нестабиль-

ности и неразберихи нет уверенности в том, что вывозимое за пределы республики ядерное оружие уничтожается, а не попадает в недобрые руки».

Бывший Президент США Никсон выступил с резкой критикой политики администрации Буша в отношении России. Он утверждал, что Ельцин является самым «западным» политиком в истории России.

Ряд народных депутатов бывшего СССР от имени оргкомитета по подготовке шестого съезда выступили с заявлением, что не собираются слагать депутатские полномочия, так как только избиратели могут отозвать их.

30 марта резко обострилось положение в Западной Грузии. Вооруженные сторонники Гамсахурдиа нарушили достигнутые ранее договоренности с Госсоветом и заняли города Сенахи, Хоби, Абаша и Поти.

Руцкому от имени барона Неймала Карабаха (Австралия), президента Всемирной конфедерации рыцарей, были вручены почетный диплом и высшая награда рыцарского ордена — «Белый крест». Он удостоен награды за «беззаветное служение своему народу» и за защиту демократии в августе 1991 года.

Вице-премьер российского правительства Шахрай подал 30 марта на имя Президента России прошение об отставке. Причины — «кампания по досрочному лишению депутатских полномочий членов российского правительства».

31 марта подписан Федеративный договор Российской Федерации. Проект договора не был парафирован только представителями Татарстана и Чеченской Республики.

Апрель

Ельцин отверг возможность отставки нынешнего кабинета министров на предстоящем съезде. «Нам нельзя на съезде “отдать на съедение” реформаторское правительство, которое действительно является реформаторским, — заявил он, — это смелая, дружная молодая команда».

Хасбулатов представил альтернативную экономическую программу и заявил, что парламент возглавляет оппозицию ходу реформы. Название — «О дальнейшем развитии экономической реформы в России». По существу, в документе отражены взгляды академиков Петракова и Шаталина. Хасбулатов назвал их в числе основных разработчиков «материала». Речь в документе идет о

притормаживании начавшихся рыночных процессов для того, чтобы сначала создать в стране рыночную инфраструктуру.

2 апреля доллар США был равен 160 рублям.

По поводу экономической программы, представленной Хасбулатовым, задали вопрос академику Шаталину, который заявил, что документ — «грубая провокация, рассчитанная на использование моего имени для нанесения непоправимого ущерба коренным интересам России». Удалось выяснить, что и Явлинский не имеет к документу никакого отношения.

6 апреля открылся шестой съезд народных депутатов РФ. Хасбулатов призвал депутатов провести его в духе гражданского согласия. Состоялось обсуждение повестки дня. Два вопроса более всего волновали депутатов: проект новой конституции и ход экономических реформ.

Визит Руцкого в Приднестровье сильно осложнил отношения Молдовы и РФ, и без того напряженные. Правительство Молдовы выступило с протестом против грубого вмешательства, «напоминающего имперскую практику». В телеграмме Ельцину от правительства Молдовы высказывания Руцкого в Тирасполе названы «безответственными».

7 апреля Ельцин выступил на съезде с докладом о ходе экономических реформ. Президент напомнил, в каком критическом положении была страна к концу прошлого года. На пятом съезде, сказал он, было принято единственно правильное решение — курс на реформы. Резко ужесточилась бюджетная политика, главная цель — избежать гиперинфляции. Ельцин достаточно высоко оценил первые результаты реформ.

Одним из событий первого дня съезда было выступление Руцкого с впечатлениями о поездке в Приднестровье. Позиция его была однозначна: русская армия должна защищать русских, где бы они ни находились. Его спросили, должна ли русская армия защищать интересы русских, к примеру, в Канаде. Внятного ответа не последовало.

Би-би-си: «В последнее время Хасбулатов нападал на Бурбулиса даже более ожесточенно, чем на Гайдара, не называя его по имени, а говоря о “некоторых преподавателях научного коммунизма”».

По сообщению «Известий», поздно вечером 7 апреля Председателю ЦБ России Матюхину позвонил Руцкой и потребовал выделения 7 миллиардов рублей для банка «Возрождение». Когда Матюхин отказался, Руцкой пообещал его уволить.

9 апреля Ельцин подписал указ о переходе под юрисдикцию РФ Черноморского флота. Ранее аналогичный указ о переходе ЧФ под юрисдикцию Украины был подписан Кравчуком.

Уровень инфляции в России составляет один процент в день. Эту цифру сообщил депутатам шестого съезда председатель парламентской комиссии по планам, бюджету и ценам Починок.

Горбачев вызван в Генеральную прокуратуру России на допрос в качестве свидетеля по делу о финансово-хозяйственной деятельности КПСС.

Западные правительства ясно дали понять, что они отреагируют отрицательно на уход команды Гайдара.

Возобновился вывоз тактического ядерного оружия с территории Украины в Россию, ранее приостановленный Кравчуком.

Президенты Украины и России договорились прекратить действие своих указов относительно Черноморского флота.

Значительную часть своего заключительного выступления на шестом съезде народных депутатов России президент Ельцин посвятил взаимоотношениям между исполнительной и законодательной властью. Он подверг резкой критике попытки лишить реальной власти исполнительные органы на съезде, но сказал, что убежден в том, что диалог между законодательной и исполнительной властью будет налажен.

22 апреля учителя Москвы перекрыли движение на Тверской у стен Моссовета, требуя социальной защиты.

Лидеры «большой семерки» подтвердили свою готовность содействовать реформам в России. «Семерка» готова предоставить СНГ пакет помощи общим объемом в 24 миллиарда долларов.

За 4 месяца этого года количество фермерских хозяйств в РФ удвоилось.

Бастуют московские медики. Их средняя зарплата остается самой низкой в Москве и составляет 774 рубля.

МВФ и Всемирный банк реконструкции и развития проголосовали за то, чтобы принять в свои ряды Россию и тринадцать других — за исключением Азербайджана — бывших советских республик.

Как сообщили в Литве, Горбачев согласился выступить в качестве свидетеля по делу о состоявшемся в Вильнюсе в январе 1991 года военном нападении, в результате которого погибли 17 человек.

На 26 мая назначено заседание Конституционного суда России, который рассмотрит ходатайство группы депутатов РФ о несоответствии Основному закону указов президента Ельцина о роспуске КПСС и изъятии ее имущества.

Май

С 1 мая вступает в силу Закон Российской Федерации «О повышении минимального размера оплаты труда». Этот минимум установлен в сумме 900 рублей в месяц.

В Санкт-Петербурге принято решение о взимании трех новых местных налогов — на рекламу, на проведение аукционов и лотерей и на продажу спиртных напитков.

Канцлер ФРГ Коль заявил, что Германия достигла предела своих возможностей в оказании помощи республикам бывшего СССР, и призвал помочь США и Японию.

Судя по заявлению Бурбулиса, Москва решила выполнить контракт на поставку ракетных двигателей для Индии вопреки нажиму США.

С 7 мая в России водка и питьевой спирт реализуются по свободным ценам. Фактически отменяется государственная монополия на производство крепких напитков, а вина и пиво могут производить предприятия любой формы собственности.

Указом Ельцина объявлено, что с 7 мая 1992 года он вступил в должность Верховного главнокомандующего Вооруженными силами РФ.

Россия подала заявку на вступление в Совет Европы в качестве полноправного члена.

Минюст России вынесло «Официальное предупреждение Российской коммунистической партии», программа которой порочит честь и достоинство органов власти и управления РФ, президента.

Указом Президента Казахстана Н. Назарбаева объявлено о создании вооруженных сил республики.

Горбачев опроверг слухи, что за каждое выступление в США получает по 100 тысяч долларов.

Ельцин подписал 12 мая проект правительственного постановления о повышении цен на энергоносители.

15 мая в выпуске ночных новостей «Останкино» показали выступление Ельцина. Депутат Исаков оценил вид президента

во время выступления как подозрительный, обвинил его в злоупотреблении алкоголем и призвал ВС дать оценку случившемуся. Исаков выступил на сессии ВС России, возобновившей свою работу.

ВС Украины предписал ВС Республики Крым до 20 мая отменить Акт о провозглашении государственной самостоятельности.

С 18 мая цены на энергоносители в России увеличиваются в 5–6 раз согласно подписанному президентом постановлению правительства.

Лидер Приднестровья Смирнов предложил генералу Макашову пост военного советника. Президент Молдовы Снегур заявил на пресс-конференции в Кишиневе, что Макашов предложение принял.

МИД Эстонии предупредил, что с 20 мая в республике устанавливается особый режим въезда для граждан СНГ.

Н. Назарбаев 19 мая в Вашингтоне встретился в Белом доме с Президентом США Бушем. Результат двухчасовых переговоров удовлетворил обоих.

В 15 российских городах действуют инициативные группы «Трудовой России» по сбору подписей в поддержку проведения референдума об отставке Ельцина.

ЦБ РФ повысил процентные ставки по кредитам коммерческим банкам до 80 процентов годовых.

Моссовет намерен установить крест на пьедестале бывшего памятника Дзержинскому на Лубянской площади с целью увековечить память жертв репрессий органов госбезопасности.

Данные Центра экономических и политических исследований показывают, что до либерализации цен за порогом нищеты находилось 60–80 процентов населения. Теперь этот процент растет.

Решение Президента России о выводе 14-й армии из Приднестровья вызвало бурную отрицательную реакцию населения. Российские военные части были блокированы местным населением.

Июнь

С 1 июня во многих регионах бывшего СССР повышены или отпущены цены на некоторые продукты питания и услуги.

Постановлением ВС РФ 12 июня объявлено государственным праздником страны — Днем независимости.

Сахалинцы готовятся к Дню Южных Курил — акции, направленной против передачи Южных Курил Японии.

Президент Молдовы Снегур обвинил Руцкого в способствовании агрессии 14-й армии в республике.

Подали в отставку руководители Центробанка России Матюхин и Рассказчиков.

Гайдар, выступая в телепередаче «Итоги», обвинил парламент и Хасбулатова в создавшемся дефиците наличных денег.

В Кремле во время приема вице-президентом России семьи Романовых Руцкой подарил великому князю Георгию макет истребителя и настоящую казацкую шашку.

В Москве с 6 июня вводятся свободные цены на хлеб, молоко и кефир. Распоряжение об этом подписал Лужков.

Провал — так оценила группа Явлинского экономические достижения нового правительства.

Обнародованы новые имена российских вице-премьеров — Салтыкова, Хижи, Черномырдина, Чубайса и Шумейко. «Это, — заявил президент на встрече с парламентской группой “Реформа”, — укрепление команды Гайдара специалистами-практиками, которые имеют опыт работы в отраслях и являются сторонниками реформы».

Два дня находился на Среднем Урале Ельцин, прилетевший туда из-за болезни матери. Во время одной из встреч с земляками Ельцин сказал, что полный отпуск цен на топливо возможен лишь с весны 1993 года.

Цена доллара на очередных торгах 11 июня — 112,3 рубля за доллар, объем продажи — 36 550 000 долларов.

13 июня на совещании членов КПСС был исключен из рядов партии Горбачев — «за развал партии и государства».

Президент Ельцин 15 июня отбыл с государственным визитом в США.

В день отлета президента Ельцина в США им подписан Указ: «Возложить исполнение обязанностей Председателя Правительства РФ на Гайдара Егора Тимуровича».

Семнадцать нардепов заявили о недоверии Ельцину и правительству России.

Дискриминационные меры в отношении прессы введены в ВС России. Отныне на заседания президиума будут допускаться лишь представители ИТАР-ТАСС, РИА и «Интерфакса».

Президенты США и России удивили всех, когда после первого же раунда встречи в верхах объявили о таких сокращениях стратегических вооружений, которые вчера еще невозможно было представить. Договоренность предполагает, что к 2003 году общие запасы ядерного вооружения будут сокращены более чем в три раза.

Горбачеву, находящемуся в Израиле с частным визитом, присвоено звание почетного доктора философии университета им. Бар-Илена.

Встреча президентов России и США завершилась подписанием более 39 документов.

Украина одобряет Договор между США и Россией о сокращении стратегического ядерного оружия, исходя из того, что Киев принял решение ликвидировать ядерные арсеналы и стать безъядерным государством. Об этом заявил на пресс-конференции Кравчук.

Шеварднадзе направил открытое письмо Руцкому. В нем он обвиняет Руцкого в агрессивных намерениях по отношению к суверенному государству.

В ночь с 22 на 23 июня у телекомплекса «Останкино» произошло столкновение между бойцами ОМОНа и участниками митинга, который был организован вопреки запрету городской префектуры.

В Арзамасе-16 началась ликвидация тактического ядерного оружия, прибывающего с Украины.

Плата за проезд в городском транспорте в Москве с 24 июня увеличилась вдвое. Она составляет 1 рубль.

В Москве снижены цены на водку с 23 июня до 106–118 рублей.

КС РФ сделал заявление: «Конституционный строй нашего государства под угрозой. Противостояние различных политических сил приближается к крайней черте». КС призывает все противоборствующие силы осознать серьезность момента, проявить чувство ответственности за судьбу Отечества.

В Минске состоялась встреча глав правительств — участников СНГ.

Депутаты Моссовета намерены предложить проживающему в Великобритании бывшему известному диссиденту Буковскому баллотироваться на пост мэра.

Июль

С июля в России начинает взиматься земельный налог.

После создания блока «Гражданский союз» состоялась пресс-конференция, на которой Руцкой сообщил, что «это не оппозиция, а конструктивные силы, поддерживающие президента».

Московский завод «Стеклоагрегат» 4 июля приостановил работу на полчаса в знак протеста против политики правительства Ельцина. Это первая крупная политическая стачка московских рабочих в 1992 году.

Со встречи глав «семерки» в Мюнхене Ельцин вернулся не с пустыми руками. Ему удалось сделать то, что не удалось год назад Горбачеву. «Семерка» согласилась начать реализацию крупной программы экономической помощи России.

11 июля на ММВБ доллар снизился на 43 пункта — до 130,5 рубля.

Правительство России согласилось с требованием МВФ сократить в течение года дефицит госбюджета до 5% валового внутреннего продукта.

На заседании Президиума ВС РФ 13 июля рассмотрен проект постановления ВС о газете «Известия». По мнению ВС РФ, так как он является правопреемником ВС СССР, право на издание «Известий» принадлежит ему.

21 июля во время тренировок ко Дню ВМФ сторожевой корабль с бортовым номером 815 неожиданно поднял государственный флаг Украины и, покинув занятия, взял курс на Одессу.

23 июля сессия ВС Абхазии приняла решение о переименовании Абхазской АССР в Республику Абхазия, а также о введении старой Конституции 1925 года. Госсовет Грузии признал недействительным это решение и отметил, что действия ВС Абхазии приведут к появлению нового очага напряженности в стране.

На последней пресс-конференции вице-президента Руцкого объявлено, что скоро выйдет в свет его книга «Аграрная реформа в России». Двумя днями раньше Руцкой заявил о скором выходе другой своей книги — «Сильная власть для демократии».

Президенты Молдовы и России подписали соглашение о мирном урегулировании приднестровского конфликта.

«Экономическая стратегия правительства является антинародной и антироссийской», — заявили участники первого заседания «Гражданского союза».

Павлов заявил журналистам: «Вечером 17 августа 1991 года я полчаса разговаривал с Горбачевым по телефону. Он был в курсе всего происходящего».

По убедительной просьбе сотрудников посольства Чили в Москве Хонеккеру пришлось покинуть территорию посольства.

На встрече с журналистами в БД 30 июля первый зампред ВС РФ Филатов сказал: сегодня произошло знаменательное событие — президент вернулся на председательское место в Конституционной комиссии, чтобы участвовать в ее работе до тех пор, пока Конституция не будет принята. С этого начинается баланс, взаимодействие властей.

Слухи о скорой отставке Козырева не имеют под собой никаких оснований. По заявлению пресс-секретаря президента Костикова, «такой вопрос не ставился, не обсуждался и относится исключительно к сфере политических фантазий».

Август

На пресс-конференции после переговоров президентов России и Украины на ялтинской даче 4 августа Ельцин сообщил: отныне они с Кравчуком на ты и по имени. Наконец найдено хоть временное, но решение по ЧФ: флот выведут из состава Вооруженных сил СНГ и по крайней мере на 3 года передадут под объединенное командование России и Украины. Будут два командующих флотом, назначать и снимать которых смогут только президенты.

Канадский пшеничный комитет заявил, что он прекращает отгрузку зерна в Россию. Решение принято по согласованию с федеральным правительством. Причина — Россия не выполняет финансовых обязательств, сильно отстала в оплате счетов.

Сбербанк России повысил процентные ставки по вкладам населения.

В телефонном разговоре между Шеварднадзе и Ельциным достигнута договоренность о том, что граница между Россией и Грузией будет закрыта. Это, по мнению членов Госсовета Грузии, снимет проблему проникновения на территорию республики боевиков с Северного Кавказа.

28 августа на торгах ММВБ курс рубля буквально рухнул, составив 205 рублей за доллар США.

К 1 октября 1992 года будут отпечатаны первые 40 миллионов российских приватизационных чеков. Об этом заявил 31 августа председатель Госкомимущества Чубайс.

ГЛАВА 6

ШОКОТЕРАПИЯ

Болевая реакция

Я не претендую на то, чтобы говорить о философии экономической реформы. Но хотел бы подчеркнуть некоторые штрихи, особенно важные для меня.

Ни одна реформа в России никогда не была доведена до конца. Целью реформ Петра, например, было — создать «русских европейцев». Это, конечно, глобальная цель, которую в течение жизни одного поколения не достигнуть. И в каком-то смысле эта цель петровских реформ не достигнута до сих пор.

Мы стали европейцами, но при этом остались сами собой.

Можно вспоминать разные эпохи — и всегда за радикальной реформой следовал откат. Причем резкий откат. Особенно в XX веке. Ни две земельные реформы, ни три революции, ни нэп, ни сталинская индустриализация, ни хрущевская, ни «тихая» косыгинская реформы ничего принципиально не изменили.

Сделать реформу необратимой — такую цель я ставил перед собой.

Мощь и сила экономического сдвига должна была совпадать по резонансу с грандиозными политическими изменениями. И вот тогда нас уже не остановить. Тогда вслед за нами обязательно придут другие, которые доделают все до конца, продвинут страну к процветанию.

...Конечно, я не считаю Гайдара доктором, который вылечил нашу экономику. Но и знахарем, который ее окончательно доконал, не считаю тоже.

Если продолжать медицинское сравнение, то я вспоминаю сразу то утро в Испании, в больнице, где меня резали, где мне сразу после операции предложили встать. И я встал, без костылей, весь в поту от страха и напряжения, и сделал несколько шагов.

Роль Гайдара заключалась в том, чтобы резко поднять нашу парализованную экономику, заставить работать ее жизненные центры, ее ресурсы, ее организм. Пойдет — не пойдет? Довольно жестоко. Но необходимо. Пока другие врачи спорили о методах лечения, он вытащил больного из постели. И по-моему, больной пошел...

Я делаю этот вывод не на основании экономических показателей, которые объективно плохие.

Я делаю этот вывод на основании того, что в стране появились люди с совершенно новой психологией. С психологией мужиков, которые не ждут чужой помощи, ни на кого не надеются — ни на правительство, ни на парламент, ни на Ельцина. Поругивают всех и упрямо делают свое дело. Посмотрите вокруг — и вы увидите, что такие люди, в основном молодые, есть и в бизнесе, и в творчестве, и в науке, и в культуре, и вообще в жизни. Пока они не очень заметны, пока они слишком заняты. Но они уже есть. В стране начали появляться незакомплексованные, смелые люди, которых раньше просто давили.

И в основе всего — как я считаю — именно болезненная, шоковая реакция организма, когда все силы мобилизуются, человек приобретает уверенность и собранность. Так бывает в спорте. Но думаю, что и в общественном развитии эта схема также работает.

Конечно, есть риск с таким подходом довести и до катастрофы, когда речь уже идет о выживании и человек просто звереет, теряет человеческие черты, потому что боится лишиться средств к существованию. Где та грань, которую преступить нельзя?!

Беда России состояла вовсе не в недостатке или переизбытке реформаторов. Беда была в невозможности проводить последовательную политику. Будь то царь или генеральный секретарь — всем хотелось отличиться перед историей. Многие преувеличивали свою уникальную историческую миссию. И круто поворачивали руль управления. Чаще всего — на сто восемьдесят.

В истории России за два последних века было два правителя, которые в силу своей заурядности придерживались чисто консервативной, даже резко заявленной антиреформаторской

ориентации. При их правлении общество жило с ощущением гнета. С ощущением державного сапога. Уж слишком ярко была выражена централизация власти. Это сопровождалось очень строгой государственной концепцией в области идеологии. Ну, а инакомыслие, естественно, преследовалось.

Я говорю об Александре III и Брежневе. Оба правили долго. Оба ушли из жизни, презираемые обществом.

Однако промышленный скачок при Александре III неоспорим. Конечно, он не принес народу благоденствия, но в России наконец-то появился средний класс. Была подготовлена материальная база для расцвета науки и культуры. Российское государство окончательно вошло в семью цивилизованных народов.

При Брежневе, разумеется, сохранялась античеловеческая советская система. Продолжались политические преследования. СССР вел курс на опасную военную конфронтацию. И так далее. Не буду говорить банальные вещи.

Однако наблюдалась и другая тенденция. При внешнем консерватизме (как и в эпоху Александра III) Брежнев отнюдь не повернул страну на сто восемьдесят градусов, как тогда казалось многим.

Основной костяк хрущевских преобразований был сохранен. А тупая, но, надо признать, очень последовательная административная жесткость позволила накопиться некоторым благотворным тенденциям.

Брежневская концепция «развитого социализма» и «неуклонного повышения благосостояния трудящихся» — тысячу раз осмеянная при перестройке — имела под собой определенную почву.

Социалистические отношения — как мы теперь видим — продвинулись довольно далеко. В самую глубь народной психологии. Что же касается благосостояния — то его, конечно, не было. При отсутствии в магазинах масла и мяса такой лозунг выглядел издевательством. Но на самом деле — при достижении определенного паритета в международной политике — от народа уже не требовали бросать в топку государства все силы. Приносить в жертву общей цели последнее. Как это бывало раньше.

Шаг за шагом — административным путем, с диким ржавым скрипом — осваивались рубежи западных жизненных стандартов. Свои квартиры. Социальные гарантии. Бытовая техника. Минимальное землевладение. Даже личные автомобили. Более

В Ванкувере лил сильный дождь

Наина Ельцина с Барбарой Буш

... и Хилари Клинтон

От имени Российской Федерации...

Пекин.
Ленточка перерезана.
Торжественная выставка открыта

Маргарет Тэтчер. Эта женщина произвела на президента России неизгладимое впечатление

На Байкале вместе с Гельмутом Колем

С Вацлавом Гавелом — по кружке пива

У жены — свой протокол

Бурятия. Буддийский храм. В гостях у ламы

Пекин.
Возложение венков

С президентом США Джорджем Бушем

или менее сносные условия жизни для «маленького человека», рядового гражданина. Я, конечно, не буду касаться сложных процессов, которые шли в обществе в эту эпоху — с середины шестидесятых примерно до середины семидесятых годов. Подчеркну лишь вот эту тенденцию постепенного, незаметного накопления каких-то жизненных благ. Понятно, что это почти незаметное улучшение достигалось за счет варварского разбазаривания природных ресурсов страны, а не за счет нормальной эффективной работы.

Затем лидер одряхлел. Разваливающийся генсек стал символом разваливающегося хозяйства — огромного, но бестолкового.

* * *

Помню, сколько критики вызвал указ о свободной торговле, о снятии ограничений с торгово-посреднической деятельности. «В России махровым цветом расцвела спекуляция», — кричала коммунистическая пресса. И действительно, на какой станции метро в Москве ни выйдешь, всюду уйма этих ларьков, торгующих, как пишут острословы, «колониальным товаром» — импортной водкой, сигаретами, конфетами и так далее. Страх Божий, да и только.

Давайте вспомним страницы классики. Когда торговый капитал в России пользовался репутацией кристально чистого? В пьесах Островского — сплошные разорения да махинации, да долговые ямы. Но именно с замоскворецких купцов, с этой диковатой эпохи и начиналась русская большая промышленность, история русского капитала.

Естественно, неизбежны издержки роста, но мы не стремились к расцвету жульничества. На то и существуют милиция, прокуратура, чтобы бороться с подобными вещами. На спекуляцию должен быть один ограничитель — закон. Другое дело, что приноравливаются к новому правоохранительные органы медленно, плохо. Но это типично русский стиль.

...В сентябре 1992 года я посмотрел цифры экономических показателей за девять месяцев. Было от чего прийти в ужас. Страна неуклонно ползла к гиперинфляции, к развалу производства, к обрыву экономических связей.

И, наверное, только одно вселяло надежду — принципиально иная ситуация с потребительским спросом населения. Дефицит товаров был ликвидирован за несколько месяцев,

причем по всем показателям, за исключением самого дешевого продовольствия, а вскоре и за ним перестали давиться. Потому что знали: хлеб и молоко будут и сегодня, и завтра, и послезавтра.

В России начался совершенно другой дефицит — дефицит денег.

...О чем, собственно, и предупреждал Гайдар.

* * *

В интервью телекомпании «Останкино» Александр Исаевич Солженицын задал риторический вопрос интервьюеру, зрителям, всему народу, президенту: «Вы свою мать будете лечить шоковой терапией?»

Мать — Россия. Мы — ее дети. Лечить шоковой терапией мать действительно жестоко. Не по-сыновьи.

Да, в каком-то смысле Россия — мать. Но в то же время Россия — это мы сами. Мы — ее плоть и кровь, ее люди. А себя я шоковой терапией лечить буду — и лечил не раз. Только так — на слом, на разрыв — порой человек продвигается вперед, вообще выживает.

Я выбирал путь шоковой терапии не для какой-то недоразвитой страны, не для абстрактного народа — я в том числе и для себя выбирал этот путь. Первому, кому предстояло пройти через шок, и не однажды, через болевые реакции, через напряжение всех ресурсов, — это мне, президенту.

Изматывающие приступы депрессии, тяжкие раздумья по ночам, бессонницу и головную боль, отчаяние и горечь при виде грязной, обнищавшей Москвы и других российских городов, вал критики, каждый день несущийся со страниц газет и с экрана телевизора, травлю на съездах, всю тяжесть принятых решений, обиду на близких людей, которые в нужную минуту не поддержали, не выстояли, обманули, — все это довелось пережить.

Я уж не говорю про октябрьский путч.

...Следующие страницы этой главы посвящены, так сказать, политической технологии экономической реформы, ее закулисной стороне, которую тоже должен знать читатель моей книги. Но мне бы не хотелось, чтобы эти мотивы заслоняли главное — необходимость решительного шага вперед после настигшего страну развала. Именно нравственную, человеческую необходимость.

* * *

Ситуация в стране к началу реформ была совсем нерадостной. Потерявшее стабильность общество со страхом ждало начала радикальных реформ, понимая, чем они грозят — повышением цен, безработицей. К осени 1991 года нормирование всего и вся ужесточилось до предела. Магазинные полки были абсолютно пусты. Во многих городах людям раздали толстые, сброшюрованные талонные книжки, по которым можно было делать покупки. В дефицит превратилось все: соль, сахар, хлеб, спички.

Довольно угрюмой была и политическая атмосфера. Бывшие союзные республики относились друг к другу, а особенно к России, с явным оттенком недоверия.

В этот очень напряженный и ответственный момент прозвучал «первый звонок» от Руцкого.

18 декабря, то есть за две недели до начала реформ, он выступил в «Независимой газете». Вице-президент писал, что российское правительство — неуправляемое, дезорганизованное, это место интриг, никто не знает, куда мы идем и что у нас за цель, президент пытается управлять единолично и деспотично, и если либерализация цен не будет отменена, он, Руцкой, уйдет в отставку.

Меня удивило даже не то, что вице-президент стал давать оценку правительству, которое еще не приступило к реформам, а интонация, тон — хамский, начальственный.

Среди иностранных наблюдателей ходили упорные слухи, что военные, недовольные распадом Союза, готовят новый переворот. И политическим лидером его станет Руцкой. До переворота было еще далеко, но тем не менее фамилия Руцкого называлась далеко не случайно. Совершая поездку по оборонным предприятиям Сибири, Руцкой назвал команду реформаторов в правительстве Гайдара «мальчиками в розовых штанах». Прецедент политического хамства произошел. Эту эстафету с большим удовольствием вскоре подхватил Хасбулатов...

Особый статус

С Геннадием Эдуардовичем Бурбулисом я познакомился во время работы межрегиональной депутатской группы ВС СССР. Уже тогда он произвел на меня сильное впечатление своей эрудицией профессионального философа.

Я быстро понял и другое — Геннадий Эдуардович никогда не был кабинетным теоретиком или удобным для начальства исполнителем, как бы мягким, ускользающим человеком, каким кажется поначалу.

Напротив, это человек заводной, моторный, с очень сильной волей.

...В Свердловске мы не были знакомы, «крутились» на разных, скажем так, орбитах. Однако общий корень, свердловские воспоминания тоже многое значили в наших отношениях. И, наконец, в юности он серьезно увлекался футболом, играл за армейскую команду, как и я, любил спорт.

Первой его непосредственной обязанностью в качестве моего помощника было руководство штабом выборов народного депутата в российский парламент в Свердловске. Вскоре Бурбулис был назначен на должность полномочного представителя Председателя Верховного Совета России.

Такой должности раньше не было. Ее придумали «под Бурбулиса». Чтобы подчеркнуть его особый статус.

...Особенно тесным было наше общение в Архангельском. Мне вообще там нравилось проводить время. И не скрою, разговоры с Геннадием Эдуардовичем меня в тот период вдохновляли на новые идеи.

Он умел заглянуть далеко вперед. Дать ближайшим событиям стратегическую, глобальную оценку. Концепция новой политики, новой экономики, нового государственного и жизненного уклада для России вырисовывалась все ярче, яснее, отчетливее.

...Однако свой окончательный выбор я сделал во время отпуска, в сентябре 91-го года, в Сочи, куда приезжали и Силаев, и Бурбулис.

В эти напряженные дни у меня была возможность еще раз сравнить осторожного, компромиссного Силаева и полного жизненной энергии молодого Бурбулиса. Я ощущал острую необходимость иметь рядом с собой энергичного человека: себе оставить всю тактику и стратегию политической борьбы, а кому-то поручить работу на перспективу, подбор направлений и людей...

В тот момент я и сделал ставку на Бурбулиса.

Мне нравился не только его оригинальный ум, но и умение разбираться в чужих идеях, в чужих концепциях. Он прекрасно знал молодых политиков и практиков своего поколения. Дав

ему свободу в выборе новой команды, я, слава богу, не ошибся. Назову хотя бы две креатуры Бурбулиса, двух людей, которых он активно отстаивал и тянул в тот период: Гайдар и Козырев. Было и много других ярких фигур.

Итак, Геннадий Бурбулис стал госсекретарем и первым вице-премьером Российской Федерации.

Его часто называли в прессе «серым кардиналом». Это, конечно, чушь: для того чтобы быть «кардиналом», надо иметь в кресле президента безвольную фигуру, мягкую и апатичную (такими сейчас, на расстоянии, мне видятся отношения между Сусловым и Брежневым).

У Бурбулиса было два серьезных минуса: сверхболезненное самолюбие и неумение подать себя обществу.

Дело доходило просто до смешного. Предположим, телекомментаторы приглашали для беседы Гайдара, а вместо него (узнав о передаче) приходил Бурбулис, садился перед камерой и начинал вещать с телеэкрана заумным языком довольно скучные вещи.

Это, конечно, случай единичный, не показатель. Но надо признать, что все попытки Бурбулиса стать лидером общественного мнения оказались безуспешными.

* * *

В самые первые дни нового, 1992 года одним из самых тревожных вопросов политической жизни СНГ стал вопрос о Крыме и Черноморском флоте.

Сначала Министерство обороны Украины и ее Верховный Совет предприняли активные односторонние шаги с целью привести личный состав черноморцев под украинскую присягу. Затем Верховный Совет России нашел не лучший «ответ», объявив о неправомерности передачи Крыма Украине в 1954 году.

Возникло опасное напряжение.

Оно свидетельствовало о готовности руководства Украины и ее парламента к активным «силовым» действиям на Черноморском флоте без всякого согласования с нами.

Надо признаться, что время для скандала было выбрано наименее подходящее. Украинский парламент не мог не знать, что в России готовится шоковая экономическая реформа с отпуском цен. После образования СНГ моментально напомнили о себе локальные национальные проблемы — скажем, вопрос о немецкой автономии, прибалтийские требования о незамедли-

тельном и без всяких условий выводе войск, требования репрессированных народов Кавказа восстановить историческую справедливость — тоже немедленно и без всяких условий — и так далее...

Вовсю зазвучала тема «развала армии».

Только одно перечисление всех наших действий по урегулированию возникшей проблемы Черноморского флота на протяжении последних двух лет могло бы занять в книге целую главу: бесконечные делегации, консультации, встречи на разных уровнях и, наконец, какие-то промежуточные соглашения, пресс-конференции, заявления...

Перед выступлением в Совете Безопасности ООН в начале 1992 года я срочно вылетел в Крым на встречу с офицерским составом Черноморского флота на военном корабле «Москва» — он стоял на рейде в Новороссийске.

Эта не совсем обычная встреча была остро необходима в первую очередь офицерам флота. Очень было важно снять ощущение «дистанции» у моряков. «Дистанции» с Россией, с ее руководителями, с Москвой. Однако, побывав на сверхмощном военном корабле, на этой гигантской боевой машине, поражающей своей силой и величием, я ощутил, что эта встреча была необходима и мне. Остались в памяти тревожные лица моряков. Они словно спрашивают меня: будет ли Россия по-прежнему морской державой, ощущаем ли мы себя сильной страной?

Да, нам это ощущение нужно.

Почему я пишу о проблеме флота в рамках главы о шокотерапии? Дело в том, что объективно такой проблемы не существовало. Существовало желание парламента Украины продемонстрировать свою независимость. Никто не собирался уводить корабли с одной базы на другую (а если б и собирался, то не смог бы), никто не отдавал приказов флоту, вооруженному ядерным оружием, скажем, взять на прицел российские объекты.

Зато в считанные дни удалось создать мощнейший информационный миф о такой опасности!

Примерно так же обстояло дело и с «раскручиванием гиперинфляции», и с «массовой безработицей», и с другими «ужасами» экономической реформы Гайдара, в частности с «обнищанием народа».

Психологический шок от реформы во много раз превышал ее реальные кризисные последствия в жизни каждой семьи. Короче, не так страшен черт, как его малюют.

Хроника реформы ясно показывает: правительство Гайдара работало с первых дней в ужасающей моральной обстановке, когда удары сыпались один за другим, когда стоял непрерывный свист и гвалт в прессе и парламенте. Им не дали практически никакого разгона и хотя бы относительной свободы... Реально по их плану инфляцию можно было резко снизить уже к концу 1992 года, может быть, в первой половине 1993-го.

Почему не добились этого результата? Давайте разбираться.

* * *

Меня часто спрашивали, почему тогда, осенью 91-го, в ближайший круг президента не вошли такие популярные в горбачевские времена люди, как Попов, Собчак, Афанасьев.

Действительно, в 89–90-е годы это были подлинные лидеры демократической волны. Что же произошло дальше?

Попов и Собчак — сильные независимые политики. Оба выбрали самостоятельный путь. Однако судьба их сложилась поразному. Гавриил Харитонович вскоре после избрания на пост мэра Москвы сделал очень мудрый ход, назначив первым замом Юрия Лужкова, опытного хозяйственника, долгое время работавшего заместителем председателя Мосгорисполкома.

Юрий Михайлович Лужков, вначале казавшийся фигурой неброской, державшийся в тени такой сильной личности, как Попов, вдруг раскрылся ярко и совершенно неожиданно. После августовских событий 91-го года наметился явный кризис доверия демократической власти. И такие качества Лужкова, как опыт, надежность, умение руководить сложным организмом современного мегаполиса вывели его в тот первый ряд политиков, которым многое доверяют и от которых многого ждут. Постепенно, шаг за шагом новый мэр Москвы заставил работать исполнительную власть в московском регионе. Рядом с ним — и молодые заместители, которым только исполнилось по тридцать, и опытные, такие, как Владимир Ресин, который знает Москву десятки лет. Лужков доказал, что не демократия виновата в тяжелых проблемах посткоммунистического периода. Нормально функционировать муниципальные структуры города могут и при новом устройстве общества.

А Попов сумел достойно и вовремя уйти с «горячего» кресла мэра, вернуться к преподаванию и чистой политике. Он остался прежним Гавриилом Поповым. Что, кстати, не удалось Анатолию Собчаку, который на посту петербургского градоначальни-

ка был вынужден во многом изменить свой прежний имидж. Из респектабельного политика, профессора-юриста он превратился в жесткого, властного администратора.

Ну, а Афанасьев — это вечный оппозиционер, за что, кстати, я отношусь к нему с огромной симпатией. Он бы не смог ужиться с любой властью. Такие люди очень нужны, но не в правительстве. Где-то в стороне, на холме, откуда лучше видно...

Так вот среди людей этого ряда — а все они были соратниками по межрегиональной депутатской группе — Бурбулис был почти единственным, кто смог взять на себя такой большой объем работы, и аппаратной, и политической.

...Осенью 1991 года произошло знакомство Бурбулиса с Гайдаром. Именно тогда Бурбулис попросил директора Института экономики Егора Гайдара подготовить концепцию президентского доклада по экономическим вопросам. Бурбулис вообще командный человек. И когда на подмосковной даче в Архангельском, где шла работа над докладом, он познакомился с командой Гайдара — ему не мог не понравиться этот сплоченный и профессионально, и по-человечески круг единомышленников. Выбор был сделан.

Егор Гайдар вырос в семье, принадлежащей к советской литературной элите. В очень интересной семье. Его дед — знаменитый детский писатель, легендарная и неоднозначная личность — Аркадий Гайдар. А дед по материнской линии — знаменитый уральский сказочник Павел Бажов, великий мастер русского языка. Отец — контр-адмирал, знаменитый журналист Тимур Гайдар, многие годы проработавший зарубежным корреспондентом газеты «Правда». Вместе с отцом Егор жил на Кубе, потом в Югославии. Среднюю школу заканчивал в Белграде. В 1978 году получил красный диплом экономического факультета МГУ, не получив за все годы обучения ни одной «четверки», только «отлично». Его деканом был Гавриил Попов.

Работал Гайдар в академических институтах, потом в журнале «Коммунист», был редактором экономического отдела в газете «Правда». Ко времени нашего знакомства он имел степень доктора экономических наук, возглавлял академический институт. У него было трое детей. И все это в тридцать с небольшим лет.

Позже Гайдар в одной из статей напишет: «Мы начинали реформы в очень интересной ситуации, когда можно долго перечислять, чего у нас не было и почему реформы проводить не-

льзя. Я сам мог прекрасно объяснить, почему в 92-м году их проводить нельзя. Не было стабильной поддержки в парламенте, не было нормальных дееспособных институтов власти (армии, таможни, милиции) — они были поражены кризисом власти начала 90-х годов.

Шестнадцать центральных банков вместо единого, не было традиций частного предпринимательства, не было сильного частного сектора, как в Польше. Не было ни копейки валюты, золотого запаса, не было возможности привлечь свободные ресурсы на международном финансовом рынке. Но плюс к этому у нас не было возможности ждать, ничего не делать и объяснять, почему ничего нельзя делать».

Ознакомившись сначала с гайдаровской концепцией экономических реформ, затем познакомившись с самим автором, я согласился с Бурбулисом. Через несколько дней я подписал указ о назначении Егора Гайдара вице-премьером, министром экономики. Вместе с ним в правительство на ключевые посты экономического блока были назначены несколько его единомышленников.

Авторитет Бурбулиса для гайдаровской команды был в то время абсолютно непререкаемым. Все вопросы с президентом министры решали через Геннадия Эдуардовича, то есть заходили в его кабинет, и если было нужно, он нажимал кнопку и напрямую говорил со мной.

Тогда мало кто понимал, что потенциально Гайдар — не менее сильная политическая фигура, чем Бурбулис. Установка гайдаровских министров и самого Егора Тимуровича: ваше дело — политическое руководство, а наше дело — экономика. Не вмешивайтесь, дайте нам работать, и мы не будем лезть в ваши высокие сферы, в вашу хитрую «кухню», которую мы не понимаем.

Бурбулис, назначенный первым вице-премьером, был в тот момент реальным главой кабинета министров. Он выдвинул точную тактическую идею: чтобы вновь не обострять ситуацию вокруг кандидатуры премьера, не устраивать голосования на съезде, в этот переходный период руководство правительством поручить президенту Ельцину. И эта идея прошла.

По вторникам кабинет министров — его экономическая часть — собирался под руководством первого вице-премьера. В неформальной обстановке, столь любимой Бурбулисом со времен межрегиональной депутатской группы, за чаем и бутер-

бродами, решались и стратегические, и тактические вопросы, и кадровые перемещения. В этом «междусобойчике» были свои преимущества, но были и свои минусы. Так, вице-премьером стал бывший исполкомовский работник из Волгограда Махарадзе, ничем себя не прославивший на этом посту. Бывший младший научный сотрудник института, где работал Гайдар, Алексей Головков стал управляющим делами Совмина, а это ведь должность, требующая крепкой хватки и опыта — чисто административного. В результате делопроизводство стало заваливаться куда-то набок...

Почему я вникаю в эти детали? Да потому, что они свидетельствуют о стиле работы Геннадия Бурбулиса — он недолюбливал чиновничество как класс, презирал аппаратную работу, ему очень нравился разрушительный запал гайдаровских министров, которые готовы были буквально зубами разорвать одряхлевший мир чинопочитания и вертикального контроля.

Позднее я понял, что, пожалуй, Гайдар, в отличие от Бурбулиса, был бо́льшим государственником.

Вообще если говорить о гайдаровских министрах, не обо всех, конечно, а о некоторых, — их подвело абсолютное неумение реализовывать свои же собственные программы. Столкнувшись с грубой и тяжелой практикой, они в какой-то момент растерялись, не смогли это преодолеть. Бурбулис их поддержать не мог в силу природной антипатии к аппаратной, черновой работе. Гайдар еще не осознал своей роли, не встал как следует на ноги.

...Если бы, например, Петр Авен возглавил Министерство внешних экономических связей примерно через год после своего ухода, то есть успел покрутиться в сегодняшней российской экономической действительности, — вот тогда бы, честное слово, ему можно было доверять любые экономические посты: светлая голова, огромные международные связи, все при нем.

Россия сопротивлялась их экспериментам, поскольку в России очень сложно что-либо создать, но еще сложнее в ней что-либо развалить.

Скоро выяснилось, что правительство Гайдара, быстро принимающее одно решение за другим, оказалось в полной изоляции.

По стране они не ездили — было некогда. Хасбулатовский парламент изначально выглядел в их глазах инструментом дав-

ления на них, символом всего реакционного, с чем надо бороться. Точно таким же было и отношение к Руцкому.

Все негативные последствия этой ситуации обострились перед шестым съездом. К тому времени стало ясно, что правительство Гайдара воспринимают не как самостоятельную экономическую группу, а как команду Бурбулиса. А у него самого сложились не просто плохие, а невозможные отношения со всеми фракциями парламента, с вице-президентом, с администрацией президента во главе с Юрием Петровым. Это было какое-то детское, инфантильное деление на «своих» и «чужих».

Видимо, здесь сказались и ревность Бурбулиса, и стремление «убрать» сильных конкурентов — словом, все качества болезненно самолюбивой натуры.

Но ведь Бурбулис оказался в итоге прав, недолюбливая, мягко говоря, вице-президента, парламент и главу президентской администрации, скажут мне. Да. Но сегодня, рассматривая ретроспективно этот второй план поведения Геннадия Эдуардовича, я могу сказать: детское желание «разделиться», «посчитаться» сыграло в тот момент роковую роль. Много месяцев спустя Руцкой принародно жаловался, что оказался в вакууме, остался без дела. И какая-то доля сермяжной правды тут есть. Может, займись этот деятельный товарищ хоть каким-нибудь делом, найди он применение своей энергии — многое пошло бы иначе. А так... ему ничего другого не оставалось, как писать основополагающий труд о сельском хозяйстве.

Подведем предварительный итог. Бурбулис нашел исполнителей для новой экономической политики российского руководства. Но исполнители оказались талантливее его самого.

Интеллигентно договорившись, так сказать, «умыть руки от грязной политики», отдав всю полноту политической инициативы в руки своего шефа — гайдаровская команда сделала тактическую ошибку, которая дорого всем нам стоила.

На мой взгляд, Гайдару чуть-чуть не хватило времени, чтобы сломать предубеждение к себе, к своей команде и своей программе. Он и его правительство стремительно набирались опыта. Они стали ездить по стране. Гайдар, например, встретился в Тольятти с директорами предприятий. И произошел слом отчуждения. К сожалению, команда Гайдара не успела

нормально поработать с депутатами, а ведь и в депутатском корпусе произошел некоторый положительный сдвиг в восприятии молодого вице-премьера.

Не хватило совсем немножко.

* * *

Еще один важный момент, касающийся Бурбулиса. Черты в характере Геннадия Эдуардовича, которые раньше казались мне случайными, стали как-то связываться у меня со всей системой его поведения и отношений с людьми.

Бурбулис был самым первым среди новой российской номенклатуры, кто сел в машину ЗИЛ. У него была многочисленная охрана. И мне кажется, он испытывал особые чувства, когда перед его ЗИЛом, мигая и завывая сиренами, мчалась машина сопровождения. Это была типичная любовь провинциала к аксессуарам власти. Бурбулис без приглашения мог прийти на любое совещание, независимо от его содержания и формальной стороны, и сесть по правую руку от президента. Он знал, что я не сделаю ему замечания.

Что в общем-то и было моей чисто человеческой ошибкой. Почему для него оказалась так важна эта внешняя, показная сторона власти — для меня до сих пор остается загадкой. Ведь этот умный человек реально владел стратегическим инструментом управления, обладая огромными властными полномочиями.

Но именно эти особенности его характера и помешали Бурбулису реально соизмерить свои честолюбивые намерения со своими возможностями.

Не скрою, в какой-то момент я начал чувствовать подспудно накопившуюся усталость — одно и то же лицо я ежедневно видел в своем кабинете, на заседаниях и приемах, у себя дома, на даче, на корте, в сауне... Можно и нужно стремиться влиять на президента — для пользы дела, для реализации своих идей. Но только знать меру при этом! Так же просто, как входил Геннадий Бурбулис на любое совещание, он начал входить в меня самого. В личных отношениях наступил какой-то предел.

Что ж, это бывает.

Я продолжал высоко ценить и сейчас ценю то, что сделал Бурбулис. Он, безусловно, одаренный, творческий человек. Но работа — это другое. Это ежедневный каторжный труд. Здесь одной одаренности мало...

В ночные часы

В первой книге я уже рассказывал в общих чертах, как мы встретились с Наиной, как поженились.

Часто в ночные часы я вспоминаю отдельные моменты нашей жизни в Свердловске, чтобы как-то легче стало, чтобы переключиться, забыться...

Когда я был первым секретарем обкома, она приезжала домой после работы в совершенно расстроенных чувствах. Выходит в обеденный перерыв в коридор, и сразу вокруг начинаются нарочито громкие разговоры: нет, вы смотрите, какое безобразие творится, жилье вовремя не сдают, масло в магазине пропало! И все в таком духе.

Боря, говорит, я действительно хожу в гастрономы — этого нет, того нет. И это в центре. А на окраинах?

Но что я мог сделать? Область промышленная, вагоны с мясом, маслом, другими продуктами я выбивал из центра, и приходилось чуть ли не целыми сутками, не вылезая из кабинета, звонить, требовать, грозить.

Я строитель, старался нажимать на эту сферу, потому что жилье для человека — все-таки главное. Мы обкладывали «оброком» крупные предприятия, директора злились, но отдавали городу часть построенного своими силами жилья.

Жена вообще все воспринимает очень обостренно. Помню, когда стало ясно, что Гайдара сняли, не могла успокоиться, позвонила ему домой, а услышав его спокойный голос, заплакала...

Как ни странно, сцен ревности из-за работы у нас не происходило. Я всегда выкладывался до предела, до полного изнеможения. Пропадал на стройке допоздна, когда еще только начинал работать мастером, бригадиром. Но это не значит, что жизнь у нас была какая-то скудная, совсем наоборот. Иногда я мчался домой после какого-нибудь совещания в обкоме, и мы в одиннадцать вечера хватали под мышки визжащих от радости дочек и ехали на такси к кому-нибудь из друзей на день рождения.

Она очень любит мои сюрпризы. Когда должна была родиться Лена, я отвез жену в роддом, в Березники, чтобы после родов она пожила у моей мамы. Я тогда работал в Свердловске, быть с нею не мог. И вдруг после родов ей приносят огромный букет цветов и мою записку со стихами — то, чего она никак не ждала. А это я заранее все приготовил.

Кстати, и сюжет нашего обручения она вспоминает как сюрприз. После института мы с Наиной расстались, но был у нас договор, что обязательно встретимся через год, проверим наши чувства. Так казалось романтичнее.

И вот зональные соревнования по волейболу, у меня — матч в Куйбышеве. Сначала я позвонил ей, а потом решил — вдруг не приедет? — дать телеграмму. Долго мучился, что писать. Решил отстучать такое, чтобы была полная гарантия — не то что приедет, прилетит. Посылаю: «Приезжай, у Бориса плохо с сердцем». И без подписи. Конечно, телеграмма та еще... Но вполне в духе наших студенческих розыгрышей.

И хотя она мой характер знала, но действительно — примчалась сломя голову, нашла нашу гостиницу и тут же увидела меня.

Обручение — это когда мы гуляли целую ночь в парке. Теперь она говорит: не представляю, как это можно целую ночь гулять? Наина, по-моему, не очень была готова к тому, что эта безумная телеграмма станет таким крутым поворотом в жизни, но я после этой встречи действительно поехал к ней в Оренбург, повез ее расписываться в Свердловск и потом сразу в Березники, знакомить с родителями.

До этого в институте, когда мы несколько лет жили в общежитии в соседних комнатах, у нас не было «любви» в современном понимании этого слова. Мне, кстати, сначала нравилась другая девчонка из их группы. Потом влюбился в Наю. Но завести настоящий роман не получалось. Мы жили какой-то брызжущей через край коллективной жизнью — бурной, активной. Наши две комнаты — «девочек» и «мальчиков» — называли «колхозом», меня выбрали «председателем», а Наю «сангигиеничкой». Самую аккуратную. Была у нас девушка-«казначей», все деньги шли в один котел, вместе питались, вместе хохмили, вместе в кино ходили, капустники устраивали, ну... просто жили. И, конечно, спорт, бесконечный волейбол — матчи, тренировки, я на площадке, Ная на скамейке, и я вижу ее лицо, спокойное и сияющее.

Мы жили в обстановке чистой дружбы, веселого и какого-то слегка взвинченного романтизма, который сейчас просто невозможно себе представить. Такой фантастической энергии — на фоне полуголодного, аскетичного, почти казарменного существования — я потом не припомню. И предметом наших разговоров были вещи исключительно глобальные: космос, коммунизм, целина, что-то такое невероятное и необъятное.

Короче говоря, отношения наши с Наиной были платонические и слегка таинственные, как и положено в духе тех лет. Может, у кого-то было по-другому (и наверняка было) — а у нас так. И ресурс чувств у нас перед свадьбой был поэтому совершенно не исчерпан. Таким был стиль моего поколения — легким и открытым.

Помню свою вымученную улыбку у роддома, когда родилась вторая дочь. Стоял, смотрел в окно, где было лицо Наи, а в душе расстроился. Да и она переживала. Знала, как я мечтал о сыне. Только потом я понял, какое это счастье — две дочери. Старшая в меня, младшая в маму...

Недавно внук Борька вернулся из Франции, с соревнований по теннису. Я ему говорю: ты что же, две партии продул? Он отвечает: ну и что, я же в общем итоге выиграл. Как что, объясняю, это говорит о том, что ты не можешь собраться в нужный момент, раз одному противнику можешь сначала проиграть, а потом у него выиграть. Марш под холодную воду, закаляйся, закалка нужна для полной собранности. Он вроде послушно пошел в ванную, потом вдруг возвращается и спрашивает с вызовом: «А ты что, дедуля, никогда не проигрывал?» И сразу смутился и добавил: «В спорте...»

* * *

Первый год после свадьбы я бегом возвращался с работы домой. Счастливые времена. Сначала мы с женой жили в комнате в коммуналке — на Химмаше. Потом, когда родилась Лена, я уже был начальником управления, дали двухкомнатную квартиру на Вторчермете (это все районы тогдашнего Свердловска, с такими грозными названиями).

Но в коммуналке — самое счастливое время (как у многих наших ровесников): сколько мы устраивали пирушек, веселых праздников, сколько приходило друзей. Сколько было бессонных прекрасных ночей.

Потом начался долгий обкомовский период. Я стал не просто начальником, но — человеком власти, «вложился» в партийную карьеру, как вкладывался когда-то в удар по мячу, потом в работу. Тяжелая судьба у жены такого человека.

Есть, наверное, во мне какие-то качества, за которые она прощает мне все.

Но есть вещи, которые она переносит тяжело. Вот, в частности, как тогда в Свердловске, так и сейчас, это тихое, испод-

воль, разными методами давление окружающих на жену «первого». Давление с весьма прозаическими целями.

Мне кажется, этот стиль в России всегда был распространен, когда что-то пытались решить через жену, родственников правителя. А особенно он распространился при Брежневе с его характером. И, к сожалению, как мне кажется, этот стиль получил неожиданно мощный толчок благодаря Раисе Максимовне Горбачевой.

Мне совсем не хочется быть злорадным, говорить какие-то обидные слова ей «вслед». Но я прекрасно знаю, что именно с горбачевской поры отношение у наших женщин к первой леди особое, раздраженное. И теперь их с Наиной волей-неволей сравнивают.

...Когда Горбачев приезжал с работы на дачу — мне об этом рассказывали охранники, — Раиса Максимовна встречала его у дома и водила вокруг — один, второй, третий круг: она снимала напряжение у мужа. Это очень важная деталь. Во время этих прогулок он рассказывал ей весь свой день, буквально по минутам. Таким образом, жена Горбачева не просто была в курсе, она была в курсе всего.

И рано или поздно это не могло не сказаться — и сказывалось — на его отношении к людям, к назначениям, к политике в целом.

Когда я прихожу домой, жена и дочери порой тоже, заведенные телевизором, газетами, новостями, слухами, кидаются с вопросами и восклицаниями: папа, как же так, да как же он, а что же ты... Приходится довольно резко их останавливать: отстаньте, дома мне политики не надо.

Что же касается просителей, которые передают Наине Иосифовне просьбы, записки, проекты разные — она просто не может незнакомым людям объяснить: это бессмысленно, муж ее слушать не станет.

Политические шахматы

Шестой съезд народных депутатов России, состоявшийся в апреле 1992 года, — первая и неудавшаяся попытка антиреформаторских сил резко свернуть нашу политику «быстрого сдвига» (может, и не совсем удачное определение, но краткое).

Не скрою, тогда я относился к съезду иначе, чем теперь. Точнее говоря, с большим интересом. Образ «всенародного форума» воспринимался мной на волне прежних горбачевских и

наших, российских съездов, которые были огромным событием в жизни страны. Я еще не осознал, что съезды начинают вырождаться в политическую коммунальную кухню.

Поэтому резкую критику правительства, сопровождавшую его действия все три первых месяца реформы, я воспринимал болезненно. Информация ко мне приходила из разных аналитических источников. Все они делали один вывод — создалась критическая масса недовольства правительством. Гайдар как неопытный политик давал заверения близкой стабилизации. Поневоле мне приходилось делать то же самое. А в апреле–мае мы должны были отпустить цены на энергоносители — это был второй инфляционный виток после январской либерализации цен (летом последовал и третий), который никакой близкой стабилизации отнюдь не предвещал. Настроение было тревожное, если не сказать мрачное. Единственное, что обнадеживало, — это обещания «большой семерки» в скором времени крупной финансовой помощи. Но тут мы зависели от неких международных экспертов, которые сегодня говорили одно, а завтра другое. Такая неясность не радовала.

Не собираясь «сдавать» правительство, я подошел к шестому съезду с ощущением необходимости подстегнуть его. Сказано грубо, но что делать — точно.

И это дало совершенно неожиданный эффект.

Я был недоволен работой некоторых министров. Консультации с депутатскими фракциями в первые дни работы съезда показали, что и они называют те же фамилии: Лопухин, Днепров, Воробьев, Авен.

Этот список я передал Гайдару через Бурбулиса, поскольку считал свою встречу с правительством преждевременной.

Гайдаровская команда восприняла мои предложения о коррективах в составе правительства крайне болезненно. Они были уверены, что их тылы абсолютно защищены, и я думаю, что многие пережили просто шок. Тогда я лично переговорил с Гайдаром и назвал эти четыре фамилии. Гайдар собрал чрезвычайное заседание правительства. Видимо, уже на нем обсуждался вопрос о коллективной отставке, но принимать такое решение гайдаровским министрам в самый острый момент реформ было тяжело. Поэтому они попросили о встрече со мной. Об экстренной встрече.

Я понимал, что морально бью по ним. Но и мне было трудно. Съезд подготовил отрицательную резолюцию по оценке де-

ятельности правительства. Если будет вынесено такое определение, это означает принятие срочных поправок к Конституции на этом или на следующем съездах. Это конец реформе, еще не успевшей начаться. Я старался говорить спокойно, очень спокойно, чтобы мои решения не выглядели как банальный гнев начальника. Но самолюбивые молодые люди восприняли мое спокойствие как холодность, отстраненность.

И на следующий день Гайдар приехал на съезд, попросил слова и подал коллективное прошение правительства об отставке.

Это был гром среди ясного неба!

Нужно отметить, что это первое серьезное политическое решение Гайдара было принято абсолютно независимо от Бурбулиса. Такого никто не ожидал. Хотя это настолько логично, просто и нормально, что теперь я даже недоумеваю: почему же депутаты оказались в такой растерянности?

Впрочем, и я не ожидал ничего подобного. Повторяю, это было ни с кем не согласованное решение. И в первый момент это неприятно удивило. Однако вскоре я оценил последствия этого рискованного шага. Заявление Гайдара обозначило очень важную веху: Егор Тимурович интуитивно почувствовал природу съезда как большого политического спектакля, большого цирка, где только такими неожиданными и резкими выпадами можно добиться победы.

А победа была полной. Проект постановления с отрицательной резолюцией не прошел. Были внесены поправки в Конституцию, дававшие президенту дополнительные полномочия. Следующий очередной съезд отнесен на осень. Отставка Гайдара и его министров не принята.

...Однако, как я уже сказал, внести решительные изменения в работу правительства необходимо было мне самому как его руководителю. Дело было не только в давлении депутатов.

Прошел месяц после съезда, и я вновь вернулся к этому же вопросу. Собрав кабинет министров, я объявил об отставке Лопухина, министра топлива и энергетики.

Помню два лица: совершенно пунцовое, почти алое — Гайдара и белое как полотно — Лопухина. На них тяжело было смотреть. Наверное, молодым министрам казалось, что я, как плохой учитель, наказывая их за непослушание, приберег розги напоследок. Но это было, конечно, не так. В отставке Лопухина был совершенно определенный подтекст. Используя его как

таран, Гайдар жал на меня, чтобы отпуск цен на энергоносители был одномоментным и без ограничений. Я считал, что мы не можем идти на столь жесткий вариант.

Будущие историки определят, кто из нас был прав. Но побелевшее лицо Владимира Лопухина я запомнил навсегда.

* * *

К какому периоду наших отношений с Руцким относится это его выступление? Видимо, к более позднему. Но этот «свойский» стиль у Александра Владимировича начал вырабатываться давно. Стиль «встреч с народом», «резания правды-матки, какой бы горькой она ни была».

Помню, ко мне прибегает кто-то из помощников и приносит кассету с записью выступления. Никто специально в кармане магнитофон не держал, записано просто с телевизора, где эти — выражаясь интеллигентно — инвективы транслировались.

...А что вы думаете, так и скажу президенту: давай кошелек, оставлю ему три тысячи рублей и спрошу: ну как, проживешь на три тысячи?

В таком духе.

Принципиальное неприятие политики Гайдара я мог понять. Желание заработать очки — тоже. Желание покрасоваться перед аудиторией, чтобы поддержать в себе боевой дух, — да.

Не понимал одного — почему в глаза Руцкой клянется и божится в вечной преданности? Почему намекает на козни, на закулисную возню, когда все так очевидно? Ведь есть стенограммы, есть записи его выступлений.

Тогда мне казалось это искренней чертой военного, который не разобрался пока ни в политике, ни в экономике. Так бывает.

Я еще не понимал, что это — предательство.

* * *

Вопрос о лоббировании, то есть о давлении на правительство и на меня какими-то группами, не раз ставился в печати.

Меня всегда немножко смешили эти высокоумные статьи.

Я не знаю в деталях, как происходит лоббирование на Западе, скажем, в США. Думаю, там идет в ход буквально весь арсенал средств, начиная от косвенного подкупа и кончая кампанией в прессе.

Когда у нас говорят: военно-промышленный комплекс, Вольский, директора оборонных заводов, генералы, партаппарат —

сразу представляется какой-то тайный заговор, «теневая» дипломатия.

...На самом же деле лоббировать в России довольно легко. Даже против такого несгибаемого премьера, каким был Гайдар.

Дело в том, что сам-то я — человек, десятилетия работавший в советской хозяйственной системе. У нее нет от меня тайн. Я знаю, что такое наша безалаберность, как реально устроена жизнь на крупном и мелком предприятии, я знаю лучшие и худшие качества наших директоров, рабочих, инженеров. Несмотря на то что по своей профессии я строитель (что, безусловно, наложило какой-то отпечаток), с жизнью тяжелой и легкой промышленности я знаком не понаслышке — в Свердловске приходилось глубоко вникать во всю эту кухню.

И если, скажем, ко мне приходит пожилой человек, производственник, и взволнованным голосом говорит: Борис Николаевич, я сорок лет в «Газпроме», что делает ваш Лопухин, там же то-то происходит, вот цифры, там кошмар, все летит к черту, — сердце мое, разумеется, не выдерживает.

Первая моя попытка «добавить» в правительство для равновесия Скокова или Лобова была гордо отвергнута Гайдаром. Но затем, видя все проблемы и трудности молодого правительства, — а я встречался с министрами на обязательном официальном заседании каждую неделю по четвергам — все-таки вынужден был ввести туда энергичных представителей директорского корпуса.

...Ведь кто такой в России директор? Человек, который дает работу, человек, который дает семье нормально существовать, который может выгнать с работы или продвинуть по служебной лестнице. И не важно, акционировано предприятие или не акционировано. Все равно, конкретный директор решает твою конкретную судьбу.

...Вскоре после консультаций с соответствующими комитетами парламента были выдвинуты для работы в правительстве Г. Хижа и В. Шумейко.

Еще через несколько месяцев — В. Черномырдин.

Что стояло за этими передвижениями?

Лопухин — талантливый экономист, один из самых способных министров в правительстве Гайдара. Но ведь он возглавлял нефтегазовый комплекс. Который тянет за собой всю политику ценообразования. Любой прокол здесь отдается болью во всем экономическом организме страны. И я волевым решением снял

Лопухина с работы и поставил в правительство Черномырдина, которого знал еще по Уралу. Я уже видел, что реформа идет полным ходом. Она породила совершенно новые экономические факторы: рынок сырья и материалов, рынок ценных бумаг, оживила и возродила в России банковскую и биржевую систему, перевернула российскую торговлю. Словом, такого действительно не было никогда, даже при нэпе.

Когда я это понял, мне захотелось подстраховать новую политику, обеспечить ей долгую жизнь — усилить какой-то новой, надежной и волевой фигурой. И время показало, что я не ошибся. Черномырдин сыграл свою партию значительно позже, но это назначение обеспечило преемственность экономической политики правительства в условиях реакционного «штурма», который был предпринят в начале следующего года.

Совсем другая история с министрами здравоохранения и образования. В чем-то их судьба схожа.

Министр здравоохранения Воробьев пришел вместе с Гайдаром, а министр образования Днепров — примерно за год до него.

Оба люди в возрасте, зрелые, оригинально мыслящие, крупные специалисты в своих областях.

Днепров — известный «бунтарь» в системе Академии педагогических наук, который собрал свою команду в Министерстве образования и разработал целую концепцию новой российской школы.

Воробьев пришел с новой, свежей, оригинальной программой в области здравоохранения. Но если Днепров, благодаря тому, что успел проработать при «старом режиме», когда начальства еще слушались, сумел хоть что-то внедрить в реальную школьную практику, то у Воробьева сразу начался полный развал в его системе. Никто ничего не понимал и не хотел делать по одной простой причине — перестал работать аппарат министерства.

А здравоохранение — это ведь очень болезненная отрасль и в прямом, и в переносном, политическом смысле. Как только начались какие-то непонятные большинству людей реформы в поликлиниках, бурные разговоры о платной медицине, народ сильно задумался. Если платные школы были довольно редки, хотя тоже многих раздражали (совершенно непонятно, кстати, почему — не хочешь, не иди), то разговоры о платном лечении задевали всех — а именно этим боком вылезла на поверхность

воробьевская концепция развития здравоохранения. Именно это увидели в ней, а не позитивную перспективу богатых поликлиник и высокооплачиваемых врачей. И увидели не зря. Такую реформу надо проводить в течение целого ряда лет, очень планово и постепенно.

«Выбор мишеней» в правительстве, который определился, скорее всего, в преддверии шестого съезда, ясно показывает, какие силы участвовали в сговоре парламентских фракций: «Гражданский союз» целился в энергетику и внешнеэкономические связи, а блок коммунистов и патриотов — в социальные сферы. На том этапе их аппетиты не были слишком большими.

Реформы в образовании и медицине отнюдь не были преждевременными. Напротив, они давно назрели. Но эта история с министрами, в общем-то довольно локальная и не очень значительная, ясно показывает еще одно слабое звено нашей политики: затруднительно проводить реформы во всех сферах жизни сразу.

* * *

В начале и середине 1992 года только и говорили что о грядущей волне забастовок. Экономисты предупреждали, что падение производства приведет к массовой безработице. Политические противники реформ в парламенте говорили, что население не выдержит «обвального роста цен» и выйдет на улицы с «маршем пустых кастрюль». Неожиданно обнаружился страшный дефицит наличности. Жители целых регионов по многу месяцев не получали зарплаты и пенсии.

Но в 1992 году, о котором идет речь, со своими требованиями заметно и громко выступили лишь две группы населения — учителя вместе с работниками детских садов и шахтеры.

...Что касается воспитателей детских садов, то тут вообще положение было плачевным, даже в Москве зарплаты были настолько смешные, что и говорить нечего. И только ответственность за судьбу маленьких детей не позволила воспитателям — в основном молодым девушкам и женщинам — устроить беспрецедентную акцию, забастовку в детских садах, которая повлекла бы за собой страшные убытки во всех отраслях народного хозяйства, где работают женщины.

То же самое и с учителями — только, быть может, не в такой вопиющей форме.

...Но эту проблему нельзя было брать отдельно от проблемы вообще госбюджетных служащих, которых в нашей большой стране по-прежнему много и будет много всегда. Скачок цен, раскручивание инфляционной спирали ставили целые группы населения в абсолютную зависимость — буквально на выживание — от нашей точной социальной политики.

Несмотря на отдельные выступления учителей в разных городах, надо отметить, что на открытую конфронтацию они также не пошли. Наверное, сработала свойственная этой профессии осторожность, даже консервативность.

Мы подготовили единую тарифную сетку по всем отраслям госслужащих. В том числе и для учителей. Получилась сложная система надбавок. Зарплата увеличилась. Конечно, повышение минимальной заработной платы — а от нее «танцует» вся тарифная сетка — происходит не так гибко и оперативно, как хотелось бы всем. Но я надеюсь, что доживем и до стабильных времен.

Шахтеры. Все знают, с ними у Ельцина «особые отношения». Правда, Донбасс теперь на совести Кравчука. Но Воркута и Кузбасс — места, в которых я часто бывал и буду бывать. Здесь не раз звучали жесткие слова в мой адрес, часто отсюда шла и поддержка.

Так вот, требования шахтеров тоже не вписывались в картину экономических щепок при рубке леса командой Гайдара, как рисовал тот же Хасбулатов. Шахтерам не угрожала голодная смерть. Они не были против реформы. Но они выступили защитниками своих экономических интересов, настаивая на том, что такой труд должен приносить им часть общей прибыли. Тогда мы еще не имели четких механизмов акционирования таких предприятий, как угольные шахты. Все время шли очень долгие, тяжелые переговоры...

И надо сказать, что весной и летом 1992 года, когда над страной явственно прозвучало слово «остановка» — остановка поездов с углем, остановка цехов, остановка транспорта, — очень мужественно повел себя на переговорах с шахтерами Юрий Скоков.

Ближний круг: Скоков

С Юрием Скоковым я познакомился, когда работал в Московском горкоме партии. Он был директором завода «Квант», крупного оборонного предприятия.

Скоков баллотировался в народные депутаты союзного парламента в одном округе с известным писателем и публицистом Виталием Коротичем, в то время главным редактором журнала «Огонек». Благодаря разным тонкостям, партийным ухищрениям, о которых я рассказывал в первой книжке, Юрий Скоков прошел. Проявил себя дисциплинированным ставленником партии.

Скоков — умный человек, это первое, что надо о нем сказать. И очень закрытый. Силаев, при котором Скоков был председателем высшего экономического совета, и Гайдар, во времена которого он стал руководителем Совета безопасности, чувствовали исходящую от Скокова скрытую угрозу, не раз и не два конфликтовали со мной из-за него.

Какова же роль Скокова в окружении Ельцина? — возникает законный вопрос.

Скоков — реальный «теневой» премьер-министр, которого я всегда как бы имел в виду.

...Я не касался роли Юрия Скокова в августовском путче. А она была значительной, быть может, более важной, чем у некоторых официальных руководителей обороны Белого дома. Скоков, как мое доверенное лицо, встречался с представителями армии и МВД — Грачевым и Громовым. Эти контакты были совершенно секретны и имели для нас решающее значение — хотя бы даже в моральном плане. При этом Скоков держался скромно, незаметно, что тоже не могло не импонировать.

Я понимал, что общая политическая позиция Скокова, тем более в вопросах экономики, сильно отличается от моей, от позиции Гайдара или того же Бурбулиса. Его двойственность всегда беспокоила моих сторонников. Но я считал: если человек понимает, что сейчас в России надо работать на сильную власть, а не против нее — что же в этом плохого? Пусть «теневой» премьер — а среди руководящих работников, и партийных, и хозяйственных, Скоков, конечно, всегда пользовался авторитетом как политик — подстегивает премьера реального. Кстати, интересная деталь: Скокову, единственному представителю президентских структур власти, руководство Верховного Совета оставило в Белом доме большой кабинет.

К концу 1992 года у него появилась одна странность в поведении. При встречах со мной он настолько горячо, настолько часто твердил: «Борис Николаевич, вас окружают враги, я единственный, кто вам предан», что это вызывало разные мысли: может, у него мания преследования?

...Я думаю, что этому сильному человеку просто очень трудно было сделать выбор. Ведь его служение демократическому правительству России было «браком по расчету». Такие вещи трудно даются. Зная о том, что готовится в парламенте, имея достоверную информацию из разных источников, Скоков не смог определить свою позицию, и это его сломало. Или по крайней мере надломило.

Но, быть может, Юрия Скокова мы еще увидим в политике? Надеюсь — человеком более открытым.

* * *

Летом 1992 года, перед отлетом в США, я уже в аэропорту сделал заявление о том, что назначаю Гайдара исполняющим обязанности Председателя Совета Министров России.

И Бурбулис, и сам Гайдар поставили меня в довольно сложное положение. Старая схема: во главе кабинета политическая фигура, а первый заместитель реально руководит процессом в экономике — полетела.

Ни один из вновь назначенных вице-премьеров на лидерство в гайдаровской команде, конечно, претендовать не мог. Сам Гайдар все больше брал рычаги управления в свои руки. Побаивались и уважали его теперь и депутаты, несмотря на продолжающуюся «психическую атаку» со стороны Хасбулатова и Верховного Совета.

К тому же летом 1992 года в центр политической жизни страны выдвинулся еще один экономический вопрос: о предоставлении нам крупных кредитов МВФ, создании стабилизационного фонда рубля. Роль Гайдара западными экспертами всегда выделялась особо.

В этой ситуации я сделал свой выбор как бы под давлением обстоятельств, неожиданно, молниеносно. Но это и помешало противникам Гайдара организовать против него массированную травлю. Время ими было упущено.

Ну, а большинство, естественно, с радостью и надеждой восприняло известие о назначении Гайдара.

* * *

К концу лета стало ясно, что экономика трещит. Разлом идет по двум линиям. Невозможно проводить никакую внятную экономическую стратегию, планировать любые шаги в экономике при постоянно прыгающих ценах на все. И невозможно

сдержать инфляцию при существующем Верховном Совете, когда с помощью бюджета парламент искусственно накачивает в экономику триллионы рублей.

Стало окончательно ясно, что инфляционная, «скачущая» полоса грозит растянуться на годы...

Инфляция. Абстрактное понятие из забытого учебника по политэкономии, которое вдруг стало реальным, ощутимым, затрагивающим личные интересы каждого.

Целые слои населения сползают к черте бедности...

И при этом резкое социальное расслоение. Богатство одних контрастирует с нищетой других.

Общество вступает в тяжелую полосу социального отчуждения.

Вот мрачная картина, которую мы обнаружили вокруг себя после подведения первых итогов экономической реформы.

Можно ли было избежать всех этих бед?.. Я думаю — нет.

Любая страна прошла через такую полосу. Через экономический изолятор. Санитарный кордон на пути к процветанию.

Даже у самой богатой из всех богатых стран — у Америки — была своя Великая депрессия. Путь американцев к высокому уровню жизни был очень длинным и тяжелым.

...Однако у России, как всегда, совершенно особый случай. Начав путь к рыночным отношениям в конце века прошлого, она опять становится на этот путь на исходе века нынешнего. Уже после Аргентины и Польши, Чили и Бразилии, Венгрии и Сингапура. Огромная система мировой экономики практически сформировалась. Россия не нашла в ней своей ниши. Уход на семьдесят лет от цивилизованного мира, во время которого была построена гигантская социалистическая промышленность, лишил нас важного преимущества: естественного вхождения в рынок. Нам пришлось ломать самих себя, в очередной раз на протяжении своей истории отказываться от призрачной стабильности, от стабильности полуказарменной, полунищей жизни...

В очередной раз догонять, напрягаться, делать сверхусилие, чтобы... стать как все.

Череда этих великих российских рывков должна когда-нибудь прерваться. Да, мы станем как все, мы войдем в длинный ряд нормальных, цивилизованных стран с неизуродованной экономикой. Но, несмотря на общность наших экономических проблем с любой другой страной мира, у нас иная судьба. А после семидесяти лет социализма мы отличаемся вдвойне.

Страна больших заводов, больших институтов, больших агрофирм, больших предприятий (даже целых городов-предприятий) вольно или невольно будет воспроизводить стиль отношений, сложившийся еще при крепостном праве. Стиль прочной, традиционной взаимозависимости.

Противостоят этому «старому миру» летучие коммерческие структуры, которые пока и сами не гарантированы от любого разбоя и партнерам ничего не могут гарантировать. Зато — очень мобильны.

Сращиваться, взаимопроникать два этих мира будут долго. Я думаю, в течение многих лет. И пока это будет происходить, работники могут плавно перетекать из одной жизненной среды в другую, страхуя себя и свою семью от худшей доли. Только не нужно навязывать приоритеты, свои «обязаловки» в таком тонком деле. Сильное государство должно подставить руку гражданам там, где скользко, где страшно, где грозит беда...

Но государство и само нуждается во многом. В частности, помимо демократических гарантий, правильной международной политики оно нуждается и в порядочности, дисциплине граждан. У нас далеко не американская модель. И даже не совсем тот рынок, который, возможно, ожидался в начале 92-го года.

Специфика России обозначилась за последние два года со всей полнотой. Надо только чутко прислушиваться к ней.

И будет нормально.

* * *

Вот уже второе лето экономических реформ сменяет тревожная, полная мрачных предчувствий зима.

...Можно ли было предвидеть, предугадать такой разворот событий, можно ли было понять, что гайдаровская реформа не принесет ожидаемого — то есть быстрой стабилизации?

Конечно, можно. Трезвое отношение к планам, их корректировка, реализм в деле должны быть свойственны взрослым людям, тем более занимающим высокие посты в правительстве.

Но экономика оказалась заложницей политики.

Яростная атака на реформы со стороны парламента — и встречный вал «пропаганды и агитации», ответная защита гайдаровцев — все это мешало нормально работать. К тому же

Верховный Совет отчаянно сопротивлялся стабилизационным мерам, когда инфляция еще не достигла «точки кипения», когда замораживание доходов и ограничение кредитов еще могли на что-то повлиять. В парламенте, держа в уме возможность захвата исполнительных структур, требовали смены правительства и назначения нового, коалиционного.

Сама по себе смена кабинета министров ведь ничего страшного не означает. Страшно потерять доверие людей. Страшно проводить непоследовательную политику. Страшно начать метаться из стороны в сторону.

Нормальное правительство с социалистической ориентацией представить, особенно у нас, трудно. Коалиционное правительство в наших условиях политического раздрая — штука взрывоопасная, просто смертельная.

Технократическое правительство директоров?

И в какой-то момент я заколебался.

Была проведена принципиальная встреча с Юрием Скоковым. Он дал согласие заменить Гайдара в кризисной ситуации. Приближался седьмой съезд народных депутатов. Массового давления со стороны парламентских фракций, партий, политических движений и экономических школ, хозяйственников и предпринимателей я мог не выдержать. Все они требовали заменить Гайдара... Требовали, требовали, требовали.

Злорадство оппозиции по поводу невыполненных обещаний грозило перерасти на съезде в очередную травлю, подрывающую авторитет нашей политики, наших идей, дестабилизирующую обстановку в стране...

* * *

12 июня 1992 года, в День независимости России, в его первую годовщину, произошло скандальное выступление оголтелых анпиловцев, пытавшихся силой захватить телецентр «Останкино».

Виктор Анпилов — бывший журналист, собкор Гостелерадио в Никарагуа. Человек, как говорится, слегка сдвинулся на революционной романтике.

Роль он себе в жизни выбрал опасную: уличного вождя, генерала баррикад. Опасна она и для него самого, и для окружающих. Общество может приобрести первую российскую школу организованного терроризма.

Особенно подло, что Анпилов собирает под свои знамена воинствующих стариков. Я могу понять их чувства, их органическое неприятие того, что сейчас происходит вокруг. Но подставлять их под милицейские дубинки, да еще доплачивать за это к пенсии?! Это уже не революционная романтика, а откровенный цинизм.

Ничего подобного не было во время миллионных митингов демократов. Не было пострадавших. Всюду был порядок. Народные депутаты несли полную ответственность за безопасность колонн, и если надо — разводили их с ОМОНом, заранее обо всем договаривались с властями.

У боевиков Анпилова — совершенно другая позиция. Им нужна именно кровь. Ибо она свидетельствует о неумении властей справиться с ситуацией, является знаком беды, знаком анархии. И они стремятся добиться крови любой ценой.

И вот тогда уже проявилось основное отличие этих «народных выступлений», как их называли Верховный Совет и Хасбулатов. Несмотря на большое число пожилых людей, революционные красные знамена и прочее — это была чисто фашистская тактика. Тактика звериных наскоков, которую используют неонацисты во всем мире. Тогда, возле «Останкина», работников телевидения обливали матерной, грязной бранью. Избивали видеоинженеров, идущих домой после ночной смены. Били по голове, старались покалечить молодых милиционеров, стоявших в оцеплении.

Было очевидно, что это — опасные люди. Вернее, опасные люди стоят за этими оголтелыми демонстрантами, провокаторы, быть может, пользующиеся тайной поддержкой влиятельных государственных людей. Не имея мощной руки, создать такую ситуацию в Москве просто нельзя.

Десять минут телевизионного просмотра заронили в сердце жуткую тревогу. Я помнил эти лица у «Останкина». Это был не стихийный взрыв возмущения, а хорошо спланированная попытка нажима на власть. У «популиста» Ельцина пытались нащупать его главную болевую точку: зависимость от настроения людей, их социального самочувствия. Кто-то думал, что этот искусственный взрыв — очень точная и правильная тактика.

А я чувствовал, что меня пытаются запугать. Чувствовал наглую липу этих псевдонародных волнений. Чувствовал почерк родимого КГБ.

В ночные часы

Кто мои друзья?

...Очень сложный вопрос, хотя и кажется простым. Я по натуре человек достаточно открытый, очень люблю компанию, круг близких людей, шутку, веселье, песню...

Но все мои настоящие, «классические», так сказать, друзья юности остались в Свердловске, нынешнем Екатеринбурге. Миша Карасик, Яша Ольков, Андрей Могильников, другие ребята. Те, с кем в юности делил все. Из того круга, из людей моего поколения рядом со мной осталась жена, самый близкий мне человек. Мы с ней одного возраста, начало биографии очень схоже. Наверное, она единственная, кто меня до конца понимает.

Часто называют фамилии людей, свердловчан, возвышение которых произошло якобы благодаря моей личной симпатии: здесь и мой помощник Илюшин, и Бурбулис (которого я в Свердловске вообще не знал), и Лобов, и Петров... Но это совсем другие, «командные», партнерские отношения, которые строились на признании деловых качеств, стремлении подобрать сильную группу единомышленников.

И кстати, когда я был в опале, поддерживали меня, приезжали в гости именно свердловские студенческие друзья, я об этом писал в первой книге. Мои заместители по партийной работе в Свердловске вели себя довольно сдержанно, а то и вообще старались уйти в сторону. Но я на них зла не держал никогда, потому что понимал, еще раз повторю, что рациональное в нашем общении доминирует. И даже кое-кого из них позвал вновь работать вместе, когда настала пора.

...Вот уже больше тридцати лет я — начальник. Именно так в России у нас называют людей моего, так сказать, социального слоя. Не бюрократ, не чиновник, не руководитель — начальник. Я этого слова терпеть не могу, что-то есть в нем тюремное. Но что делать?!

Быть «первым» — наверное, это всегда было в моей натуре, только, может быть, в ранние годы я не отдавал себе в этом отчета?

Помню, как отвратительно я себя чувствовал, когда из Свердловска меня перевели завотделом строительства ЦК КПСС — мелкая должность в аппарате ЦК, особенно после руководства такой огромной областью. И как совсем иначе задышалось,

когда Горбачев «поставил на Москву». Только в ситуации профессионального напряжения я могу существовать.

У такой работы масса дурных черт. Во-первых, страдает нормальный человеческий быт. Во-вторых, много соблазнов испортиться самому и испортить окружающих. Ну а в-третьих — и об этом как-то мало говорят, — у «первых», как правило, нет близких друзей. Возникает какой-то синдром закрытости, осторожность в общении повышается неимоверно.

Все это и во мне со временем появилось — закрытость, осторожность в общении с новыми знакомыми. И все же друзья у меня есть.

...С Шамилем Тарпищевым мы встретились летом 1987 года в Прибалтике, в Юрмале. Он проводил подготовку сборной страны (был тогда старшим тренером) к матчу с Голландией на Кубок Дэвиса. Пригласил меня на матч, привез билеты. Мы поговорили о том, почему в нашей стране теннис не развит, почему нет такой популярности, как во всем мире, чего не хватает. Я пригласил его в горком, но он не пришел, вместо него появился кто-то другой из спортивных руководителей, эта его ненавязчивость мне запомнилась.

Через год опять случайно столкнулись в Юрмале, буквально нос к носу. К тому моменту я уже считался оппозиционером, со мной многие боялись общаться.

Он со своими воспитанниками играл в футбол на пляже, побежал за мячом и наткнулся на меня, от неожиданности протянул руку. Мы оба обрадовались нечаянной встрече, перебросились двумя словами, он спросил, чем я занимаюсь, сказал: может, в теннис сыграем? Шамиль впервые предложил мне сыграть пара на пару. Я отказался. Я вообще не понял, как он догадался, что я учусь играть в теннис. Мы об этом не говорили, видимо, он заметил, как я стоял и долго смотрел, когда он на кортах нашего санатория учил играть какого-то юношу.

Затем несколько раз сталкивались на «Дружбе», куда Шамиль привозил на тренировку своих ребят. И, наконец, осенью 1990 года, когда он уже был президентом Федерации тенниса (я шутил: вы уже президент, а я еще нет), я пригласил Шамиля приехать ко мне в Сочи, в отпуск. Потренироваться, поиграть.

Первое, что я оценил в игре на пару, — это потрясающая эмоциональная разрядка. Нет никакой монотонности. Каждый человек раскрывается в игре по-своему, и испытываешь удивительное чувство, когда партнер понимает тебя с полувзгляда.

Я сразу почувствовал в Шамиле какую-то верную и немногословную мужскую надежность.

И когда стал президентом, сразу предложил Тарпищеву занять должность советника президента по спорту. Принимая мое предложение, Шамиль отказался от выгодной работы за рубежом, валютных контрактов.

Сколько в нашем спорте было несчастных спортсменов, и выдающихся, и мало кому известных! Сколько изломанных судеб! Не функционер, не чиновник, а бывший профессиональный спортсмен должен взять на себя эти и многие другие проблемы большого спорта.

Шамилю бывает трудно на этой должности. Он иногда теряется из-за незнания нашей канцелярской специфики, незнания психологии чиновников, с которыми ему приходится иметь дело каждый день. Я стараюсь помочь. Не только как президент, но и как друг.

* * *

Ходит много слухов о том, что в неформальном кругу, на теннисе или, скажем, в бане какие-то люди, не известные обществу, мрачные анонимы, проникают к президенту, влияют на него, подталкивают к тем или иным решениям.

Эти слухи упорнейшим образом распространяются в народе. Думаю, что не случайно. Используя мою нелюбовь к публичным выступлениям с телеэкрана, кто-то пытается навязать обществу образ слабого, легко поддающегося на нажим политика.

В этой главе я постарался показать, как трудно принимались те или иные глобальные решения. Правильные или нет, но они всегда были результатом тяжелейшего выбора.

adidas

После суперфинала турнира «Большая шляпа» — с президентом
Ш. Тарпищев, Н. Караченцов, Б. Ноткин

Иногда приходится быть и старшим тренером.
В раздевалке футбольной команды правительства Москвы

Внук и дед. Рукопожатие после победы в паре

Катя, Маша и Боря с дедушкой

Наина, Лена и Таня...
и внук Борис

Поздравления чемпионам. В футбольной раздевалке «Спартака»

Б.Н. Ельцин и Рютаро Хасимото на прогулке.
В государственной резиденции «Русь» в Завидово

Президент России Б.Н. Ельцин и президент Финляндии Мартти Ахтисаари на берегу Онежского озера

РОССИЯ. ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

1992 год

Сентябрь

Курс рубля продолжает падать. Цена 1 доллара США на 1 сентября — 210,5 рубля.

2 сентября Ельцин заявил, что не услышал в принципе никаких новых предложений от министра иностранных дел Японии Ватанабэ на встрече в Кремле. Ельцин вновь напомнил, что у него существует 14 вариантов решения территориальных вопросов, и подчеркнул, что Россия и ее президент не могут решать эти вопросы в условиях какого бы то ни было нажима.

Россия предполагает полностью отказаться от паспортной системы. Действующие сейчас паспорта будут заменяться удостоверением личности.

3 сентября в Москве начал работу Совет министров обороны государств — членов СНГ. Делегация Грузии присутствует в качестве наблюдателя.

Россия приостановила поставки нефтепродуктов Японии и Западной Европе из-за необходимости обеспечить топливом на зиму российский Север и не допустить срыва уборочной кампании.

Вызвал лавину слухов и предположений перенос визита Президента России в Японию. Сам Ельцин сказал об этом так: «Япония поставила вопрос о Курилах слишком категорично. Мы с этим согласиться не можем. Более того, ехать в Токио ни с чем и, как в прошлый раз Горбачев, бегать от экстремистски настроенных студентов — такого унижения не может потерпеть ни Россия, ни ее президент».

16 сентября при голосовании в латвийском парламенте только нескольких голосов не хватило, чтобы Российская армия обрела на территории республики статус «оккупационной».

17 сентября на пресс-конференции представители оппозиционного парламентского блока «Российское единство» заявили, что правая и левая оппозиция объединяется в борьбе за свержение президента и правительства России.

22 сентября 1 доллар США — 241 рубль.

С 1 октября начинают действовать все 64 пункта таможенного контроля на границах России со странами Балтии, Украиной, Азербайджаном, Грузией.

Горбачев на своей пресс-конференции после поездки в Германию в числе прочего объяснил свою неявку на заседания КС: «Это не Конституционный суд. Это политический процесс в рамках Конституционного суда... Втянуть себя в участие в спектакле я не позволю. Пойти в суд меня не заставят».

Октябрь

1 октября 1 доллар США — 309 рублей.

Ельцин подписал Указ «О проведении на территории Московской области в 1992 году эксперимента по аукционной продаже земельных участков для индивидуального жилищного строительства».

Министерства безопасности и иностранных дел получили указания не допускать выезда Горбачева за границу, пока он не явится в суд исполнить свой гражданский долг. В связи с этим Горбачев был вынужден отложить свою поездку в Сеул, встречу с президентом Ро Дэ У и чтение лекций.

13 октября члены общества «Память» совершили налет на редакцию газеты «Московский комсомолец».

20 октября на встрече с журналистами Хасбулатову стало плохо. Отмечено повышение давления, бледность, головная боль. Денисенко, член российского парламента и первый замминистра здравоохранения России, была допущена в кабинет к занемогшему Хасбулатову и по комплексу клинических симптомов констатировала наркотическое опьянение средней тяжести.

ВС РФ отклонил предложение Ельцина и Совета глав республик РФ о переносе даты внеочередного, седьмого съезда. Съезд состоится 1 декабря.

Ельцин подписал распоряжение о ликвидации Управления охраны объектов высших органов власти и управления РФ — 5-тысячного вооруженного формирования, подчинявшегося спикеру парламента Хасбулатову.

Ноябрь

4 ноября ВС РФ утвердил исполнявшего обязанности председателя ЦБ России Геращенко на эту должность.

Президент РФ объявил на встрече с ректорами крупнейших российских вузов, что нынешней осенью студентов в армию призывать не будут.

10 ноября за 1 доллар США на ММВБ дают 403 рубля (прошлые торги — 399 рублей).

Перед отъездом в Лондон Ельцин подписал указ о назначении Шахрая главой Временной администрации в Северной Осетии и Ингушетии. 12 ноября Шахрай должен отбыть во Владикавказ.

Подал рапорт с просьбой об отставке командующий внутренними войсками МВД России генерал-лейтенант Саввин. Сделал он это сразу же после возвращения из зоны чрезвычайного положения в Северной Осетии.

Российский наемник в Абхазии расстрелян по приговору военно-полевого суда Сухуми.

17 ноября в Москве состоялся аукцион по продаже недвижимости, организованный по поручению правительства столицы АО «Альфа-эстейт» и его филиалом. В результате торгов было реализовано 6 объектов на общую сумму, превышающую 2,5 миллиарда рублей.

Гайдар находится на Урале с рабочим визитом. Во время посещения Уральского завода тяжелого машиностроения он сообщил, что низшую точку падения объемов производства Урал прошел.

18 ноября Ельцин прибыл в Сеул. Его визит (первый) в Азиатско-Тихоокеанский регион должен означать начало «активной восточной политики» России.

25 ноября снят руководитель телевидения Егор Яковлев. Ему предъявлены серьезные политические обвинения. Решение принято, как говорится в указе президента, «в связи с допущенными недостатками в организации работы по освещению событий в районе чрезвычайного положения, а также нарушением указов Президента РФ, устанавливающих ограничения на распространение информации с территорий Северо-Осетинской ССР и Ингушской республики».

26 ноября центральным событием на совместном сессионном заседании ВС РФ стало обсуждение правительственной программы неотложных мер по выводу экономики из кризиса. Вопреки предварительным прогнозам дискуссия началась в деловом конструктивном духе, без эксцессов.

С 19 по 24 ноября в столице был ваучерный бум. За неделю цена ваучера на черном рынке поднялась с 4100–4300 до 7500 рублей. Были зафиксированы сделки и по 8 тысяч за ваучер.

Подписан указ об отставке министра печати и информации Полторанина. Он освобожден «по собственному желанию».

Подписан указ об упразднении должности госсекретаря при президенте. Поэтому Бурбулис освобожден от этой должности и назначен руководителем группы советников при Президенте РФ.

30 ноября оглашено решение КС. Большинство пунктов трех указов президента признаны соответствующими Конституции, часть — нет. Запрет высших организационных структур КПСС и РКП соответствует Конституции, что касается первичных территориальных организаций, то они имеют право на деятельность. Та часть имущества, которую партия присвоила у государства, подлежит изъятию, то, что было исключительно партийным, — нет. По вопросу конституционности КПСС суд мнения не высказал. Дело по этому иску прекращено, так как партия фактически прекратила существование в августе 1991 года.

Декабрь

1 декабря в Кремле начал работу съезд народных депутатов РФ. В церемонии открытия приняли участие Ельцин, члены правительства.

2 декабря Хасбулатов изложил взгляд на ход экономических реформ в России. Обстановку он охарактеризовал как крайне сложную и ухудшающуюся. Проблема номер один — спад производства. Другая проблема — обнищание людей. Хозяйство теряет управляемость. Он предложил свои пути выхода из кризиса.

Обозреватель Отто Лацис, анализируя доклад Хасбулатова 2 декабря, уличил его не просто в манипулировании цифрами, а в приведении заведомо неправдоподобных данных.

«Завтра надо закончить съезд», — сказал 7 декабря Хасбулатов. Депутаты встретили предложение аплодисментами. Одна из главных битв — поправки к Конституции — позади. Осталось решить, кому быть главой правительства. Кандидатура Ельцина — Гайдар. По поступившей информации Ельцин будет представлять его 8 декабря.

Народные депутаты приняли постановление, которое фактически восстанавливает управление охраны объектов высших органов госвласти РФ, ликвидированное 27 октября распоряжением Ельцина.

8 декабря курс доллара на бирже — 419 рублей.

10 декабря с обращением к гражданам России выступил Ельцин. Он сказал, что на съезде создались невыносимые усло-

вия для работы правительства и президента. ВС хочет обладать всеми полномочиями и правами, но не хочет нести ответственность. Блокируются реформы, есть опасность разрушения всех позитивных процессов. Ельцин сказал, что видит выход из кризиса в проведении всенародного референдума, и призвал граждан начать сбор подписей. Президент обещал подчиниться воле народа, какова бы она ни была.

Выступивший на съезде председатель КС Зорькин призвал провести немедленные переговоры с целью достижения согласия и предложил себя в качестве посредника.

11 декабря курс ваучера упал. За три дня он подешевел с 7800 до 6800 рублей.

12 декабря при участии Зорькина состоялись переговоры между Ельциным и Хасбулатовым. Подписан согласительный документ «О стабилизации конституционного строя РФ».

14 декабря заседание съезда началось резкими требованиями оппозиции вернуться к принятому в субботу постановлению о выходе из создавшегося кризиса. Астафьев заявил, что произведен антиконституционный переворот и «к власти пришла хунта». Горячева выступила с обличением «антинародной» деятельности Гайдара. Главная задача съезда сегодня — избрать премьер-министра по новой, определенной субботним постановлением формуле.

15 декабря главой правительства РФ избран Черномырдин. С 1989 года — председатель правления концерна «Газпром». В 1992 году назначен вице-премьером правительства России. Гайдар объявил о своем намерении покинуть кабинет. Команда Гайдара тоже заявила о своем уходе.

В Москву с официальным визитом прибыл канцлер ФРГ Коль.

1993 год

Январь

3 января Борис Ельцин и Джордж Буш в Кремле подписали Договор СНВ-2.

«Российско-американский договор о СНВ-2 не возлагает на Украину каких-либо обязательств, и его действие не распространяется на ее территорию», — заявил Президент Украины Леонид Кравчук.

«Карабахский конфликт будет решаться не в Москве или Вашингтоне, а, по всей видимости, на поле брани» — такое заявление сделал на пресс-конференции в Баку государственный секретарь Азербайджана Панах Гусейнов. Это была первая реакция официального Баку на совместное заявление президентов России и США по Нагорному Карабаху. Президенты обеих держав возложили равную ответственность на обе конфликтующие стороны и не ответили на главный вопрос: какая из сторон является агрессором.

Минимальный размер оплаты труда для работников учреждений, организаций, предприятий России, находящихся на бюджетном финансировании, составит с 1 февраля 2250 рублей.

В ближайшие дни жители Эстонии начнут покупать пропуска для въезда в Ленинградскую область. Еще раньше плату за въезд ввела Псковская область.

С 29 декабря по 5 января цены по 70 основным видам продуктов питания, за которыми ведет наблюдение Госкомстат России, выросли на 9,5%. В целом за последние две недели — на 19%. Такие высокие темпы прироста цен зафиксированы впервые после их либерализации (исключая только первую неделю 1991 года).

Шахта «Воргашорская», бастующая с 4 декабря прошлого года, продолжает протестовать в одиночку. Рабочие других шахт Воркуты отказались присоединиться к ней, заявив агитаторам, что хотя и признают их требования справедливыми, но считают, что забастовка сейчас неуместна, ибо повредит реформам.

12 января произошло возгорание в одном из вспомогательных корпусов Чернобыльской АЭС. Пожар был ликвидирован в течение часа. Пострадавших нет, изменений в радиационной обстановке не зафиксировано.

По словам министра обороны Эстонской Республики Хайна Ребаса, из 505 объектов на территории Эстонии, принадлежавших Российской армии, Россия передала под юрисдикцию эстонского государства лишь 53.

В Риге завершились переговоры между прокуратурами Латвии и России, на которых рассматривалась судьба бывшего заместителя командира рижского ОМОНа Сергея Парфенова. Заместитель генерального прокурора Латвии Анцанс считает ситуацию вполне благоприятной для Парфенова.

ВС РФ подтвердил дату проведения референдума 11 апреля и установил срок обнародования выносимых на референдум вопросов — 1 марта.

Усилена охрана Белого дома. Повышенные меры безопасности наблюдатели связывают с инцидентом 15 января, когда некоторые участники пикетов, организованных рядом оппозиционных групп, препятствовали проходу депутатов в здание.

19 января зафиксирован рекордный курс — 474,5 рубля за один доллар США.

Добыча нефти в минувшем году составляет 384 миллиона тонн, что на 64 миллиона меньше уровня 1991 года.

Безрезультатно завершились переговоры между делегациями Кишинева и Тирасполя по урегулированию приднестровского конфликта.

29 января в Доме российской прессы председателю Конституционного суда Зорькину была вручена премия «Национальное согласие». Этой премии он удостоен, как сказано в решении специальной комиссии, «за гражданский поступок, совершенный им 9–10 декабря на съезде народных депутатов России».

Устав СНГ подписали главы семи государств Содружества. Под документом не поставили подписи главы Украины, Молдовы и Туркменистана.

Учредительная конференция комсомольцев России воссоздала республиканскую организацию комсомола — Российский коммунистический союз молодежи.

«Победителей на апрельском референдуме не будет», — заявил глава российского парламента Хасбулатов. Выступая на заседании Президиума ВС, он высказал мнение, что результаты референдума при всех вариантах будут иметь однозначно отрицательные последствия.

«Спада в АПК можно было избежать», — заявил Руцкой на пленуме ЦК профсоюза работников агропромышленного комплекса РФ. Куратор реформ в сельском хозяйстве отметил, что существующая колхозная структура, которую обрекли на слом, вполне жизнеспособна.

26 января 1993 года Центральная комиссия Всероссийского референдума приняла постановление об образовании округов референдума. Образовано 89 округов.

29 января в ходе обсуждения бюджетного послания российским парламентом депутатам было предложено принять поста-

новление о дополнительном выделении Верховному суду России 32,5 миллиона рублей для организации и проведения «процесса ГКЧП». Постановление принято.

Февраль

По данным Госкомстата, в прошлом году впервые за послевоенные годы произошло абсолютное сокращение численности жителей России: население уменьшилось более чем на 70 тысяч и составило 148,6 миллиона человек.

В январе цены на основные продовольственные товары выросли на 25 процентов. Индекс инфляции в январе составил 126 процентов. Ежемесячный рост цен на 25 и более процентов происходит в России уже четыре месяца подряд.

Черномырдин подписал постановление правительства «О государственном регулировании цен на хлеб и хлебобулочные изделия».

По сведениям Минобороны Армении, все попытки решить с Азербайджаном на двусторонней основе проблему военнопленных пока ни к чему не привели.

Государственная национальная телерадиокомпания Узбекистана прекратила трансляцию информационной программы российского телевидения «Вести».

Согласно распоряжению Шеварднадзе полиция Тбилиси переведена на казарменное положение. МВД, Минобороны и прокуратура республики должны принять меры по предотвращению нападений на военнослужащих и военные объекты Российской армии.

Указом Президента РФ, не подлежащим опубликованию, утверждено положение об очередном органе — Межведомственной комиссии Совета безопасности по борьбе с преступностью и коррупцией.

Россия должна выплатить кредиторам в 1993 году 40 миллиардов долларов. Эта сумма практически равна большей части планируемых общих доходов от экспорта в текущем году, и ее надо будет выплатить, если не удастся договориться об отсрочке долгов, заявил министр внешних экономических связей России Глазьев.

11 февраля в «Зеленой гостиной» БКД состоялась встреча Президента России Ельцина с Хасбулатовым и Зорькиным. О теме разговора в прессу сообщений не поступало.

12 февраля в Кремле открывается Всероссийское совещание по борьбе с преступностью. Ожидается, что в работе заседания примут участие президент Ельцин, вице-президент Руцкой, министр внутренних дел Ерин, министр безопасности Баранников. Основной доклад на совещании делает Руцкой.

Конституционный суд России признал неконституционными те положения Указа Ельцина «О мерах по защите конституционного строя России», согласно которым был распущен оргкомитет Фронта национального спасения.

В связи с инфляцией максимальная планка годового дохода физических лиц, с которого подоходный налог будет взиматься по минимальной ставке в 12%, будет повышена с 200 тысяч до 1 миллиона рублей.

Четыре вида наказаний — ссылка, высылка, условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду и условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду — исключаются из юридической практики России.

МИД Молдовы направил ноту протеста МИД России. Поводом послужили учения дислоцированной в республике 14-й армии России. В документе выражается обеспокоенность в связи с тем, что эти учения проводятся без разрешения руководства Молдовы.

Каждая из трех ветвей федеральной власти в России — исполнительная, законодательная и судебная — будет иметь собственную независимую и самостоятельную охрану. Такое решение принял российский парламент на совместном заседании палат, проголосовав за принятие Закона «О государственной охране высших органов власти РФ и их должностных лиц».

В ночь с 20 на 21 февраля военный самолет нанес бомбовый удар по Сухуми. По мнению грузинского командования в Абхазии, ответственность за эту акцию лежит на России.

Шеварднадзе заявил, что, если будут продолжаться заявления, подобные заявлению министра обороны России Грачева (о наличии стратегических интересов России на грузинском побережье Черного моря), и акции, подобные ракетному удару по Сухуми, Грузия будет вынуждена объявить всеобщую мобилизацию.

Парламент Грузии принял постановление, которым счел недопустимым дальнейшее пребывание российских войск в Абхазии в силу их явного участия в конфликте.

ВС РФ принял решение созвать внеочередной восьмой съезд предположительно 10 марта.

Требование Шеварднадзе вывести российские войска с территории Абхазии — грубое вмешательство в дела Абхазии, заявил председатель ВС Абхазии Ардзинба.

Март

Угольные предприятия Кемеровской области 1 марта проводят предупредительную забастовку в знак протеста против невыполнения правительством требований, предъявленных еще в начале февраля.

2 марта в Москве открылись парламентские слушания по российско-американскому Договору СНВ-2, подписанному 3 января Ельциным и Бушем.

Как и ожидалось, все утреннее заседание сессии ВС 4 марта было посвящено обсуждению повестки дня внеочередного восьмого съезда, назначенного на 10 марта. Цель съезда — отмена референдума.

Конгресс кабардинского народа потребовал извинений от генпрокурора России Степанкова в связи с его выступлением 28 февраля в программе ТВ «Итоги», в котором он обвинил ККН в попытке захвата власти насильственным путем, наличии вооруженных формирований и стремлении к разрыву Федеративного договора.

Вечером 9 марта, за несколько часов до начала работы восьмого внеочередного съезда, ВС провел совместное заседание с единственным пунктом повестки дня: обсуждение вопросов, предложенных президентом на референдум.

Минобороны Азербайджана наложило запрет на ежедневные сводки из района боевых действий в Нагорном Карабахе.

11 марта. Второй день съезда начался с выступления президента. Он настоял на рассмотрении положения о стабилизации конституционного строя и привел аргументы для решения о вводе в состав правительства Центрального банка и других федеральных финансовых учреждений.

Получен первый платеж Украины за российский природный газ.

Третий день работы съезда показал, что политическое напряжение достигло пика. Не были приняты поправки президента к проекту постановления о стабилизации конституционного

положения. В тот же день Ельцин, Хасбулатов и Зорькин провели переговоры за закрытыми дверями.

13 марта съезд закончил работу, специальным решением отказавшись санкционировать проведение референдума. Направленные на проведение референдума 20 миллиардов рублей решено направить для социальной защиты и обустройства военнослужащих.

«Мы практически имеем дело с началом открытого конфликта между Россией и Грузией», — заявил Эдуард Шеварднадзе после того, как в ночь с 15 на 16 марта резко обострилась ситуация вдоль всей линии фронта по реке Гумиста.

Правительство России приняло заявление, в котором поддержало всенародно избранного президента и его позицию.

20 марта Ельцин обратился к гражданам России по двум каналам телевидения. В обращении он сказал, что на нем, как на президенте, лежит обязанность обеспечить сохранение единства и целостности РФ, поэтому он подписал указ об особом порядке управления до преодоления кризиса власти.

24 марта заседание ВС началось с чтения секретарем Конституционного суда заключения по поводу обращения Ельцина к гражданам России. Решение КС дает основания для объявления импичмента президенту.

ВС принял решение о создании собственной телепрограммы «РТВ-парламент».

26 марта открылся внеочередной девятый съезд народных депутатов России.

На съезде состоялось голосование об импичменте Президенту России Борису Ельцину. После подсчета голосов решение об импичменте не принято.

Съезд принял решение о проведении 25 апреля Всероссийского референдума.

29 марта утреннее заседание девятого съезда Хасбулатов начал с заявления, в котором обвинил президента и его окружение «в призывах к бунту».

30 марта на закрытом заседании президиума российского парламента рассматривался документ о создании департамента охраны ВС РФ. Предположительно численность этого департамента будет доходить до двух тысяч человек.

ГЛАВА 7

ЧЕРНАЯ ПОЛОСА

Парламентский капкан

Не случайно я назвал эту главу «Черная полоса». Потрясшие мир события 3–4 октября — оттуда, из этой черной полосы, когда страна жила в непрерывной трясучке съездов и сессий, когда цифры голосования по вопросу о доверии президенту мелькали на первых полосах газет, когда декларируемая законом нестабильность затянула страну.

Внешне это выглядело как торжество демократии. У нас, как в Италии, — затяжной правительственный кризис, попытки парламента заменить премьера, попытки президента договориться с парламентом. Все «как у людей».

Этот период открытого противостояния завершился референдумом. Завершился, как мне казалось, цивилизованным путем. После этого оставалось только договориться о механизмах реализации итогов общенародного голосования.

Однако так не получилось. Закончить эту историю мирно не удалось.

Значит, все-таки было не «как у людей». Значит, это была не просто парламентская борьба. Борьба за те или иные законы, за то или иное правительство. За ту или иную политику.

Нет, это была борьба против президента, борьба за власть. Сначала скрытая, потом все более явная. Это была борьба за изменение государственных основ.

Если говорить еще более точно — это была долгая, тщательно продуманная попытка переворота.

Если бы я раньше понял, что этот парламент ни при каких условиях не примет новую Конституцию, что он не способен

договариваться, неспособен, в конце концов, создавать законы — не было бы октябрьских событий. Не было бы крови. Не было бы того морального шока, который испытали все мы. Не было бы раскола среди демократов, который грозит перерасти в новую проблему.

Какая сила затянула нас в эту черную полосу?

Прежде всего — конституционная двусмысленность. Клятва на Конституции, конституционный долг президента. И при этом его полная ограниченность в правах.

Во-вторых, синдром августовского путча. Новая Россия появилась вопреки чрезвычайному положению, на волне защиты демократии.

И после этого нарушать закон? Это был суровый морально-психологический, а не только юридический барьер...

В-третьих. Это только сейчас кажется, что президент и парламент вечно, всегда были этакими гладиаторами на арене. Многие депутаты вошли в правительство, заняли в нем достаточно высокие посты. Работа парламентских комитетов и комиссий принесла много полезного. Политический раскол произошел не вдруг, а назревал исподволь и постепенно. Это очень тонкий, порой неуловимый процесс.

Ну и еще один немаловажный фактор.

Русское авось. Я, кстати, в это древнее понятие вкладываю не беспечность, не легкомыслие, не лень. Скорее, эта наша национальная черта сродни вере в лучшее. Надежда на лучший исход событий, на то, что «Бог — он все видит».

Вот и мне казалось: неужели после семидесяти лет советской власти, таких мучительных и долгих, мы будем с оружием в руках выяснять, кто главнее — парламент или президент? Неужели эти поправки, съезды, резолюции, голосования стоят того, чтобы потрясать страну, подрывать стабильность, достигнутую с таким трудом?

Неужели кто-то опять хочет революции?

* * *

...Полтора года каждый день люди по телевизору могли наблюдать трансляции заседаний съездов и сессий. Полтора года каждый день на этих съездах и сессиях выступали депутаты, причем лейтмотивом большинства выступлений было стремление разоблачить Ельцина. Доказать, что он не способен править страной. И если этих многих месяцев агитации не хватило, если

референдум подтвердил полномочия президента — какие еще могут быть вопросы? Ведь люди верят, что мы можем работать вместе. Давайте думать, что делать дальше, давайте договариваться.

Не вышло договориться.

Дневник президента

6 ноября 1992 года

Мы встретились с Хасбулатовым в Кремле. Эта встреча продолжалась с половины седьмого до половины двенадцатого ночи. У нас не было какого-то системного разговора, затрагивались разные вопросы.

Хасбулатов сидел и непрерывно курил свою трубку, практически не выпуская ее изо рта. Он даже зеленый стал от табака. Пили сухое белое вино цинандали. Он рассказал про свои домашние заботы — мать у него сейчас в Чечне, там же многие близкие родственники. Дудаев, по сути, держит их как заложников.

Я поинтересовался, почему у него не сложились отношения с Филатовым, первым заместителем. Он обвинил во всем Филатова, хотя я считаю, что тут он абсолютно не прав. Филатов очень интеллигентный, порядочный человек, и, естественно, он не принимает деспотичной манеры спикера.

...Я вспоминаю тот момент, когда остановил свой выбор на Хасбулатове. К сожалению, в этом был элемент случайности, я его раньше совсем не знал. Когда на съезде трижды не прошла кандидатура Шахрая на должность моего заместителя — консервативная часть парламента не принимала его, — я собрал согласительную комиссию. Представители фракций называли очень много кандидатур, человек пятнадцать. Я понимал, что нужно найти какую-то компромиссную фигуру, которую мало знают и которая устроит и демократов, и консерваторов. Так возникла кандидатура Хасбулатова. Он не русский, и в этом был определенный политический смысл, его поддержат автономии. Биография у него вполне обычная — ученый, преподаватель политэкономии. В общем, Хасбулатова поддержала согласительная комиссия, и он легко прошел на выборах. Когда я был председателем, он советовался со мной по каждому вопросу, в большую политику не лез.

...Иногда разговор переходил в жестковатый режим. За время нашей совместной работы я хорошо изучил его натуру. У него всегда по одному и тому же вопросу заготовлено несколько мнений. Вслух он высказывает только одно, а остальные держит при себе наготове. Внешне это выглядело как обыкновенная беседа двух деловых людей. Но внутреннее напряжение было чрезвычайно высоко. Каждый хотел быть лидером. Меня к этому обязывает, так сказать, служебное положение. А у него, как мне кажется, это какая-то природная страсть.

Я начал разговор с жесткого упрека: мне в глаза вы говорите одно, а делаете другое. Недавно на семинаре в Чувашии, в Чебоксарах, куда были приглашены руководители законодательной и исполнительной властей России, я выступил с попыткой разрешить конфликт между ними. Я сказал Верховному Совету: давайте сотрудничать, протянул руку, сделал шаг навстречу. Затем, на открытии сессии, попытался сделать еще один шаг. В ответ — полное молчание. Как же так?

Хасбулатов сказал, да, мы ошиблись, надо было среагировать немедленно, официально, я это сделаю в ближайшие дни, мы примем политическое заявление на Верховном Совете, что поддерживаем президента, его заявления в Чебоксарах, и парламент покажет, что он тоже готов пойти навстречу...

Конечно, это ненормальная ситуация, когда две власти не могут договориться между собой. Важно снять напряжение у людей. Поэтому я согласился с предложением Хасбулатова. И ничего страшного, что это произойдет месяцем позже, чем они могли бы это сделать. Главное — разрядить атмосферу перед съездом...

Я говорю: давайте не будем позориться и устраивать перед всеми россиянами, перед всем миром драчку. Если поведение депутатов будет принимать непарламентские формы, председательствующий должен немедленно пресекать такие вещи, отключать микрофон, сажать скандалистов на место.

Вроде согласился...

* * *

Пора прервать эту мучительную запись. Еще мы с Хасбулатовым обсуждали поправки к Конституции, состав правительства. Поименно. Список, предложенный Хасбулатовым, состоял из десяти фамилий и совпадал с предложениями «Гражданского союза». При этом спикер предложил компромисс: Гайдара да-

вайте оставим, дадим ему поработать, раз вы так настаиваете, а новых министров введем. Ну что за издевательство! Гайдар на такое никогда бы не пошел. Старательно уходил я и от разговора о Бурбулисе.

...И только теперь понимаю — он специально втягивал меня в эти изнурительные, изматывающие отношения. Это была его главная идея: угрожая противостоянием, заставить отступать, уступать, отрезать самому себе хвост по кусочкам. И привести к взрыву. Ведь не мог же он всерьез полагать, что я испугаюсь достаточно пассивного, аморфного состава парламента, который в тот момент четко контролировался практически одним движением бровей Хасбулатова. Не мог думать, что я испугаюсь и круто изменю политический, стратегический курс. Короче говоря, это был не поиск компромисса, в который я тогда верил, а игра в компромисс, его имитация.

* * *

Однажды я проезжал на машине мимо митинга национал-патриотов или коммунистов — не знаю уж, кого было больше. Кажется, коммунистов. Останавливаюсь. Смотрю: стоит пожилая бабка, в руках полотнище — красный флаг, и она машет им, как маятником, будто ее кто дергает за веревочки. Вяло так, монотонно, и приговаривает при этом: долой, долой… Я попросил Коржакова подойти к ней и спросить: кого долой-то? Он подошел, спросил, она в ответ: да пошел ты!..

К сожалению, Хасбулатов оказался человеком, самой природой созданным, чтобы дергать за веревочки.

В составе Верховного Совета — в принципе — были люди с головой, которые активно думали над законами, над бюджетом, над вопросами внутренней и внешней политики. Но за годы спикерства Хасбулатова они — хотя ничем другим не занимались вроде бы — так и не смогли выдвинуть свою концепцию развития России. Хасбулатов как бы закупорил собой на целых два года политическую оппозицию, прорывался только пар — люди, которые могли или орать, или говорить страшные слова со стеклянными глазами.

Это горький моральный урок, и мне искренне жаль наш первый парламент, но придется признать: Хасбулатов изуродовал его, превратил нормальных людей в марионеток политического спектакля.

Обидно.

* * *

...Существует мнение, что наш бывший парламент — урод в замечательной семье парламентов разных стран: умных, благопристойных и исключительно демократических.

Однако это не совсем так. Слова «конгрессмен», «депутат», «сенатор» на разных языках мира вовсе не окружены таким уж сияющим ореолом. Достаточно вспомнить определенные страницы Марка Твена, чтобы осознать: эта должность нередко ассоциируется в сознании западных людей и с коррупцией, и с официальным бездельем, и с надутой, пустой важностью.

Одним словом, спорить с тем, что парламентской деятельности порой сопутствуют скандалы и разоблачения, не приходится.

Съезд, придуманный Горбачевым, — это уже другая статья.

Съезд — это даже не парламент, со всеми присущими ему особенностями.

Созданный перестройкой съезд должен был отражать структуру советского общества — компартия имеет особое место, профсоюзы, спортсмены и филателисты — особое, творческие союзы тоже, ну и так далее.

Но главное, что в момент выборов никого, кроме прежнего «начальства», реально в политической жизни не было — за них и голосовали.

Страна у нас, конечно, большая. И все-таки полторы тысячи человек — это уже не парламент, не сенат, а какое-то народное вече. Тут уже кто кого перекричит. Тихим голосом говорить бесполезно — начинают действовать законы большого пространства, психологические факторы общения с толпой (в данном случае с толпой народных избранников). Пусть не Ельцин, другой президент все равно был бы вынужден прибавлять «металла в голосе».

Когда в парламенте полторы тысячи человек, возникает огромное количество фракций, вербующих себе сторонников, плюс огромное количество независимых депутатов... Это арена беспощадной политической грызни, схватки амбиций. Это прежде всего крики у микрофона, это истерики, раскаленные эмоции.

Каждый хочет какую-то свою проблему поднять. То национальную, то экономическую, то внешнеполитическую. К повестке дня никакого отношения это порой не имеет. Просто наболело у депутата, вот он и выступает один против всех.

...На седьмом съезде, в декабре 1992 года, предстояло решить вопрос о руководителе российского правительства, кандидатуру которого я должен был предложить. И борьба шла очень серьезная. Поэтому приходилось помимо работы на заседаниях проводить встречи, беседовать и с представителями фракций, и с отдельными депутатами, и с главами администраций.

То есть сил на седьмом съезде было угрохано масса. И все с одной только целью — уговорить.

Упросить. Умолить. Уломать. Чтобы не угробили реформы в России. Чтобы оставили Гайдара и его команду реформаторов. Чтобы российское правительство смогло нормально работать.

Все ждали, что на седьмом съезде будет обсуждаться проект новой Конституции. Однако этого не произошло. Все было повернуто в совершенно другую плоскость — началось обсуждение поправок к старой, действующей Конституции.

Внешне этот шаг выглядел вполне логично. Именно таким путем мы и шли, когда я был Председателем Верховного Совета России. Мы ввели понятия суверенитета, частной собственности, ввели пост президента и так далее. Мы спешили с экономическими реформами, оставляя политические на потом.

Но с юридической и политической точки зрения этот процесс расшатывания Конституции не мог быть бесконечным, он имел какой-то логический предел. Разбухание поправок принимает в конце концов бесконтрольный характер, они начинают противоречить друг другу, логики в них никакой нет, никто ничего не понимает, наступает законодательная анархия.

Съезд потребовал, чтобы все основные политические и экономические действия совершались под его контролем. Разрушался один из основополагающих принципов разделения властей. Основную часть моих поправок, которые я попросил рассмотреть, съезд отверг. Таков был итог долгой и мучительной борьбы, всех этих нервных и изматывающих обсуждений, дискуссий о поправках, навязанных Верховным Советом.

Когда я смог спокойно обдумать случившееся, то понял: это — коллективное безумие. Не может такой орган руководить страной. Тут уже пахнет революционной ситуацией. А в запахе революции доминирует запах крови.

В ночные часы

Сегодня 7 ноября. Часть народа по привычке празднует, часть — иронически ухмыляется, глядя на красные знамена. Странное у меня отношение к этому празднику.

В Свердловске 7 ноября был для меня одним из самых напряженных рабочих дней. Организация народных торжеств в масштабе города с миллионным населением — занятие ответственное и утомительное. Однажды накануне праздника я возвращался в Свердловск. Ехать надо было километров шестьдесят, водитель сбился с пути, и в конце концов машина капитально застряла в какой-то канаве. Что делать? Темно, ничего не видно. В машине нет телефона, связаться с городом невозможно. Посмотрели по карте: до ближайшей деревни восемнадцать километров. Время — одиннадцать вечера. А в девять утра я должен быть в Свердловске. Если первое лицо в области не появляется 7 ноября, в главный праздник страны, на трибуне — это не катастрофа, это хуже. Такого не может быть. Значит, он либо умер, либо его сняли. А я не умер, меня не сняли, я полтора часа пытался вытащить газик из канавы, и во втором часу ночи стало понятно, что сегодня мы на этой машине никуда не уедем. Что будет завтра?

А у нас было не как в Москве, где на Красную площадь выходили только представители коллективов и демонстрация продолжалась два часа. У нас шли семьями через главную площадь, проходил весь город, и длилось это часа четыре-пять. Глаза закрою — и вижу эти бесконечные колонны людей, украшенные флагами и цветами, улыбающиеся, счастливые лица.

...И вот мы втроем, по колено в снегу, в кромешной тьме, бредем в сторону деревни, а я про себя считаю: по хорошей дороге быстрым шагом человек делает пять километров в час, значит, к тому времени, как мы по этому снегу добредем до деревни, уже утро настанет. Было градусов десять мороза, от нас валил пар. Вскоре мы уже падали с ног от усталости, хотелось лечь в снег и уснуть. Главное — не садиться, потом не встанешь... Один раз все-таки не выдержали, сели, и сразу — моментальное расслабление, тянет в сон, и потом встать просто невозможно. А шли по пашне, не по дороге.

Все-таки дошли до деревни часа в три ночи. Вся деревня, как назло, в дымину пьяная! В какой дом ни постучишь — все в стельку. Мы спрашиваем, где тут телефон, где можно трактор

найти, — никто ничего ответить не может. Они уже вовсю празднуют.

Наконец нашли трактор. Посадили тракториста, тоже пьяного, с собой в кабину. Время уже к шести. Меня дрожь берет. Покажи, где телефон, кричу трактористу, где телефон!.. Ничего понять не может. Все-таки нашли сельсовет, открыли дверь, дозвонились до начальника областной милиции. Я говорю: операцию надо провести быстро, точно, как вы умеете. Первое: срочно высылайте вертолет на ближайшую трассу. На место, куда мы доедем на тракторе, вышлите трезвого водителя, чтобы трактор отправить обратно в деревню. Продумайте маршрут по городу, чтобы я успел быстро доехать до дома. (В городе уже перекрывают движение, строятся колонны. А жил я от площади буквально в трех минутах ходьбы.) Исполняйте! Я должен быть на трибуне в половине десятого, максимум без двадцати...

В девять мы добрались без приключений на тракторе до дороги, вертолет уже кружит. Летчик видит нас, садится. Я впрыгиваю в вертолет, взмываем. В полдесятого вертолет садится на площадку аэропорта, к самому трапу подъехали машины, «скорая» и ГАИ. Прекрасно сработали гаишники — по городу промчались за какие-то минуты. Милиция на несколько секунд останавливала колонны, «разрезала» их, мы проскакивали, и колонны продолжали движение. Прямо со свистом доехали до моего дома, уже без пятнадцати десять. В этот момент я должен подниматься на трибуну. Дома все были предупреждены, и когда я открыл дверь, семья кинулась мне навстречу, кто с костюмом, кто с рубашкой, кто с галстуком. Все меня переодевали, а я в это время брился. С боем часов, в десять ноль-ноль я торжественно поднялся на трибуну. Успел!

Сегодня 7 ноября. Странное ощущение в этот день у людей старшего поколения, да и у среднего тоже. Где теперь белые, где красные? Те герои или эти? А может, никакие не герои? Ничего не разберешь. И кто мы сами? Рабы, пушечное мясо? Неужели так?

Но от своей жизни никуда не денешься.

...История эта, как, наверное, догадался читатель, одна из тех, что вспоминаешь частенько. Или видишь во сне. Когда вдруг охватывает тебя это ощущение полной безысходности — как в том снегу, где ступаешь в темноте неизвестно куда, как в той деревне, словно заколдованной...

Почему-то обязательно нужно успеть на трибуну, не опозориться. Страшная тревога.

Может, и есть в этом какая-то мистика — не знаю. Но думаю, что этот повторяющийся сон в моей жизни неслучаен. И его — по сюжету — преодоление тоже.

При малейшем ощущении своей беспомощности, скованности охватывает меня эта тревога.

Так было и в те тяжелые месяцы.

Дневник президента

9 декабря 1992 года

Я приехал со съезда на дачу в полном трансе.

Наверное, такое со мной случилось впервые за пять лет, с 1987 года...

Не думаю, что произошедшее на съезде было случайно, что все совпало... Так мою главную болевую точку можно было только высчитать.

Я не выношу обстановки публичного наскока. Когда бьют с разных сторон, все вместе. Содержание уже не важно. В интонации, да даже в походке человека, поднимающегося на трибуну, я ощущаю это звериное желание ударить больно, эту попытку распалить, завести себя, этот страшный импульс к удару.

Все эти боевые эмоции понятны в борьбе, в бескомпромиссной схватке. Но когда скопом бьют одного, забивают, топчут ногами...

И ты ничего не можешь сделать.

Задним числом я понимаю, что моя болезненная реакция на такие экзекуции — это рецидив того психологического надлома, который произошел у меня после пленума Московского горкома партии. Тогда по команде Горбачева меня привезли в зал заседаний прямо с больничной койки и в хорошем партийном стиле топтали несколько часов. Но я об этом уже писал...

В тот вечер, 9 декабря, после очередного заседания я вернулся на дачу не поздно. Увидел глаза жены и детей. Рванул в баню. Заперся. Лег на спину. Закрыл глаза. Мысли, честно говоря, всякие. Нехорошо... Очень нехорошо.

Вытащил меня из этого жуткого состояния Александр Васильевич Коржаков. Сумел как-то открыть дверь в баню. Уговорил вернуться в дом. Ну, в общем, помог по-человечески.

Затем, как всегда, главный «удар» на себя приняла Наина... Постепенно я отошел.

Кто-то из домашних сказал: надо спросить у людей — или ты, или они. Народ все прекрасно понимает...

И вдруг я зацепился за эти слова. Идею референдума мне подсказывали давно политологи и юристы. Но речь шла о том, чтобы таким образом решать судьбу съезда: распускать — не распускать.

А тут была совершенно новая постановка вопроса: хотят люди дальше жить с президентом или со съездом? Бог надоумил в тот вечер моих самых родных людей.

Я сразу попросил соединить меня с Илюшиным. Ночью к работе подключился Шахрай, спичрайтеры. Над моей короткой речью кроме меня трудились еще четыре человека. Точность идеи состояла в том, что в такие напряженные моменты мне совершенно необходима поддержка именно простых людей, людей с улицы, совершенно случайных, никаких не избранных. Только от них я черпаю жизненную силу, если трудно. Если наступает предел.

Кто-то предложил сразу после выступления организовать поездку на АЗЛК или на подшипниковый завод. Я выбрал автозавод.

Два часа поспал и опять до утра черкал выступление. Но оно, конечно, все равно получилось шероховатым.

* * *

Я помню, кто меня познакомил с Хасбулатовым.

Это был Сергей Красавченко, председатель Комитета по экономической реформе Верховного Совета, член межрегиональной депутатской группы.

Когда Хасбулатов вышел из кабинета, Красавченко сказал такие слова: «Борис Николаевич, с этим человеком держитесь строго. Нельзя оставлять его одного, такой у него характер. Все время следите, чтобы он шел за вами, понимаете?»

Позднее я вспомнил об этих загадочных словах, которым в тот момент, честно говоря, не придал значения. Тогда Хасбулатов казался умным, интеллигентным человеком. И тихим.

Главное — тихим. В профессоре Хасбулатове совершенно не было столь противного моей натуре нахрапа, тупой хамской энергии, свойственной многим партработникам.

Другая история произошла с Зорькиным. Валерий Дмитриевич был одним из членов Конституционной комиссии. Причем — самым незаметным. Самым скромным. И когда настала пора в Верховном Совете выбирать председателя Конституционного суда, решено было остановиться именно на этой кандидатуре, как на самой компромиссной, устраивающей абсолютно всех!

Не левый, не правый. Объективный. Профессор-юрист. Тоже тихий, порядочный интеллигент.

...Что же произошло с этими людьми? Откуда взялась эта сумасшедшая тяга к власти?

Я не знаю, как сложилась бы судьба этих нормальных московских профессоров, если бы не новая эпоха в политике, неожиданно выдернувшая их наверх.

Видимо, есть некая загадка в каждом таком «тихом» человеке, осторожно и расчетливо преподносящем окружающим свою «тихость», лояльность.

Может, в детстве им до смерти хотелось быть лидером, главарем компании. А кто-то задавил, унизил.

Может, было постоянное ощущение, что окружающие недооценивают, не понимают, с каким великим человеком имеют дело — и в школе, и в институте, да и девушки склонны обращать слишком много внимания на внешность, не умеют заглянуть глубже, внутрь...

Или нам не дано понять скрытых глубин чисто рациональной психики, где все подчинено здравому смыслу?

Можно долго гадать на кофейной гуще. Я могу сказать только одно: прошедшие годы убедили меня в том, что знание людей, опыт общения, какая-то житейская нахватанность — в сегодняшней российской политике ничто. Даже опыт таких этажей власти, как ЦК КПСС, совершенно не помогает! Все-таки там были отношения простые, советские. Здесь вступают в силу какие-то иные, очень странные механизмы. Может, научусь разгадывать их...

Тандем Хасбулатов — Зорькин впервые стал заметным по-настоящему на седьмом съезде народных депутатов России.

Честно говоря, это был сильный и неожиданный удар — от судебной инстанции я ждал не участия в политике, а только объективного взгляда на вещи, непредвзятости, нейтральности.

Однако в жизни получилось иначе. Появившаяся на трибуне фигура Зорькина ознаменовала собой начало совершенно ново-

го этапа в отношениях со съездом, предпринявшим попытку легального отстранения президента от власти.

В ночные часы

Так получилось, что я попадал в аварии чуть ли не на всех видах транспорта. И на самолетах, и на вертолетах, и на автомобилях, грузовиках в том числе, и даже однажды на лошади. Маленьким еще был, лошадь понесла под горку, и на повороте меня выбросило из саней, чуть не убился.

А вот следующая авария была более серьезная — крушение поезда. Я тогда учился в институте, в Уральском политехническом, летом ездил к родителям. Часто без билета, или купишь на пару станций, лишь бы в вагон пустили. Надо было только овладеть искусством уходить от ревизоров...

Так что дело было летом, и на подъезде к станции поезд шел на хорошей скорости. Вагон плацкартный, ну, все знают, что это такое — нижняя и верхняя полки, и еще третья багажная, «для студентов». Я стоял внизу в коридоре, смотрел в открытое окно.

...Не знаю, что там случилось, какие причины, но поезд на полной скорости сошел с рельсов. Меня хорошо стукнуло о стену, и вагоны стали падать. Прямо так — один за другим, сначала передние, и дальше, дальше. Один вагон тянет другой, и все валится под откос, а откос довольно высокий.

Я сгруппировался и кинулся в окно между полок уже накренившегося вагона. Выпрыгнул руками вперед, покатился под откос, голову под себя, покатился, покатился вниз в болото. Перепугался, конечно, но потом отошел. Смотрю: цел, лишь синяков набил и шишек. В вагоне раненые, начал помогать их вытаскивать. Разбирать завал. Ужас, что творилось. Уже глубокой ночью добрался до дома.

...Всегда как будто меня кто-то выручал. Я уж и сам начал верить, что нахожусь под какой-то неведомой защитой. Не может же так быть, чтобы на одного человека столько всего обрушивалось, причем на каждом этапе жизни. Буквально на каждом! И каждая такая критическая ситуация несла в себе потенциально смертельный исход.

Боюсь ли я смерти? Не знаю почему, но не боюсь, хоть ты тресни. Вот в одном журнальчике прочитал, что какой-то астролог пророчил мне насильственную смерть в 1993 году.

93-й год заканчивается, а я все еще жив.

Дневник президента

15 декабря 1992 года

Рейтинговое голосование — что заставило пойти меня на этот шаг?

После выступления на съезде 10 декабря 1992 года мне удалось резко изменить ситуацию. Перепуганный угрозой референдума, съезд развернулся и пошел на уступки. Было принято соглашение между съездом и мною, по которому парламентские фракции выдвигают кандидатуры на пост председателя правительства, фамилий может быть хоть пятьдесят. Я отбираю из этого списка пять человек и выношу на съезд, на «мягкое» рейтинговое голосование. Из трех человек, набравших большинство голосов, я могу выбрать любого и представить эту кандидатуру съезду.

Затею с «мягким» голосованием не я придумал, конечно. Это из международной практики, подсказали юристы. Ход чрезвычайно хитрый, неожиданный, действительно мягкий.

Не ставить кандидатуру сразу на голосование, а провести как бы опрос среди депутатов — за кого они? Кто самый популярный? Какие оттенки есть в этих предложениях?

И у меня остается пространство для маневра. Вот это самое главное.

...После выступления 10 декабря мне вообще задышалось как-то легче. Я увидел впереди просвет. Можно идти на уступки — но не тогда, когда тебя припирают к стенке. Это уже не уступки, а расстрел. Согласительная комиссия — уже лучше. Рейтинговое голосование — пусть будет так. Если у президента сохраняется право выбора, это говорит о его более сильной позиции, оставляет ему возможность выйти из тупика достойно.

Перескочу в своем рассказе на два месяца вперед.

На следующем съезде они осознали, какую ошибку допустили. Поняли, что надо было выкручивать руки. Что, уйдет Гайдар или нет, реформа не остановится, Ельцина не сломаешь. Но было поздно. Просвет уже маячил передо мной.

Поэтому выбор, собственно говоря, состоял не между Гайдаром и другим премьером. А между одной тактикой борьбы и другой. Или сразу распускать съезд, или спокойно идти по этой линии сопротивления, чтобы пружина постепенно разжималась, разжималась, пока общество окончательно не поймет, что президент остается главой государства даже в ситуации конституционного тупика. Я выбрал второе.

* * *

Депутатские фракции выдвинули два десятка фамилий. Среди них — Гайдар, Скоков, Черномырдин, Каданников, Шумейко, Петров, Хижа, Травкин и другие.

За Петрова, главу администрации президента, была фракция коммунистов, причем он меня об этом выдвижении не предупредил. То есть снова была вчистую нарушена общепринятая этика отношений.

Из этого списка я отобрал пять человек: Скокова, Черномырдина, Гайдара, Каданникова и Шумейко.

Дальше, как говорят шахматисты, началась позиционная игра. Голосование. Двое — Скоков и Черномырдин — вышли вперед с отрывом, набрав соответственно 637 и 621 голос, Гайдар, получив 400 голосов «за», на один голос опередил Каданникова и стал третьим.

Я мог предложить его кандидатуру съезду, но не сделал этого.

Рассуждал я так: если бы отрыв был у Гайдара хотя бы в 20–30 голосов, то есть он прочно вошел в тройку предпочтения, то не было бы вопросов, я тогда бы оставил его кандидатуру, дал ему еще раз слово на съезде, и мы бы вместе постарались убедить депутатов. Хотя, как теперь вижу, шансов не было никаких.

Я вызвал всех троих для личного разговора в зимний сад Кремлевского дворца.

...Вначале, конечно, поговорил с Гайдаром. Он вошел ко мне со своей обычной мягкой улыбкой. Наверное, уже все понял, предвидел мое решение. Хотя, конечно, был очень расстроен. Разговор был не простой, но, мне показалось, он понял, почему я решил поступить так, а не иначе. Сейчас съезд не избрал бы Гайдара ни при каких обстоятельствах. Значит, оставалась одна возможность сохранить Гайдара — назначить его до следующего съезда исполняющим обязанности премьер-министра. Но при этом ни мне, ни ему парламент не дал бы работать. Любые действия Гайдара будут блокированы, реформа может зайти в тупик. На это я не мог пойти.

На мой вопрос о Черномырдине он отреагировал мгновенно — значит и к этому был готов. То есть точно просчитал весь разговор заранее. Гайдар сказал: Черномырдин будет поддерживать реформы. И сложившуюся команду он не разгонит. Правда, в этих словах прозвучала горечь...

Гайдар попрощался и ушел давать интервью прессе.

Потом был трудный разговор со Скоковым.

Юрий Владимирович понимал ситуацию так: раз он набрал больше всего голосов, то и прав стать премьером у него больше всех. Я ему сказал: учитывая наши давнишние отношения, говорю совершенно откровенно, поймите меня, сейчас никак нельзя. Вашу фамилию связывают с военно-промышленным комплексом. Короче говоря, я не могу. Внешне спокойно он это воспринял. «Ваше право», — говорит.

И все-таки лицо выдает человека. Юрий Владимирович в глубине души был страшно обижен. На него тяжело было смотреть. Это слишком честолюбивый человек для такого разговора.

И, наконец, Черномырдин.

Он ни минуты не колебался...

Ближний круг: Черномырдин

Я знаю, что реакция Запада на выдвижение Черномырдина была достаточно прохладной. Впрочем, как и в нашей прессе. Называли его типичным партработником. Хотя он не просто партработник, он хозяйственник, изъездивший, исколесивший Сибирь и Урал. Человек, который знает почем фунт лиха. И не с точки зрения райкома-обкома. Мне приходилось видеть Черномырдина по колено в грязи, в болотных сапогах — в командировках, на угольных разрезах, на стройках — такая была у него работа, по-настоящему тяжелая.

Внимание политиков Запада к тому, что происходило в России, было огромным. Хотя бы такая деталь. За несколько дней до начала седьмого съезда мне позвонил Буш. Он просил меня не отдавать без борьбы Гайдара и Козырева. Именно в Гайдаре западные правительства видели гаранта экономических реформ. Для меня это не было секретом.

Однако одно дело — оценивать ситуацию оттуда, со стороны. Другое дело — находиться здесь. Шансов пройти через съезд у Гайдара не было.

В этой ситуации я остановил свой выбор на Викторе Степановиче Черномырдине.

Вроде бы это снова компромиссная фигура. Снова выдвижение кандидатуры, устраивающей всех. Обусловленное, прямо скажем, печальной необходимостью.

Мы уже много раз видели, что из этого не получается ничего хорошего.

Но в этот раз, как я считаю, судьба была благосклонна к России. В этот раз плохие ожидания не сбылись. Почему?

Во-первых, Черномырдин успел поработать в правительстве Гайдара. Он оценил масштаб происходящего. Он понял логику действий не со стороны, а изнутри. Он присмотрелся к людям и поэтому смог обеспечить максимально мягкую кадровую смену одного состава правительства другим.

Во-вторых, это не был случайный номенклатурный взлет. Внезапное возвышение, как в случае с Руцким или Хасбулатовым. К этому моменту человек упорно шел всю жизнь. И он твердо знает, что в его работе ошибки быть не должно. Что он отвечает за каждый свой шаг.

И в-третьих. Реформа Гайдара обеспечила макроэкономический сдвиг. А именно: разрушение старой экономики. Дико болезненный, без хирургического блеска, а напротив — с каким-то ржавым скрежетом, когда с мясом выдираются куски отработавших деталей, механизмов — но слом произошел. Наверное, по-другому было просто нельзя. Кроме сталинской промышленности, сталинской экономики, адаптированной под сегодняшний день, практически не существовало никакой другой. А она генетически диктовала именно такой слом — через колено. Как она создавалась, так и была разрушена.

Но Гайдар не до конца понимал, что такое производство. И в частности — что такое металлургия, нефтегазовый комплекс, оборонка, легкая промышленность. Все его знания об этих отраслях носили главным образом теоретический характер. И в принципе такой дисбаланс был довольно опасен.

Черномырдин знает производство. Но если он «поплывет» в макроэкономической ситуации, если упустит стратегию — это еще опаснее. Это опаснее во сто крат. Причем перед Черномырдиным стоит сложнейшая задача: не просто держать прежние приоритеты, а выполнить то, что не успел и не смог сделать Гайдар, — стабилизационную программу.

...Человеческие качества Виктора Степановича проявились так, как я и ожидал: он оказался по-настоящему надежен. Он не подвел ни в одной критической, острой ситуации. Мне импонируют его немногословие и сдержанность. Мужской характер. Мне интересно с ним работать.

То, что именно этот человек возглавил правительство России в столь сложный и ответственный для страны момент, я считаю большой удачей.

* * *

В период между седьмым и восьмым съездами я сделал ряд тактических шагов — например, вывел из состава правительства нескольких людей, чьи имена вызывали раздражение и неприятие самых разных политических сил в обществе. Это были Полторанин, Бурбулис.

...С Полтораниным мы часто обсуждали идею о создании федерального информационно-аналитического центра. Полторанин горячо отстаивал эту идею и был готов сам ее реализовывать.

Однако в глазах общественности это выглядело как его отставка с поста министра печати и информации. Вскоре я подписал указ о создании центра. К сожалению, долго эта структура, созданная по предложению Михаила Никифоровича, не прожила.

С Бурбулисом тоже все было ясно. Образовался вакуум и в наших личных отношениях, и в работе. Я предложил ему сделать паузу в государственной карьере. Подумать и осмотреться.

Сложнее было с Егором Яковлевым. Он позднее объяснил свою отставку как месть за независимость, за самостоятельность, за то, что он — не «человек стаи».

Своим возвышением Яковлев был обязан прежде всего перестройке. Горбачевское время вынесло его, как и многих других в тот момент, например бывшего редактора «Огонька» Виталия Коротича, историка Юрия Афанасьева, юриста Анатолия Собчака, экономиста Гавриила Попова, на вершину общественной популярности. Егор Яковлев возглавлял еженедельник «Московские новости», а после путча по договоренности со мной Горбачев назначил его руководить телевидением «Останкино». Горбачев в декабре 91-го ушел, Яковлев остался на посту главы Центрального телевидения. Меня это вполне устраивало. Я готов был работать с независимым, сильным, талантливым человеком, тем более на таком посту.

Первый вариант указа по Яковлеву я подписал с тяжелой формулировкой: за развал работы и ошибки в политике освещения того-то и того-то... Как в старые добрые времена. Меня действительно возмутило, что из-за одной передачи на Президента России волком бросается глава Осетии Галазов. Это произошло на заседании Совета Федерации, руководители других

республик хором поддержали его. А сколько сил мы тратим на то, чтобы установить с кавказскими автономиями добрые деловые контакты!.. Потом формулировку пришлось менять, конечно, получилось не очень красиво, но вдруг я понял, что указ отменять не буду — решение незаметно во мне созрело, хотя никаких внешних размолвок с Яковлевым не было.

Видимо, главным образом здесь сказался тот шок от летнего штурма «Останкина» 12 июня 1992 года, который я испытал. Я понял, что «Останкино» — это почти как «ядерная кнопка», раз вокруг телебашни идет такой грандиозный спектакль. И что рядом с этой «кнопкой» надо поставить не нервного мыслителя, а человека иного склада.

Конечно, меня за этот шаг много ругали, хотя, если честно, после отставки Яковлева на первой программе ТВ мало что изменилось. Те же сериалы. Та же политика. И та же реклама.

Единственное, за что себя ругаю, что не нашел времени, а главное, сил, чтобы встретиться с Егором Яковлевым и нормально, по-человечески с ним поговорить. У меня к нему лично остались самые добрые чувства.

* * *

В принципе восьмой съезд был мне навязан Хасбулатовым и Зорькиным. Я его не планировал, как говорится, «не заказывал». Было ощущение какой-то тянущейся резины.

Но второй раунд есть второй раунд. Надо драться за свои поправки, за своих министров, за дополнительные полномочия, за референдум... Надо принимать решения.

И я вновь начал встречаться с депутатами, с фракциями, с политическими движениями. Очень холодной была встреча с «Гражданским союзом». Чувствовалось, что они уже сейчас готовы говорить с позиции силы, их сдерживает только фактор времени — немного рано. Осталось противное ощущение, словно стою перед ними, как школьник, и отчитываюсь в каких-то прегрешениях.

Совсем другой получился диалог с блоком демократических партий. Даже самую острую критику здесь я слушал как-то легко, спокойно. Для меня все-таки очень важна интонация. Пусть критикуют, но делают это достойно. Видят в тебе не функцию, а человека.

Предложения демократов были самые суровые: разогнать Советы по всей России, не дожидаясь съезда, ввести президент-

ское правление. Ну, это, конечно, не та постановка вопроса. Пока еще государство достаточно сильное, чтобы пресечь антиконституционные действия, злобную активность боевиков, красный терроризм. Проблема в другом. Съезд завел нас в тупик. Как конституционно выбраться из этой патовой ситуации?

Состоялась и общая встреча с депутатами — здесь не было злобного тона, хамства, агрессии. Те, кто пришел, разговаривали довольно спокойно.

Почему же именно на восьмом съезде депутаты окончательно определились в своем выборе и решили до конца идти с Хасбулатовым? В чем тут дело?

В моей неудачной речи? В том, что развернувшаяся в прессе антисъездовская кампания показалась им инспирированной и вызвала реакцию противодействия? В том, что Хасбулатов сумел путем интриг сгруппировать какие-то силы?

Да, есть и то, и другое, и третье.

Но есть и четвертое. Вернемся на седьмой, предыдущий съезд.

* * *

Все знают, помнят по мальчишеским дракам, как действует прямой взгляд в глаза, заложенные в карманы руки, спокойный разворот плеча. Как действует демонстрация скрытой силы. Но, вырастая, часто забываем другую важную деталь из этики дворовых отношений, вполне актуальную и во взрослой жизни.

Слишком часто применять силовые приемы в политике — вещь очень опасная. Они девальвируются. И тут легко свою силу обратить в слабость. Тем более это относится к такому шагу, как уйти, хлопнув дверью. Например, со съезда, где сделать это порой хочется буквально каждую следующую минуту. Ей-богу, бывает невыносимо.

Я рассказал, как поступил на шестом съезде Гайдар. Это был абсолютно точный и неожиданный ход — получилось, что съезд в одну минуту лишил целую страну правительства, причем в полном составе. Депутаты сами себя посадили в лужу.

...На седьмом съезде народных депутатов меня вынудили уйти из зала. Просто заставили. А это уже совсем другой поворот.

По второму и седьмому пункту резолюции — о референдуме и предоставлении дополнительных полномочий президенту — съезд громадным большинством проголосовал «против». Здесь солидарность была почти полная.

Все, над чем я бился, все усилия, все попытки, — пошло прахом. Мирно договориться не удалось.

В такой ситуации уходить сложно. Получается, что тебя, по сути дела, выгнали.

Тут надо бы досидеть до конца, а потом спокойно встать и уйти — как будто ничего особенного не произошло, проголосовали и проголосовали. А действовать уже потом. Когда на тебя в упор или украдкой смотрят ухмыляющиеся, уверенные в полной своей безнаказанности депутаты — сложно точно и адекватно реагировать. Вы не представляете, какая это тяжесть.

...Однако мне в такой ситуации становится в первый момент легче. Мобилизуется нервная система, начинаю даже как-то легче дышать.

Видно, я по природе своей плохо приспособлен к терпеливому ожиданию, к хитрой, скрытой борьбе. Как только ситуация обнажается с полной ясностью — я уже другой человек. Это и хорошо, и плохо, наверное.

Но в тот момент, на седьмом съезде, я принял неверное решение.

Так неожиданно и резко идя на конфронтацию, я не должен был уходить из зала. Мне и в голову не пришло, какими будут последствия этого шага.

А всех присутствовавших охватил ужас: что же дальше? Что же будет сейчас? Импичмент? Немедленное отстранение?

Мне почему-то казалось, что съезд сразу расколется на две части. И это будет наглядным уроком.

Но, видимо, в моем уходе была какая-то торопливость. Я не дал своим сторонникам времени, чтобы осмыслить происходящее и прореагировать. И часть из них осталась сидеть в зале.

* * *

Сильный я человек или слабый?

В острых ситуациях, как правило, сильный. В обычных — бываю вялым, конечно. Бываю и вообще не похожим на того Ельцина, которого привыкли видеть.

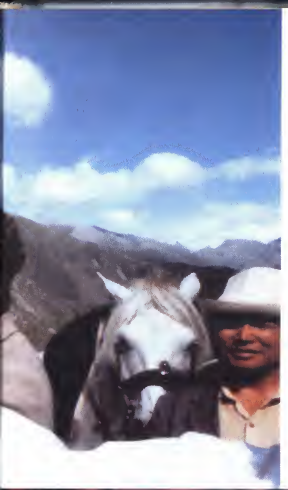
То есть я могу сорваться, как-то глупо, по-детски... Это, конечно, слабость.

Где-то я прочитал про себя, что слабость Ельцина в том, что он сам себе создает препятствия, которые потом с огромным трудом, героически преодолевает.

В горах Тянь-Шаня,
с президентом Киргизии
Аскаром Акаевым

Б.Н. Ельцин,
Н. Назарбаев,
Л. Тер-Петросян

Мстислав
Ростропович
всегда желанный
гость

Через несколько минут — интервью американской телекомпании Эй-би-си

Марк Захаров — член Президентского совета

Автограф на память

Ю.В. Никулин и Б.Н. Ельцин.
А не рассказать ли свежий анекдот?

Визит в Якутию

Но это не так. Препятствия меня находили сами. Всегда. Я их не искал...

Худой мир

После восьмого съезда я стоял перед серьезным выбором.

Либо президент превращается в номинальную фигуру и вся власть в стране переходит к парламенту. Либо я должен предпринять какие-то шаги, которые бы разрушили создавшийся дисбаланс.

Группа юристов во главе с Алексеевым в рамках президентского совета подготовила для меня юридический анализ возникшей политической ситуации. В международной практике такой патовый расклад сил случался не раз, прецеденты выхода из кризиса существовали, не зря еще Горбачев говорил о президентском правлении. Президент или временно ограничивает права парламента, или распускает его, и Конституция вновь начинает действовать в полном объеме уже после новых выборов.

...Обращение к народу готовил узкий круг моих помощников. Я хочу подчеркнуть — именно помощников, то есть людей, доводивших идею до уровня готового текста. Все кардинальные решения я принимал самостоятельно.

Мне помогали спичрайтеры Людмила Пихоя и Александр Ильин, мой первый помощник Виктор Илюшин, Сергей Шахрай и член Президентского совета Юрий Батурин.

Визы Шахрая и Батурина стояли на указе. Я набросал тезисы выступления для телевизионного обращения. На 12 часов дня была назначена запись выступления, в 21 час — эфир.

Перед этим я разговаривал с Руцким. Мне надо было выяснить его позицию, и я спросил напрямую: как он отнесется к решительным, жестким действиям президента? Руцкой твердо сказал: давно пора.

Что касается секретаря Совета безопасности Юрия Скокова, то он сам в личных беседах не раз и не два поднимал эту тему, указывал на имеющиеся у него агентурные данные, что, мол, заговор против президента вполне вероятен, ждать нельзя, надо разгонять парламент...

И вот, когда я подписал указ, возникла некая пауза.

Указы выпускает Илюшин. Он настойчиво предлагал мне перед выпуском указа в свет поставить на документе визы Руцкого и Скокова. Я спросил: почему? Он ответил: здесь не долж-

но быть осечек, предстоят ответственные мероприятия, нельзя допускать хаоса, когда одни говорят одно, а другие — другое. Две такие фигуры в президентской команде должны не только на словах поддержать указ, кардинально меняющий соотношение сил в стране. Без их виз выпускать указ нельзя.

Я ясно видел, что Илюшин находится в сильнейшем нервном возбуждении. Он не мог скрыть волнения.

Разговаривать с человеком в таком состоянии сложно. У меня его обеспокоенность вызывала чувство протеста. Но я сделал над собой усилие и постарался вникнуть в его, как всегда, четкую и ясную логику. Да, Илюшин прав, есть смысл в визах Руцкого и Скокова.

Илюшин взял экземпляр указа и отправил его Скокову.

Филатов, новый глава администрации, пошел к Руцкому.

Это было после обеда.

Вскоре мне доложили, что и Руцкой, и Скоков указ подписывать отказываются. Между тем приближалась трансляция телевизионного обращения. Надо было что-то делать. Или снимать трансляцию, или вызывать к себе Руцкого и Скокова и пытаться их уговорить, или...

Прямо из машины я по телефону связался с Зорькиным. Он уже был в курсе. Думаю, что и текст документа лежал перед ним. Но отвечал он уклончиво, что да, Борис Николаевич, надо всесторонне взвесить этот шаг, какие могут быть последствия, должна быть проведена конституционная экспертиза.

Шахрай поехал к Руцкому. Тот сделал в тексте указа около десяти поправок. Когда стали разбираться с его замечаниями, в конце концов выяснилось, что документ он подписывать не собирается ни при каких обстоятельствах.

Скоков также отказался визировать указ. Аргумент — страна к такому шагу не готова.

...Кто-то из них снял копию с документа, с визами на обратной стороне, и уже на следующий день в Конституционный суд для дачи показаний вызвали Батурина.

Эти детали в поведении Зорькина, честно говоря, меня поразили больше всего: он бросился в расследование происхождения указа как матерый прокурор; и крайне неприятно, когда председатель Конституционного суда, мягко говоря, обманывает: вечером по телевидению он сказал, что президент с ним не говорил, что об указе он узнал из моего телеобращения.

И тут, может быть, впервые в жизни я так резко затормозил уже принятое решение. Нет, не заколебался. А именно сделал паузу. Можно сказать и так: остановился.

Реакция на указ меня насторожила. В нем не содержалось и намека на какие-либо резкие действия по отношению к депутатам. Не было призыва к роспуску съезда. Не вводилось даже в каком-то смягченном виде чрезвычайное положение.

Особое положение, упоминавшееся в тексте, определяло чисто юридическую, процессуальную сторону дела: я объявил запрет на те решения парламента и съезда, которые ограничивают полномочия Президента России.

Около половины двенадцатого ночи по ТВ состоялось совместное выступление Руцкого, Воронина и Зорькина. Стало ясно, что они объявляют президенту войну. Из их пространных речей вполне ясно вырисовывалась тактика ближайших действий: созыв съезда, объявление президента вне закона. Власть переходит к Руцкому.

Это был еще один сильнейший стресс, хотя морально я был готов к такому противодействию. Но главное предстояло пережить позднее.

...Борьба есть борьба. Я понял, что указ помог мне вскрыть линию политического противостояния. Позиции обнажились в полной мере. Руцкой и Зорькин под видом защиты законности пошли в атаку. И цель их была банальна — захват власти.

Практически подписанный указ был приостановлен, над ним снова началась работа. Слова об особом положении мы убрали.

В ночные часы

Мама умерла в половине одиннадцатого утра. А сообщили мне об этом только вечером. Утром я проходил мимо ее комнаты раза три, то за документами, то позвонить... И в последний раз дежурный охранник видел, как она вышла из своей комнаты, что-то сказала мне вслед, но я не заметил, прошел.

Это было в воскресенье.

Накануне вечером 20 марта она сидела, смотрела телевизор вместе со всей семьей. Смотрела мое заявление о введении особого положения. Подошла, поцеловала и сказала: «Молодец, Боря». И ушла к себе.

В воскресенье открылась чрезвычайная сессия Верховного Совета, на площадях Москвы состоялись митинги «ДемРос-

сии» и коммунистов. Я занимался всеми этими делами, готовил дальнейшие шаги, получал информацию с сессии, постоянно звонил силовикам, Черномырдину...

В середине дня мне в первый раз сообщили, что маме плохо, я сказал: «Что же вы медлите? Надо везти в больницу». Мне ответили: врачи занимаются, вызвали «скорую». Я немного успокоился.

Прилег, потому что был уже на пределе, ночь прошла без сна. Да и перед этим накопилось... Мама меня очень беспокоила, я несколько раз спрашивал, как она, но мне не сообщали, говорили: она в больнице. Надо же, и я не почувствовал, что это все, конец. Все мысли были заняты этим проклятым съездом.

Вечером ко мне приехали члены правительства, человек семь, и все уже знали. Не знал один я. Вот такие собрали большие силы. Видно, очень боялись моей реакции...

Помню, что я попросил всех выйти и лег.

Все, мамы больше нет.

Почему именно в этот день? Какой-то знак, что ли? Ее уход был как благословение, как жертва. Будто она сказала сыну: все, больше я ничем тебе на этом свете помочь не смогу...

Она умерла тихо, безболезненно, во сне, не меняя позы. Так врачи мне сказали.

Похороны состоялись во вторник. Не сверхпышные, не сверхскромные. Христианские похороны.

Было отпевание. Маму похоронили на Кунцевском кладбище в Москве.

* * *

Мне не понравились разные спекуляции в прессе вокруг появления на похоронах Руцкого и Зорькина. Конечно, мне их вид был неприятен в этот момент. Но никаких уколов, никаких заявлений не было, никаких бумаг никто не передавал. Люди пришли — и не надо об этом никаких слов.

А на съезде никакой реакции не последовало. Ни официальной, ни неофициальной.

Но в принципе я и не хотел, чтобы съезд касался этого вопроса.

* * *

Еще 9 марта я подписал распоряжение приступить к плановым ремонтным работам Большого Кремлевского дворца съез-

дов. Там уже разобрали столы, все красили, раздрапировали бюст Ленина, стояли леса.

Честно говоря, моральных сил смотреть на этого монументального Ленина уже не было. Порой просто хотелось спросить себя: где я? В какое время все это происходит? Что за бред? Но раздавались и такие голоса: пусть Ленин остается, весь народ смотрит съезд по телевизору, и депутаты этим просто разоблачают себя... Все видят, кто собрался.

Ремонт был очень удобным поводом, чтобы отказать им в возможности собраться в БКД.

Но на это мы не пошли — какая разница, где они будут заседать? Пришлось срочно сворачивать строительные работы и готовить зал к заседанию.

...Наши эксперты еще и еще раз просчитывали на компьютере варианты, причем с помощью разных методик. Получалось: голосов для импичмента все-таки не должно хватить, будет 618 голосов плюс-минус один… Так и получилось. Но тогда во всю эту умную математику как-то слабо верилось. Все-таки запах чужой крови распаляет. Я вспоминал, как на восьмом съезде вдруг повысился до визгливой ноты голос Хасбулатова, когда он кричал что-то Черномырдину: вы, Виктор Степанович, мы знаем, Виктор Степанович...

Это было настолько неожиданно. Я так привык к его тихому голосу. У Хасбулатова ничего не бывает случайно. И в тот момент он сделал над собой усилие, включая у расслабившихся депутатов коллективный рефлекс: вперед, фас, ату его!..

...И все-таки — если импичмент?

Импичмент

Чем, собственно, страшно это слово?

...Ведь это решение не имело бы никакой силы. Всенародно избранный президент не может быть отстранен от власти съездом, тем более таким съездом — давно потерявшим народное доверие. Но, впрочем, не субъективный фактор тут важен, важна суть проблемы — съезд не может отстранить президента, потому что не он его выбирал.

И это понятно любому школьнику.

Но слово произнесено. А для нашего народа именно слово имеет мистическое значение. Такая у нас, у русских, психология. Не импичмента я боялся, а именно простого русского глагола — сняли. Скинули. Или еще как-нибудь похлеще.

Ведь в истории порой действуют какие-то необъяснимые факторы. И к этому нужно относиться очень осторожно. Скинули, значит, власти нет, все разрешено. Где-то давно копилась энергия противостояния, агрессия, анархическая или террористическая идея, жаждущая воплощения. Где-то что-то произошло — и дальнейший сценарий известен. В ход обязаны вступить силовые структуры. Ради спасения порядка они отменяют законы. На время. Но на какое?

...Но что делать, если все-таки отстранение от власти произойдет? Я не боялся этого варианта. Я был готов и к нему. В случае принятия парламентом такого решения я видел один путь — обращение к народу. Люди бы меня не подвели, в этом я абсолютно уверен.

В момент, когда шел подсчет голосов, я находился в Кремле.

И я считаю принципиально важным, что депутаты в момент голосования тоже находились в Кремле.

Конечно, не помпезная обстановка Кремлевского дворца на них повлияла, но есть все-таки какая-то магия места, воздуха истории... Подсознательно включаются у человека защитные механизмы. Механизмы генетической памяти — ведь это Кремль, это Россия, это моя страна.

Эти-то механизмы и подавили агрессивный импульс, на который рассчитывали мои противники.

...После объявления результатов голосования по импичменту я вышел к импровизированному митингу на Васильевском спуске. Собор Василия Блаженного. Прохладно. Но дышится легко в этом влажном воздухе, наполненном прожекторами и криками. Много-много людей, целое людское море на Васильевском спуске.

Вроде бы чего праздновать — мы же не победили? Мы просто не проиграли этот ход, эту партию.

Но я-то знаю: теперь все будет в порядке. На очередном — каком по счету? — витке борьбы правильно сработала моя жизненная тактика: играть на победу. Играть только на победу. Не бояться, не отворачиваться, не прятаться.

Поэтому я произношу в микрофон это слово: по-бе-да. И мне не стыдно.

* * *

Перечитываю эти страницы. Да, мне не стыдно. Да, это была победа.

...Но, с другой стороны, это было и поражение.

В глобальном, стратегическом плане вся эта «черная полоса» от седьмого съезда до референдума была проиграна нами — именно потому, что мы дали втянуть себя в этот обмен ударами, в это противостояние. В эту борьбу с пирровыми победами и липовыми поражениями. Говоря «мы», я имею в виду всю команду президента.

Да, затеял борьбу не я. А те, кто решил испытать президентскую власть на прочность. Но пострадало-то общество! Обществу, народу все равно, кто первый начал.

Я это понимал. И стремился как можно быстрее закончить, завершить эту глупую борьбу, это смертельно опасное для демократии кулачное выяснение отношений. Не прошли поправки — предложил нового премьера. Не подошел и новый премьер — поставил вопрос о референдуме. Однако и саму идею референдума, казавшуюся мне бесспорной, съезд отверг. Пошел на нее только после провалившегося импичмента.

Все мои усилия, вся бешеная энергия этих месяцев были брошены на то, чтобы выдержать, не поддаться искушению решить проблему силовым путем, остаться в рамках закона и порядка.

Почти подойдя к решению о необходимости ограничить съезд в правах волевым путем, я вновь отступил. Уповая на мирный, честный, справедливый итог борьбы — после референдума.

Но я ошибся. Ведь наше расхождение было не тактическим. И, думаю, даже не политическим.

С помощью демократического инструмента — съезда — шла элементарная борьба на уничтожение. Но понял я это слишком поздно.

«Да. Да. Нет. Да»

Почти первые же публичные слова Хасбулатова после подведения предварительных итогов референдума были о «полторанинско-геббельсовской» пропаганде.

Вообще сравнить человека с Геббельсом — в порядочном обществе оскорбление. Но это очередной «художественный» образ спикера.

Для проведения пропагандистской кампании нужно не просто грубое давление, натиск. Это порой вызывает у населения реакцию отторжения.

Нужна идея, продуманная концепция такой кампании. И мне кажется, мы такую идею нашли. Мы выиграли у наших оппонентов именно в честности и открытости своих пропагандистских идей, своей позиции.

Парламент сам сформулировал все четыре вопроса референдума. Мы играли на их поле и по их правилам. Я сказал, если вы помните, так: отвечайте четыре раза «да»!..

Всегда в нашей стране любили говорить «нет». Нет войне, нет империализму, весь мир насилья мы разрушим...

Людям надоело вникать во все эти сложные пропагандистские формулы — и надоело не сейчас, а лет пятьдесят тому назад. Надо сказать «да». «Да» — нормальной жизни, без передряг, без этих изматывающих съездов, без вечной политической грызни... Надо сказать «да» президенту.

Вот это утверждение в противовес все и вся отрицающему парламенту было, как мне кажется, удачей.

И второе.

Поддержка знаменитых людей.

Очень много было критики в адрес Эльдара Рязанова и его телепередачи о моей семье — мол, это уже неприлично, подлизывается, угождает.

Если уж говорить откровенно — Рязанов не менее популярен в народе, чем Ельцин. Он разговаривал со мной с присущим ему тактом и уважением, но разговор изначально шел на равных. Вот о чем все забыли.

И то же самое я могу сказать о многих других деятелях культуры России: Астафьеве, Ефремове, Захарове, Ульянове, Табакове, Хазанове, Мордюковой и так далее, которые в те дни перед референдумом активно поддерживали позицию президента. Никакого социального заказа в их интонации я ни разу не почувствовал. Именно потому, что это люди такого ранга, такого полета, которые могут себе позволить говорить все, что думают, — о президенте в том числе.

Не верите — загляните в прессу тех дней.

И в «Московских новостях», и в «Столице», и в «Огоньке», и в «Литературке» шел очень острый спор все эти недели. Спор об отношении к Ельцину как к политической фигуре. Например, многие писатели-эмигранты — Максимов, Зиновьев — были резко против меня. Они не верят в российскую демократию. А разве мало они напечатали статей, дали интервью? И это только крупица той критики, которая обрушилась на меня перед референдумом.

* * *

Главной неожиданностью был ответ на второй вопрос.

Чуть больше половины — но все-таки больше — людей, принявших участие в голосовании, а это был очень приличный процент работоспособного населения, ответили «да» экономическим реформам, свободным ценам, приватизации. Этого мои противники не ожидали.

Единственный козырь, на который они рассчитывали: население голосует за Ельцина ради сохранения гражданского мира, но не признает его экономической политики, — этот единственный козырь оказался битым.

В первые дни после референдума в стане оппозиции царила полная растерянность. Ничего, кроме слова «пропаганда», из уст моих противников прессе вытащить не удалось. Или просто наглое передергивание: две трети, да еще оттуда половина — это меньшинство. Таким образом, большинство — против Ельцина! Удивительная логика. Как будто эти люди разговаривали с каждым, кто не пришел на избирательный участок. А сколько среди них было тех, кто просто решил поехать на дачу? А сколько людей, которые пока просто не определились в своем мнении?

И все-таки что стоит за результатами голосования по вопросу о реформах?

По сути дела, это были вторые президентские выборы. Через два года после первых. Обычно в этот момент начинается кризис доверия к избранному главе государства или избранной партии.

Люди ждут от политиков гораздо большего, чем они могут дать, — немедленных улучшений в своей собственной жизни! А иначе — зачем я голосовал? Но изменения происходят не сразу — постепенно.

А что же ждать от избирателей у нас, в России? Где столько лет кормили обещанием несбыточных реформ, перестройкой, которая все буксовала и буксовала в разных областях жизни? А еще раньше людям просто нагло врали каждый день с телеэкрана, что благосостояние неуклонно повышается, — и это при страшном потребительском дефиците!

По идее, человека, который проводит такую болезненную реформу, с такими скачками цен, должны были «прокатить» с треском. На это и был расчет — на усталость народа. Я видел веселенькие лозунги на заборах: «25 апреля прокатим Еля!»

...Но выяснилось, что люди голосуют не просто за Ельцина. Ельцин сам по себе, может быть, не так уж и важен. Люди голосуют за то, чтобы что-то происходило.

Я считаю это главным моральным уроком референдума.

Может, завтра народ передумает, выберет другую власть. Может быть.

Но сегодня эта жажда конкретного действия — которое можно оспорить, в котором можно разочароваться, но все-таки действия — в народе не угасла и на второй год реформы.

Но ожидание не может быть бесконечным.

* * *

Где итоги голосования оказались самыми неутешительными?

Прежде всего — в сельских районах. Это понятно. Во-первых, крестьяне — люди по природе своей консервативные, долго привыкающие ко всякой новизне, и им эта реформа пока ни к чему. От нее одна головная боль.

Во-вторых, в ряде областей, где были свои региональные претензии к руководству: или глава администрации ведет себя нагло, пригрел мафию, или обещал решить что-то и не продвинулся ни на шаг — это может быть закрытие атомной станции, вредного цеха, строительство новых сооружений.

И в-третьих, в тех регионах, где есть повод задуматься о будущем — в какой стране мы живем?

Вот, скажем, Татарстан или Башкирия. Политики этих республик очень хотели бы стать главами независимых государств.

Ну, а люди — хотели бы они жить в таком «независимом» государстве, где ни географически, ни культурно, ни экономически полной независимости быть не может, но где она будет официальной идеологией? Сомневаюсь.

Статус регионов России — в том числе традиционных национальных образований на Севере, на Волге, в Сибири и на Кавказе — пока неясен. Он должен проясниться в ходе работы над новой Конституцией.

* * *

Вот и окончена эта, самая тяжелая для меня глава. Впереди — эпилог всех этих событий. Такой горький. Большая моральная победа на референдуме оказалась девальвирована реками крови, смертью людей, страшной правдой гражданской войны.

Для чего, зачем? Почему наши парламентские баталии закончились залпами танков? Чья тут злая воля? Чей умысел?

Ведь носы порой друг другу разбивают и в парламентах других стран. Но никогда это не заканчивается вот так.

...Да, такая победа мне была не нужна. Но ее все же пришлось добывать страшной ценой. Чтобы сохранить в обществе хотя бы основу для стабильности. Надежду на порядок. Пусть хрупкий, но — мир.

Это нужно было сделать для наших детей, для стариков, для всех наших близких. Чтобы не потекли еще большие реки крови. Чтобы остановить безумие переворота.

Так я оцениваю свои действия в страшную ночь с 3 на 4 октября. И надеюсь, что так же расценивает их и большинство сограждан.

Теперь нам всем надо разбираться — что же произошло, как мы до этого дошли, что теперь делать.

Референдум так и остался несбыточной надеждой на подлинное гражданское согласие.

* * *

И все-таки — есть ли исторический смысл у этого неудавшегося этапа в истории русской демократии? Конечно, есть.

Кто у нас знал пять лет тому назад, что такое референдум? Что такое импичмент? Чем парламентская система отличается от президентской? Легитимная власть от нелегитимной?

Пожалуй, кроме юристов, — никто. Теперь люди потихоньку начинают разбираться в этих конституционных тонкостях.

Да и само слово «конституция» было для нас понятием абстрактным. Вроде бы она была. А вроде бы и нет, настолько незаметной была ее роль при брежневско-горбачевском обществе. Есть какое-то начальство, и слава богу.

...Народ у нас по природе своей вроде бы законопослушный, спокойный, неторопливый. Как любят русские говорить — незлой. По крайней мере до поры до времени... Но вот на чем же строилась эта законопослушность? На каких законах? Или просто на страхе? На тяжком страхе перед начальством?

Короче говоря, благодаря сегодняшним делам мы начинаем понимать устройство общества, основные его правила и законы, систему взаимоотношений государственных институтов.

Постепенно приходит и понимание своей роли во всем этом механизме. Механике жизни.

РОССИЯ. ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

1993 ГОД

Апрель

Совет представителей НПГ и Совет рабочих комитетов Кузбасса пришли к выводу, что в нынешней ситуации в стране полное выполнение их требований невозможно. Забастовку решено приостановить.

Указом Президента Азербайджана с 3 апреля на всей территории республики введено чрезвычайное положение сроком на 60 дней — «в связи с расширяющейся агрессией Армении против Азербайджана».

10 военнослужащих группы российских погранвойск в Таджикистане захвачены неизвестными вооруженными боевиками.

Центр экономической конъюнктуры при правительстве РФ сообщает, что индекс инфляции в марте составил 117,4%. За весь первый квартал — 190%.

Советы являются главной основой демократии, а об их устранении говорить сегодня «было бы просто смешно», заявил 9 апреля Хасбулатов.

А. Руцкой не видит путей примирения с Президентом России в оставшееся до референдума время. Об этом он заявил на пресс-конференции лидеров «Гражданского союза», посвященной предстоящему референдуму.

ВС РФ начал выпускать антипрезидентские листовки. Заказ на них, подписанный «Общественный комитет "Реформы для народа"», поступил в издательство «Известия» прямо из редакционно-издательского отдела ВС, который и оплачивал миллионные тиражи этих сверхсрочных изданий.

22 апреля пресс-служба ВС распространила сообщение о предстоящем в ночь с 25 на 26 апреля «государственном перевороте». МБ заявило, что «рассматривает подобную провокацию как продолжение непрекращающихся попыток втянуть силовые структуры в политическое противостояние и усугубить тем самым существующий в России кризис власти».

Президент Ельцин своим указом освободил Руцкого от обязанности заниматься проблемами сельского хозяйства.

26 апреля председатель Центральной избирательной комиссии В. Казаков сообщил последние данные об итогах голосования 25 апреля, которые, по его словам, могут лишь на доли процента отличаться от окончательных. В списках было 107 миллионов граждан. Приняло участие в референдуме 64,05%. За первый и второй вопросы проголосовали 58,5% и 52,88% от пришедших. За третий и четвертый — 32,64% и 41,4%. Президент получил доверие.

На заседании Президиума ВС РФ 26 апреля Хасбулатов призвал не обольщаться итогами референдума, объяснив их исключительно воздействием «полторанинско-геббельсовской пропаганды».

Президент РФ представил главам республик, руководителям администрации краев, областей и автономных образований РФ проект новой Конституции.

Май

Столичная администрация выступила с заявлением, в котором говорится, что «первомайская провокация неокоммунистов, в результате которой десятки демонстрантов и сотни сотрудников милиции получили ранения, ставит организаторов этих массовых беспорядков перед лицом закона».

Московский омоновец Владимир Толокнеев, раненный во время первомайского столкновения на Ленинском проспекте, скончался 5 мая в больнице.

Русские покидают Чечню и Ингушетию. Со слов атамана Грозненского отдела Терского казачьего округа, ежедневно через границы Ингушетии и Северной Осетии эмигрируют около 50 русских семей.

14 мая состоялась встреча Ельцина и Шеварднадзе в Кремле. Ее результатом было решение о прекращении огня в зоне грузино-абхазского конфликта с 20 мая.

19 мая под председательством Президента России Ельцина и премьер-министра Черномырдина состоялось заседание Межведомственной комиссии Совета безопасности РФ по борьбе с преступностью и коррупцией. Комиссия заслушала сообщение Черномырдина о событиях 1 мая. Расследование подтвердило наличие плана политической провокации. В акции против сил правопорядка участвовали заранее подготовленные боевики, к месту беспорядков на грузовиках доставлялись булыжники.

Пресс-служба президента распространила текст Указа Президента РФ от 20 мая 1993 года «О созыве Конституционного совещания и завершении подготовки проекта Конституции РФ».

ВС отказался участвовать в работе Конституционного совещания, организуемого президентом 5 июня.

Лидеры Фронта национального спасения основали комитет защиты Конституции и конституционного строя, который 3 июня будет проводить свое Конституционное совещание.

Июнь

К 31 мая более двухсот кораблей Черноморского флота подняли на своих мачтах российский Андреевский флаг, не дожидаясь 1995 года — окончания переходного периода в судьбе ЧФ.

1 июня курс доллара составил 1050 рублей за 1 доллар.

«Как никогда, представительная власть пользуется сегодня поддержкой населения», — сказал Хасбулатов в Парламентском центре при открытии совещания представителей советов всех уровней.

Правительство России утвердило порядок купли-продажи земельных участков, предназначенных для ведения личного подсобного хозяйства.

ВС 152 голосами одобрил ходатайство в КС, в котором просит дать заключение о действиях президента, «принижающих конституционный статус вице-президента».

Инцидент, происшедший на первом пленарном заседании Конституционного совещания 5 июня, в результате которого от 50 до 120 (по разным источникам) сторонников Хасбулатова покинули форум, не изменил его регламент. Совещание продолжило работу.

Руководство телерадиокомпании «Останкино» высказалось категорически против сепаратных переговоров с группой представителей прокоммунистических организаций во главе с Анпиловым, которые требуют предоставления им ежедневно времени в эфире.

17 июня участники Конституционного совещания приняли заявление о проекте новой Конституции РФ.

Президент России подписал указ, согласно которому с 1 июля будут отпущены цены на уголь, а угледобывающей отрасли предоставлен ряд внешнеэкономических льгот.

В Таджикистане запрещена деятельность оппозиционных партий. Решение об этом приняла Судебная коллегия Верховного суда республики.

«Поднять с 1 июля на всех кораблях и судах Черноморского флота исторический Андреевский флаг» — с таким призывом к морякам обратилось офицерское собрание штаба ЧФ.

Июль

Большинством голосов депутаты Свердловского облсовета приняли решение образовать на территории области Уральскую республику.

Парламент Украины принял документ, в котором провозглашается право республики на «обладание ядерным оружием бывшего СССР, расположенным на его территории».

В ВС начался сбор подписей за созыв нового внеочередного съезда народных депутатов. Предполагаемая дата — 20 июля.

Возобновившийся 7 июля процесс по делу ГКЧП продолжался 30 минут и был отложен еще на два месяца. Причина — болезнь Тизякова и адвоката Янаева.

Парламент дал согласие на возбуждение уголовного дела в отношении бывшего народного депутата РФ Шумейко. Основанием для возбуждения уголовного дела непосредственно против Шумейко стали материалы уже известного «дела о коррупции должностных лиц», начатого 22 июня 1993 года.

24 июля Центробанк объявил о решении изъять из обращения денежные купюры 1961–1992 годов.

На встрече с руководящим составом Министерства безопасности Президент России проинформировал об издании им указа об освобождении от должности министра безопасности РФ Баранникова за лично допущенные им нарушения этических норм, а также серьезные недостатки в работе, в том числе по руководству пограничными войсками.

Военкоматы Москвы приступили к набору добровольцев на службу по контракту в 201-ю мотострелковую дивизию, расположенную в Таджикистане.

Состоялась передача российским властям бывшего заместителя командира рижского ОМОНа Парфенова и пятерых других заключенных.

ГЛАВА 8

ТРУДНОЕ ЛЕТО

Дневник президента

24 июля 1993 года

Была суббота. Светило солнце, за это дождливое лето я по нему соскучился. Легко дышалось. Наконец-то, как говорится, въехал в отпуск. Это когда московские дела хоть и достают, но уже сам пытаешься от них отвлечься. В тот день я почувствовал, что мой отпуск на Валдае, только начавшись, успешно близится к завершению.

Новости из Москвы шли одна истеричнее другой. Запущенный вроде бы конституционный процесс вдруг опять застопорился. Хасбулатов в мое отсутствие отказался отправлять в отпуск Верховный Совет. Не отдохнувшие и оттого, наверное, еще больше обозленные, депутаты пошли вразнос.

Демократические партии проводили экстренные заседания и принимали резолюции с требованиями, чтобы президент вернулся из отпуска. Несколько раз в день мне звонил Сергей Филатов и тоже намеками давал понять, что надо возвращаться, без меня ситуация выходит из-под контроля. Вечером Наина посмотрела программу «Вести», еле дождалась утра и, когда сели завтракать, стала пересказывать события дня. Вся на эмоциях, то и дело повторяя: «Боря, ну разве так можно!..»

В шесть утра я, как обычно, просмотрел все материалы, пришедшие от МБ, МВД, МИДа, ознакомился с анализом ситуации, проведенным моими экспертами, сводкой прессы. Поэтому я поморщился: «Ну, я прошу, не надо, хотя бы за столом не

будем о политике, давай отдохнем». Наина остановилась, хотя ей хотелось обсудить новости, улыбнулась и сказала, что и вправду хватит политики, лучше пойдем за грибами и ягодами. Она отправилась в лес, как заправский грибник, в сапогах, с корзинкой в руке.

Я ей позавидовал. Сам в тот момент никак не мог быть в лесу, монотонность раздражала, тишина заставляла возвращаться мыслями в Москву. Поэтому я сел на велосипед и поехал в спортзал играть в теннис с Шамилем Тарпищевым. В такие моменты азарт, физическое напряжение, активная борьба заставляют забыть неприятности, даже политические. Сыграли две полные партии, я весь мокрый, выжатый как лимон. Это ощущение усталости от спорта — ни с чем не сравнить. Когда вроде бы уже ни ногой, ни рукой двинуть не можешь. Сидишь, глаза закроешь, чувствуешь каждую клеточку тела, и постепенно, медленно силы возвращаются. Как будто заново рождаешься...

Отдышались, вернулись домой. Наина уже поджидала нас с полной корзиной ягод. Она ужасно гордилась своими успехами, впрочем, действительно, нельзя было не поразиться, за три часа ей удалось собрать черники на пару трехлитровых банок варенья.

Наступило время обеда. За столом сидели мы с Наиной, Шамиль Тарпищев, Александр Коржаков, Валентин Юмашев (я пригласил его на Валдай, чтобы мы поработали над рукописью книги). Шел легкий разговор ни о чем, о пустяках. Вдруг дежурный подошел к жене, что-то шепнул ей на ухо, она извинилась и вышла. Обычно за обедом нас не беспокоят. Только в экстренных случаях. Видимо, как раз такой случай и произошел.

Минут через пять Наина вернулась, было видно, что она взволнована. Не присев, сразу заговорила: «Боря, что случилось, что вы там затеяли с обменом денег?» Я промолчал. Но все за столом тут же забеспокоились, что за обмен, с какими деньгами. Жена рассказывает: только что звонила Лена. Оказалось, что они вечером уезжают в Карелию, в поход. Валера, ее муж, получил вчера отпускные, он летчик, у него зарплата большая. И вдруг сегодня утром объявляют, что в России будут иметь хождение только новые деньги, а старые, в сумме 30 тысяч, можно будет обменять в сбербанках. А Валера все отпускные получил в старых купюрах. И что теперь делать? Они уезжают отдыхать, выходит, что деньги пропали, им не с чем ехать в отпуск. И Наина опять воскликнула: «Боря, что вы там придумали? Ты хоть знаешь об этом?» Все посмотрели на меня.

Я знал. Примерно месяца полтора назад мы встретились вчетвером — я, Черномырдин, Федоров, министр финансов, и Геращенко, председатель Центробанка, — и договорились, что впредь финансовые вопросы будем решать согласованно. Ни одна из сторон — ни президент, ни правительство, ни банк не должны совершать никаких односторонних действий, которые могут привести к разбалансировке финансов. После этой встречи нам удалось придерживаться этого очень важного соглашения, хотя на все договорившиеся стороны постоянно шло давление. Всем нужны были деньги. Верховному Совету, регионам, предприятиям, сельскому хозяйству, армии. Приходилось отказывать, отказывать и отказывать. Иногда не дать было просто нельзя, но если такое решение все-таки принималось, мы его согласовывали друг с другом.

Относительно обмена купюр у меня был перед отъездом в отпуск разговор с Черномырдиным. Я знал дату, когда предполагалось совершить эту акцию. Причина обмена заключалась в том, что после появления купюр нового образца на Россию обрушился мощный вал старых денег из бывших республик Союза. Выдержать такой напор оказалось невозможно. Центробанк и правительство приняли решение изъять из обращения старые купюры. Концептуально за собственную рублевую зону всегда высказывался и министр финансов Борис Федоров, поэтому Геращенко считал его в этом вопросе своим союзником.

Во время разговора с премьер-министром мы договорились, что конкретный механизм обмена разработает Центральный банк России. В курсе этой акции будет минимум людей: не хотелось ни паники, ни злоупотреблений — информация такого рода слишком дорого стоит. И, естественно, я попросил, чтобы не совершили тех же глупостей, что и во время павловского изъятия денег в 1991 году.

И вот день обмена настал. Предполагалось, что граждане страны легко и непринужденно простятся со старыми деньгами, с портретами Ленина, и радостно перейдут на новые купюры, с российским флагом. Но всюду, по всей стране, разразился очередной скандал. Людей вывел из себя не сам факт обмена, большинство отнеслось к этому достаточно спокойно. Но вот то, как предлагалось обменивать деньги, конечно, взорвало общество. Коснулось это и семьи моей старшей дочери.

Вернусь к рассказу о нашем прерванном обеде. Наина спрашивает меня: скажи, что делать Валере? Они же из отпуска не вернутся назад, домой, не на что.

«Боря, ну ты хотя бы нам мог сказать?» — вырвалось у жены. Тут я не выдержал, взревел: «Что?! Никто не знает, а моя семейка знает! Хватит ему и тридцати тысяч на отпуск. Нечего разгуливать!»

Я рассердился. Но и жена почувствовала, что сказала лишнее. Пока остывал, с тоской думал: опять сделали глупость. Которую придется с трудом исправлять. Ясно, что 30 тысяч рублей на человека — это мало. И еще большая нелепость — жесткие сроки, установленные для обмена, две недели. А если человек в командировке, если болеет, если уехал в отпуск?.. Мы сами утонем потом в таких ситуациях, делая исключение для одних, потом для других.

А в Москве в это время продолжал разгораться скандал. С резким заявлением выступил министр финансов Борис Федоров, который в этот момент находился в США. Он потребовал немедленной отставки председателя Центрального банка. Газеты, телевидение набросились на власти с такой яростью, что только искры летели. В этот раз объединились и оппозиционные, и правые, и левые, и центристские издания — все забыли об оттенках взглядов, поскольку задело, затронуло за живое, за свое личное абсолютно каждого. Правда, демократическая пресса позволяла себе предположения типа того, что Ельцин не знал о готовящейся провокации с обменом купюр, это грандиозный план Геращенко и Хасбулатова, они хотят натравить на президента народные массы.

Люди, выстраиваясь в очереди к сбербанкам, проклинали Ельцина, Черномырдина и всю тупую советскую власть. Состоялось экстренное заседание кабинета министров, на котором правительство еще раз подтвердило, что данная акция необходима, она проводится в интересах России. Руководство Центробанка объясняло разъяренным согражданам, что обмен купюр не ущемит ничьи права, все заработанные деньги в конце концов будут обменены, не надо волноваться. Но никто не хотел ждать этого «в конце концов», на руках у людей были пачки старых денег, накопления на будущее, которые вот-вот превратятся в груду никому не нужных бумажек.

Надо было вмешиваться в этот грандиозный скандал, который потряс всю страну.

Я сказал Коржакову, чтобы он готовил к утру вертолеты, — в воскресенье мы возвращаемся. Жена ахнула, проговорила как бы про себя: «Боря, опять ты не отдохнул», не слишком надеясь на мой ответ. Она и сама понимала, что в такой момент оста-

ваться на Валдае — отдыхать, удить рыбу, читать книжки, играть в теннис — я физически не смогу. Издергаюсь, будет только хуже. Поэтому жена кивнула и пошла покорно и привычно собирать вещи. Я позвонил в Москву Черномырдину, попросил, чтобы он, несмотря на выходной, приехал ко мне завтра домой.

В том, что мы должны были отгородиться от вагонов старых денег из других республик, у меня не было сомнений, ясно, что рублю такой нагрузки не выдержать. Я принял решение скорректировать два неприемлемых момента. Во-первых, сумму недекларируемого обмена — я поднял ее до ста тысяч рублей, а во-вторых, сроки обмена — они продлевались на месяц.

А зять мой, Валера, жертва недодуманных экономических преобразований, так, кажется, и уехал в отпуск со старыми деньгами. Дотянул как-то до возвращения. Когда отдыхаешь, купаешься, когда еще молод, отсутствие денег — это разве проблема? Мне бы сейчас такие проблемы...

* * *

И все же акция с обменом денег принесла свои плоды. В августе — сентябре — октябре курс рубля перестал падать. Начались не скачкообразные, на десятки процентов, а нормальные колебания. Появились надежды на то, что инфляция (а соответственно и падение производства) станет хотя бы управляемой, что ее темпы можно будет сдерживать.

В российской экономике началась «эпоха Черномырдина». Новый премьер принес в атмосферу рыночных реформ, которые и сейчас продолжаются, неожиданный акцент. Акцент на надежность, прочность, стабильность.

Я уже говорил о том, что втягивание гайдаровского правительства в жутчайшую идеологическую склоку, в изматывающие дискуссии нанесло всем нам непоправимый урон. В политическом смысле гайдаровское правительство по изложенным выше причинам оказалось достаточно незащищенным.

Положение совершенно изменилось с приходом Черномырдина. Он понимает, что премьер-министр обязан быть политиком. Обязан, если хотите, прикрывать свою экономическую команду. Обязан выражать определенные устремления, настроения общества.

Как гром среди ясного неба была на восьмом съезде для бросившихся в атаку депутатов речь премьер-министра: взвешенная, определенная, я бы сказал, мужественная речь. Слова «Дайте работать», сказанные человеком, имеющим за плечами такой жиз-

ненный опыт, отрезвили на какое-то время даже оголтелый съезд. Честно говорил Виктор Степанович и об ошибках правительства, о тех опасностях, которые угрожают стране в период реформ.

Появление этой фигуры сразу выбивало почву из-под ног Руцкого и Хасбулатова, политиков чисто спекулятивных. Жесткий, авторитетный премьер создает опору для президентской политики — этот второй центр власти как бы цементирует все правительственные группы: и стратегическую, отвечающую за безопасность страны, и экономическую, которая объективно не может не совершать сейчас дестабилизирующие шаги, и политическую, которая давит на две остальные, проводя в жизнь демократическую идеологию.

Хасбулатов сразу почувствовал силу Черномырдина, оценил его влияние на настроение в обществе. Недаром в ходе летних месяцев им и его депутатской командой была сформулирована примерно такая идея: парламентская республика с сильным премьером. Они пытались перетянуть премьер-министра на свою сторону, недвусмысленно намекая, что его фигура вполне устраивает парламент. Но Черномырдин на этот союз с «революционным» Верховным Советом не пошел.

Нас с Виктором Степановичем объединяют общие взгляды на многие вещи. Он не приемлет беспринципного политиканства. И вместе с тем не витает в облаках. Это сочетание разумного опыта и выработанных годами принципов присуще людям нашего поколения.

По крайней мере в разных, самых критических, самых тяжелых ситуациях понимание у нас с Черномырдиным было полное. И мне хочется думать, что это рождается не просто на уровне дисциплины, осмысленной необходимости — а на уровне более глубоком, что ли.

Поэтому ошибки, допущенные при обмене денег, ничуть не повлияли на мое отношение к правительству Черномырдина.

Дневник президента

22 мая 1993 года

В Москве в субботу открывался «Палас-отель» на Тверской, в центре города. На открытие были приглашены многие известные российскис деятели, руководители, бизнесмены, дипломаты. По просьбе мэра Москвы Юрия Лужкова приехал и я. После

всех формальных и обязательных по такому случаю мероприятий — разрезаний ленточек, фуршетов, торжественных речей — я было собрался ехать домой. И тут вдруг министр безопасности Виктор Баранников, который также был приглашен на торжество, неожиданно попросил меня заехать к нему в гости на часок. Он очень сильно меня упрашивал, говорил, что это очень важно, очень нужно. Я ответил, что в понедельник мы могли бы встретиться в Кремле. Баранников сказал, что хотел бы поговорить в неформальной обстановке, много вопросов накопилось.

Я не слишком люблю экспромты, незапланированные визиты, однако Виктор Павлович настаивал. Это был редкий случай, уважительных причин для отказа у меня не было, пришлось согласиться. Мы сели вместе в мою машину, уже по пути я сказал водителю и Коржакову, что едем не домой, а к Виктору Павловичу. На меня выразительно и насупленно посмотрел Коржаков. Он тоже не любит неожиданных изменений планов и маршрутов. Это у него профессиональное.

Вскоре мы приехали на дачу к Баранникову, зашли в дом, я поздоровался с супругой Виктора Павловича. Неожиданно Баранников представляет мне человека старше средних лет с улыбчивым лицом, который протягивает руку и говорит: «Борис Бирштейн».

Это уже было совсем, как говорится, не по правилам. О том, что у него будут какие-то гости, он обязан был меня предупредить. Но, как я сейчас понимаю, видимо, Баранникову настолько было важно, чтобы Бирштейн встретился со мной, он так от него зависел, что готов был переступить любые рамки приличия и протокола, лишь бы эта встреча состоялась. Я посмотрел на Баранникова выразительно, он только виновато улыбался и, чтобы снять возникшую неловкость, громко сказал: «Прошу всех к столу» — и подвинул стул для меня.

После того как расселись, Баранников стал представлять гостя. Он сказал, что Борис Бирштейн — блестящий бизнесмен, политик, наш соотечественник, который сделал чрезвычайно много для России. Ему мы обязаны тем, что в Молдове сейчас мир, а не война, он выступал одним из главных посредников в переговорах с молдавской стороной, он на личном самолете привозил в Кишинев российскую делегацию для ведения переговоров, и мир состоялся. Он также является ближайшим экономическим советником Президента Киргизии Аскара Акаева, у него колоссальные возможности для привлечения в Россию инвестиций крупнейших финансовых структур мира.

В общем, речь Виктора Павловича была эмоциональной, взволнованной, он очень хотел, чтобы его гость мне понравился. Биртштейн слушал похвалы в свой адрес с выражением человека хоть и скромного, но вполне знающего себе цену. Он мягко улыбался и покачивал головой, когда Баранников выдавал слишком сильные комплименты.

Я продолжал молчать. Заговорил Борис Биртштейн. Он рассказал о своей миссии в Молдавии, затем перешел на российский бизнес, объяснил мне, какие большие перспективы у России. В разговоре он демонстрировал свои связи с бизнесменами и политиками мира — невзначай упоминал имена президентов, министров, глав корпораций. В общем, и ему хотелось произвести значительное и одновременно приятное впечатление, что, впрочем, вполне естественно. Однако я плохо поддерживал разговор. Вся эта тягомотина продолжалась минут сорок. Наконец Баранников почувствовал, что не стоит перегибать палку — он и так слишком много сделал для своего иностранного гостя, и както намекнул Биртштейну, что пора уходить. Тот вдруг заторопился, сказал, что через полчаса взлетает его личный самолет, поэтому, к сожалению, он не может дольше находиться с нами.

Больше я его никогда не видел. Замечу только одну деталь. Когда я решил, что интересных встреч и новых знакомств на сегодняшний день вполне достаточно и собрался уезжать, то случайно увидел, что Биртштейн никуда не ушел. Я сделал вид, что не заметил его.

Так Баранников познакомил меня со своим другом Борисом Биртштейном.

* * *

Именно этим летом главной темой, даже каким-то газетным стереотипом, общим местом стало утверждение о коррупции в высших эшелонах власти. Почву подготовил Руцкой со своими «одиннадцатью чемоданами» обличительных документов, которые в общем-то оказались пустыми. В пакет документов о злоупотреблениях на местах, о которых давно было известно и прокуратуре, и исполнительным структурам власти, по которым активно велось следствие, Руцкой добавил грандиозную липу на членов правительства.

Есть ли связь между коррупцией и произошедшим позднее мятежом? Есть ли связь между политикой и преступностью? И что такое вообще — российская мафия?

Символичная встреча с Борисом Бирштейном о многом заставила меня задуматься. Конечно, потом я узнал о нем больше, как и о скандально известном концерне «Сиабеко». Поначалу это не слишком приятное знакомство показалось мне случайным, по крайней мере я старался гнать от себя плохие мысли. Ну а потом эти «плохие мысли» все равно настигли.

Богатой страны без богатых людей не бывает. Нет подлинной человеческой самостоятельности без материальной собственности.

Но деньги, большие деньги (что, впрочем, понятие относительное) — это всегда, при любых обстоятельствах искушение для человека, нравственное испытание, греховный соблазн. И ничего с этим не поделаешь.

Для того чтобы в нашей стране появилась культура отношения к деньгам, должны пройти годы. Наше общество, наши люди были совершенно не готовы к восприятию феномена рынка. К появлению богатых бизнесменов, магнатов. То их проклинают, то открывают все двери настежь перед ними.

Есть масса экономических причин, которые способствуют появлению «теневой» многомиллиардной наличности, долларовым спекуляциям, контрабандному вывозу сырья, уклонению от налогов и так далее. Но мафия появляется только там, где к черту отбрасывается нормальная человеческая этика. Где начинают покупать людей. Возникает простая и логичная мысль: а зачем все время обходить закон? Надо его вовсе убрать с дороги! То есть купить человека, закон исполняющего.

Все взаимосвязано. Инфляционная экономика заставляет наш бизнес искать возможности фантастически быстрого денежного оборота, отказываться от долгосрочных инвестиций, уклоняться от налогов в массовом порядке. В результате честный бизнес все время ходит на грани. А вернее, плохо просматривается грань между чистым и криминальным бизнесом. Любое коммерческое дело при определенных обстоятельствах может стать криминальным. Вот что ужасно.

Появление передо мной такого магната, как Борис Бирштейн, как бы реально, во плоти обозначило остроту проблемы. Для того чтобы переступить эту запретную черту, в наших, российских условиях вовсе не обязательно заниматься порнобизнесом, продажей наркотиков или контрабандной продажей некачественного продукта. Зачем мелочиться? Проще брать под контроль одного за другим государственных чиновников.

Постепенно мы начинаем разбираться с тем, кого и как купили или пытались купить. А что дальше?

Сильное, жесткое правительство, подконтрольное парламенту, прессе, суду, — единственный ограничитель коррупции. А неограниченная власть парламента, которой пытались добиться как мирными, так и военными средствами Хасбулатов и Руцкой, бесконтрольность регионов, которую пыталась навязать немногочисленная группа «псевдосубъектов федерации», — вот это самая лучшая почва, питательная среда для мафии. Покупать депутатов, имеющих контрольно-распределительные функции, покупать местных чиновников всегда легче, проще и выгоднее.

Такова — в плане коррупции — еще одна подоплека путча. Нехорошая, скользкая подоплека.

* * *

И радость по поводу итогов апрельского референдума, и преждевременная радость от того, что наконец-то пошел конституционный процесс — постепенно начали испаряться. «Одиннадцать чемоданов» Руцкого, каким бы ни было мое отношение к этому политику, не давали спокойно спать. Я чувствовал, что за моей спиной происходит что-то не то. И это «не то» может спокойно девальвировать в глазах общества с таким трудом достигнутый политический результат.

Начала работу Межведомственная комиссия Совета безопасности по борьбе с преступностью и коррупцией под руководством известного адвоката Андрея Макарова. Я ждал, что мощные силы Министерства безопасности вот-вот включатся в это расследование. Что Баранников, в надежности которого я ни на секунду не сомневался, окажет комиссии помощь в распутывании сложного клубка из взяток, поддельных документов и прочих атрибутов мафиозных структур.

* * *

На одном из заседаний комиссии по борьбе с коррупцией несколько ее членов, в том числе Андрей Макаров и начальник Контрольного управления администрации Президента РФ Алексей Ильюшенко, высказались за то, чтобы попытаться привлечь широко известного в России молодого бизнесмена, проживающего в Канаде, Дмитрия Якубовского как свидетеля по делу о коррупции в высших эшелонах власти.

Я первый раз услышал фамилию Якубовского при следующих интригующих обстоятельствах.

Это было осенью 1992 года. Ко мне в кабинет вошел возбужденный Юрий Скоков вместе с Александром Коржаковым. С Юрием Владимировичем такое редко случается, он человек сдержанный, и я понял, что произошло что-то серьезное. Скоков принес мне проект документа, на котором стояли визы многих высших руководителей страны — Шумейко, Баранникова, Ерина, Кокошина — первого замминистра обороны, Примакова, Степанкова, от руки было написано «Согласовано с Гайдаром», документ практически был на выходе. Суть распоряжения заключалась в следующем. В состав правительства вводится новая должность — координатор правительства в силовых структурах, полномочия которого отличались чрезвычайной широтой. Этот координатор ставился над силовыми министерствами, контролировал их и был подотчетен только премьер-министру. В документах, которые принес Скоков, значилось, что на эту феерическую генеральскую должность назначается 29-летний молодой человек, который еще полгода назад был капитаном. Звали его Дмитрий Якубовский.

Естественно, я позвонил Гайдару, жестко и не слишком любезно поговорил с ним. Выяснилось, что и он оказался введен в заблуждение. Когда его знакомили с этим документом, сказали, что с президентом вопрос согласован, что Ельцин полностью в курсе и концепции этой должности, и самой кандидатуры. Тогда я понял, что мы столкнулись с крупной аферой, и попросил Гайдара немедленно отозвать все документы, связаться с Шумейко, силовыми министрами, разобраться в этой истории, а потом доложить.

Через три дня мне сообщили, что все исполнено, а испуганный Якубовский покинул пределы России, улетел то ли в Канаду, то ли в Швейцарию.

Прошло почти полгода, и вновь в прессе всплыла его фамилия. То в одной газете, то в другой стали появляться разоблачения этого самого Якубовского. Он начал сдавать своих бывших друзей и покровителей, на свет стали выползать первые представленные им документы. И тут стало ясно, свидетелями какого грандиозного скандала вскоре все мы станем. И что за фигуры будут участвовать в этом спектакле.

Беда в том, что фигуры были и черные и белые. Те, в чью порядочность я давно утратил какую бы то ни было веру. Но и те, в чьей преданности, честности я не сомневался. Я встречался с ними, улыбался им, мы обсуждали действительно важные для России проблемы, что-то решали, что-то придумывали, а

выйдя от меня, завершив государственные дела, они принимались за личные.

Я сказал сам себе и достаточно четко сформулировал эту мысль на заседании комиссии по борьбе с коррупцией: меня не волнует, за Ельцина этот человек или против, «свой» он или «чужой». Если он нечестен, если он злоупотребил своим служебным положением, он должен уйти в отставку и пусть суд определит его дальнейшую судьбу.

Ильюшенко и Макаров вылетели в Швейцарию и через некоторое время привезли документы. Из представленных мне справок, счетов, целого вороха других бумажек становилось абсолютно ясно, что Виктор Баранников, министр безопасности России, генерал армии, один из моих самых близких и доверенных людей, к которому я всегда относился с симпатией, был примитивно и пошло куплен.

Сначала я все же решил: не надо торопиться с выводами, документы могут быть и фальшивыми. Такое ведь вполне вероятно. Министр безопасности — фигура достаточно серьезная, чтобы появились желающие ее скомпрометировать. Не хотел я верить в плохое. Но — пришлось.

...Западная фирма «Сиабеко», которой руководил Борис Бирштейн, пригласила в Швейцарию на три дня жену Виктора Баранникова и жену первого замминистра внутренних дел России Дунаева. И там они килограммами, авоськами скупали и сгребали духи, шубы, часы и прочее, и прочее. Всего на сумму более чем 300 тысяч долларов. В Москву жены привезли двадцать мест багажа, а за перегруз фирма заплатила две тысячи долларов, что в три раза дороже, чем сам билет на самолет в Швейцарию.

Я думаю, даже самая избалованная миллионерша не могла бы при всей своей фантазии за три дня истратить столько денег.

Что мне было делать? Как сказать обо всем этом Виктору Павловичу? Первая мысль: мужик стал жертвой какой-то замысловатой комбинации, отправил жену отдохнуть на три дня, а там на нее обрушился долларовый дождь, она и сломалась. Понятно, что в любом случае теперь его придется снять с должности. Баранниковым теперь легко манипулировать, так же просто его и шантажировать.

Как сказать ему об этом? Перед отъездом в отпуск на Валдай переговорил с премьер-министром. Виктор Черномырдин так же, как и я, вначале отказался верить в то, что такое возможно. Он просто замахал руками: «Да вы что, Борис Николаевич, мы

же с вами знаем Виктора Павловича, не может такого быть». Когда я рассказал обо всем чуть подробнее, он стал мрачнее тучи. Решили действовать следующим образом: во-первых, я немедленно подписываю приказ о снятии Дунаева, первого замминистра внутренних дел. Виктор Ерин уже давно с трудом уживался со своим первым замом, несколько раз ставил этот вопрос передо мной. Но Баранников настаивал, чтобы Дунаева оставили на этой должности. Я просил Ерина немного потерпеть. Теперь вот выяснилось, что Виктор Федорович был прав.

Во-вторых, договорились, что с Баранниковым я переговорю сразу же после возвращения из отпуска. Попрошу его объяснить факты, которые уже известны. Все-таки не за красивые глаза его жену приглашали в Швейцарию — значит были какие-то просьбы, какие-то мелкие, а может быть, и крупные поручения. Предложу ему после нашего разговора уйти в отставку. Он не может оставаться на посту министра.

Конечно, отставка Дунаева будет для него серьезным ударом и предупреждением. Баранников сразу поймет, что и ему в скором времени могут грозить неприятности. Не думаю, что он предпримет какие-то резкие или опасные действия после этого. Хотя Министерство безопасности по-прежнему достаточно могущественно, не зря же от его прежнего названия — КГБ до сих пор веет холодом, но все же не верю я в заговор.

Я уехал в отпуск, но и там, хотя рядом были внуки, дочки, жена, все как могли опекали и отвлекали меня от московских дел, я все время возвращался мыслями к ситуации с Баранниковым. Вся эта абсолютно дурацкая история никак не укладывалась у меня в голове.

Вскоре до Баранникова начали доходить первые слухи, он попытался связаться со мной. Но я попросил, чтобы с ним меня не соединяли. Примерно через неделю вышел указ о снятии с должности первого замминистра внутренних дел Дунаева. Пресса в некоторой растерянности пыталась как-то объяснить эту отставку: Дунаев был слишком прочной фигурой, чтобы просто так его отправляли на заслуженный отдых, — но газеты ничего внятного придумать не могли. Буквально через день фельдсвязь прислала мне толстый пакет от Баранникова. На конверте было написано: «Лично в руки». Я понял, что Виктор Павлович начал акцию по спасению самого себя.

Пакет пришел утром, а я почти до вечера никак не мог заставить себя вскрыть его. Подержу, потом отложу, схожу погулять,

покупаюсь, кино посмотрю, вернусь домой, сяду в кабинете, опять возьму пакет в руки и опять откладываю. Глупо, конечно, было оттягивать, но уж так тоскливо, так тяжко на душе было...

В конце концов вскрыл я пакет. Прочитал. Баранников писал, что его пытаются скомпрометировать. Что люди, которые предоставили какую-то информацию против него, хорошо ему известны — это бывшие агенты КГБ, один из них (Якубовский) является агентом МБ, они, вполне возможно, в интересах разведок других стран пытаются опорочить министра безопасности России. Что они к тому же гомосексуалисты. Что, естественно, их информации нельзя доверять. Что это хорошо спланированная акция, удар по безопасности страны.

По причинам, о которых уже рассказал, я вынужден был закончить свой отпуск раньше времени. В воскресенье я вернулся. Баранников больше не пытался со мной встретиться. Он ждал моей реакции. Наша встреча произошла во вторник на заседании Совета безопасности, на котором обсуждался вопрос о трагедии на афгано-таджикской границе. На нашу заставу напала хорошо вооруженная банда афганских экстремистов, пограничники оказались не готовы к такой мощной провокации. Погибли наши солдаты. Из этого тяжелого случая надо было немедленно извлекать уроки, тем более что концентрация вооруженных формирований на афганской границе усиливалась.

Пограничные войска еще с давних времен находятся в ведении — раньше КГБ, теперь — МБ. У войск есть свой командующий, который является заместителем министра безопасности. Таким образом, Баранников также нес ответственность за грубые просчеты, которые были выявлены при расследовании трагедии на границе. После докладов, выступлений членов Совета было принято решение снять с работы командующего пограничными войсками Шляхтина, а Баранникову объявить выговор за выявленные недостатки в работе.

Некоторые из членов Совета были в курсе ситуации с Баранниковым. Они напряженно ждали, подниму ли я сегодня вопрос о документах, предоставленных комиссией по борьбе с коррупцией. Момент был вполне удобный. Все же я решил, что не стоит, во-первых, путать одно с другим. А во-вторых, мне надо было сначала самому встретиться с Баранниковым. Что он будет говорить всем — это одно. Но что скажет мне, кому, не в переносном, в прямом смысле, клялся в верности? Какие слова в этот раз будет произносить?

И пока шло заседание Совета безопасности, и сразу после него, когда Баранников просил назначить время нашей встречи, он старался не смотреть на меня. Плохой признак.

В расписании следующего дня Баранников стоял на 11.00. Перед его приходом я попросил приехать министра юстиции Калмыкова, который вел непосредственную работу с материалами комиссии по борьбе с коррупцией. От него я хотел услышать одно: есть ли хотя бы единственный шанс у Баранникова? Может быть, необходимо еще раз проверить подлинность документов, может быть, какие-то факты передернуты... Но Калмыков ничего утешительного сказать не мог. Он сообщил, что материалы, которые удалось изучить, привели его к единственному выводу: это коррупция в чистейшем виде.

Я отпустил Калмыкова. Через несколько минут в кабинет вошел Баранников. Он был бледен. Мы поздоровались. Я попросил его сесть. И сразу же начал этот тяжелый разговор. Спросил: правда ли то, что жена его ездила на деньги швейцарской фирмы за границу и что за три дня вместе с женой Дунаева истратила сотни тысяч долларов. Он, опустив голову, проговорил: да.

Ну вот и все.

Остальную часть разговора передавать бессмысленно. Баранников винился, говорил, что такое больше не повторится, что он всегда был верен только мне и я имел не раз возможность убедиться в этом. Что нельзя на фактах, предоставленных какими-то гомосексуалистами, ломать его судьбу. Я уже почти его не слушал. Про себя монотонно как-то думал, что это и есть прощание с человеком, на которого надеялся.

Когда Баранников закончил оправдываться, я сказал, что в три часа на коллегии министерства он будет снят с должности министра. И в этом должен винить только себя.

Вид у Баранникова был несчастный, но жалеть мне его абсолютно не хотелось. Было стыдно за него, ужасно стыдно.

В три часа я пригласил в Кремль руководство Министерства безопасности.

Я коротко сообщил всем присутствующим, что в связи с недостатками, допущенными в работе, а также в связи с этическими нарушениями, которые были совершены министром безопасности Баранниковым, с сегодняшнего дня он снят с работы. Его обязанности будет исполнять Николай Михайлович Голушко. Видимо, для большинства присутствующих мои слова не были неожиданностью. Когда снимают начальников, подчи-

ненным это становится обычно известно даже раньше самих шефов. После моих слов наступила тишина. Потом совершенно неожиданно для меня выступил Баранников. Всего три часа назад я видел его подавленным, испуганным, он просил прощения и умолял не снимать его с работы. Сейчас он вдруг достаточно спокойно и твердо сказал, что президент, конечно, может снять его с работы, но он считает себя невиновным, что выводы сделаны на основании подтасованных данных. И он настаивает на настоящем прокурорском расследовании его деятельности, а не на показаниях каких-то «голубых».

Я посмотрел на него с некоторым удивлением, сказал, что, естественно, все факты будут тщательно проверены, в том числе и прокурорами. После этого со всеми попрощался. Настроение еще долго оставалось испорченным.

В этот день, 27 июля 1993 года, я подписал указ о снятии Баранникова с должности министра безопасности.

Пресса мучилась в неведении. Выдумывались одна версия за другой, и каждая была хлеще предыдущей: и что Баранников переметнулся к Хасбулатову, и что он слишком много накопал на президента, и что его съели более расторопные коллеги внутри всесильного Министерства безопасности, и так далее.

Баранников хранил молчание, ему тоже самому было не с руки сообщать прессе об истинных причинах отставки. Так продолжалось несколько дней. И вдруг в «Независимой газете» появляется «Открытое письмо Виктора Баранникова Президенту России».

Смысл публикации заключался в следующем: около президента находился честный человек — сам Баранников, который всячески не давал окружившим Ельцина авантюристам и экстремистам манипулировать президентом. Но в конце концов экстремисты победили, поэтому министр безопасности снят с работы.

Это была неправда от начала до конца. Он знал, почему я его отправил в отставку. Но, видимо, решил последнее слово оставить за собой и уйти с политической арены в образе борца за справедливость и интересы России.

Так во второй раз кончился для меня бывший министр безопасности России Виктор Баранников, который свой трудовой путь завершил в Лефортовской, совсем недавно именно ему подчиненной, тюрьме. Когда я пишу эти строки, он находится именно там. Какое будет ему вынесено наказание, не знаю. Только знаю, что свою судьбу полностью он определил себе сам.

* * *

Через некоторое время в нормальную жизнь, в «нормальный» скандал вмешается путч. Два этих процесса — уголовный и политический — в моей голове никак не соединялись. Когда я задумывал реформу правительственной власти, никак не ожидал, что эту реформу будут использовать для спасения самих себя скомпрометированные политики. Такая ситуация казалась невозможной.

Однако это произошло. Баранников, Дунаев, другие лидеры октябрьского мятежа очертя голову бросились в путч. Мина, подложенная под российское правительство, все-таки взорвалась, хотя и таким неожиданным образом. Реформа попала в сети грубой, нечистоплотной аферы. В этой ситуации я очень боялся создать атмосферу склочной травли, доносительства, поисков «компромата». Через все это при Сталине наша страна уже прошла. Кроме того, документы убедили меня в том (и выводы прокуратуры с этим совпали), что на многих членов правительства была возведена напраслина.

Обстановку террора, крутых разборок, травли я органически не переношу. Мне очень важно ощущать, что вокруг меня — нормальные люди.

Одним словом, хотелось жить обычной жизнью. Поэтому для иллюстрации этой мысли немного отвлекусь от угрюмой уголовно-политической темы.

* * *

Однажды, заметив намечающийся животик под рубашкой вроде бы высокого и стройного Владимира Шумейко, решил — так дальше жить нельзя.

Я понял, что нужно действовать старыми «большевистскими» методами, чтобы сломать пренебрежительное отношение к спорту, к своему физическому состоянию: надо всех заставить заниматься спортом, увлечь, так сказать, личным примером. В Свердловске я ведь почти весь обкомовский аппарат чуть ли не насильно вывел на волейбольную площадку, а потом все так влюбились в волейбол, что уже с площадки выгнать было невозможно. Чувствую, с московскими коллегами придется действовать теми же методами.

Увидев однажды, как тяжело задышал начальник моей охраны Александр Коржаков — сейчас не помню, кажется, он пробежался с первого этажа на третий в Кремле, — я сказал: «Алек-

сандр Васильевич, да вы что, вы же спортсмен, волейболист. Вам нужно быть в форме. Вы обязаны каждый день заниматься спортом». Коржаков помрачнел, видно, он сам переживал по этому поводу, и сказал: «Да, я и сам знаю, на пять килограммов поправился. Только когда же мне спортом заниматься? Мы с вами в полвосьмого утра встречаемся и в десять вечера прощаемся. Если только ночью...» Действительно, подумал я, на самом деле, только ночь и остается. Тогда я решил: «Давайте, Александр Васильевич, с семи до восьми утра — время ваше, а в полдевятого, не заезжая ко мне домой, вы в Кремле». Он обрадовался, видно, действительно соскучился по физической нагрузке. Теперь каждое утро он в спортзале, и лишние килограммы уже давно сбросил.

С не привыкшими к спорту членами правительства было чуть посложнее. Поэтому я позвал Тарпищева и сказал ему: делаем турнир. Теннисный президентский турнир. Участвуют все. Те, кто делает первые шаги в теннисе, и те, кто уже прилично играет. Главное — выведем всех на спортплощадку.

Посеяли пáры. Никуда не деться было от фаворитов — это наша с Шамилем Тарпищевым пара. Первый номер в ней, конечно, Шамиль, тут у меня иллюзий нет, но и я не статист. Мою подачу взять непросто. Это у меня от волейбола — мощный удар. Примерно так, махом, я в теннисе и подаю. Справа удар идет неплохо, слева чуть хуже — дает о себе знать старая травма спины, при ударе слева надо ведь хорошо развернуться, а я берегу спину. В общем, вместе нам никто не страшен. Мы были готовы побеждать.

Сразу определились аутсайдеры — Козырев и Шумейко. Они проигрывали всем. У Андрея Владимировича все никак не ладилась подача. А Владимир Филиппович с трудом попадал по мячу слева. Но они честно и мужественно бегали по корту, пытаясь угнаться за улетающим от них мячом. Но, по-моему, даже проигрывая, они получали удовольствие от участия в первом в их жизни теннисном турнире.

Определились и лидеры. Все встречи мы выигрывали в двух сетах, и только против моего помощника Виктора Илюшина и Виктории Соколовой, она мастер спорта по теннису, журналистка, нам понадобился третий сет. Класс Виктории конечно же дал себя знать. На меня она играла помягче, а вот с Шамилем они сражались как два настоящих мастера. Ну и Виктор Васильевич, который в теннис играет уже лет пять, на фоне своей

прекрасной партнерши смотрелся очень прилично. Все же в решающем сете мы выиграли.

Но, естественно, не ради призов или побед я вытаскивал на корт своих товарищей по работе. После турнира произошло именно то, на что я надеялся. Все его участники заболели теннисом. Например, Андрей Козырев стал играть практически каждый день, и только зарубежные командировки заставляют его делать вынужденные паузы. Но, насколько мне известно, даже за границей, приехав в какую-нибудь страну на сутки, он умудряется успеть сыграть пару сетов с послом или с кем-нибудь из нашего посольства. А возвращаясь домой, из Внуково первым делом заезжает не домой, а в спорткомплекс. Сейчас Козырев заиграл вполне прилично, держит мяч, хорошо передвигается, стала стабильной подача, даже не верится, что он играет совсем недолго.

И Виктор Ерин теперь два раза в неделю обязательно выходит на корт. Он всегда очень быстро передвигался. А сейчас добавил в технике. И так уже натренировался, что на последнем теннисном турнире «Кубок Кремля-1993» принял участие в специальном турнире, в котором играют известные люди страны — писатели, бизнесмены, деятели искусства, политики. Так вот, Виктор Ерин играл в одной паре со знаменитым Бьерном Боргом. При этом великий теннисист был вполне доволен своим партнером.

Павел Грачев стал регулярно играть в теннис, нашел постоянного партнера, тоже генерала, они теперь тренируются каждую неделю, и к следующему президентскому турниру с министром обороны сражаться будет непросто.

Этот первый президентский турнир привел меня еще к одной идее. Пока шло соревнование, мы все встречались, общались, нам было интересно друг с другом в неформальной, человеческой, раскованной обстановке. И тогда я предложил создать «Президентский клуб». Клуб, в который его члены могут прийти после работы и отдохнуть, в котором их будут ждать, где им будут всегда рады. Там они могут поговорить, позаниматься спортом, поиграть на бильярде. Придя в клуб с супругой (и только с супругой!), потанцевать. И это тоже можно. Я предложил, чтобы первыми членами, так сказать, отцами-основателями клуба, стали участники первого теннисного президентского турнира.

Устав, членские взносы, членские карточки, клубные традиции — все как положено. Мы сразу же совместными усилиями

внесли в устав несколько основополагающих принципов, бурно поддержанных всеми членами клуба. И в конце концов родился этот важный документ, он хоть и несерьезный, шутливый, но мы поклялись его честно выполнять.

Приведу выдержки из устава «Президентского клуба».

«Членом “Президентского клуба” может стать любой гражданин России, достигший совершеннолетия и определенной мудрости.

Членом “Президентского клуба” может стать иностранный гражданин, являющийся президентом своей страны.

Президентом клуба является Президент России.

Девиз клуба — СООБРАЖАЙ!

Поскольку членами клуба являются люди интеллигентные и интеллектуальные, в стенах клуба запрещены нецензурные выражения. Если очень хочется неприлично выразиться — СООБРАЖАЙ!

Член клуба имеет право посетить клуб в сопровождении супруги. Семейственность в клубе всячески поощряется и приветствуется.

Клуб и его заведения функционируют 24 часа в сутки, поскольку члены клуба люди занятые и у них ненормированный рабочий день.

Члены клуба остаются таковыми пожизненно.

Член клуба может быть исключен из состава клуба по единственной причине. За предательство. И поэтому — СООБРАЖАЙ! Выбывшим из числа членов клуба считается тот, за исключение которого проголосовали все действительные члены клуба».

В уставе клуба есть и всякие другие правила, но идея этого сообщества вполне понятна. В «Президентском клубе» собираются люди, близкие по духу, по взглядам, симпатичные друг другу, которых всегда хочется видеть.

Естественно, в составе клуба не только те люди, с которыми мне приходится постоянно работать — премьер-министр Виктор Черномырдин, министры, другие правительственные начальники. В его составе ученые, журналисты, политики, бизнесмены, деятели культуры... Нам пока еще, правда, далеко до критического числа в сто человек. Да, я считаю, это и правильно. Мы ведь совсем недавно родились. Все еще только притирается. К правилам привыкаем.

Кстати, недавно в составе клуба появился первый иностранный член, им стал Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев.

Ему очень понравилось у нас. По-моему, он так увлекся этой идеей, что даже хочет создать нечто подобное и у себя дома.

Я надеюсь, и через сто лет в «Президентском клубе» будет так же уютно, как сейчас.

* * *

Почему я вспомнил об этих несерьезных вещах в контексте таких серьезных политических событий? Не только потому, что мне хочется разрушить стереотип крутого, жесткого человека. С этим пусть читатель разбирается сам.

Я давно заметил: перед страшными событиями порой наступает необыкновенно тихая, безоблачная полоса. Когда ну совсем не хочется думать о плохом. Когда безмятежность становится потребностью души. Даже всего организма. Видимо, что-то есть в природе такое таинственное — все она знает наперед, линейное, прямоидущее время над ней невластно. Она готовит нас к крутым испытаниям — примиряя с действительностью и расслабляя. А беда... Она всегда неожиданна.

Так было и в августе 1991-го. И в августе 1993-го. Я знал, что предстоят крупные решения, «горячая» политика. Без нее не обойтись. Но был абсолютно спокоен. У меня было ясное, легкое настроение.

Вот и «Президентский клуб» я задумал, скорее всего, по той же причине — чтобы доказать себе и другим, что продолжается человеческая, пристойная, нормальная жизнь с ее горестями и радостями. Что надо не только конфликтовать, но и общаться.

И я подозреваю, что примерно такое же настроение установилось в это время и в обществе. Там, в Москве, что-то происходит, какая-то драчка, ну и пусть. Только бы не мешали жить спокойно. Примерно такие вещи приходилось читать и слышать. Двойственное отношение у меня к этой позиции. С одной стороны, это достаточно ярко выраженная политическая инфантильность. А с другой стороны — пора бы нам и успокоиться. Постоянное перевозбуждение, напряжение, в котором политики держали страну два года, — не слишком ли?

Я решил, что, несмотря ни на что, равнодушие к московским скандалам — это все-таки положительный симптом. Общество соскучилось по спокойной жизни. Люди хотят нормального ритма, пусть скучной, трудной, но понятной колеи — каких-то координат, по которым можно ориентироваться, выбирать дорогу.

Эту тенденцию к стабильности я хотел надежно защитить, застраховать. Тезис о том, что противостояние властей создает стабильность, я не принимал. Безоблачное, ясное небо августа 93-го было обманчивым и ненадежным.

Скоро соберется съезд, вспыхнет новый скандал, закипят новые страсти. Снова не до экономики. Снова не до текущих дел. Снова балансировать на грани, пытаться удержать разваливающуюся власть. И никто никого не слушает. Это становилось уже нестерпимо.

В ночные часы

Я вышел из института лейтенантом запаса. Сейчас уже имею воинское звание полковника. Был в бронетанковых войсках. И, как это было принято, в институте летом мы отправлялись на учебные сборы. Меня назначили командиром танка.

Самое тяжелое — ночные вождения. Тогда я садился, как правило, не на место командира танка, а на место водителя. Идешь на большой скорости, темнота, фары включать нельзя — противник засечет. Не видишь ни впереди идущего, ни того, кто за тобой. Скорость — километров сорок, и по пересеченной местности, по грунтовке.

И вот однажды на учениях где-то чуть-чуть свернул, а там ров с водой. И танк рухнул туда почти вертикально. По инерции пролетели несколько метров и стали погружаться в воду. Вода ледяная. В темноте это, надо сказать, «хорошее ощущение». Я жму на газ. Главное — выползти на противоположный склон, я жму изо всех сил на педаль газа, потому что если остановимся — то все, заглохнем и танк утопим. Потом выбирайся как хочешь.

Я жму, а он рычит, скрежещет — ну, давай, давай, родимый, зацепись за что-нибудь, вперед, вперед. Это ощущение ревущей, но беспомощной машины запомнилось на всю жизнь.

Все-таки выползли. Все насквозь мокрые. Сидим, ждем, когда начальство приедет, нас наказывать будет. Думали, суток по десять ареста получим. Оказалось, ничего, даже благодарность объявили за то, что не растерялись. Такие дела...

РОССИЯ. ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

1993 ГОД

Август

Председатель пресс-службы Президента России опроверг сообщения о серьезной болезни Ельцина. 31 июля «Правда» напечатала сообщение о том, что в кругах движения «ДемРоссия» обсуждалась возможность изменений в руководстве страны из-за ухудшившегося состояния здоровья главы государства.

Во Владикавказе убиты глава Временной администрации зоны ЧП Северной Осетии и Ингушетии Поляничко и командующий объединенными силами Временной администрации Корецкий.

Не состоится запланированное подписание президентами России и Литвы соглашения о выводе с территории Литвы Вооруженных сил РФ.

5 августа под председательством Ельцина прошло заседание Межведомственной комиссии по борьбе с преступностью и коррупцией. Ельцин сказал, что отныне комиссия будет работать в еженедельном режиме.

Главы нескольких государств Содружества, заявившие ранее о своем выходе из рублевой зоны, обратились к российскому руководству с просьбой о возвращении в эту зону.

По словам президента, сказанным на встрече с журналистами 10 августа, «сентябрь — это месяц, когда будут решаться вопросы Конституции, выборов, когда мы должны будем принять решение в отношении власти в России». «Усиленной подготовкой к сентябрю» объяснил Ельцин тот факт, что редко выступает сейчас по телевидению.

19 августа Президент РФ провел пресс-конференцию, на которой заявил, что намерен добиться проведения выборов в парламент этой осенью.

Министр печати и информации России Федотов заявил о своей отставке. В заявлении он сказал, что этот шаг сделан по политическим мотивам.

Минюст России вынес официальное предупреждение Фронту национального спасения после рассмотрения документов второго конгресса этой организации. Министерство усмотрело в отдельных фразах, высказанных на конгрессе, призывы к вооруженному свержению существующего строя.

Межведомственная комиссия по борьбе с преступностью и коррупцией начала передавать документы, касающиеся Руцкого, прокурору Москвы Пономареву.

28 августа в Грузии началось, по сути, восстание звиадистов. Сторонники экс-президента захватили три жизненно важных для страны города — Сенаки, Хоби и Абашу.

Сентябрь

Пресс-секретарь Президента России распространил сообщение, в котором говорится: «Президент РФ принял решение о временном отстранении от должности Руцкого и Шумейко. Это решение принято в связи с ущербом, который наносится государственной власти в результате взаимных обвинений в коррупции».

В Крыму на встрече руководителей Украины и России подписано соглашение, по которому ЧФ остается единым и целиком переходит под юрисдикцию России.

Президент подписал распоряжение, которым создана рабочая группа по выработке единого согласованного проекта Конституции РФ. Ее председателем назначен заместитель главы парламента Рябов.

Шеварднадзе заявил об отставке после того, как на заседании парламента лидер военной группировки «Мхедриони» Джаба Иоселиани, являющийся одной из самых влиятельных фигур грузинской политики, подверг резкой критике курс Шеварднадзе. Однако парламент большинством голосов отставку не принял.

18 сентября первым заместителем премьер-министра России будет назначен Егор Гайдар, заявил Ельцин во время посещения Отдельной дивизии внутренних войск имени Дзержинского.

21 сентября Президент России прекратил своим указом полномочия съезда народных депутатов и нынешнего ВС. Выборы в новый орган законодательной власти — Федеральное Собрание — назначены на 11–12 декабря.

ГЛАВА 9

ТРУДНАЯ ОСЕНЬ

Дневник президента

3 октября 1993 года

Утром я поехал в Кремль. Ощущение беспокойства не покидало меня всю ночь. Белый дом, хоть и окруженный милицией, ОМОНом, все равно представлял собой страшную угрозу Москве.

Когда я принимаю какое-то серьезное решение, потом никогда не извожу себя дурацкими мыслями, что надо было сделать как-то иначе, можно, наверное, было по-другому. Это бессмысленные метания. Когда выбор сделан, дальше только одно — максимально точно его исполнить, дожимать, дотягивать. Так было всегда. Я не убивал когда-то себя мыслями, почему я, например, тогда выступил на октябрьском (1987 г.) Пленуме ЦК. Да, я мучился, переживал, но вовсе не потому, что изматывал себя сомнениями: а если бы я не вышел на трибуну, как тогда бы сложилась моя жизнь? Принимая решение, я бросаюсь как в воду. Я не хочу анализировать, недостаток это или достоинство.

В этот раз, кажется, впервые в жизни, в голове у меня сверлила одна и та же мысль. Правильно ли я поступил, был ли другой вариант, можно ли было сделать что-то иначе, все ли возможности я исчерпал?.. Россия утомилась от беззакония. А первый всенародно избранный президент закон нарушает, пусть плохой закон, нелепый, ставящий страну на грань развала, но все равно — закон.

Я отматывал все события назад, час за часом, день за днем, пытаясь понять, ошибся ли я…

* * *

Начало сентября. Я принял решение. О нем не знает никто. Даже сотрудники из моего ближайшего окружения не догадываются, что принципиальный выбор мною сделан. Больше такого парламента у России не будет.

Я знал, что утечка информации недопустима. При таком воинствующем, агонизирующем Верховном Совете информация о том, что президент распускает парламент, может стать спичкой, поднесенной к бочке пороха. Они пойдут на любую кровь, их не остановят никакие жертвы, лишь бы остаться у власти.

Для начала необходимо было юридическое обеспечение указа о роспуске парламента. Я нажал кнопку прямой связи с Виктором Илюшиным и попросил его зайти. В голове у меня была готова и модель дальнейших действий и примерная схема указа. Но то у меня в голове.

Я попросил Илюшина подняться ко мне. Это значит, я запускаю машину. Теперь отлаженная команда профессионалов начнет работу. Пока Виктор Васильевич поднимается со второго этажа ко мне на третий, еще есть минута, я могу еще все остановить. Но даже мысли такой у меня не возникает. Заходит Илюшин, я в нескольких словах формулирую задание, внимательно смотрю на него. Он спокоен, как обычно. Будто получил задание подготовить указ о заготовке кормов к грядущей зиме. Он задает несколько вопросов: сколько человек подключать, до какой степени они могут знать общую суть документа, в какие сроки проект указа подготовить. Я отвечаю: количество людей — минимум, работают по отдельным разделам, общую суть не должен знать никто. Срок — неделя. Он кивает головой, уходит. Работа начинается.

Все последующие дни сентября, все встречи, переговоры, поездки рассматривались мною в контексте предстоящего указа. Многое было запланировано заранее, еще в июне, июле, августе, что-то я перенес, от чего-то отказываться было нельзя, но и эти задолго намеченные мероприятия я использовал, чтобы лучше подготовиться к этим событиям. Например, в предварительном графике было запланировано посещение Таманской и Кантемировской дивизий. Я давно обещал Павлу Грачеву побывать в элитных воинских частях. После начала работы над проектом указа это посещение приобрело для меня новый смысл. И когда я разговаривал с солдатами, когда смотрел на прекрасную, профессиональную работу подразделений, когда после учения встречал-

ся с офицерами, командирами, все время имел в виду, что предстоят важные события. Как вы поведете себя? Как отреагируете? Естественно, ничего я им сказать не мог, но ясно, абсолютно ясно видел: здесь меня поддержат. И предательства не будет.

Через неделю проект указа был готов. На последнем этапе я разрешил Илюшину подключить к подготовке документа помощника президента по юридическим вопросам Юрия Батурина. У меня были сомнения, стоит ли это делать. Не потому, что я ему доверял не полностью. Просто мне хотелось как можно меньше людей обременять излишней информацией. Особенно информацией такого рода. В компьютерах, насколько мне известно, существует специальная система, оберегающая машину от лишней, ненужной информации, которая засоряет ЭВМ, выводит ее из строя. Отчего у людей сердце болит и бессонница — от избытка негативной информации...

Но возникли серьезные вопросы, которые требовали квалифицированного юридического разрешения. Я ввел в курс дела Юрия Батурина. Свою часть работы он, как всегда, выполнил точно и профессионально.

Вопросы у меня возникли и в связи с Конституционным судом, его местом после введения указа. Когда я первый раз формулировал Илюшину основные положения будущего указа, пункт, касающийся КС, я обозначил так: до выборов в новое Федеральное Собрание КС прекращает свои заседания. Потом, долго размышляя, понял, что гораздо точнее будет, если я не запрещу собираться членам суда, а порекомендую КС не проводить заседания до избрания нового законодательного органа. Формулировка смягчилась, конституционный орган никак не ущемлялся, но при этом свое отношение я выражал вполне определенно. И далее на совести судей оставалось решение: или отказаться от политических склок, или принять активное участие в них на стороне Верховного Совета.

Дневник президента

12 сентября 1993 года

Воскресенье, 12.00. Еще один, может быть, самый важный, решающий момент на пути к преодолению кризиса. Я подключаю к работе своих ближайших соратников. В подмосковное Старо-Огарево я пригласил министра обороны Грачева, минис-

тра внутренних дел Ерина, исполняющего обязанности министра безопасности Голушко и министра иностранных дел Козырева. По сути, все стратегическое руководство страны, кроме премьер-министра, собралось здесь. Виктор Черномырдин в этот момент возвращался из США, там завершился его официальный визит, на следующее утро в 11.00 я назначил с ним встречу.

Поддержат они меня или нет? А если кто-то один не согласится, что делать дальше? Все равно назад пути нет. Я распускаю парламент не потому, что он мне надоел. Просто настал момент, когда этот Верховный Совет, превратившись в мощнейшую разрушительную силу, стал представлять угрозу безопасности России. Поэтому на этот шаг придется идти в любом случае. Но какова цена этого шага? От позиции людей, которые собрались в тот воскресный день в Старо-Огареве, зависело многое.

Виктор Ерин. В нем я был уверен. Уверен, как в самом себе. Я знал, что и для него как руководителя одного из силовых министерств ситуация двоевластия становилась невыносимой. Милицию издергали; Советы, особенно там, где были сильны, пытались взять ее под свой контроль.

Я видел Виктора Федоровича в разных ситуациях. И в радостные минуты, например, когда он демонстрировал мне успехи своих бойцов во время учений. И в тяжелые, когда на Совете безопасности по инициативе Скокова и Руцкого при активной поддержке Баранникова встал вопрос об отставке Ерина. Тогда я резко высказался против отстранения министра. Он проработал всего-навсего четыре месяца, да и не только Ерин был виноват в росте преступности. Взваливать все на одного министра было по крайней мере несправедливо. Тогда Ерину объявили строгий выговор. Позже, когда мне удалось поближе познакомиться с ним, я открыл для себя глубокого, умного, очень совестливого человека. Я уж не говорю о том, как его уважают в милиции, и вообще не говорю сейчас о его профессиональных качествах. Человек он замечательный...

Павел Грачев. В последние месяцы мы не раз с ним обсуждали тот тупик, в котором очутилась страна. Грачев был убежден, что этот Верховный Совет надо было распустить гораздо раньше. В этих разговорах он не раз убеждал меня быть тверже, говорил, что я напрасно медлю. Я отвечал, что не о твердости идет речь, а о той цене, которую придется платить, отправляя в отставку парламент. Поэтому, приняв решение, в полной поддерж-

ке министра обороны я не сомневался. Да и по боевому, заведенному состоянию Павла Сергеевича я почувствовал, что он догадывается, зачем мы здесь собрались, и рад, что шаг сделан.

Андрей Козырев. Еще один человек, в чьем выборе я не сомневался. Он, может быть, как никто другой понимал, какой огромный урон международному авторитету России наносит деятельность воинствующего, шовинистически настроенного парламента. Верховный Совет даже и не пытался строить из себя миролюбца, как это было во времена коммунистического застоя. Те хоть вид делали, что они за разоружение, за мир во всем мире и прочее. Эти же депутаты, не скрывая, противопоставляли себя мировому сообществу по большинству вопросов: и в югославском конфликте, и во взаимоотношениях России с прибалтийскими странами, а если вспомнить декларацию Верховного Совета по Черноморскому флоту... Страшно даже на секунду представить, во что бы превратился мир, если бы к власти в России пришли неокоммунисты образца девяностых годов из Верховного Совета.

Николай Голушко. Я его мало знал. Он имел полное моральное право отказаться от того варианта выхода из кризиса, который я предлагал. Мы мало работали вместе, к тому же Голушко пока всего лишь исполняющий обязанности министра безопасности. Мы втягивали его в эту сложную ситуацию, а вполне возможно, что такое решение противоречило его политическим и человеческим принципам. Я не знал, как он отреагирует. В то же время, может, это и хорошо, что появилась возможность проверить человека в острый момент. Скоро мне будет ясно, есть у нас новый министр безопасности или мне придется искать другую кандидатуру.

Такие мысли пролетали у меня в голове, пока мы здоровались, рассаживались. Наконец наступила напряженная тишина.

«Я собрал вас, господа, чтобы сообщить вам...» Ситуация вполне подходила, чтобы начать примерно так, как у классика... Вот только какое известие я должен был им сообщить — пренеприятное или, напротив, долгожданное, которое поможет разорвать затянувшийся узел? Все-таки скорее неприятное, тяжелое. Но деваться-то некуда...

Я обошелся без длинного вступления, все и без меня знали, что происходит в стране. Сообщил, что принял решение распустить Верховный Совет, поскольку деятельность этого органа представляет угрозу безопасности России. Попросил ознако-

миться с проектом указа и дальше стал его читать вслух (он был напечатан в единственном экземпляре). Читал ровно, спокойно, медленно, чтобы у всех была возможность вникнуть в смысл. Минут через десять закончил. Наступила короткая пауза. Затем каждый сказал, что полностью согласен с теми мерами, которые я предполагал принять. Не колебался, не раздумывал Голушко. Андрей Козырев разрядил обстановку, произнеся серьезно своим тихим голосом: «У меня есть важное замечание. Я с одним принципиальным моментом не согласен, Борис Николаевич». Все посмотрели на него с недоумением. Он продолжил: «Надо было давным-давно такой указ принимать». Мы улыбнулись. Хотя по большому счету он был абсолютно прав.

Я назвал дату объявления указа — 19 сентября, воскресенье. Предложил следующий схематичный план действий. В 20.00 — телетрансляция моего обращения к народу. Части дивизии Дзержинского, которые к этому моменту должны быть в Москве, берут под контроль Белый дом. В выходной день он пуст, никаких проблем не должно возникнуть. Хасбулатов и Руцкой, видимо, делают какие-то заявления, созывают пресс-конференции на квартирах, но важно, что им негде собраться. Угроза городу исходила от Белого дома. Там горы оружия. Заняв Белый дом, мы решаем несколько задач: лишаем распущенный Верховный Совет штаба, центра, который бы координировал все действия оппозиции, не даем возможности собраться распущенному съезду. Без Белого дома они превращаются в горстку крикунов — что такое шестьсот человек на всю Москву, никто не услышит.

Это была очень предварительная схема, которую министры должны были в ближайшие сутки отработать, и, если потребуются какие-то коррективы, договорились таким же составом, плюс премьер-министр, возникающие вопросы решать.

Мы простились. В этот же день я переговорил с Михаилом Барсуковым и Александром Коржаковым. Эти два человека также были ключевыми фигурами в предстоящем действии.

Первый этап был завершен. Начались суровые будни.

Пожалуй, самые суровые за всю мою жизнь.

* * *

Еще не раз и не два самому себе и журналистам, близким, знакомым и незнакомым людям придется мне отвечать на этот вопрос: можно ли было избежать в России «черного октября»? Найти мирный компромисс, который бы вывел нас из тупика?

Теоретически да, можно. Но я напомню, сколько таких «мирных» возможностей к тому времени мы уже исчерпали. Смена руководителя правительства — напомню, Черномырдин был избран съездом. Согласительная комиссия. Неудавшийся импичмент — он показал всю бесперспективность конфронтационного пути. Апрельский референдум — когда народ ясно дал понять, за кого он. Наконец, Конституционное совещание, в котором приняли участие многие депутаты. Предполагалась возможность принятия Конституции на съезде.

Затем Хасбулатов дал команду саботировать конституционный процесс. Несколько его заявлений ясно обозначили, что на следующем съезде будет новая истерика, очередной бой с президентом.

Мне всегда было важно только одно: политическая стабильность, ясность, определенность. Хватит уловок с законами. Закон должен быть один для всех. И одно на всех правительство. Не выдержит Россия больше наших драк на съезде, и придет российский новый Сталин, который захочет всю эту интеллигентскую возню с демократией — к ногтю. И я выбрал свой вариант стабилизации.

Дневник президента

13 сентября 1993 года

Утром в понедельник, в 11.00, в Кремле я встретился с Виктором Черномырдиным, только что вернувшимся из Соединенных Штатов. Он рассказал мне об итогах своего официального визита. Я не перебивал его, хотя, понятно, в этот момент жил совсем другими событиями. После того как он закончил, я очень быстро вернул его в нашу действительность. Сообщил ему о принятом решении, рассказал о состоявшемся разговоре в Старо-Огареве и дал проект указа, на котором уже стояли подписи четырех министров. Прочитав, Виктор Степанович размашисто расписался.

В том, что Черномырдин будет в решающий момент рядом со мной, сомнений у меня не было. И все-таки уверенное спокойствие, с которым он воспринял известие о предстоящих событиях, а в них ему отводилась одна из первых ролей, не могло не вызвать у меня глубокого уважения. Рядом со мной был настоящий, крепкий, сильный человек.

Он ушел. В Кремле продолжался мой обычный день. В 12 часов я встретился с Сергеем Филатовым (которого я решил ввести в курс дела ближе к событиям, главная работа предстояла после выхода указа, пока я мог позволить себе оставить его в счастливом неведении). Разговор шел о предстоящем в субботу заседании Совета Федерации. В 13 часов состоялся запланированный заранее телефонный разговор с Президентом Финляндии господином Койвисто. Дальше академик Осипов, затем руководитель внешней разведки Примаков, вслед за ним зампредседателя Верховного Совета Абдулатипов. Одна встреча за другой, неизбежное для моей работы переключение с одной темы на другую. Привычный, напряженный, плотный день.

На следующий день, во вторник, в 15.00, состоялся Президентский совет. Я специально назначил его на эту неделю. Мне было важно «прокрутить» на этих мощных мозгах свой вариант роспуска парламента. Естественно, я не сообщил им о принятом решении. Но поскольку подобная возможность витала в воздухе, я со спокойной совестью мог предложить членам Президентского совета поразмышлять над таким сценарием. Я попросил их высказать все «за» и «против» и попытаться смоделировать дальнейший ход развития событий в стране.

Мне сложно точно вспомнить сейчас, какие чувства вызвало у меня это обсуждение. Наверное, все-таки чувство неудовлетворенности было. Я ждал от них большей поддержки. Это первое. Во-вторых, мне казалось, они могут более глубоко проанализировать состояние общества после роспуска парламента. И все же разговор был для меня чрезвычайно полезен. В чем-то я еще больше утвердился, какие-то замечания заставили меня обратить внимание на детали, которые до этого казались не слишком важными.

За неделю мы несколько раз встретились с основными участниками предстоящего мероприятия. Вопросов было множество, начиная с конкретного сценария и заканчивая глобальными проблемами, например механизмом реализации положений грядущего указа. Самое страшное было бы принять такой указ, который не будет выполнен. Надо было решить, как действовать по отношению к тем территориальным Советам, которые откажутся признать указ президента, как реагировать на решение Конституционного суда (а в том, каким будет его решение, ни у кого из нас сомнений не было), и так далее, и так далее.

В среду, 15 сентября, состоялось еще одно совещание. Заседание Совета безопасности ввело в мои планы еще ряд руково-

дителей, которые включались в подготовку к часу «Ч». Заседание было закрытым, я попросил даже не вести стенограмму. Все члены Совета, впервые ознакомившиеся с моими предложениями, поддержали это решение. Запущенная машина набирала ход.

А в пятницу вдруг все чуть не остановилось. На этот день я назначил заключительное совещание. На нем мы должны были оговорить последние детали. Я попросил доложить силовых министров, как, на их взгляд, складывается ситуация. И вдруг, один за другим, они стали предлагать отложить намеченное на воскресенье обращение к народу и соответственно введение с этого же момента в действие указа о роспуске парламента. Предлагалась новая дата: конец следующей недели.

Назывались такие основные причины. На 24 сентября назначено совещание глав государств СНГ в Москве. В связи с введением указа оно может сорваться, руководители республик в Москву не приедут. Это сильно ударит по авторитету президента. Второе. Произошла явная утечка информации. Хасбулатову и Руцкому известно главное — что подготовлен указ о роспуске парламента и в воскресенье будет объявлено о введении его в действие. Они не знают деталей, они в панике, но суть им известна. Поэтому тот план, который предполагал взятие в воскресный день пустого, неработающего, без сотрудников и депутатов Белого дома, теперь необходимо менять. В воскресенье Хасбулатов приведет туда всех своих сторонников, Белый дом превратится в крепость, центр сопротивления. Нельзя давать ему такой возможности. Необходимо поставить их в глупое положение, они собрались сопротивляться и бороться, а сопротивляться и бороться не с чем.

На этом же совещании неожиданно прозвучало, что 19 сентября вообще не лучший день для объявлений подобного рода. Слишком прямые аналогии с 19 августа. Лучше будет сделать это ну хотя бы 26-го. Такое число никаких нездоровых ассоциаций не вызовет.

Я согласился с переносом, но не на неделю, а на два дня. 21-го в 20.00 я выступлю с телеобращением. Это принципиальная позиция. Больше никаких отсрочек быть не может. В ближайшие часы надо продумать, как нейтрализовать влияние Белого дома.

То, чего я так боялся, случилось. Белый дом становится центром противостояния президентскому указу. Я попросил Ерина,

Грачева, Голушко, Барсукова — теперь уже при новом раскладе найти возможность занять Белый дом. Я поставил главное условие — мы не пойдем ни на какие жертвы. Если это невозможно, значит, меняем тактику: пусть сидят в Белом доме, будем игнорировать их заседания и съезды.

Я видел, что все участники этого экстренного заседания вышли из моего кабинета в расстроенных чувствах. Руководитель аппарата президента Сергей Филатов, который только что впервые узнал и об указе, и о намеченной тактике наших действий, был просто потрясен.

В понедельник, то есть уже после того, как эмоции, видимо, утихли, он встретился со мной. Сергей Александрович человек спокойный, уравновешенный, его трудно чем-либо вывести из себя. Но в этот раз он горячо и эмоционально стал убеждать меня отказаться от этого плана. Говорил, что указ никто не поддержит, что мы обрекаем себя на противостояние со всеми регионами России, что такой антидемократический метод решения конфликта властей страны Запада не поддержат, что мы окажемся в полнейшей международной изоляции...

Я дал ему возможность высказаться. Более того, даже был рад, что он все это говорит мне. Аргументы «против», тем более от своего ближайшего соратника, всегда важно знать. Прекрасно, что он не боится мне их высказывать. Сергей Александрович — умный, честный, добросовестный, симпатичный мне человек, но я видел, что он сейчас не чувствует политическую ситуацию. Он остался в прошлом, в том пространстве компромиссов и уступок, в котором и я находился до последнего времени. Я поблагодарил его за то, что он все высказал мне, и еще раз подтвердил, что 21 сентября начинаю действовать. Попросил, несмотря на его особую позицию, включаться в работу по реализации указа. На этом и расстались.

Но вернусь назад. После нашего экстренного заседания надо было думать, как же действовать дальше. Непонятно, откуда произошла утечка информации?.. Конечно, ближе к времени «Ч» в силу масштабности предстоящих действий число людей, посвящаемых в весь план или некоторые его детали, постоянно увеличивалось. Голушко ввел в курс дела часть своих замов, то же необходимо было сделать и Ерину, и Козыреву. Надо иметь в виду, что только что уволенные бывшие министр безопасности Баранников и первый замминистра внутренних дел Дунаев, естественно, сохраняли неформальные

связи со своими бывшими подчиненными. Скорее всего, из этих двух ведомств пошла информация Руцкому и Хасбулатову. Впрочем, гадать было бессмысленно, надо было намечать план действий.

В случае если Белый дом остается в руках у распущенного парламента, тактику наших действий я видел в следующем. Да, они соберут съезд, видимо, объявят мне импичмент, и появится на свет президент Руцкой. Скорее всего, они в срочном порядке сформируют свое «правительство», где министром иностранных дел будет воинствующий Иона Андронов, а министром безопасности, например, Сажи Умалатова, которая давно мечтает добраться до тех, кто «разрушил Советский Союз».

Но только это будет президент Белого дома и кабинет министров Белого дома. Поддержки в России этот политический балаган не получит.

Значит, основную ставку надо делать на максимальную активизацию выборного процесса. После 21 сентября поезд, движущийся к новым декабрьским выборам, начнет набирать скорость. У депутатов, сидящих в Белом доме, появится альтернатива: либо выходить из своего бункера и включаться в нормальную предвыборную борьбу, либо остаться там, чтобы навсегда выпасть из политической жизни России. Они так привыкли к слову «депутат», им так понравилось принимать законы, хорошо жить, ни за что не отвечать и ездить бесплатно в общественном транспорте, что больше двух недель затворничества они не выдержат. Побегут. Будут регистрироваться в избирательной комиссии, собирать голоса, сделают все, чтобы еще и еще раз стать депутатами.

Я все время повторял и себе, и всем, кто активно включался в нашу работу по реализации будущего указа: используем только мирные средства. Никаких столкновений. Заранее просчитать все возможные варианты, чтобы не было жертв, чтобы ни одна человеческая жизнь не стала платой за те меры, которые приходится принимать.

В конце недели, после заседания Совета Федерации в Кремле, я решил уехать из Москвы, чтобы хотя бы на сутки снять напряжение, в котором жил эти дни.

Перед отъездом договорились с министром внутренних дел Ериным, чтобы те силы, которые мы привлекли для воскресного мероприятия, в субботу и воскресенье провели операцию по борьбе с преступностью в Москве: по всем вокзалам, аэропор-

там, по всем «горячим» точкам столицы сотрудники МВД совершили внезапный рейд и выловили немалое количество преступников.

Дневник президента

19 сентября 1993 года

В загородную резиденцию «Русь» я уехал вместе с Грачевым, Барсуковым и Коржаковым. Хотелось перед тяжелыми днями, насколько это будет возможно, отвлечься, по лесу походить, подмосковной осенью подышать.

Вечером, уже после ужина, вдруг разгорелся жаркий спор между Павлом Грачевым и Михаилом Барсуковым. Михаил Иванович, которого я знаю как человека спокойного, выдержанного, даже мягкого, неожиданно стал яростно доказывать Грачеву, что силовые структуры оказались не готовы к будущему указу. Все исходят из того, говорил он, что нам не понадобятся жесткие меры, что все пойдет мирно и гладко. Прекрасно, если нам удастся в первый же день занять Белый дом. И надо сделать все, чтобы сразу же после объявления указа мы его заняли. А если не удастся? — кипятился он. Кто-нибудь реально оценивал, какую угрозу будет представлять Белый дом в течение нескольких дней? Где план действий, разработанный военными экспертами? Если какая-то воинская часть примет сторону парламента, если милиция не сможет удерживать порядок, да мало ли чего может произойти, когда вводится такой указ? Действия военных не продуманы. Надо провести штабную игру и отработать все варианты взаимодействий сил и средств министерств безопасности, обороны, внутренних дел, главного управления охраны... Мы не потом должны реагировать на ситуацию, а уже сейчас все предусмотреть. «Я, как военный, считаю, что мы не готовы к введению указа!» — заключил Барсуков запальчиво.

Павел Сергеевич сдерживался из последних сил. Он тоже уже не мог говорить спокойно. Грачев стал нападать на Барсукова с упреками, что тот просто не верит в успех. И вообще в такое большое дело с подобным настроением лучше не лезть. Все абсолютно готовы к этому шагу президента, а армия его давно ждет не дождется. И нечего тут пугаться. И Белый дом будет наш, и вообще победа будет за нами.

Даже мое присутствие не могло сдержать их эмоции. Я с уважением отношусь к обоим генералам. Но в этот раз не выдержал, почти прикрикнул, чтобы прекратили эту перепалку. Я понимал, что нервы у всех на пределе. И все же позиция Барсукова меня тоже разозлила. Почему все это он говорит сейчас, за два дня до объявления указа?! Грачев прав, с таким настроением лучше вообще не начинать ничего.

Я даже сказал ему: Михаил Иванович, может быть, вам действительно стоит сейчас отдохнуть, а когда все закончится, тогда возвращайтесь, приступайте к работе.

Барсуков с обидой посмотрел на меня. Потом сказал, что для дела будет лучше, если он останется в Кремле, и, если я разрешаю, он хотел бы продолжить порученную ему работу. Я кивнул.

Все, недовольные друг другом, нервные, взвинченные, разошлись.

* * *

Многие эпизоды тех дней теперь, по прошествии времени, видятся как-то по-другому.

«Бунт» Барсукова. Тогда я расценил его как проявление слабости. Теперь вижу — он нутром чувствовал опасность. Опытный офицер безопасности предвидел, в какое неуправляемое русло могут повернуть события. Знал, что все это — чревато.

Действительно, вся ситуация, сложившаяся в стране к осени 1993 года, была чревата. Чревата потерей контроля, диверсиями и крупномасштабным терроризмом, расколом в армии и обществе, в регионах.

Юность и зрелость моего поколения прошли в мирную эпоху, война осталась каким-то фантомом детства, кошмарным детским сном. Вся жизнь прожита под надежным и грозным ядерным щитом. Под щитом противостояния двух систем. Это уже в подкорке, в подсознании — неготовность к войне.

Мне почему-то верилось, что все самые страшные события нашей истории где-то далеко в прошлом, что впереди их быть не может. С одной стороны, это неискоренимый советский оптимизм, с другой — ну действительно, сколько в России может быть гражданских войн, диктатур, революций, террора? Однако оптимизм оптимизмом, а готовиться всегда надо к худшему. Это закон такой. Чернобыль, Армения, Приднестровье, «кровноплеменные» кавказские войны да и путч 19 августа были нам, живущим в этой спокойной стране, грозным предупреждением.

Еще один проблемный пласт, породивший беду. Неумение и боязнь применять силу. Продуманного плана действий на случай мятежа, чрезвычайного положения, локального конфликта у нас не было. И надо в этом честно признаться. Такой план можно разработать только на основании реального опыта. Но никакого опыта широкомасштабных чрезвычайных ситуаций в этой стране не было.

Ну, а раз плана нет, раз единственным примером, образцом нештатной ситуации в масштабах всего Российского государства для нас является августовский путч — отсюда и комплексы. Страх перед демонстрациями, неумение справляться с уличной стихией. Отсюда и наша тактика безоружного стояния вокруг Белого дома. Когда резиновые дубинки и щиты — против автоматов, зажигательных бутылок, обрезов и заточек.

И дополнительно к этому клубок политических противоречий.

Президент формально нарушает Конституцию, идет на антидемократические меры, разгоняет парламент — ради того, чтобы демократия и законность утвердились в стране. Парламент защищает Конституцию — для того чтобы свергнуть законно избранного президента, установить советскую власть в ее полном объеме. Как же мы запутались в этих противоречиях!

Почему позволили Руцкому звонить в военные округа, на крупные оборонные заводы и провоцировать гражданскую войну? Почему дали возможность боевикам и террористам воевать с законной властью? Зачем подвергли страну такому страшному риску?

* * *

В понедельник состоялся еще один нервный разговор, на этот раз с Филатовым, об этой встрече я уже рассказал. Я чувствовал, чем ближе подходило время действий, тем больше росло напряжение и в Кремле, и на Старой площади, и в Министерстве обороны.

Расклад к этому моменту был следующий. Руководство Белого дома с часу на час ждало указа. Хасбулатов провел в субботу, 18 сентября, в парламентском центре встречу представителей советов всех уровней. Это был настоящий советский шабаш, апофеозом которого стала в достаточной степени похабная выходка спикера. Стоя на трибуне, Хасбулатов произнес фразу: что, мол, с нашего президента взять, он ведь у нас русский мужик и под «этим делом» (он многозначительно щелкнул

себя по горлу) любой указ подпишет. Меня это оскорбление уже не сильно трогало, на выходки спикера я не реагировал, а вот телевидение, печать, общественность сильно возбудились. Он перешел ту грань, которую раньше боялся переходить. Произошло это то ли от безысходности, то ли, напротив, это была попытка продемонстрировать свою уверенность и силу.

В воскресенье, 19 сентября, после хасбулатовского клича, многочисленное совещание представителей советов из парламентского центра перебралось в Белый дом. Депутатов всех уровней Хасбулатов и Руцкой решили использовать как живой щит. В воскресный день Белый дом, который, по нашим первоначальным расчетам, должен был быть пустым, оказался забит до отказа. В понедельник эта паническая деятельность продолжалась. В Белый дом призывалось все больше и больше людей. То, чего я так старался избежать, случилось. Белый дом превращался в организованный штаб по сопротивлению указу президента.

Во вторник утром по прямой связи я еще раз говорил с Черномырдиным, Голушко, Грачевым и Ериным. Силовикам я задавал один, главный вопрос: что теперь делать с Белым домом? Есть ли все-таки какая-то возможность «выкурить» оттуда депутатов? Давайте, давайте, давил я на них, думайте. Может быть, молниеносный, шоковый штурм спецчастей, может быть, еще есть варианты, которые мы не успели рассмотреть? Но оставлять в центре Москвы такой взрывоопасный очаг — это страшная ошибка.

Каждый из министров по очереди сообщал мне свое мнение. Сообщения их были краткими, толковыми, ясными, но мне от этого не становилось легче. Я понял: Белый дом взять не удастся. Исходя из этого факта, надо строить всю дальнейшую тактику. Это, конечно, был сильный удар. Закончив разговор с каждым из них, я попросил всех собраться в Кремле в двенадцать часов. Они чувствовали мое состояние, но ничем помочь не могли.

Еще раз повторюсь, что не само, естественно, здание меня волновало. Просто теперь я почти физически ощущал, в какую тягучую, сложную, опасную ситуацию мы залезали. Я уже ясно видел Белый дом, окруженный толпой. Оттуда станут провоцировать столкновения, разрушения, войну. И чтобы избежать всего этого, необходимо будет идти буквально по лезвию бритвы. И, видимо, опять придется в каких-то вопросах идти на ком-

промиссы, что-то обсуждать, где-то уступать руководству Верховного Совета. Впрочем, к тому моменту бывшего Верховного Совета. Главное — не допустить крови, не допустить жертв, этого не должно случиться ни при каких обстоятельствах.

Правда, это будут последние в истории России компромиссы с Советами. Через несколько часов я объявлю о роспуске парламента. На этом с советской властью в России, я абсолютно уверен, будет покончено навсегда.

...В двенадцать часов собрались участники совещания. Все были напряжены. Павел Грачев, когда я ему предоставил слово, от излишнего волнения попросил разрешения зачитать свой короткий доклад. Он никогда этого не делал, но сейчас твердым, громким голосом стал читать по бумажке. Свои сообщения сделали Черномырдин, Ерин и теперь уже новый министр безопасности Голушко.

В связи с поворотом событий мы вносили в наш план коррективы. Главные изменения, естественно, касались Белого дома. Приняли решение отключить всю городскую и правительственную связь в здании, чтобы максимально ослабить влияние парламента на регионы. Я помнил, как в августе 91-го года молчащие правительственные телефоны мешали решению важных вопросов. А забытый и потому работающий телефон Виктора Илюшина сильно помог. Я попросил, чтобы с генералом Старовойтовым, отвечающим за правительственную связь, встретились в ближайшее же время. В 20 часов 01 минуту, сразу же после начала трансляции моего обращения, все телефоны в Белом доме должны замолчать.

После короткого обсуждения приняли решение особо плотных воинских или милицейских кордонов вокруг здания парламента не ставить. Такое оцепление могло усилить агрессивность обитателей Белого дома. В Москву никакие воинские подразделения, техника не вводились. Я видел нашу тактику в следующем. Да, мы можем принять жесткие, решительные, адекватные меры, но только в ответ на агрессивные противозаконные действия руководства Белого дома. Я считал, что мы не должны сами провоцировать ситуацию, каким-то образом нагнетать напряженность.

Мы разошлись. Я стал готовиться к телеобращению. На пять вечера назначил запись. Группа телевизионных работников, которая прибыла в Кремль, не знала, что именно она будет снимать. Только здесь им было сообщено о том, что записывается

обращение президента. Они профессионалы, ничему не удивились, как обычно, в четвертой комнате Кремля расставили оборудование, установили камеры, настроили микрофоны. Но, видимо, все-таки и они чувствовали, что это не рядовое обращение к народу.

Как всегда в таких случаях, не обошлось без технических накладок. Когда в компьютер загнали текст моего выступления (он должен был показаться на экране особого устройства, которое позволяет читать текст и при этом смотреть не в стол, а в объектив камеры), эта штука сломалась. Текст никак не появлялся на экране, а когда наконец показался, строчки, вместо того чтобы медленно скользить по монитору, полетели с бешеной скоростью. Инженеры засуетились, но эта деталь как-то сняла мое напряжение, ситуация житейская, классическая, техника всегда ломается в присутствии начальников и в самый ответственный момент. Наконец все починили. Из кабинета попросили выйти всех, кто непосредственно не был связан с записью. Наступила полная тишина. Я посмотрел в камеру и произнес первые слова: «Граждане России!»

Прочитал текст. Встал, поблагодарил всех. Телевизионщики передали видеокассеты с записью выступления моим помощникам. Через несколько минут автомобиль с охраной помчался в сторону «Останкина», где предупрежденный Вячеслав Брагин должен был взять кассеты и в 20.00 выпустить обращение в эфир.

Еще одна деталь. Всю телевизионную бригаду мой пресс-секретарь Вячеслав Костиков попросил не уезжать из Кремля до восьми вечера. Их повели ужинать, как-то развлекали, чтобы они не чувствовали себя неуютно. Эти меры предосторожности, может быть, сейчас кажущиеся излишними, в тот момент были необходимы.

В канцелярии запечатывали копии указа, который наконец-то с сегодняшнего дня получал и свой порядковый номер, и дату. Номер у него оказался — 1400. На самом деле подписан он мною был уже неделю назад. 21 сентября в 20.00 начиналось его действие. Ровно в 20.00 фельдсвязь должна была доставить пакеты с копиями указа тем лицам, кого он в первую очередь касался: Хасбулатову, Руцкому, Зорькину. Их реакция была мне ясна, но формальность должна быть соблюдена.

Я решил не ждать восьми часов в Кремле. Примерно в семь вечера вызвал машину и уехал. Свое обращение смотрел уже

дома. Были мелкие шероховатости, заметные мне. Но, глядя на себя насколько это возможно отстраненно, решил, что выступление получилось достойным.

С этого момента Россия вступает в новую эпоху. Мы сдираем, счищаем с себя последние остатки грязи, вранья и фальши, накопившиеся за семьдесят с лишним лет. Еще несколько усилий — и нам всем станет дышать легче и свободнее. Если бы я в это твердо не верил, не стоило бы ничего и начинать.

* * *

Снова вторгаюсь в хронику событий.

Встреча за встречей, совещание за совещанием. Многие из них я здесь опустил. Ощущение тревоги росло как снежный ком. И это безысходное известие, что Белый дом уже контролируется депутатами. Все это было плохо, плохо... Легче всего было в такой момент отложить, как многие советовали, окончательное решение на неделю, потом еще на неделю, потом еще. И не принимать в конечном итоге его вовсе.

Но в этом случае доверие было бы потеряно навсегда. Я не говорю о политических последствиях. О правовом хаосе, начавшемся бы в стране после очередного съезда. Но был и чисто человеческий момент. Вокруг меня не просто команда равнодушных исполнителей. Люди не простят таких шараханий, таких резких поворотов. И надо идти до конца.

...Отнюдь не всегда действия власти должны выглядеть красиво. Это я понял уже на примере экономической реформы. Но это касается и некоторых политических ситуаций.

Моральный вакуум, образовавшийся вокруг ситуации с Белым домом, возник не случайно. Были для того и субъективные, и объективные причины.

Миф о том, что русские обожают сильную власть, требует уточнений. У нас вся история: или — или. Или полная анархия, или свирепая государственность. Поэтому демократический президент, который идет на решительные меры, — это уже нонсенс. Этого уже не понимают. Портится у некоторых людей настроение — как же так?

Вакуум поспешили заполнить Руцкой, Хасбулатов, Макашов. Поспешили заполнить однозначной командой: «На штурм! В атаку!»

И тем самым подписали себе приговор.

* * *

Следующий день, как бы уже в новом пространстве и в новом времени, не принес каких-то особенно неожиданных известий. Почти все, что мы заранее просчитывали, случилось. Хасбулатов и Руцкой объявили о созыве съезда. Белый дом с первых же часов стал превращаться в вооруженный штаб сопротивления указу президента. Ночью собрался Конституционный суд и, естественно, признал указ № 1400 неконституционным. Четверо судей, опять-таки как и следовало ожидать, выступили против этого решения.

Утром в Кремле я встретился с Виктором Черномырдиным. Два вопроса я хотел с ним обсудить. Первый — смещение Виктора Геращенко с поста председателя Центрального банка России и назначение на эту должность нынешнего министра финансов Бориса Федорова. Виктор Степанович достаточно решительно воспротивился моему предложению. Сказал, что Геращенко профессионал, прекрасно знает банковское дело. Сегодняшние взаимоотношения правительства с ЦБ вполне его устраивают. Сейчас, без Верховного Совета, эти отношения будут качественно новыми. А у Федорова достаточно работы на его посту. Сейчас такой жесткий, почти агрессивный министр, стерегущий как цепной пес финансы страны, и нужен, зачем нового искать.

Я согласился с ним. В большей степени даже не по тем причинам, которые он назвал, хотя они вполне аргументированны. Просто именно премьер-министру приходится работать и с ЦБ, и с министром финансов. Вмешиваться мне в эти вопросы — значит не доверять премьеру, да и просто мешать ему.

Второй вопрос, который я обсудил с Черномырдиным, касался фигуры генерального прокурора России. О том, что нынешнего генерального прокурора Валентина Степанкова полностью прибрал к рукам Хасбулатов, знала вся страна. Степанков даже и не пытался скрывать свою и политическую, и человеческую привязанность к спикеру. Их отношения переросли почти что в дружеские, они и помогали друг другу, и награды вручали. Степанков наградил Хасбулатова прокурорским удостоверением за номером один. Почти как в брежневские времена, правда, тогда обычно партийные билеты вручали, но нынче пошла другая мода.

Именно Степанков с подачи Хасбулатова затормозил объективное прокурорское расследование массовых беспорядков,

случившихся во время празднования 1 Мая. При том что прокурорская группа, которая работала по этому делу, пришла к однозначному выводу: в бесчинствах виноваты фашиствующие демонстранты, милиция же действовала в рамках самообороны. Но спикер потребовал переделать выводы расследования, сменить следователей прокуратуры.

Еще одно обстоятельство, заставлявшее меня серьезно задуматься над фигурой генерального прокурора. Это его связи с Якубовским и фирмой «Сиабеко». Какие услуги оказывал Степанков бизнесменам, по каким причинам молодой человек разговаривал с генеральным прокурором, как с мелкой шпаной — матерился, хамил, наглел (стенограммы их разговоров печатали газеты), — было загадкой. Но то, что Валентин Георгиевич находится в какой-то зависимости от Димы, то, что он не может уйти от неприятных ему контактов с Якубовским, — это факт, от которого никуда нельзя скрыться.

Предложение Черномырдина было неожиданным. Он решил оставить Степанкова.

К этой идее, честно скажу, душа у меня не лежала. Но тут я не мог настаивать на смене прокурора потому, что готовой кандидатуры на этот пост не было. Назначать впопыхах на такую важную должность какую-то временную фигуру было бы непростительной глупостью. Поразмышляв, я согласился с Черномырдиным. При этом мы с ним решили: если Степанков начнет заигрывать с Хасбулатовым и помогать несуществующему Верховному Совету, он немедленно будет снят с работы. На этом и договорились. Я, правда, знал, какой шум сейчас поднимет пресса, какие суровые разговоры мне предстоят с демократами — видимо, будут в предательстве обвинять, говорить, что из политической конъюнктуры я пошел на недостойные компромиссы. Но решение принято, правильное или нет — покажет ближайшее время.

Дневник президента

22 сентября 1993 года

В 13.30 в Доме приемов собрались руководители силовых министерств. Я с удовлетворением обратил внимание на то, что все министры сбросили с себя ту нервозность, то излишнее волнение, с которым они жили последнюю неделю. Началась

работа, началось конкретное дело, которое они, как профессионалы, должны достойно выполнить.

Я еще раз подтвердил, что мы будем придерживаться однозначной тактики — не отвечаем на провокации, с предельной интенсивностью ведем дело к выборам. Тем самым оставляем в политической изоляции Белый дом. Порядок в Москве контролируем с помощью внутренних войск, так что основная нагрузка ляжет на Ерина. Если ситуация потребует более жестких действий, армия в любой момент должна быть готова вступить в столицу.

После того как мы простились, я по дороге в Кремль решил по своей старой привычке остановиться там, где было особенно много людей. На Тверской кортеж затормозил, я вышел из машины и тут же оказался в плотном кольце москвичей. «Ну как, поддержите?» — был, естественно, мой первый вопрос. Без их поддержки все остальное никакого смысла не имело. Подбадривающие возгласы, сочувственные, понимающие улыбки. Было крайне важно слышать и видеть все это. Как будто вдохнул кислорода.

Знаю, кое-кто скептически относится к этим моим «хождениям в народ». Считают это пижонством, позой, говорят, что таким образом мнение народа не узнают. Я и сам знаю, что не узнают. Для этого существует несколько независимых источников, откуда информация по прямым каналам поступает непосредственно ко мне. Во время таких встреч происходит совершенно другое. Я вижу глаза многих людей. Я чувствую их эмоции, их состояние, их боль, их надежду. Этого ведь ни в каких справках, шифротелеграммах, сводках нет...

* * *

К этому моменту практически все руководители и правительства крупнейших западных государств, стран Восточной Европы, Азии, Америки, лидеры стран третьего мира высказались за тот путь выхода из политического кризиса, который я предложил своим указом от 21 сентября. Такая решительная, однозначная позиция мирового сообщества стала для обитателей Белого дома неожиданным ударом.

Второй, я думаю, не менее сильный удар был нанесен защитникам распущенного парламента в четверг, 24 сентября. В этот день в Москву прибыли абсолютно все руководители государств, входящих в СНГ. Хасбулатов и Руцкой вынуждены были даже по этому поводу высказать свое сдержанное негодование.

В среду и четверг, когда сотрудники аппарата сообщали мне о прибытии то одного, то другого самолета с лидерами государств, я вспомнил, как спорил с некоторыми из своих министров, которые были уверены, что при такой нестабильной ситуации в Москве совещание в Большом Кремлевском дворце не состоится. Я же был уверен, во-первых, что состоится, а во-вторых, что факт его спокойного, без суеты и нервозности, проведения станет еще одним весомым аргументом в правоте того курса, который я решил неуклонно проводить.

Это совещание глав государств в Москве, на мой взгляд, было одним из самых эффективных. За те два года, пока мы были оторваны друг от друга, все так наелись суверенитета, суверенитета бездумного, экономически не просчитанного и не обоснованного, что просто сами шли друг другу навстречу. Никого не надо уже было подталкивать.

На совещании главы государств выступили с официальной поддержкой курса Президента России. Ну и, естественно, много было разговоров неформальных, с глазу на глаз. Практически каждый счел своим долгом ясно высказать мне свою позицию по поводу решения распустить парламент. При этом оценки бывшего Верховного Совета были отнюдь не дипломатическими, язык официального документа такие слова вряд ли перенес бы. Я видел искреннее участие в судьбе России абсолютно всех лидеров республик бывшего Союза.

К этому времени ситуация в Москве вокруг Белого дома обострилась до предела. 23 сентября примерно в 21.10 группа боевиков совершила попытку захвата караула, несущего дежурство в здании бывшего штаба Объединенных Вооруженных сил СНГ на Ленинградском проспекте. Бандитов было восемь человек, вооруженных автоматами. Им удалось обезоружить солдат, несущих дежурство. По тревоге на помощь штабу был выслан ОМОН, который вскоре заставил боевиков бежать из здания. Во время перестрелки погибли двое. Капитан милиции Свириденко и совсем случайный человек, шестидесятилетняя женщина из жилого дома напротив, которая, услышав выстрелы, подошла к окну. Ее, Веру Николаевну Малышеву, и настигла случайная пуля.

Это были первые жертвы необъявленной гражданской войны, которую пытался развязать Белый дом. После этого бессмысленного с любой точки зрения — и с политической, и с военно-тактической — кровавого акта противостояние с быв-

шим парламентом приобрело совсем другой характер. До этого момента в Белом доме засели как бы некие политические силы, не желающие подчиняться указу президента, пусть даже с вооруженной охраной, с экипированными боевиками, это было известно, но которые пытались вести диалог с властями в цивилизованных формах. Они созывали съезды, назначали новых министров, слали телеграммы в регионы, обращались в Конституционный суд... После этой трагедии все разговоры о конституционности, законности, депутатской заботе о русском народе превратились в циничный фарс.

То обстоятельство, что Белый дом предпринял боевой штурм военного объекта, говорило о следующем: либо руководство бывшего парламента уже не контролировало ситуацию и реальную власть там взяли вооруженные экстремисты, либо Хасбулатов и Руцкой решили проверить реакцию властей на первую кровь. Как там в Кремле отреагируют? А возможно, в Белом доме одновременно происходили два этих плохо управляемых процесса.

Павел Грачев этой же ночью отдал приказ об усилении охраны всех объектов Министерства обороны. Мы с ним, с Виктором Черномырдиным, другими министрами продолжали консультации по телефону. Наша позиция была общей — войска пока не должны вмешиваться в наведение порядка в Москве. По-прежнему основная нагрузка остается на Ерине, министре внутренних дел.

До этого момента режим оцепления Белого дома был чисто символическим: любой желающий мог пройти внутрь и, если надоело митинговать, вернуться домой или на работу. С 24 сентября Виктор Ерин отдал распоряжение организовать строгую блокаду здания силами сотрудников милиции. Теперь из Белого дома можно было только выйти, войти туда не мог больше никто. В здании было отключено электричество, отопление, прекращена подача горячей воды. Терпеть и дальше в центре многомиллионного города место, нашпигованное оружием и озверевшими от сознания уходящей власти политиканами, было невозможно. Но ни о каком штурме, ни о каком взятии Белого дома и речи в тот момент не было.

Между тем вокруг оцепления Дома Советов стали собираться большие толпы народа.

Помимо профессиональных анпиловских демонстрантов из движения «Трудовая Москва» сюда стягивались просто любо-

пытные, сочувствующие, да и вообще — возбужденные люди. Их возбуждала сама перспектива того небывалого политического спектакля, который начинался в Москве. То же самое, только в еще более чудовищной, парадоксальной форме, происходило потом, когда шел штурм. Штурм Белого дома, на который нас все же вынудили, заставили пойти. Тогда толпы любопытных стояли вокруг танков, на набережной, в районе обстрела, на крышах под прицелами снайперов. Почему? Меня долго мучил этот вопрос. Мне кажется, психологически это понятно. Люди, по-моему, даже не сознавали, что рискуют жизнью. Это потом приходит ужас, настигает шок от увиденного. А сначала интересно, даже весело.

Приходили к Белому дому просто посмотреть, поглядеть на огромные ряды милиционеров в касках, приходили выразить свое возмущение, негодование. Напряжение росло.

Руцкой начал шумные театральные действия вокруг Белого дома с мегафоном и флагами, призывами к милиции одуматься, переходить на сторону «защитников демократии» — Верховного Совета.

Видимо, они решили, что наконец-то поднялась народная стихия.

В какой-то момент события приняли совершенно неожиданный оборот. Например, я никак не могу себе объяснить, почему на народ, собиравшийся у Белого дома, не произвела никакого впечатления гибель двух невинных людей у здания бывшего штаба Вооруженных сил СНГ? Ведь это были жертвы настоящей бандитской вылазки. Но гораздо больше говорили и писали о том, что власти применяют к политическим противникам недозволенные приемы. Что давят слишком жестоко. Что им, бедным, нечего есть. Пить. Что вообще это какое-то зверство.

Неожиданный резонанс вызвало также решение о социальных гарантиях бывшим депутатам. Конечно, в нем присутствовал определенный лукавый смысл — слегка охладить горячие головы, вернуть на грешную землю. Никто не собирался бросать подачку депутатам. Вероятно, это решение запоздало, надо было объявить о нем раньше и объяснить смысл указа: мы просто хотели дать людям, многие из которых нормально работали, какую-то уверенность в завтрашнем дне. Ведь отнюдь не все там были экстремистами.

Количество допущенных тактических ошибок росло. Незначительные по отдельности, они создавали общую картину рас-

терянности. Теперь, задним числом, я понимаю, в чем была причина всех этих упущений.

Мы не готовились воевать.

Не было никакого расчета на войну. Я не допускал возможности, что конституционный спор доведет дело до стрельбы по людям.

И второе. Это было, пожалуй, самое непростое решение в моей жизни. Внутри меня самого шел мучительный, болезненный процесс принятия решения, поэтому наша «машина» в этот раз не прямо катила по шоссе, а сбивала столбы, залезала колесом в канавы...

До какого-то момента, конечно. Возникшая прямая угроза безопасности государства все расставила на свои места.

Но сначала каждый шаг давался нелегко. Я понимал, что из конституционной ловушки, когда практически любое наше действие можно объявить вне закона, есть только такой выход. Но и нарушать закон ради того, чтобы выпутаться, ох как не хотелось.

Я еще раз осознал, что такое демократия. Это прежде всего тяжелая, страшная ответственность. Для нормального человека.

* * *

Я всегда надеюсь на здравый смысл. Был уверен, что и в этот раз он восторжествует. Тем более что с каждым днем ситуация для обитателей Белого дома становилась все очевиднее. Поддержки, на которую они рассчитывали, не было ниоткуда. Ни армия, ни профсоюзы, ни шахтеры — никто не поддержал бывших депутатов. Лишь Советы разных уровней слали приветственные телеграммы своим старшим товарищам, но от бумажек мало толку. Руцкой отчаянно призывал рабочий класс на всеобщую всероссийскую забастовку. Его клич не возымел никакого действия. Хасбулатов вел активные переговоры с лидерами регионов. Надежда была на новосибирских товарищей, которые обещали заблокировать транссибирскую железную дорогу. Парализовать такую стратегическую транспортную артерию — это уже было бы серьезно, власти могли испугаться, пойти на переговоры...

Но никто не хотел блокировать железную дорогу, хоть ты лопни.

Руцкой звонил по военным округам и требовал выполнения приказов нового президента и нового министра обороны. У него,

конечно же, были связи с военными, были и дружеские, личные отношения. Например, личная дружба связывала Руцкого с командующим военно-воздушными силами генералом Петром Дейнекиным. Он просил, требовал, кричал на своего друга, чтобы тот пришел ему на помощь. В ответ командующий уговаривал: Саша, не дури, у меня один президент — Ельцин и один министр обороны — Грачев. Лучше быстрее сдавайся.

Они оказались в вакууме. Вот что было самое главное. И в человеческом, и в информационном, и в политическом. Я думаю, это стало потрясением для Хасбулатова, Руцкого и компании. Все последние месяцы они жили в иллюзии, что стоит только подтолкнуть, и вся страна, весь народ рванется за коммунистическим, большевистским парламентом назад, в прошлое. Не рванулся, не побежал. Оставил их одних. А ведь там, в прошлом, так было все славно, так понятно: великий, могучий Советский Союз, хлеб за 16 копеек, туповатая, но все-таки работа, бесплатное жилье — 5 метров на человека — и надежда, если хорошо себя будешь вести, через много лет получишь от государства целых 9. Можно читать газету «Правда», смотреть программу «Время» и три раза в год по праздникам радоваться телевизионному «Огоньку». Странно, что народ не захотел такой понятной жизни. Странно, что вместо сытого рабства он выбрал непонятную, жестокую, трудную свободу.

* * *

В день объявления указа о роспуске парламента в Москву приехал Мстислав Ростропович. Он опять, как и в августе 91-го года, оказался в центре революционных событий в России. По этому поводу иронизировал и он сам, и пресса, писавшая о его приезде. В воскресенье, 26 сентября, на Красной площади он дал концерт для москвичей вместе с Национальным симфоническим оркестром США.

В Москве в этот день было ветрено и холодно. Дирижер взмахнул палочкой, зазвучала музыка, а я не мог без волнения смотреть на эту удивительную картину — на фоне собора Василия Блаженного человек в черном фраке, его развевающиеся на ветру седые волосы, его руки, его вдохновенное лицо...

Вместе со мной выступление слушали его супруга Галина Вишневская, их дочь. После окончания концерта я всех их пригласил к себе домой. Пока публика рукоплескала музыкантам, москвичи вручали им цветы, куда-то пропал главный виновник

торжества. Мы уже ушли с Красной площади, сели с его семьей в машину, а Мстислава Леопольдовича все никак не могли найти. Наконец его нашли в гостиничном номере, мы связались с ним, договорились, что он поедет отдельно: на холоде дирижер страшно замерз и отогревался.

А дальше был общий семейный обед. Мстислав Леопольдович и Галина Павловна рассказывали забавные истории из своей музыкальной жизни. Было очень уютно от того, что они с нами. Я люблю их. Каждый раз, когда Мстислав Ростропович приезжает в Россию, мы обязательно встречаемся. Я заражаюсь его оптимизмом, его энергией, его светлой, чистой открытостью. Он легок и непосредственен, ему все равно, кто перед ним — начальник, работяга или персона королевской крови. Ему со всеми интересно. Впрочем, как и всем интересно с ним.

Мне любопытно было наблюдать за их отношениями. Галина Павловна женщина эмоциональная, иногда суровая, но при этом она изящна и восхитительна в своей суровости. И когда она своим хорошо поставленным голосом что-то выговаривала мужу, он смотрел на нее с нескрываемым обожанием. Такое впечатление, что ему доставляло истинное наслаждение и то, что он слушается ее, и то, что она сердится на него. Жалко было расставаться. Но их уже ждали, надо было ехать, Мстислав Ростропович спешил на встречу с интеллигенцией. Договорились, что в следующий приезд никаких путчей, никаких переворотов. Просто, без всяких поводов, увидимся и порадуемся друг другу.

Дневник президента

27 сентября 1993 года

Начало недели ничего нового в противостояние сил не привнесло. Сотрудники внутренних дел продолжали держать плотное кольцо вокруг Белого дома. Информация, которая поступала из Белого дома, говорила о том, что с каждым днем его защитники впадали во все более истерическое, взвинченное состояние. Власть внутри уже окончательно взяли в свои руки вооруженные люди, армейские начальники диктовали волю депутатам. В состав их боевых формирований входили батальоны специального назначения «Днестр» и «Дельта» из Приднестровья, омоновцы из Вильнюса и Риги, несколько сот сотрудников

департамента охраны Верховного Совета, боевые отряды фашиствующих партий. Вместе все это представляло собой отнюдь не игрушечное войско. Было много офицеров с боевым опытом, наемников, молодых боевиков. В общем, внутри Белого дома собрался вполне «квалифицированный» народ, который умел и мог убивать.

Почти каждую ночь находящиеся внутри здания «бойцы за Конституцию и демократию» вводили себя в истеричное состояние, принося из «достоверных источников» информацию о намечающемся штурме Белого дома. К утру, после того как слух в очередной раз не подтверждался, невыспавшиеся защитники напивались и засыпали. Ушедшие из Белого дома депутаты рассказывали, что особенно тяжелой там была ночь с 28 на 29 сентября, когда Хасбулатов в ожидании штурма собрал всех в зале Совета национальностей. Сам он появился в бронежилете, глаза лихорадочно блестели. Сказал, что скоро начнется штурм, его предпримет группа «Альфа». Местный министр обороны Владислав Ачалов с воодушевлением сообщил загрустившим депутатам, что защита Белого дома вполне надежна. Так они в зале всю ночь до четырех утра и просидели.

Конечно, это уже был психоз. Никто не собирался брать штурмом Белый дом. Но они вынуждены были сами себя заводить, пугать, чтобы поддерживать этот воинственный дух.

В эти дни нами даже в теоретическом плане не рассматривалась возможность взятия здания. Я был твердо уверен, что политическими методами, оставив руководство Белого дома в полной изоляции, можно заставить их сдать оружие. И в общем, изъять оружие — это была главная на тот момент цель. После совещания с Черномырдиным, Грачевым, Ериным и Голушко приняли решение дать заговорщикам последний срок сдачи оружия — 4 октября. Если они не выполнят наше требование, тогда будем рассматривать более жесткие варианты давления на заговорщиков.

Напомню, в этот момент милиция, окружавшая Белый дом, была без боевого оружия. Все наши планы, идеи, расчеты исходили из одного — сделать все, чтобы не допустить даже случайных жертв. Я понимал, как психологически трудно было милиционерам, экипированным лишь резиновыми дубинками, нести службу, когда в десятках метров от них буйствовали вооруженные до зубов бандиты, готовые пустить в ход и автоматы, и гранатометы...

Я потом себя измучил, пытаясь понять, правильно ли в тот момент поступил, решив, что мы не должны отвечать на их провокации, что наша выдержка, наша сдержанность заставят бандитов прекратить вооруженное сопротивление. Сейчас, после того как кровавые события произошли, наверное, надо признать, что мы трагически ошиблись. Если бы милиция была вооружена и сотрудники органов внутренних дел с первых же минут имели возможность адекватно отреагировать на вооруженное нападение, не было бы того озверелого варварства, которое началось в Москве в ночь с 3 на 4 октября. Они упивались своей безнаказанностью. А может быть, наоборот, если бы милиция была вооружена, случилась бы еще большая трагедия... В общем, не знаю, даже сейчас не знаю. Знаю только одно: с первого же мгновения, как только было объявлено о роспуске парламента, я всеми возможными и невозможными средствами пытался избежать каких бы то ни было жертв с той стороны или с этой, их или наших, не важно, это все одна беда.

Дневник президента

30 сентября 1993 года

Во второй половине недели сделала попытку как-то смягчить ситуацию Русская православная церковь. Я встретился в четверг в Кремле с Алексием II. Разговор с ним получился очень откровенный, глубокий. Я всегда поражаюсь спокойствию, выдержке, мудрости Его святейшества. В нашем разговоре он не вдавался в политику, насколько можно было в этой ситуации быть от нее в стороне, его не слишком волновали детали указа. Он беспокоился о мирном исходе противостояния. И просил принять любую помощь церкви, лишь бы противоборство соотечественников не кончилось трагически.

Я с огромным облегчением и радостью принял эту помощь. Договорились, что в Свято-Даниловом монастыре при посредничестве патриарха представители президента и правительства встретятся с полномочными посланцами Белого дома.

Алексий II не ограничился этим посредничеством. Он обратился к россиянам с воззванием, в котором с тревогой призывал людей избежать кровавых столкновений.

Переговоры в Свято-Даниловом монастыре. Условием начала переговоров руководство парламента поставило включение в

Белом доме электричества. Я считал, что ни о каких ультиматумах не может идти речь, когда оружие там раздается направо и налево, кому угодно — даже психопатам и уголовникам. Сначала сдайте оружие, а потом будем обсуждать условия. Все-таки Сергей Филатов убедил меня, что это бытовое, отнюдь не политическое требование вполне можно принять, им там действительно стало холодно. Я согласился. Хотя это, может быть, была еще одна ошибка. То, что первое же условие — включить электричество в Белом доме — нами было выполнено, дало ложное ощущение, что именно так, с помощью ультиматумов, можно будет разговаривать и дальше. Когда в здании включился свет, там раздались визг, улюлюканье, только что из автоматов вверх от радости не стреляли. Они восприняли этот факт как свою серьезную победу.

А через несколько часов после начала встречи в Свято-Даниловом монастыре переговоры сорвались. Сорвались по банальной причине, еще раз доказывающей, что ситуация в бывшем парламенте ушла из-под контроля политиков. Все, о чем договорились наши и их представители, руководством Белого дома было денонсировано. Наиболее радикальная группировка в руководстве парламента, полностью взявшая власть в свои руки, видимо, именно в этот момент сделала ставку на вооруженный вариант борьбы с властями. Они одной рукой рисовали план взятия телецентра, Кремля, ИТАР-ТАСС, военных объектов, другой рукой Руцкой выписывал в адрес Алексия II проникновенные строки: «Как верующий и как гражданин России, облеченный высокими полномочиями, заверяю Вас в том, что сделаю все возможное для преодоления кризиса мирными средствами...» И дальше: «...В моем лице Вы имеете безусловного сторонника в Ваших усилиях организовать посредническую встречу в Свято-Даниловом монастыре».

Вот и настал этот черный день, воскресенье, 3 октября 1993 года. Черный день в истории новой России.

Дневник президента

3 октября 1993 года

Утром я приехал на работу в Кремль. Хотя был выходной, в 10.00 собрал совещание с руководителями кабинета министров. Обсуждали текущие дела. В этот день, 4 октября кончался

срок ультиматума, в этот момент мы не стали обсуждать силовые варианты решения конфликта. По-прежнему надеялись на возобновление переговоров при посредничестве церкви и лично патриарха. Еще рассчитывали на то, что, поскольку выборный процесс набирал скорость, становилось абсолютно ясно, что выборы в новый представительный орган России 12 декабря состоятся. Чтобы участвовать в них, чтобы остаться в политике, надо было выходить из Белого дома и начинать активно принимать участие в предвыборной борьбе. Иначе можно было опоздать.

После совещания, поработав с документами, я уехал домой. Проехал по спокойному Новому Арбату, посмотрел на окна здания парламента. Кто мог знать, что завтра Белый дом станет черным.

Дома все шло как обычно. Единственный день, когда я могу несколько часов побыть с семьей, — воскресенье. Мы по традиции собрались все за обеденным столом. На душе было неспокойно, но, я уже говорил об этом, дома решительно прекращаю всякие разговоры о политике и текущем моменте. Хотя бы в эти редкие минуты пытаюсь побыть просто мужем, отцом, дедушкой.

В это воскресенье не удалось. По спецсвязи позвонил Михаил Барсуков и сообщил о резком обострении ситуации у Белого дома. Он докладывал подробности — о смятых кордонах милиции, о идущем в эти секунды штурме здания мэрии, о том, что кольца вокруг Белого дома больше не существует и все вооруженные формирования крупными отрядами грозят обрушиться на город. Я выслушал его, сердце в груди забухало, подумал про себя: Господи, неужели началось...

Они пошли на то, во что мы не верили до последнего, они преступили черту, которую русские люди никогда не должны были преступать. Они начали войну. Войну самую страшную. Гражданскую.

Потом было много разговоров, что президент растерялся. Что он потерял нити управления, что его просто никто не слушался. Терпеть не могу оправдываться, да и обижаться на эти упреки по крайней мере глупо. Людям нужны внятные объяснения бездействия властей. Президент тем более отвечает за то, что в течение нескольких страшных часов москвичи не могли понять, будет их кто-то защищать от вооруженных бандитов или они останутся против фашистов с автоматами один на один.

Но не было у меня растерянности. Не было ни секунды замешательства или неуверенности. Сразу же после звонка Барсукова связался со своими помощниками для немедленной подготовки указа о введении чрезвычайного положения в Москве. В шесть часов вечера указ был подписан. Он давал дополнительные полномочия силовым структурам для прекращения бунта и кровопролития в городе. Сразу же позвонил Ерину и Грачеву. Беспокоился, что они, хоть теоретически и готовы к такому развитию ситуации, столкнувшись с нею реально, растеряются. Но первые доклады министров были спокойными, паники я не почувствовал.

Ерин в нескольких словах доложил, как шла организованная атака на его людей, как под натиском вооруженной толпы милиция вынуждена была отступить, где-то и разбежаться. Он с плохо скрываемым волнением рассказывал, как сотрудников милиции, которым все время строго говорили: на провокации не реагировать — да они и заступали на дежурство без боевого оружия, — избивали, издевались над ними, срывали с них форму, шинели.

Договорились, что теперь милиция будет действовать решительно, при необходимости пуская в ход боевое оружие. После того, что случилось, — никаких компромиссов, никаких переговоров. Все бандиты должны быть схвачены, все организаторы вооруженного бунта — арестованы. Грачев сообщил, что войска в любую минуту готовы прийти на помощь милиции, что он уже переговорил с рядом командующих, командиров полков и дивизий. В полной боевой готовности соединения готовы войти в Москву, чтобы защитить законную власть.

Опять созвонился с Барсуковым. Попросил его прислать в Барвиху вертолет. На всякий случай. На машине до работы двадцать минут. Но если бандиты перекроют центр, проезды к Кремлю, я не хотел в такой ситуации остаться в буквальном смысле без рычагов управления, без Кремля. Через полчаса раздался гул вертолетов, машины прилетели из Внуково.

Я в тот момент еще не думал, что мне действительно придется лететь на вертолете. Но позвонили Черномырдин, Ерин, Грачев, затем еще раз позвонили мне Барсуков и Коржаков, которые в тот момент уже находились в Кремле. Последняя информация была удручающая: боевики ведут штурм «Останкина». Там идет бой. В любой момент трансляция передач может прерваться.

Посоветовался с Коржаковым, как мне лучше ехать, решили, что на вертолете будет быстрее. К этому часу к Кремлю можно было добраться уже только в длинный объезд, Новый Арбат полностью блокировали защитники Белого дома. Я пошел к вертолету. Жена, дочери провожали меня, как будто я уходил на войну. Впрочем, так и было. Я улетал на гражданскую.

Чтобы нас капитально не грохнули «стингером» или чем-то в этом роде, мы сделали небольшой крюк, и в 19.15 вертолеты приземлились на Ивановской площади в Кремле. Опять доклады, опять переговоры с премьером, силовыми министрами. Грачев сообщает, что дал команду воинским частям идти в Москву.

А в 20 часов я стал свидетелем той же жуткой картины, что и вся страна. Первый канал «Останкина», третий и четвертый прекратили трансляцию. На экранах телевизоров появился взволнованный диктор Российского телевидения Виктор Виноградов, который сообщил, что программа «Вести» ведет трансляцию из резервной студии, вне «Останкина», а там, на улице Королева, идет бой...

Далее рассказываю буквально по минутам, чтобы и сами мы, и будущие историки смогли понять, что же случилось в эти часы в Москве.

Я снова, видимо, уже в третий раз за этот вечер, созвонился с Грачевым. Павел Сергеевич сказал, что в Москву входят войска, они будут направлены на защиту стратегически важных объектов, а также на помощь телецентру «Останкино». Я спросил, через сколько они будут. Он твердо ответил, что в самое ближайшее время они войдут в город.

Я позвонил Ерину, сказал, что его ребятам надо продержаться совсем немного, скоро подойдет подмога. В это время подразделение «Витязь» дивизии Дзержинского вело оборону технического центра «Останкина». Боевики, в арсенале которых были гранатометы, бронетранспортеры, уже захватили первый этаж здания и рвались к аппаратным. Оттуда они собирались сразу же выйти в эфир.

В Белом доме Хасбулатов объявил возбужденным от крови народным депутатам, что «Останкино» уже взято. В ближайшее время, сообщил он, будет взят Кремль. Это известие было встречено аплодисментами, топотом, криками «ура». Маячившая где-то вдалеке иллюзорная мечта стать хозяевами Кремля неожиданно приняла ясные очертания. Им показалось, что еще совсем чуть-чуть — и Москва ляжет к их ногам.

Примерно к этому же моменту в здание ИТАР-ТАСС ворвалась еще одна группа, вооруженная до зубов. Боевики сообщили, что они сторонники нового президента Руцкого, и потребовали по каналам ТАСС сообщить всему миру о смене власти в России. При этом коллегия ИТАР-ТАСС, все его сотрудники, генеральный директор Виталий Игнатенко повели себя достойно, мужественно. Находясь под дулом автоматов, они отказались выполнять требования бандитов.

Я получал эту информацию отовсюду и понял со всей очевидностью, что судьба страны повисла на волоске. Армия еще не вошла в Москву — не хотела или не успела? — а милиция, которую в течение почти двух недель насиловали требованиями не применять оружия, оказалась не в состоянии дать отпор не просто орущим или грозящим гражданам, а настоящим профессиональным убийцам, боевым офицерам, умеющим и любящим воевать.

К этому моменту я внутренне для себя уже понял, что штурма Белого дома не избежать. Еще раз созвонился со всеми, кто может быть задействован в операции, — Ериным, Грачевым, Барсуковым, попросил их подготовить силы к возможному штурму.

Мой помощник по иностранным делам Дмитрий Рюриков сообщил о том, что к нему сейчас поступает информация со всего мира. В считанные минуты правительства большинства цивилизованных государств успели сориентироваться в ситуации и твердо, однозначно выступили в поддержку законной президентской власти в России.

* * *

Еще раз позвонил Грачеву. Он сообщил, что войска уже в Москве, двигаются по Ленинскому проспекту, Ярославскому, другим шоссе Москвы. Что здание Министерства обороны полностью блокировано бронетранспортерами, к «Останкину» сейчас подойдут мощные подразделения армии. Вот-вот телецентр будет полностью освобожден.

Я прошу созвониться с дежурным ГАИ по Москве, чтобы он уточнил, на каком километре от «Останкина» находятся боевые части. Через несколько минут звонит начальник ГАИ России генерал Федоров. Он сообщает, что никаких войск в Москве нет. Все они остановились в районе Московской кольцевой дороги. Хотелось грохнуть кулаком по столу и крикнуть ему: как оста-

новились, они же должны быть рядом с телецентром! Но при чем тут начальник ГАИ?

Периодически я уходил в комнату отдыха. Там был включен телевизор. Российский канал, единственная работающая программа, спасал Москву и Россию. Политики, артисты, бизнесмены, писатели — все, кому в эти минуты была дорога страна, каким-то образом узнавали, откуда идет трансляция второго телеканала, приезжали на студию и призывали россиян встать на защиту демократии, свободы. Я на всю жизнь запомню потрясенную, но при этом твердую, мужественную Лию Ахеджакову. До сих пор ее взволнованное лицо, хрупкий, срывающийся голос не выходят у меня из памяти. Обратился к согражданам Егор Гайдар. Он призвал всех москвичей выйти к зданию Моссовета. Потом его за это упрекали. Зачем, мол, было безоружных, незащищенных людей вести против вооруженных боевиков. Но его призыв сыграл свою роль. Выступил Виктор Черномырдин. Премьер-министр твердо сказал, что демократия, законная власть в стране будут защищены.

Я видел, что примерно часовая информационная растерянность преодолена. Отключение четырех каналов, и к тому же основной — первой программы, ощущалось как катастрофа. Я не знаю, правильно ли поступило руководство «Останкина», принимая такое решение. Одни специалисты говорят, что была опасность захвата прямого эфира, другие — что существующие степени защиты технически не давали возможности нападавшим на «Останкино» выйти в эфир даже при работающих каналах. Дело не в этом. Еще раз повторюсь: отключение государственного телевидения воспринималось огромной частью населения как катастрофа. И я испытал в тот момент нечто вроде нокдауна. Но после того как активно, при этом очень эмоционально (так искусственно сыграть было бы невозможно) заработал российский канал, все резко переменилось. У большинства людей растерянность прошла. Это был очень важный перелом.

Многие из тех, кто появлялся на экране, возмущались, почему молчит Ельцин, напрямую требовали, чтобы сказал свое слово президент.

Но в тот момент мне пришлось решать более существенную задачу. К сожалению, не до выступления было. Я старался вывести из состояния стресса, паралича своих боевых генералов. Я видел, что армия, несмотря на все заверения министра оборо-

ны, по каким-то причинам не в состоянии немедленно включиться в защиту Москвы. А сил Министерства внутренних дел оказалось недостаточно для того, чтобы вести в столице боевые действия с вооруженными до зубов боевиками.

Я созвонился с Брагиным. В «Останкине» по-прежнему шел бой. Еще раз связался с Черномырдиным, Грачевым, Ериным. Грачев сообщил, что в Министерстве обороны начинается заседание коллегии. Я попросил Черномырдина, чтобы он вел это заседание. Сказал, что в ближайшее время прибуду туда и я.

Итак, к полтретьего ночи я имел следующую картину. Бой, который продолжал идти в «Останкине», прямо в здании телецентра. Милиция, от которой требовали не ввязываться в столкновения и которая после первого же нападения ушла, оставив город на растерзание вооруженным бандитам. И армия, численность которой составляет два с половиной миллиона человек, но в которой не нашлось и тысячи бойцов, хотя бы одного полка, чтобы оказаться сейчас в Москве и выступить на защиту города.

Картина была, мягко говоря, безрадостная. Но, как ни странно, именно в эти минуты у меня не было ни малейшего сомнения в том, что и милиция и, в ближайшие часы, армия полностью возьмут контроль над вооруженными группировками, мечущимися по городу. Несколько человек постоянно общались в эти ночные часы со мной. Наверное, пройдет время, и они напишут воспоминания об этих тревожных мгновениях. Они смогут подтвердить: в этот момент я был уверен, что 4 октября — последний день гражданской войны в истории России.

Я вызвал машину, оделся и поехал в Министерство обороны. От Кремля до штаба МО, около Арбата, пять минут. Немного времени, но мне было вполне достаточно, чтобы понять, что же на самом деле случилось у Грачева. Почему войска, которые, по его словам, уже почти два часа как должны были освободить «Останкино», блокировать Белый дом, подготовиться к штурму, на самом деле в Москву так еще и не вступили.

Все — и я, президент, и он, министр обороны, и правительство, и общество наше, — все мы оказались заложниками красивой формулы: армия вне политики. И гордились этим глубоко демократическим лозунгом. А теперь, когда призвали армию защитить общество от фашистов и уголовников, удивляемся: а что это армия так неохотно реагирует?.. Отчего это она так плохо слушается? Ее рвали на части, каждый тянул в свою сто-

рону. Хорошо хотя бы и то, что не нашелся какой-нибудь сумасшедший полковник, который вполне мог бы поднять эскадрилью с бомбардировщиками и полететь на Москву, защищать своего друга боевого генерала Руцкого. Этого, слава богу, не произошло, думал я. И не надо сейчас кричать, требовать чего-то, не надо устраивать истерик. Напротив, надо поддержать их, надо, чтобы они увидели, что президент спокоен, уверен и в себе, и в армии.

...В это время бронетранспортеры, перегородившие проезд к зданию Министерства обороны, отползали от проходов, давая моему ЗИЛу возможность вкатить во дворик. Поднялся наверх. Там уже шло заседание коллегии, во главе стола сидел Виктор Черномырдин. Когда я вошел, все замолчали, посмотрели на меня. Я сел чуть в стороне, попросив продолжить обсуждение.

Кто-то из командующих докладывал, что часть войск сейчас занята на сельхозработах в Подмосковье, после 21 сентября, посоветовавшись с Лужковым, решили их с полей не снимать. Вообще, должен сказать, вид у генералов был сумрачный, виноватый. И они, видимо, чувствовали несуразность ситуации: законная власть висит на волоске, а армия не может защитить ее — кто на картошке находится, кто воевать не хочет...

Стали обсуждать вопрос о взятии Белого дома. Всем ясно было, что этот основной очаг разжигания войны должен быть локализован. Черномырдин спрашивает: «Так какие будут предложения?» В ответ тяжелая, мрачная тишина.

Неожиданно для меня попросил слова начальник охраны Коржаков. Он сказал, что, поскольку в августе 91-го ему и нескольким его сотрудникам пришлось вплотную заниматься обороной Белого дома, естественно, все варианты захвата здания рассматривались. Штурм мог начаться и со стороны подземных коммуникаций, и с крыши и т. д. Он попросил, чтобы дали слово его офицеру из главного управления охраны, у которого есть конкретный план взятия Белого дома.

Черномырдин спросил, нет ли возражений, и после этого Коржаков пригласил в зал заседаний седого военного, который представился капитаном первого ранга Захаровым. Видимо, от такого обилия звезд, генеральских погон он поначалу смутился, голос его слегка срывался. Но потом он заговорил уверенно. Захаров сказал, что предлагает сначала использовать танки, десять машин, которые должны будут подойти к Белому дому с двух сторон: пять расположатся у парка имени Павлика Моро-

зова и еще пять со стороны Новоарбатского моста. Несколько выстрелов по верхним этажам подействуют на боевиков из Белого дома парализующе. Затем должны пойти десантные войска, которые создадут прикрытие для спецподразделений. И, наконец, последним ударом станет работа уже внутри Белого дома спецгрупп «Альфа» и «Вымпел». Каждому этапу он находил объяснения, связанные с особенностями самого здания, возможностями его обороны. Он считал, что такой план взятия Белого дома приведет к наименьшему количеству жертв среди обороняющихся.

Я увидел, как оживились генералы, как приободрился Черномырдин. Когда появился реальный план, стало легче, с ним можно было спорить, не соглашаться, уточнять, но уже была точка отсчета. Пожалуй, именно с этого момента, а часы показывали четвертый час ночи, наступил моральный перелом и у всех участников совещания. Тут же командующий сухопутными войсками и начальник штаба Вооруженных сил связались с командирами дивизий, и через несколько минут доложили коллегии, что в семь утра танки могут быть на месте дислокации.

Черномырдин спросил: «Принципиальных возражений ни у кого нет, план принимается?» Все одобрительно кивнули. Тут слова попросил Грачев. Он, медленно выговаривая слова, обратился ко мне: «Борис Николаевич, вы даете мне санкцию на применение в Москве танков?»

Я посмотрел на него. Молча. Он ответил таким же прямым взглядом, потом отвел глаза. Черномырдин не выдержал, сказал: «Павел Сергеевич, ну вы что, вам поручено командовать операцией, почему президент должен решать, какие именно вам для этого необходимы средства?!» Грачев проговорил что-то вроде того, что, конечно, он самостоятельно примет решение, но ему важно было уточнить...

Я встал, попросил дальнейшие детали обсудить без меня, а Грачеву сказал: «Я вам письменный приказ пришлю». И поехал в Кремль.

Первым делом вызвал Илюшина, попросил подготовить распоряжение о том, что Грачеву поручается командование операцией по освобождению Белого дома от засевших там вооруженных боевиков и формирований. Через несколько минут Илюшин принес готовый документ. Я подписал его, и тут же попросил, чтобы фельдсвязью курьер немедленно доставил распоряжение Грачеву лично в руки.

Да, я давил, давил на них, не давая возможности засомневаться, не позволяя расслабиться, закрасться слабости, неуверенности. Нам и так слишком дорого обошлись несколько часов растерянности. Я действовал жестко, напористо, видимо, в эти минуты многие на меня обижались. Но было не до церемоний.

После возвращения из Министерства обороны, когда механизм управления полностью включился — а в том, что он и дальше будет крутиться, работать, я уже был абсолютно уверен, — я мог теперь обратиться к москвичам, россиянам. Записывал мое выступление на телекамеру наш кремлевский видеооператор Александр Кузнецов, мы не стали никого приглашать с телевидения, там сейчас каждый человек был на счету. Вся запись продолжалась не более десяти минут. Вскоре по каналам агентств сообщили, что обращение президента в ближайшее время будет передано по телевидению. В это время туда неслась машина с нашей охраной, в руках у курьера была видеокассета.

Ну, а как брали здание парламента, все знают. Вряд ли к этому можно что-то добавить. Программа CNN вела репортаж о штурме Белого дома на весь мир, и повторять то, что все отлично помнят, видели своими глазами, не имеет смысла. Были танки, были выстрелы, были автоматные очереди, зеваки, пришедшие смотреть на спектакль, в котором убивают не понарошку, а взаправду. Были убитые, много убитых. И горе было общее, без дележки на наших и ненаших. Все — наши...

Вечером я пригласил в Кремль Черномырдина, Ерина, Грачева, Филатова. Уже в 16.30 было известно, что практически всю верхушку Белого дома удалось арестовать. Как раз в это время Коржаков с охраной на БТР и БМП сопровождал всех их в Лефортовскую тюрьму, принадлежащую Министерству безопасности, а до этого КГБ. Я почему-то в этот момент вспомнил о Баранникове. Представил, с каким ужасом он, который всего два месяца назад был генералом, начальником, в том числе и этого хозяйства, войдет сейчас в камеру... Потом отогнал от себя эту мысль. Он все сделал своими руками и лично сам себе подписал приговор, по которому через несколько минут окажется в Лефортовской тюрьме. Об остальных даже не хотелось и вспоминать.

«Октябрьская революция» 1993 года безуспешно завершилась.

И помянем погибших...

ГЛАВА 10

ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЕ ИТОГИ

В ожидании нового века

Бывшая империя не исчезает просто так. Она готовит нам все новые и новые катаклизмы. Она воспроизводит новых бойцов, фанатов, лидеров в погонах или без них. Империя мстит за свою гибель.

Как же уберечься от этого политического Чернобыля? Я думаю, надо научиться прежде всего честно и объективно анализировать ситуацию. Не впадать в эйфорию, но и не поддаваться депрессии, которая — не скрою — охватила меня после этих трагических событий. Все тогда бросились строить безумные предположения об изощренных провокациях, о спланированном заговоре против Белого дома. Я рассказал, как все было на самом деле. Но хотелось бы разобраться и в причинах происшедшего.

Политика — дело тяжелое, иногда страшное, но все же человеческое. В ней те же законы, что и в жизни. И у политика должна быть брезгливость, чистоплотность, не должен он ради высокой идеи пачкаться в грязи.

Никто не заставлял боевого офицера Руцкого, профессора Хасбулатова, считающих себя политиками глубоко нравственными, пользоваться помощью неонацистов. Именно у стен Белого дома прошли свое боевое крещение русские фашисты, боготворящие Гитлера и его идеи. Именно от Белого дома шли импульсы, толкающие людей на самое страшное — поджигать, убивать, громить. Русский бунт, бессмысленный и беспощадный, здесь провоцировали, готовили, тщательно планировали. И делали это под прикрытием высокого звания «политической оппозиции».

Я думаю, что вот эта чисто этическая причина и есть самая основная. В неразборчивости вкусов моих оппонентов — причина их краха. В их моральной ослепленности. В том состоянии возбуждения, какого-то опьянения событиями, в котором они пребывали все эти дни.

3 октября Руцкой и Хасбулатов обратились к народу с воззванием. Это произошло в тот момент, когда была захвачена мэрия. Они решили, что началось настоящее народное восстание. Они взывали:

«Дорогие друзья! Победа еще не окончательная, против вас могут быть брошены вооруженные формирования под руководством продажных командиров. Их поддержат прислужники и приспешники Ельцина. Будьте бдительны и стойки. Мы обращаемся ко всем коллективам, ко всем гражданам нашей Родины: не выполняйте преступные указы и распоряжения ельцинистов. Объединяйтесь вокруг законно избранных органов власти — Советов народных депутатов.

Мы обращаемся к воинам Российской армии и флота: проявите гражданское мужество, сохраните воинскую честь на верность Конституции, поддержите конкретными действиями народовластие и закон. Россия будет благодарна вам и по достоинству оценит настоящих патриотов».

Вот такие слова. Мне понятно то глубочайшее потрясение, опустошение, которое испытали жители России после октябрьских событий. Жутко, когда танки стреляют в твоей столице. Когда гибнут люди. И хочется первым делом обвинить во всем центральную власть.

Но представьте себе, какие реки крови пролились бы, если задуманное авторами этого обращения свершилось. Если бы армия против армии. Солдаты против солдат. Толпа на толпу. Никакие переговоры с людьми, призывающими народ к братоубийственной войне, — недопустимы. Я напомню, что это обращение принято ими еще до штурма «Останкина».

Какие великие исторические решения должен был принять съезд, сидящий в Белом доме? Быстренько вернуть нашей Родине «былую славу»? Присоединить Крым к России? Объявить Молдавию, Грузию, Украину, Среднюю Азию, Прибалтику зоной исконно русских интересов? И сказать, что всех несогласных ждет встреча с русским оружием?

И это было бы лишь началом. Куда более «смелые и решительные» люди ждали своего часа. Люди, которых обуревает жажда

глобальной войны с западной цивилизацией. А началась бы эта война с войны внутри России, с местными врагами — со всеми, кто думает иначе, кто «прислуживал ельцинистам». Война и террор стояли на нашем пороге, хотя мы этого совсем не ждали.

Держать всю Россию в напряжении — это мы умеем. Недаром к Белому дому со всех концов страны стянулись такие романтичные, возвышенные люди — один из них написал на стене церковной колокольни, откуда стрелял по людям из снайперской винтовки: «Я убил пять человек и очень рад».

* * *

Запомнил взгляд Грачева. Тяжелый взгляд. Ох как нелегко ему далось это решение. Применять боевое оружие в мирное время — для солдат и офицеров тяжелейшее испытание. Мы это поняли еще по августовскому путчу. И тогда никто не хотел никого убивать.

Белый дом был миной с запущенным механизмом, подложенной под Россию. Оставались минуты, секунды. И взрыв был неминуем. Да, стрелять, Павел Сергеевич! Стрелять, чтобы спасти Россию. Спасти мирных людей, спасти миллионы от гражданской войны, в которой нет правых и виноватых, в которой брат идет на брата, сын на отца. Ведь это уже было. Когда позволили. Когда пропустили вооруженную толпу к Зимнему дворцу. Такую же накачанную лозунгами толпу, с боевиками, комиссарами во главе. История повторилась. Но только теперь Россия оказалась умнее.

Я стараюсь сегодня спокойно принимать критику. В душе каждого пишущего и говорящего болит эта незажившая рана. Нормальному человеку очень трудно забыть, трудно отойти от этого кровавого безумия.

Сейчас ругают президента Ельцина так много и так беспощадно, как не ругали до этого при жизни ни одно первое лицо в России.

Но сегодня ругать начальство — у нас уже перестает быть делом жизни. Наконец-то!

В России исчезает страх. Тот страх, затаенность, угрюмость, которые всегда были свойственны русскому обществу. Возникает невиданная ситуация. Власть становится как бы продолжением частной жизни. Жизни граждан. Президент — один из граждан, а не какое-то исключительное существо, сидящее где-то там наверху, грозное и недоступное.

Меняется сама основа, на которой строилась всегда русская история. Наступает конец узурпаторскому периоду.

Ценности частной, семейной жизни и в России выдвигаются на передний план. «Государева служба», конечно, остается сферой приложения сил для очень многих людей, но мы перестаем ей придавать какое-то священное значение. Государству важна не служба граждан, а сами граждане. Меняется и отношение людей к первому лицу в государстве.

Есть ускользающая, иррациональная причина, по которой происходит этот странный парадокс: ругают почем зря, а голосуют почему-то «за».

Вообще как только меня не разбирают. И Водолей я, оттого то-то и то-то. И с людьми я не умею работать. И только в экстремальной ситуации могу существовать. Это критика интеллигентская. А вот примитивная: пьет. После выпитого плохо соображает. Чего ему скажут, то и делает. Ну и так далее.

Причина этого раздражения в одном. На месте Ельцина можно представить любого человека. Снята огромная дистанция между обществом и властью, которая всегда в России была. Стало очевидным, что окончательно ушла в небытие схема, по которой жил русский человек — «мы» и «они». Вот «мы» — нормальные, простые, обычные люди с обычными радостями и горестями. Вот «они» — власть имущие, богатые. Им все можно, у них есть все. Между «нами» и «ими» — стена. Стена власти.

С такой рабской психологией мы жили, жили, жили. И стало вдруг ясно, что нет стены. Там, в Кремле, такие же «мы».

За эти годы произошла в России важная вещь. Люди не хотят какой-то абстрактной власти, сидящей в Кремле. Человек, ставший первым лицом в государстве, должен быть понятным, контролируемым, зависимым от мнения общества. Он должен прислушиваться.

* * *

Очень люблю дарить подарки. Удивительное чувство в Новый год — когда мрачный холод зажигается этой феерией. Тут и елка, и иллюминация, и салюты, все блестит. Только мы, русские, мне кажется, можем ощутить всю прелесть этого новогоднего блеска, по контрасту с жуткими морозами, снежными заносами, пургой.

И это вечное ожидание нового как-то мистически связано с нашей наивной верой в лучшие перемены. Как верили в России в революционеров, в революцию, в светлый рай, который наступит совсем скоро. Все были зачарованы этой «музыкой революции». Как дети на новогоднем празднике.

Насколько я понимаю, это вечное ожидание чуда помогает и российским реформам. Люди не просто терпеливы, но они и верят. Верят в само слово «реформа».

На том же играет и «непримиримая оппозиция»: вот свергнем клику Ельцина, и по мановению волшебной палочки появится Советский Союз с сытой, понятной, привычной жизнью. Потекут молочные реки...

Но куда бы ни повернула русская история — они не потекут. Реформа — это мучительное избавление от родовых травм, болезненное расставание с тяжкой наследственностью. Ничего, кроме боли, сама по себе реформа не несет.

И даже когда кончится самый тяжелый период — рассчитывать надо будет только на себя. На собственные душевные и физические силы.

Само существование в мире огромного российского государства накладывает на нас особый отпечаток. Мы очень зависимы от этого пространства, этой необъятности, до мозга костей включены в нее.

Смешиваются нации. Смешиваются культуры. И все же постоянное сравнение, постоянная оглядка на соседей будет свойственна русскому сознанию — не знаю, сколько еще лет. Этот вечный комплекс замкнутой на саму себя страны подарен нам самой природой, человеческой историей, определившей России именно такое место.

Мы окружены очень разными и очень противоречивыми интересами других стран. Россия всегда держала вокруг себя контролируемое пространство, все время расширяясь. Она напрягала силы, захватывая все больше и больше территорий. Вступив в противоборство уже со всей западной цивилизацией. И в результате надорвалась не материально, но духовно. Такая степень самоизоляции невозможна.

Но и размывать, терять свою могучую энергетику не следует. Вокруг нас сейчас — промежуточное, неустоявшееся пространство СНГ. Никто не хочет быть в зависимости от России. И в то же время никто не хочет Россию потерять. В результате этой двойственности, этого разброда и шатания независимых государств мы никак не можем определить концепцию своей национальной безопасности.

Ответственность за спокойствие вокруг — у нас не только стратегического, но и морального плана, даже семейного. Наши народы — все без исключения народы СССР — это породнен-

ные народы. Тысячи кровных уз. Общая память, общая культура, общие жертвы в войне и от сталинского террора.

Этого нельзя забыть, от этого не уйдешь. Породненность — великая вещь, она обязывает нас смотреть вокруг себя совсем другими глазами.

И вообще, этот «русский комплекс» будет мучить нас до тех пор, пока мы не осознаем свое место в новом мире. Раньше нас мучил вполне объяснимый стыд: Советский Союз потенциально угрожал сообществу цивилизованных стран. Советского Союза нет, Россия никому не угрожает. Но теперь мы вроде как стыдимся того, что такие большие и бестолковые, не знаем, куда себя деть. Нас мучает какое-то ощущение пустоты. На самом же деле у России путь один — быть гарантом мира. То есть тем «большим человеком», который не только обязан не сталкиваться ни с кем на улице, чтобы не нанести вреда, но и смотреть поверх голов, охранять всех идущих рядом.

* * *

Кто будет новым Президентом России — сказать пока трудно. Но ясно, что это будет человек уже другой, послевоенной эпохи по году рождения и скорее всего другой по воспитанию, по биографии. Руководители, которые были начальниками еще в коммунистическую или посткоммунистическую эпоху, уйдут один за другим со сцены.

Надо наконец признать тот факт, что Россия плохо воспринимает демократию не только в силу каких-то глобальных исторических причин, но и по причинам весьма банальным — новое поколение никак не может прорваться к власти.

Социалистическая манера мыслить сказывается на нас всех. Я уж про себя не говорю, со мной все понятно. От партийных комплексов избавляюсь мучительно. Но ведь почти весь средний чиновничий класс в России пришел из партийных да исполкомовских кабинетов.

Интеллигенция, средний класс — чураются власти, чураются политики, чураются активной социальной позиции. Жертвенности, готовности к духовному подвигу, к творчеству — у русских интеллектуалов хоть отбавляй. А желание поработать — с этим похуже. В политику из интеллигенции приходят люди с повышенным коэффициентом тщеславия. Порой с болезненным самомнением.

Российская политика в ожидании новых лидеров, молодых ребят с головой, хорошим образованием, со здравым смыслом.

Новое поколение должно выйти на авансцену как можно быстрее. Руководители из эпохи застоя умели «держать удар», что важно. Но мобильность мышления им совершенно не присуща. Быстрота принятия решений — тоже. Так мы далеко не уедем.

Рано или поздно я уйду из политической жизни. Уйду по регламенту, по Конституции, по закону. Я точно хочу создать прецедент нормального, цивилизованного, спокойного ухода политика.

С властью в России действительно никогда добровольно не расставались. С отречением Николая II связаны две революции. Все коммунистические вожди тоже уходили не по доброй воле. Я пытаюсь постичь этот феномен русской власти. В чем тут дело? Почему так долго держится у нас этот средневековый принцип — только ли из-за косности, недемократичности общества? Дали власть — держи. Ни за что не выпускай. Кто наверху — топчет тех, кто внизу. В Москве лучше, чем в губернии. В губернии лучше, чем в уезде. В городе лучше, чем в деревне. Вот такая вертикальная структура жизни. Единая, неделимая Россия. Все стремятся вверх, к самой вершине. Еще выше, еще. Долез наверх — высота-то какая! Отсюда вниз пути уже нет.

Однако в конце тысячелетия и эта фундаментальная черта будет в нас изменяться. Не сразу. Сила России — в ее культуре, в ее городах, в ее провинциях. И именно там стандарт жизни будет стремительно расти.

А иначе будем жить от переворота до переворота.

* * *

Я ясно отдаю себе отчет в том, что эту книгу ждет другая судьба, чем первую часть моих записок, «Исповедь на заданную тему», вышедшую в 1990 году. С совершенно иным чувством встретит ее читатель. Может быть, более прохладно. Может быть, даже враждебно.

Ведь доминантой первой книги была борьба с коммунистическим режимом. И в ней читатель искал ответ на свои вопросы: чем кончится эта борьба? Можно ли с этим человеком связывать надежды на то, что коммунизм будет побежден? Как скоро это произойдет?

И вот — произошло.

С тех пор, как была написана первая книга, случилось не только это. За короткий срок — всего два-три года — Россия совершила гигантский прыжок в неизвестность.

И теперь читателя интересует ответ совсем на другой вопрос, гораздо более прозаический: когда же нас всех перестанет трясти? Уж очень сильно, очень долго, очень давно трясет. Силы уже на пределе. В связи с этим возникает еще вопрос: а нельзя ли было вообще без этого обойтись? Демонтировать коммунизм каким-нибудь более легким, более мягким способом? Без психологических стрессов, без затянувшейся политической борьбы, без риска? Да и нужно ли было его вообще демонтировать?

Я понимаю происхождение всех этих вопросов. Ценность стабильности, прочности, консерватизма (в хорошем смысле этого слова) в нашей жизни повышается сейчас с каждым днем. Не осталось и следа от эйфории, иллюзий, романтической приподнятости, царивших в обществе в последнюю пору царствования Горбачева.

Тяжело из этого мира розовых надежд возвращаться в мир реальной жизни. Но надо.

Повторяю: я абсолютно трезво отношусь к той жажде устойчивости в политике и экономике, которая охватила общество. И к тому синдрому раздражительности, который вызывает в связи с этим фигура любого примелькавшегося политика, включая первого Президента России.

Такая смена настроения неизбежна. От нее никуда не деться.

Однако хочется верить, что большинство россиян осознает и другое: единственная реальная гарантия покоя — это сам президент. То есть выбрали так выбрали. Если страна потихоньку, хотя и очень медленно, выбирается из кризиса, если обещанный правыми и левыми Страшный суд не наступает — значит можно жить. И жить придется с нынешним президентом аж до следующих выборов.

Так что волей-неволей придется с этим Ельциным все-таки разбираться — что за человек, о чем думает, к чему ведет?

Вот последний вопрос — он особенно интересный. К чему ведет Ельцин?

Я думаю, ответ заинтересует многих.

Ельцин не ставит перед народом глобальной стратегической цели. Не возводит во главу угла какую-то сияющую вершину, до которой нужно дойти. И не пытается перечеркнуть весь пройденный перед этим путь.

Спокойствие России и является главной целью этого неспокойного президента.

СОДЕРЖАНИЕ

Ельцин Борис Николаевич

Записки президента
Размышления, воспоминания, впечатления...

Фото:
Ю. Белинского, В. Бушухина, И. Вайнштейна, Р. Дика, Д. Донского,
В. Егорова, В. Завьялова, И. Зотина, В. Зуфарова, С. Козлова, Э. Котлякова,
В. Кошевого, В. Кузьмина, А. Кузярина, Ю. Лизунова, С. Майстермана,
Н. Малышева, В. Мастюкова, М. Медведева, А. Морковкина, Р. Нетелева,
В. Родионова, А. Семехина, А. Сенцова, В. Соболева, Д. Соколова,
А. Соловьева, В. Титова, В. Христофорова, А. Чумичева, Ю. Феклистова
ИТАР-ТАСС и из семейного архива Ельциных

Редактор Е. В. Романова
Художественный редактор А. К. Сорокин
Художественное оформление А.В. Кубанов
Компьютерная верстка С. В. Шеришорин
Корректор И. П. Голубева

Л.Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 28.07.08.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 23,5. Тираж 3000 экз. Заказ № 5071

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция)
Тел./факс 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

После того
как я был избран
на пост Президента
России, несколько
крупных издательств
обратились ко мне
с просьбой продолжить
воспоминания.
Я всегда считал,
что действующий
политик не должен
заниматься мемуарами,
для этого существуют
другие времена:
пенсия, отставка –
прекрасная пора
для откровений и
запоздалых признаний.
Но в августе 1991 года
случился путч. Это
событие потрясло
страну, да, видимо,
и весь мир. 19 августа
мы были в одной
стране, а 21 августа
оказались совсем
в другой. Три дня стали
водоразделом между
прошлым и будущим...

Борис
ЕЛЬЦИН
ЗАПИСКИ
ПРЕЗИДЕНТА